УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ф 82

Стихи Марины (Мирры) Жукотовской и рассказы Бориса Цаплина использованы с ведома и любезного согласия авторов.

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

Фрай М.
Ф 82 Ключ из желтого металла : [роман] / Макс Фрай. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. - 478 с. - (Серия «ФРАМ»).

ISBN 978-5-367-00882-1

В этой книге читатель с удивлением обнаружит историю, повествующую о том, как молодой человек обнаружил таинственную дверь в подвале своего отца Карла и отправился разыскивать ключ из желтого металла, чтобы ее открыть.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус>6

ISBN 978-5-367-00882-1

© Макс Фрай, 2009
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2009

Петр закрыл за мной ворота.

— Су-дье! — старательно, по слогам произнес он, переиначив иностранное слово на привычный лад, и требовательно уставился на меня в ожидании восхищенной гримасы — дескать, во дает, силен, собака, мать его! Смятения чувств я, прямо скажем, не испытывал, но исполнил свой мимический долг и аккуратно переместил ступню с тормоза на газ.

Здешний охранник не полиглот; сомневаюсь, честно говоря, что он осилил какой-нибудь иностранный язык хотя бы в рамках убогой школьной программы. Но его снедает благородная страсть коллекционера. Петр собирает, записывает и заучивает наизусть формулы прощания на разных языках. Чопорному литовскому «sudie» я сам его научил, блеснул эрудицией, а это было непросто, всякие там «гуд бай», «ауфидарзейн», «адью», «чао», «аста ла виста» и даже «до видженя» Петр узнал задолго до моего появления в этом дачном поселке, обитатели которого пересекают всевозможные государственные границы чаще, чем порог охраняемых Петром врат. Я оказался очень полезным знакомством: старожилов и их гостей любознательный охранник давным-давно

выпотрошил, а в его белом линованном блокноте осталось еще много чистых страниц.

Я вошел в его положение и взялся пополнять коллекцию. Благодаря мне в блокноте Петра появились татарское «сау булыгыз», эстонское «нягемисени», голландское «дуй», латышское «уз рэдзэшанос» и венгерское «висонтлаташа»; за зиму его коллекция украсилась узбекским «хаер саламат булсин», гэльским «дья дыт», грузинским «нахвамдис» и одиозным китайским «хуй цзиень», а я все не мог успокоиться, продолжал расспрашивать знакомых и открывать словари в книжных магазинах — в те редкие дни, когда выбирался в Москву.

Не то чтобы мне так уж нравился охранник Петр, скорее наоборот, у деда благодарность за безупречную службу в органах на лбу написана, а подобные надписи, скажем так, не совсем в моем вкусе. Но у меня страсть пополнять чужие коллекции. Как начал в пять лет таскать отцу все найденные на улице ключи, так до сих пор не могу остановиться.

Однако Петровская эпоха в моей жизни закончилась; вряд ли я когда-нибудь сюда вернусь, разве что в гости к Пашке, любезно одолжившему мне свой белокаменный терем для сложной, но поучительной лабораторной работы на тему «Сведет ли меня с ума зима в Подмосковье?». Результат, на мой взгляд, вышел отрицательный; впрочем, со стороны, говорят, виднее. Ну вот и проверим, встреча с крупнейшими экспертами в этой области состоится не далее чем завтра.

— Са-ё-нара, Филипп Карлович, — пробасил мне вослед страж ворот.

Надо же.

Мне нравится Москва, но это совершенно не мешает люто ее ненавидеть. Она — враг, которому я сдаю одно сражение за другим. Все мегаполисы — пасти многоглавого Кроноса, а Москва — самая ненасытная из них. Она алчно пожирает мое время, а значит — меня самого. По большому счету, у человека нет ничего, кроме времени и способности осознавать его течение; впрочем, у подавляющего большинства способность эта изрядно притуплена, но меня миновала милосердная длань небесного анестезиолога, я постоянно, всем телом ощущаю, как течет через меня время, проливается через край, утекает. К этому я более-менее привык, вернее, научился *отвлекаться,* но в Москве время хлещет из меня, как кровь из рваной раны, так стремительно, что только искренняя ненависть к агрессору помогает мне не удариться в панику.

Первым пунктом программы у меня значится Старомонетный переулок в Замоскворечье, одна из четырех квартир, купленных по случаю во времена моей персональной эпохи больших денег, бурной и непродолжительной. Теперь они обеспечивают мне безбедное и восхитительно бессмысленное существование. Я, кстати, еще в пятом классе, начитавшись романов из отцовской библиотеки, честно написал в сочинении, что, когда вырасту, хочу стать рантье. Это была моя первая двойка по литературе и третий, если не ошибаюсь, грандиозный скандал с участием завуча, даже Карла вызвали в школу; он, впрочем, разочаровал педагогов, горячо одобрив мой выбор, хотя смеяться, конечно, мог бы и поменьше.

И чего, спрашивается, было шум поднимать, вышло-то все по-моему, как всегда, — уж если я чего-нибудь захочу *по-настоящему,* так и будет, даже если

ради этого придется изменить государственный строй на одной шестой части суши; мне бы теперь еще вспомнить, как это — хотеть *по-настоящему*. Давно уже ни хрена не получается, я и пробовать перестал.

Квартира в Старомонетном — самая маленькая и неустроенная, единственная, которую я не сдаю. Считается, что я здесь живу, на самом деле большую часть времени тут просто хранится барахло и пылится мертвая араукария, чья неуспокоенная душа, не сомневаюсь, гремит по ночам призрачными осколками глиняного горшка. Должна же быть в моей жизни хоть какая-то мистика.

Вот и сейчас я просто прибавил к куче хлама еще две сумки, извлеченные из багажника, даже проветривать помещение не стал — некогда, потом когда-нибудь, или никогда, поживем — увидим.

Далее — Белорусский вокзал. Дорожный саквояж в камеру хранения, жетон с номером в карман и бегом наверх, новый владелец моего «фольксвагена» уже ждет, нахохлившись, под часами. Машину он осматривал третьего дня, остался доволен настолько, что почти утратил способность торговаться; всего-то хлопот — отдать ключи и заранее приготовленную генеральную доверенность, забрать деньги — минутное дело. Я всегда стараюсь избавиться от машины, если уезжаю из города больше чем на месяц, а вернувшись, покупаю новую, практически первую попавшуюся, мне лень подолгу выбирать, и, по правде говоря, не имеет значения, на чем ездить, поначалу я в восторге от любого автомобиля, просто потому, что он новый, а через неделю надоест, мне быстро все надоедает, и знал бы кто, как я сам себе надоел за тридцать лет и три года.

Из Замоскворечья пешком до Малой Дмитровки, эспрессо, еще один эспрессо, Пашка наконец явился, отдаю ключи, сославшись на дела, отказываюсь от предложения пообедать. Он классный, мутная рыба с добрейшим сердцем, он, как говорится, *настоящий друг,* точнее, редчайшая разновидность приятеля, готового в случае чего помочь делом, легко, на бегу, искренне полагая всякий свой великодушный поступок сущей ерундой, а единственной адекватной реакцией спасенного — разовую устную благодарность; словом, Пашка настоящее сокровище, но мне не о чем с ним говорить, и не только с ним. По идее, молчание должно было осточертеть мне за эту зиму, но я только начал входить во вкус, поэтому обедать буду один. Или вовсе не буду, жрать мне, кажется, тоже надоело, хотя время от времени хочется, конечно, но сам процесс — изо дня в день одно и то же, жевать, глотать, тьфу.

Теперь книжный магазин и еще один книжный магазин, Карл спохватился в последний момент, длиннющий виш-лист вчера прислал, всех его заказов я, конечно, не исполню, тут, по-хорошему, хотя бы неделя на поиски нужна, но примерно четверть списка мне вполне по силам. Чашка кофе на бегу, потом еще одна — на этой стадии мне требуется не столько кофеин, сколько пауза, чтобы перевести дух, проглядеть купленные книги, покоситься на часы, вздрогнуть, выругаться, вскочить, шаря в карманах, и, не дожидаясь сдачи, убежать. До поезда всего пятьдесят минут, а мне еще предстоит долгая изматывающая поездка на Белорусский вокзал, целых, страшно сказать, две остановки на метро.

Сделал всего ничего, даже пожрать не успел, а шести часов моей жизни как не бывало — обычное дело, в Москве все так живут, вечно ни черта не успевают,

кроме самого необходимого, да и то за. счет сна; здесь, кажется, нет ни одного человека, который может позволить себе спать сколько хочется, даже дети хронически недосыпают. Однажды жители этого города сойдут с ума от усталости, остается надеяться, что все в один день, так им будет проще освоиться, а я сюда — ни ногой, по крайней мере в ближайшие месяцы, а потом будь что будет.

Истекая временем, я рухнул на бархатное, синее с золотом покрывало и вознес привычную дорожную молитву: «Пожалуйста, Господи, никаких соседей, будь человеком, очень Тебя прошу». Окажись я сам на месте Бога, вряд ли потрудился бы исполнять капризы церковно необработанного мизантропа, вспоминающего обо мне только перед отправлением очередного поезда дальнего следования, однако Он, в отличие от меня, не мелочен, молитва, как всегда, подействовала, в мое купе никто не вошел. А когда поезд потихоньку отполз от платформы, края рваной раны стали затягиваться, время мое загустело и замедлило ход, так что при известном воображении вполне можно было представить, что его хватит еще очень, очень надолго, а может быть, даже *навсегда*. Прежде у меня это получалось, а теперь нет, но надо стараться.

Проводница забрала билет, включила телевизор и, не дав мне опомниться, ушла. Бедняжка, надо думать, убеждена, будто включить телевизор — благодеяние такого масштаба, что мнения облагодетельствованного можно не спрашивать, кто же в здравом уме от своего счастья откажется? Считается, вероятно, что каждая минута, проведенная в тишине, — почти непереносимое мучение; возможно, это уже неопровержимо доказали британские ученые и увидели из космоса астронавты. Прежде пассажиры добирались до станции назначения истерзанные молчанием, едва живые от этой муки, а теперь наступил золотой век, еще немного, и конфискация телевизора останется единственным уголовным наказанием; впрочем, ООН быстро приравняет этот варварский метод к пыткам и искоренит повсеместно, можно не сомневаться.

Я бы мог еще долго исходить желчью, но наконец нашел тщательно замаскированную кнопку, выключил визгливую дрянь и, довольный собой, уставился в окно. За окном мелькали подмосковные дачи, по большей части скромные деревянные курятники. Солидные дома, вроде моего бывшего загородного убежища, возле железнодорожного полотна не строят. Москва осталась позади, и черт с ней, я живу здесь только ради немыслимого счастья регулярно ее покидать. Страшно подумать, какой кайф я словлю в тот день, когда наконец уеду из Москвы навсегда, того гляди сердце не выдержит. Оно и сейчас-то едва справляется, отвыкло за зиму от бурных положительных эмоций, поэтому придется посетить вонючий тамбур и испепелить там сигарету-другую, этот процесс чрезвычайно меня успокаивает.

Справедливости ради следует отметить, что в тамбуре, вопреки моим прогнозам, пахло не жженными портянками — обычный аромат практически всех сортов сигарет, какие можно найти в широкой продаже, включая самые пафосные, они, честно говоря, даже хуже прочих, — но медом и черносливом. В смысле, великолепным трубочным табаком, на фоне которого даже я со своей благородной вишневой самокруткой буду тварью смердящей — непривычная позиция. На радостях я даже извинился.

— У меня хороший табак, но не трубочный, так что сейчас испорчу атмосферу, простите.

Обладатель трубки, чье лицо было почти полностью скрыто под длинным замшевым козырьком жокейской кепки с наушниками, сперва снисходительно отмахнулся — дескать, делайте что хотите, но потом вдруг уставился на меня с доброжелательным любопытством ученого орнитолога, обнаружившего редкий экземпляр древесного гриба, — вроде не по его специальности находка, а все равно интересно. И я тут же пожалел, что заговорил, дал ему повод ответить, теперь, вместо того чтобы спокойно покурить, придется поддерживать светскую беседу, кто меня за язык тянул, эх.

— Вам придется многому научиться, — внезапно сказал он. — А то совсем пропадете.

Его реплика меня развеселила, по крайней мере, такое начало совершенно не походило на традиционную болтовню попутчиков о погоде и ценах на спиртное в пунктах отправления и прибытия. Так что я не стал ограничиваться вежливым кивком, ответил почеловечески:

— Учиться я уже пробовал. Три незаконченных высших, скучное оказалось занятие. Но до сих пор вроде не пропал.

— Да я не о высшем образовании. Скорее о разных практических навыках. Очень хорошо, когда человек, *земную жизнь пройдя до половины,* умеет водить автобус, говорить, к примеру, на датском и чешском языках, фотографировать, просыпаться в тот момент, когда сочтет нужным, накладывать грим, взламывать замки и печь пироги... — начал обстоятельно объяснять обладатель трубки и кепки. Но вдруг запнулся

на полуслове и махнул рукой: — Ладно, не обращайте внимания. Сами разберетесь. По ходу дела.

Я собрался было ответить вежливо и снисходительно, дескать, спасибо за доверие, разберусь непременно — но мой попутчик уже отвернулся к окну и окружил себя такой плотной завесой табачного дыма, словно к цирковому фокусу с исчезновением приготовился; исчез он или просто отправился потом на свое место, неведомо, потому что я ушел раньше и больше его не видел — ни в тамбуре, ни в коридоре, ни за приоткрытыми дверями чужих купе, ни даже на платформе в Вильнюсе, хотя это как раз легко объяснимо: он мог преспокойно выйти в Смоленске, Минске или на любой другой промежуточной станции.

Я люблю спать в поездах, но железнодорожное расписание редко согласуется с моим режимом дня. Эти негодяи так и норовят прибыть к месту назначения с утра пораньше и испортить мне все удовольствие. Поезд Москва-Вильнюс не исключение; в этом смысле он даже хуже прочих: заснуть мне удается в лучшем случае около трех, а в половине шестого приходят белорусские пограничники, еще час спустя — литовские. С ними, впрочем, общается мой автопилот. Звезд с неба он не хватает, но показывать документы и приветливо говорить таможенникам волшебную формулу: «Только личные вещи» — обучен. Однако в семь проводница приносит горчайший в мире кофе, доверчивый автопилот пробует его, соблазнившись запахом, и вот тогда-то просыпаюсь я, такой злой и несчастный, что бедняге автопилоту страшно оставаться в одном купе с этим типом.

Обычно он запирает меня в туалете, благо там всегда есть чем заняться — например, бритьем, с которым мой автопилот в одиночку, увы, не справляется, сколько его ни учи.

А ровно в семь сорок пять мы с автопилотом выходим на перрон. Я несу саквояж, а он бежит к банкомату за наличностью, я кормлю монетами кофейный автомат, а он оглядывается в поисках таксистов, я говорю: «Нет уж, пешком», а он раздраженно фыркает: «Тогда справляйся сам, я умываю руки» — и поспешно прячется на одной из окраинных планет моего внутреннего космоса, еще не открытых моими внутренними астрономами. А я иду в город — пешком, с тяжеленным саквояжем в одной руке и теплым картонным стаканчиком в другой, оставляя за собой шлейф кофейного аромата.

С каждым шагом, по мере повышения уровня кофеина в крови, органическая жизнь кажется мне все более приемлемым занятием; минут через десять, выбрасывая пустую картонку в урну на улице Базилиону, я уже согласен считать бытие скорее удовольствием, чем тяжелой работой, и это правильно, потому что только в таком настроении можно входить в Старый город через Врата Зари, под ликующий птичий гвалт, благодатным дождем изливающийся с небес. У самых ворот я всегда замедляю шаг, и тогда поднимается ветер, он бесцеремонно подталкивает меня в спину — дескать, давай, не мешкай, заходи. Я делаю шаг, другой и третий, ступаю под свод, и птичьи вопли превращаются в колокольный звон, выхлопные газы становятся ладаном и миррой, а кофеин в моей крови — качественным опием. Уверен, если бы у меня была с собой тыква, она бы непременно превратилась в карету, но я вечно забываю

пройти мимо центрального рынка и купить экспериментальный образец.

Я вхожу в Старый город — на заре, через Врата Зари, скулы мои пылают, глаза леденеют, а дыхание замирает. Я бесчувственное бревно; по крайней мере, это словосочетание столь часто звучало в мой адрес, что было бы глупо продолжать считать себя чувствительным куском мяса, но Вильна как-то сумела ухватить меня за сердце и с тех пор не отпускает. Рука ее ласкова, но тверда, поэтому лучше не трепыхаться; я, впрочем, даже рад, что так получилось. Приезжать в этот город — праздник, который я могу устраивать себе так часто, как пожелаю, поэтому вряд ли я когда-нибудь переберусь сюда окончательно, знаю ведь, каков будет итог: поселюсь в Старом городе, стану дрыхнуть до полудня и раздражаться от необходимости выходить на запруженную туристами улицу; помаявшись, заведу новую зазнобу где-нибудь в радиусе тысячи километров от дома, а это чертовски глупо, лучше Вильны все равно ничего не придумаешь, поэтому следует оставить все как есть.

Апрель только начался, так что по пустынным верандам виленских кофеен гуляет ветер, а внутри нынче не курят — сами виноваты, потеряли роскошного клиента в моем лице, первая утренняя сигарета уже полчаса нетерпеливо ворочается в портсигаре, не хочу ее мучить. Поэтому «роскошный клиент» покупает очередной картонный стаканчик горькой бурды в первом попавшемся газетном киоске, размещает свое роскошное тело в роскошном пальто на сырой скамейке в чужом дворе и достает из одного кармана портсигар, из второго — зажигалку, а из третьего — телефон. Карл еще наверняка спит, поэтому звоню Ренате: приехал, иду пешком, не волнуйся.

Господь с тобой, Фелечка, отвечает она, зачем бы мне волноваться? До сих пор не пропал без присмотра, а теперь уже захочешь — не пропадешь, большой мальчик, раньше надо было.

Рената кладет трубку, и я снова остаюсь один. Ну и дурень, пропасть — и то не сумел, балбес несчастный. В твои годы все приличные люди уже давным-давно без присмотра пропали, некоторые даже и по два раза, а ты? Стыдно должно быть, говорю я себе, мой внутренний голос старательно копирует интонации Ренаты, которая через полчаса будет кормить меня завтраком, и если есть на свете счастье, то это — оно.

Но да, только через полчаса, никак не раньше. Мой автопилот не напрасно порывался взять такси у вокзала. Карл живет на противоположном краю городского центра, на короткой узкой улице, застроенной почти игрушечными трехэтажными домами. Об ее название — Савицкё — можно оцарапать язык, но достаточно поглядеть по сторонам, и раны затянутся. Савицкё настолько не похожа на все остальные виленские улицы, что свернувший туда случайный прохожий обычно останавливается, словно бы упершись в невидимую стену, и растерянно оглядывается по сторонам: где я? В Вильне, где же еще, хотя улица Савицкё действительно кажется фрагментом захолустного немецкого городка, отстроенного где-нибудь на рубеже прошлого и позапрошлого веков; похоже, реальность в этом месте на миг отвлеклась, забылась, задумалась о чем-то своем и по рассеянности свернулась аккуратным тевтонским крендельком.

Посреди этого пряничного квартала Карл умудрился выкупить целый подъезд, от подвала до мансарды, увенчанной островерхой красной башенкой

с флюгером. То есть сперва он купил квартиру с мансардой наверху, а потом соблазнил соседей снизу ценой вдвое выше тогдашней рыночной. Вовремя успел, нынче виленская недвижимость поднялась в цене, так что тех денег хватило бы в лучшем случае на флюгер. Впрочем, сослагательное наклонение совершенно неприменимо к Карлу, он все всегда делает вовремя, в самый подходящий момент, это не всегда очевидно в процессе, но какое-то время спустя непременно обнаруживается, что он опять угадал.

Меня самого считают феноменально везучим, но я-то знаю, мое хваленое везение — бледная тень Карловой удачи; впрочем, мне хватает, грех жаловаться, тем более что свой главный банк я сорвал еще в раннем детстве — заполучил лучшего в мире отца, единственный в своем роде, эксклюзивный экземпляр.

Наша с Карлом семейная история настолько сентиментальна и мелодраматична, что кажется сценарием мыльной оперы. Иметь такую биографию просто неприлично, один выход — никому никогда не рассказывать. Я, собственно, и не рассказываю, только однажды уборщице тете Саше, с которой мы прятались в подвале, когда горел наш пресненский офис, но тетя Саша — идеальная аудитория для истории о счастливом спасении сироты, ей — можно.

Началось все с того, что у Карла и моей мамы был роман, бурный и непродолжительный; потом она по уши влюбилась в заезжего артиста, а изгнанный из рая Карл уехал на первые в своей жизни гастроли и таким образом сам стал *заезжим артистом* для великого множества других девушек. Еще какое-то время спустя родился я; никаких воспоминаний о той поре у меня не сохранилось, но надо думать, мы с мамой

жили вместе долго и счастливо, целых четыре года, а потом она в очередной раз влюбилась, на этот раз в альпиниста-разрядника, отправила меня на все лето на дачу с детским садом, а сама уехала в горы с новым возлюбленным; надеюсь, они прекрасно провели там время, потому что это были последние дни их жизни — обоих накрыла лавина, обоих нашли спасатели чуть ли не год спустя, когда уже не только спасать, а и хоронить поздновато.

Все это я, впрочем, знаю только с чужих слов, зато смутно помню, что меня, поскольку близких родственников не обнаружилось, отправили в детский дом и мне там очень не понравилось. Вроде бы никто меня особо не обижал, но там не было мамы, моих игрушек и детсадовских друзей, зато были какие-то чужие противные дети и еще более противные чужие взрослые; кажется, я постоянно мерз, целыми днями от всех прятался и думал: пусть меня отсюда куда-нибудь заберут. А потом появился Карл.

Нашу встречу я помню очень хорошо; собственно, это мое первое настоящее, связное и яркое, впечатление детства. В этот день нам на завтрак выдали по конфете «батончик», я совершенно ошалел от свалившегося на меня богатства и никак не мог решиться съесть свою конфету, обстановка казалась мне неподобающей для столь грандиозного события, поэтому я спрятал «батончик» за пазуху и бродил по двору, придерживая свое сокровище рукой, чтобы не исчезло. А потом меня позвали в дом и куда-то повели — сперва наверх, потом снова вниз; я смутно тревожился за конфету, но виду не подавал. Наконец я попал в комнату, которая показалась мне огромной, и там увидел Карла. В первый момент я решил, что он тоже ребенок, просто очень большого роста; по

большому счету, я не так уж ошибся, в детстве, когда еще не знаешь толком, *как все устроено,* проще видеть вещи такими, каковы они есть. Карл не был похож на взрослых, которые меня окружали, а что размеры человеческого тела свидетельствуют о достижении определенного возраста, я, разумеется, еще не знал. То есть уже начал догадываться, но считал это суммой собственных наблюдений, а не жестким правилом. Словом, я подумал, что Карл — очень крупный ребенок, вероятно, новенький, с которым нужно познакомиться, и обрадовался, у этого большого мальчика на лбу было написано: «Со мной легко подружиться», — а мне в те дни очень не хватало друга.

На завтраке «новенького» еще не было, а то я бы непременно его заметил. Это означало, что ему не досталось конфеты. Надо же, как не повезло! Сочувствие придало мне решимости, я достал из-за пазухи свой «батончик», протянул его Карлу и сказал: «На, бери, не бойся, мы с тобой будем дружить». «Еще как будем, — согласился Карл. Развернул конфету, откусил краешек, остальное отдал мне и твердо сказал: — Пополам, так по-честному». Я кивнул и поспешно сунул свою долю за щеку.

Понятия не имею, как он договаривался и оформлял документы, известно же, что сироту легче убить, чем усыновить. Конечно, Карл уже в ту пору был чем-то вроде знаменитости, но органист — не киноактер, от его улыбки не открываются запертые двери и волшебные лиловые печати не появляются на казенных бумагах. Сам он говорит, дескать, ерунда, ничего особенного, знакомые помогли. Карл вообще не любитель вдаваться в подробности, это вгоняет его в тоску, так что я не настаиваю. Так или иначе, но в детском доме я оставался недолго. То есть мне

до сих пор кажется, что Карл забрал меня в тот же день — вот я жую конфету, а вот мы уже в поезде, который перевернул все мои прежние представления о реальности, и Карл уговаривает меня хотя бы на минутку отлипнуть от окна и съесть мороженое, пока не растаяло. Но сам он утверждает, что в поезд мы сели только через две недели; впрочем, какая разница, главное, что сели и поехали, неудивительно, что я до сих пор так люблю поезда, сутками готов трястись в душном вагоне, вместо того чтобы спокойно долететь до места за пару часов, самому смешно.

От проспекта Гедиминаса сворачиваю вниз, к реке. Один короткий квартал, потом налево, и вот она, башенка с флюгером, в самом центре короткой шеренги нарядных строений. Кухонное окно на первом этаже распахнуто настежь, и Ренатин яблочный пирог благоухает на всю улицу, так что нарциссы в палисадниках вянут, не в силах вынести такое соперничество.

Сама Рената ждет меня в дверях — алый джемпер, широченная юбка до пят, красные домашние туфли без задников, цыганские серьги, белоснежные волосы собраны на затылке в греческий узел. Когда Рената стала моей няней, ей уже было за сорок, но она казалась мне самой красивой женщиной в мире. Собственно, именно по этой причине она и стала моей няней. Я сам с ней познакомился на улице: увидел, побежал, вцепился в подол и стоял насмерть, твердо зная, что отпускать ее, такую прекрасную, нельзя. Пока Карл с присущей ему деликатностью пытался меня отцепить, они успели познакомиться и разговориться. Выяснилось, что Рената неделю назад бросила работу, мужа, деревянный дом в Жверинасе* — словом, все, что у нее было, и приехала в Москву со смутным намерением начать какую-нибудь «новую жизнь», остановилась пока у двоюродной сестры, но это, понятно, не может продолжаться вечно. Карл встрепенулся, почуяв удачу, и тут же объявил, что ребенку срочно требуется няня, совершенно верно, с проживанием, будет вам отдельная комната, да вообще все что угодно, вы же видите, он все равно вас не отпустит. И ей пришлось согласиться — это действительно было проще, чем оторвать меня от юбки.

С тех пор Рената почти не изменилась, да и я, по правде сказать, остался при своем мнении — она неописуемо прекрасна, даже удивительно, как Небесная Канцелярия допустила, чтобы столь совершенное существо вот так запросто бродило среди нас.

— Фелечка, — басом говорит совершенное существо, — ты когда в последний раз ел? Только не ври, что на этой неделе.

— Вчера вечером, в поезде, какую-то бледную курицу, святая правда, жрал как миленький, потом еще по тарелке хлебом мазал...

— Ладно, — вздыхает она, — поставим вопрос иначе. Когда ты ел в предпоследний раз?

А действительно, когда? Нет ответа.

— Одни скулы остались и нос, с ним-то все в порядке, кажется, даже еще вырос, — влюбленно ворчит Рената, укладывая на тарелку омлет размером с Кафедральную площадь. — С чего это ты на всю зиму в Москве засел, даже на Рождество не приехал? Медом тебе там намазано?

*** *Жверинас* — район Вильнюса, до сих пор застроенный по большей части двухэтажными домами, окруженными палисадниками.**

— Намазано, — мрачно киваю я. — Не медом, какой-то другой дрянью, но намазано, факт. Смурной я в последнее время, а там это всем по барабану, в смысле, никому не мешает, вот я и...

— Очень разумно, — кивает Рената. — А еще разумнее было бы сразу повеситься. Чего тянуть?

— Просто я не ищу легких путей, — огрызаюсь.

На самом деле я, конечно, ломаю комедию, меня уже *отпустило,* в этом доме меня всегда *отпускает,* прожив здесь несколько дней, я, чего доброго, снова начну врать себе, будто в человеческой жизни есть какой-то высший смысл, заранее содрогаюсь.

— Заметно, что не ищешь, — вздыхает Рената.

В отличие от Карла, которому нравится решительно все, что я делаю, Рената, я знаю, немного обижается, что я не живу вместе с ними. Пока я учился и работал, все было в порядке, в смысле, объяснимо: ребенка нет дома, потому что он занят делом, чего ж тут непонятного. Но с тех пор как я осуществил мечту своего детства и стал умеренно богатым бездельником, ситуация изменилась. У меня больше нет дел, препятствующих воссоединению с семьей, значит, заключает Рената, все дело в отсутствии желания. И это ей, конечно, неприятно. Я бы с радостью ее разубедил, да не умею, сколько раз уже пытался; впрочем, я всегда очень стараюсь и сейчас еще раз попробую.

— Ты понимаешь, какое дело, — говорю. С набитым, между прочим, ртом, потому что никакой экзистенциальный ужас не в силах оторвать меня от Ренатиного омлета.

— Не понимаю. Сперва прожуй, — сердито отвечает она и тут же ласково улыбается, гладит меня по голове — дескать, молодец, продолжай в том же духе, лопай, пока дают.

У Ренаты легкий характер, она не способна сердиться дольше нескольких секунд кряду. Я в детстве думал, все взрослые так устроены, и когда пошел в школу, ужасно удивился, обнаружив, что другие люди не столь отходчивы. Никак не мог взять в толк, зачем растягивать ссору надолго. Ну, рассердился один человек на другого, бывает, высказал недовольство и забыл — казалось бы, чего проще. Впрочем, я до сих пор так и не понял, зачем люди подолгу сердятся друг на друга. Жизнь и так непростительно коротка, ничего толком успеть невозможно, времени так мало, что, можно сказать, вовсе нет, даже если не тратить его на всякие глупости вроде ссор.

— Так что ты хотел сказать? — спрашивает Рената, разжигая огонь под чайником.

— Я хотел сказать, что ошибся, когда обеспечил себе возможность бездельничать. Осуществил золотую мечту человечества, думал, буду теперь вовсю наслаждаться жизнью. А вместо этого тупо сижу на заднице и размышляю о тщете всего сущего. Оказывается, если человека лишить необходимости восемнадцать часов в сутки бороться за выживание, он тут же начинает думать, зараза такая. По большей части о смысле жизни, а такие размышления добром не заканчиваются. Не успеешь опомниться, а уже стоишь на краю мира, голенький, беззащитный и до отвращения невежественный, не понимая, что делать со всей этой сомнительной роскошью. Впрочем, может быть, это я один такой дурак, а все остальное человечество прекрасно справляется с сытостью и досугом, не знаю. Факт, что мне тошно, и чем дальше, тем хуже. Помнишь, какой я был угрюмый прошлым летом?

Рената сочувственно кивает, и я, выдержав эффектную паузу, говорю:

— Так вот, тогда я был веселый и жизнерадостный, если сравнивать с замороченным мрачным хмырем, которого ты сейчас зачем-то кормишь. Не хотел у вас в таком виде появляться, принц датский в доме хуже шкодливого кота, все углы своим смятенным духом провоняет, проветривай потом... Я бы и сейчас не приехал, если бы Карл не сказал, что дело есть. Дело — это святое. Особенно чужое, особенно, когда своих уже давно нет.

— Очень хорошо тебя понимаю, — серьезно говорит Рената. — Сама так же маялась в твои годы. Впрочем, нет, вру, я постарше была, когда меня скрутило. Потому и уехала из дома. Так-то, на сторонний взгляд, жизнь у меня была хорошая, что называется, «как у людей». Все у меня было, только смысла в этом не было и не предвиделось. Совсем до ручки дошла, вот и устроила себе житейскую катастрофу, чтобы не удавиться в чулане. А потом занялась чужими делами — вашими с Карлом. И все как-то само собой наладилось.

— И жизнь обрела смысл? — спрашиваю недоверчиво.

— Да нет, конечно, — смеется. - С чего бы? Но мне больше не хочется удавиться в чулане. Только это и важно.

— Пожалуй, — растерянно соглашаюсь я. Хотя, на мой взгляд, просто не хотеть удавиться в чулане — это слишком мало, несерьезный жизненный итог, тем более для такого совершенного существа, как Рената. Вот мне, к примеру, удавиться вовсе не хочется, а толку-то? Впрочем, возможно, у меня еще все впереди. Оптимистический, черт побери, прогноз.

— Мне снова нравится сам процесс, — говорит Рената. — Чем дольше живу, тем больше нравится, хочешь, верь, хочешь — нет. Хорошей погоды совершенно достаточно для счастья, а в плохую можно, к примеру, испечь яблочный пирог. — Для пущей убедительности Рената вынимает пирог из духовки и принимается его резать. — И никакого дополнительного смысла не требуется, — заключает она. — Как в детстве.

Вот этого я как раз не понимаю совершенно. Хотя помню, конечно, как здорово было в детстве. Процесс бытия казался столь увлекательным, что никакого дополнительного смысла действительно не требовалось, тут не поспоришь.

— Значит, ты у нас мудрая, а я нет, — говорю, принимая из ее рук блюдо с пирогом.

— Ты мальчик, — вздыхает Рената. — У тебя, считай, никаких шансов. Я мудрых мальчиков вообще никогда не встречала, кроме Карла, конечно. Но он не в счет.

— Ну да, — смеюсь, — как-никак сын Снежной королевы.

— Почему это?

— Неужели он тебе не рассказывал? Бабушка Анна была судовым врачом, вечно по полгода в рейсе, а Карла оставляла с Фридой, ты же помнишь Фриду?

— Помню, конечно. Но Снежная королева тут при чем?

— Карл вечно спрашивал, почему мама уезжает, не живет дома, как все остальные нормальные мамы. А Фрида, всегда ценившая вымысел превыше скучной правды, рассказала ему по большому секрету, что мама — Снежная королева. Дескать, после того как Кай сбежал, она решила, что, чем чужих детишек воровать, лучше завести собственного ребенка, и то-

гда родился Карл. Маме здесь очень жарко, но она так любит сына, что иногда все-таки приезжает и терпит жару. А забрать его к себе, понятно, не может, замерзнет он там, потому что родился не пингвином, не моржом, не белым медвежонком, а нормальным человеческим мальчиком, кто же знал, что так получится. Карл, понятно, поверил, а кто бы в пять лет не поверил? Тем более ты же помнишь, какая у нас бабушка Анна была блондинка?

— Да уж, по сравнению с ней даже я — брюнетка, — смеется Рената. — И почти мулатка.

— Ну вот. Он лет до десяти верил, пока мама не застряла на берегу на целый год. Очень за нее переживал, особенно когда лето настало: как же она тут в такую жару? А потом в его душу постепенно начали закрадываться сомнения. Но, говорит, так и не решился спросить, не хотел подвести Фриду, вдруг она страшную тайну выдала? Поэтому вопрос, можно сказать, остался открытым. Я вот тоже думаю, мало ли? Такая наследственность многое объяснила бы.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Рената, на всякий случай приготовившись защищать Карла.

— Ну как — что? Отмороженный он у нас... Положи полотенце на место! В лучшем смысле этого слова. Сто лет со мной знакома, могла бы вспомнить, что это в моих... Ната, положи полотенце! ...устах... Ай, не трогай меня! ...комплимент. Знаешь такое русское слово — «ком-пли-мент»? Перевести?

Она все-таки шлепнула меня пару раз полотенцем, а я голосом Санта-Клауса из «Футурамы» констатировал: «Обижает сироту».

— Не такой уж ты и мрачный хмырь, — удовлетворенно заметила Рената. — Если лупить тебя почаще.

И тут зазвонил телефон. Мое буржуйское семейство оставило за собой оба телефонных номера, завоеванных в ходе вытеснения коренного населения с территории дома, и теперь общается, не утруждая себя ни криками, ни тем более беготней с одного этажа на другой.

— Конечно приехал, — сказала в трубку Рената, — куда он денется?.. Ну а как ты думаешь, что еще может так пахнуть? Я-то дам, а донесет ли — это еще вопрос.

Положила трубку, подмигнула мне.

— Вот так, только собралась как следует тебя отлупить, а Карл тут как тут. Проснулся, кофе, говорит, сварил, требует тебя и пирог. Отнесешь?

— На третий?

— Куда ж еще.

Они прекрасно поделили квартиру: Ренате достался весь первый этаж — с кухней, прачечной, несметным числом кладовых и чуланов, маленьким палисадником под кухонными окнами и видом на добрую дюжину вишневых деревьев из спальни. А Карл поселился наверху, у него там узкая солдатская кровать, комнатный орган, построенный его очередным гениальным приятелем по чертежам позитива восемнадцатого века, и толстенный слой звуконепроницаемых покрытий, который сообщает апартаментам гения неповторимый шарм палаты для буйнопомешанных. Второй этаж остается нейтральной территорией: в большой проходной комнате они изредка смотрят кино, играют в шеш-беш и принимают гостей, а в маленькой спальне с окном во всю стену живу я, когда приезжаю, — в среднем выходит неделя в месяц, а то и больше; вернее, так было до тех пор, пока я не

заперся на полгода в Пашкином загородном доме, как последний малахольный идиот.

И какого черта? — думаю я, поднимаясь по лестнице с блюдом, источающим неземной аромат Ренатиного пирога. Ни у кого на свете нет дома, где так хорошо, а я, дубина, не пользуюсь.

— Эту девочку зовут Филомена Моретти. И она знает о счастье гораздо больше, чем весь остальной род человеческий, — говорит Карл, принимая из моих рук блюдо с пирогом и указывая подбородком на телевизионный экран, где симпатичная брюнетка извлекает из гитары какие-то неимоверно сложные комбинации звуков, кажется одно из каприччо Паганини; впрочем, нет, не кажется, оно и есть. Номер двадцать четыре.

— Посмотри на ее лицо. Руки — ладно, есть и другие гитаристы с хорошей техникой. Но лицо! Ты когда-нибудь видел у людей такое выражение?

Карл, конечно, всегда готов сделать из мухи слона, ему только повод дай. Но, справедливости ради, следует признать, слоны удаются ему на славу, так что об исходных мухах и вспоминать не хочется. И лицо у гитаристки правда хорошее. Лично я душу продал бы за возможность ощутить переполняющую ее сдержанную, но упоительную — видно же! — радость. Однако покупатели под дверью что-то пока не толпятся.

— Хорошая, — соглашаюсь. — И ей хорошо. Как же ей хорошо!

— Ага, даже тебя проняло, — радуется Карл. — Ну и хватит пока.

Нажимает на пульт, прекрасная Филомена замирает на экране, и в комнате воцаряется полная тишина.

— Можешь открыть окно, — говорит Карл. — И садись к столу, я наливаю кофе.

Его стол — это отдельная песня. На самом деле это пианино, то есть, если быть совсем точным, пианино-стол, в начале девятнадцатого века такие многофункциональные штуки были в моде. Карл увидел одно из них, работы Леопольда Зауэра, в каком-то музее и захотел такое же, несколько лет за ним гонялся, наконец нашел, потратил целое состояние, потом еще одно состояние — на реставрацию. Приволок вожделенное сокровище в дом и с тех пор использует как стол, письменный и обеденный одновременно, страшный бардак развел, между прочим, еще и газовую горелку в центре установил, чтобы кофе варить по утрам, не спускаясь в кухню. Такие горелки с баллончиками туристы обычно в походы берут, а Карл, кажется, дорожит ею больше, чем антикварным инструментом, говорит, горелка кардинально изменила его представления о жизни в целом и комфорте в частности.

Распахнув окно, я по пояс высовываюсь наружу и по-хозяйски озираю окрестности. Там истошно орут свихнувшиеся от весеннего солнца птицы и дети, где-то вдалеке звонко лает пес, зато автомобили помалкивают, улица короткая, тупиковая, нечего им здесь делать.

— Отвратительно выглядишь, — приветливо говорит Карл. — Ты что, бухал всю зиму?

— Ага. Страшно вспомнить. Три бутылки рома за шесть месяцев выдул — веришь, нет? С чаем, от простуды, которой заканчивалась каждая вылазка в Москву. К счастью, я туда редко ездил, а то, пожалуй,

действительно спился бы, не травиться же аспирином... Тебе меня уже жалко?

— Нет повести печальнее. А такие роскошные мешки под глазами откуда?

— Как — откуда? Их на границе выдают. Всем, кто заснул под утро. А я, сам понимаешь, в первых рядах, все мешки мои.

— Да, ты шустрый, — рассеянно улыбается Карл. — Может, отпустить тебя досыпать?

— Ага, после твоего кофе. Ты лучше рассказывай, какое дело? Последний раз, когда ты говорил, что есть дело, речь шла об уборке моей комнаты; с тех пор, если не ошибаюсь, прошло лет двадцать... нет, вру, восемнадцать. Я уже извелся от любопытства. Хотя, конечно, есть версия, что это просто хитроумный способ выманить меня из норы. И правильно. Я уж сам не рад, что туда залез.

— Одно другому не мешает. Дело действительно есть. И выманить из норы тебя уже давно следовало. Чем ты там, кстати, занимался?

— Топил камин.

— Опять? — хмурится Карл. — Ну ты даешь. И хорошо горело?

— Превосходно, — вздыхаю. — Лучше просто не бывает.

«Топил камин» — сторонний наблюдатель решил бы, что это метафора, способ признаться: «Ни хрена я не делал, скучал, на стенку лез». Но Карл знает, о чем речь. Я всю зиму писал очередную книгу, закончил ее в марте и почти сразу уничтожил. Не потому что был недоволен написанным; напротив, мне кажется, я отлично справился. Я люблю и умею рассказывать истории, я в ладу с языком, хотя университетские преподаватели очень старались нас рассорить; впрочем, я быстро сбежал. Словом, я пишу неплохие книги, даже первый роман был ничего, а с тех пор я написал еще пять и многому научился, набил, так сказать, руку. Я уничтожаю написанное вовсе не потому, что недоволен собой, — вполне доволен. Но просто написать качественный текст — слишком мало. И без меня куча народу так делает, число писателей скоро сравняется с числом читателей, слов, размноженных типографским способом, становится все больше, а ведь некоторые еще в интернет свою писанину выкладывают, страшно вообразить.

Прежде чем начать суетиться с публикацией своей книги, я должен убедиться, что она нужна. Не мне и не читателям, которые, я не сомневаюсь, найдутся, дурное дело нехитрое, вон даже у сетевых графоманов есть свои поклонники, а — *вообще*. Настолько нужна, что реальность придет в движение, дивным образом переменится и примет экстренные меры, чтобы сохранить это бесценное сокровище. Иными словами, я всякий раз даю своим книгам шанс проявить волю к жизни, но ни одна из них его не использовала. Мои книги хороши, но, по большому счету, нежизнеспособны, а малый меня не интересует.

Дописав книгу, я распечатываю ее на принтере, а потом неторопливо, со вкусом сжигаю распечатку в камине, если он есть под рукой. Если нет, можно развести костер во дворе; собственно, три раза я именно так и поступал. Это не красивый жест «непризнанного гения», возжелавшего наказать жестокий мир, а просто первое предупреждение. Книга должна понять, *что* ее ожидает, и начать бороться за свою жизнь. Повернуть колесо судьбы таким образом, чтобы я не смог или не захотел приступить к следующему пункту программы.

Но они никогда не защищаются. Ничего не происходит — а ведь я не жду чудесных знамений, я готов обойтись без огненных словес в небесах и волхвов, рыдающих под дверью. Я бы вполне удовлетворился, скажем, телефонным звонком бывшего приятеля, который за годы разлуки стал директором издательского дома и теперь в поисках свежего материала обзванивает знакомых: «Старик, ты случайно не собираешься написать книгу, а то сейчас все пишут, вот я и подумал, вдруг ты тоже...» Впрочем, и это не обязательно, мне бы хватило автомобильной аварии — оказавшись в больнице с сотрясением мозга или переломом какой-нибудь полезной конечности, я бы понял, что книга оказалась достойным противником и сделала упреждающий ход, попыталась уничтожить меня, спасая свою шкуру. Не то чтобы я большой любитель больниц и переломов, но, случись со мной такая беда, я бы преисполнился уважения к своему созданию, а это дорогого стоит.

Но ничего подобного ни разу не произошло. И вообще ничего. Напротив, после того как я сжигаю распечатку, моя жизнь становится на диво спокойной и размеренной, как эпизод из кинофильма «Татарская пустыня»*, признанный чрезмерно скучным даже на фоне прочих и безжалостно вырезанный при монтаже. Поэтому несколько дней спустя я сохраняю файл на каком-нибудь компактном носителе и удаляю его из компьютера. И из корзины тут же удаляю, ясное дело, настолько-то моей пользовательской грамотности хватает. Выждав еще несколько дней, я кладу в карман этот самый компактный носитель, сажусь за руль и еду куда-нибудь за город. В этот момент книге очень легко за себя постоять. Даже аварий не требуется, достаточно ниспослать мне сурового и неподкупного гаишника, или забавного попутчика, который расскажет поучительную историю, или взбалмошную попутчицу, которая втянет меня в какое-нибудь идиотское романтическое приключение. В конце концов, можно просто перекрыть трассу по прихоти очередного правительственного кортежа, я не безнадежно туп, я умею внимательно слушать реальность, когда она разговаривает со мной. Но реальность молчит, и я благополучно добираюсь до какого-нибудь живописного водоема, на дне которого находит последний приют горемычная дискета с файлом, а я возвращаюсь домой. Выждав еще несколько дней, я вызываю мастера и требую заменить жесткий диск моего компьютера. Да-да, в превосходном состоянии, спасибо, я в курсе, а теперь замените его, пожалуйста. Я не умею восстанавливать уничтоженные файлы, но знаю, что это, теоретически, возможно, поэтому иду на жертвы — мало того что деньги трачу, еще и выгляжу как идиот; впрочем, я и есть идиот, чего уж там.

После церемонии погребения жесткого диска в ближайшем канализационном люке я говорю покойной книжке: «Ну и дура» — и с легким сердцем берусь за новую. Сразу или какое-то время спустя — как получится.

Карл знает, чем я занимаюсь на досуге и как поступаю с горемычными рукописями. Я изложил ему свою теорию после того, как уничтожил первый роман. Тогда я вовсе не был уверен, что поступаю пра-

*** *«Татарская пустыня»* (в русском прокате «Пустыня Тартари», 1976) — фильм режиссера Валерио Дзурлини по одноименному роману Дино Буццати. И книга, и фильм наполнены ожиданием грядущей великой битвы при почти полном отсутствии действия как такового.**

вильно, а в таких ситуациях лучшее средство — спор с достойным собеседником; оппонента, как правило, убедить не удается, зато самого себя — вполне, а мне того и требовалось. Карлу можно рассказать о чем угодно, он всегда готов с интересом слушать и спорить, но, чем бы ни закончился разговор, он никогда не мешает мне поступать по-своему.

А сейчас он говорит:

— Все-таки очень жаль, что ты ни разу не дал мне почитать. Думаешь, не понравится, заклюю? Зря. Когда это я тебя клевал?

— Не думаю. Скорее, боюсь, что тебе понравится. И ты меня отговоришь.

— Погоди, — хмурится Карл. — Но разве ты не этого все время ждешь? В смысле, что тебе наконец кто-то или что-то помешает.

— Ннну... да, — растерянно соглашаюсь я.

Я хочу сказать, что будет нечестно, если этим самым человеком окажется Карл. Получить помощь от него слишком просто. Ему нравится все, что я делаю, он всегда на моей стороне и всегда готов помочь. Быть сыном Карла — все равно что иметь полезные знакомства в Небесной Канцелярии. Но пользоваться этим преимуществом, решая по-настоящему важные вопросы, как-то... ну, нехорошо. У нас в классе училась дочка завуча, славная, кстати, была девчонка, но звезд с неба не хватала. Естественно, на всех экзаменах ей доставался единственный билет, на вопросы которого бедняжка могла хоть что-то ответить. Все это видели, все понимали, почему так, зла на нее не держали и даже не шибко завидовали: быть дочкой Ларисы Владимировны — то еще счастье. Но выглядело это, прямо скажем, некрасиво. Я так не хочу.

Но вместо того чтобы все это сказать, я молчу как рыба. Потому что в глубине души сам страшно жалею, что не стал показывать свои книга Карлу. Все думал — вот если бы он сам попросил. А он тактично помалкивал. Мы, конечно, друг друга стоим, чего уж там.

— Помнишь анекдот про человека, который ежедневно молил Господа ниспослать ему выигрыш в лотерее? — спрашивает Карл.

— Ага. В конце концов отверзлись небеса, и Бог сказал ему: «Поц, купи билет!» Понимаю, почему ты спросил. Но знаешь что? На месте Бога я бы дал ему этот совет в первый же день. Чего тянуть?.. И только не говори, будто Богу в голову не пришло, что мужик такой болван. Он всеведущ. Должен понимать.

— А знаешь, ты прав. Я никогда не смотрел на проблему с такой точки зрения, — неожиданно согласился Карл. — Тем более что правило «лучше поздно, чем никогда» работает только в тех случаях, когда не слишком поздно.

— То-то и оно. Рассказывай лучше про свое дело. В смысле, про мое. Интересно же.

— Ключ, — сказал Карл. — Только не падай, кажется, нашелся ключ от двери в подвале.

— Нашелся? — недоверчиво переспросил я. — Ну ничего себе. Так не бывает.

— Не бывает. Но я почти уверен, что это он.

У Карла особые отношения с ключами. В смысле, он их коллекционирует с детства. Первый свой ключ он нашел, когда еще в школу не ходил. Обычный ключ от чужой квартиры, каких много, из тусклого желтого металла. Карл, начитавшийся сказок, решил,

что ключ сделан из чистого золота, и приволок его домой; Фрида, непутевая институтская подружка его матери и лучшая в мире няня, с которой он тогда жил, не стала разочаровывать ребенка, предложила хранить ключ в специальной шкатулке — дескать, именно так и следует поступать с сокровищами. Постепенно в шкатулке появились и другие ключи, Карл то и дело их находил и волок домой, все подряд, невзирая на цвет металла, благо знал из книжек, что кроме желтого золота есть еще белое серебро и загадочная платина, которая вообще не пойми какого цвета, зато ценная чрезвычайно. Шкатулка быстро заполнилась трофеями, но тут Фрида купила на барахолке ветхий кованый сундучок — ясное дело, божилась, что пиратский, — и Карл принялся собирать ключи с удвоенным рвением. К моменту поступления в консерваторию он был счастливым обладателем трех с лишним тысяч ключей и почти утратил интерес к детскому увлечению, но однажды полез с приятелями исследовать пустой, предназначенный на снос дом и нашел там удивительную штуковину, отдаленно напоминающую ключ — стержень с бороздками на обоих концах. Заинтересовался, пошел в библиотеку, перерыл кучу книг, выяснил, что ему в руки попал двойной ключ-паспарту, изготовленный самое позднее в начале девятнадцатого века. Информации о ключах-курьезах, которой, по ходу дела, переполнилась его голова, хватило, чтобы снова разжечь угасший интерес. Так Карл стал настоящим коллекционером — не собирателем мусора, но охотником за сокровищами, Фрида как в воду глядела.

Сокровищ он собрал немало. Я ни черта в этом не понимаю, но время от времени делаю посильные

вклады в его коллекцию — по большей части, подозреваю, фуфло, но пару раз мне везло. В частности, редчайший ключ-пистолет, который Карл датировал пятидесятыми годами позапрошлого века, — моя находка, результат первой и последней вылазки на парижский блошиный рынок. Голова у меня там разболелась страшно, как всегда случается в людных местах, но ключик цапнуть я успел. Еще бы отыскать мастера, способного привести его в рабочее состояние, но, боюсь, таких уж не осталось, хотя Карл не теряет надежды.

С годами Карл, как и следовало ожидать, снова охладел к своему собранию; еще удивительно, что он столько лет продержался в состоянии азартной алчности. И тут услышал от кого-то из приятелей душещипательную историю — дескать, потомки изгнанных из Испании в конце пятнадцатого века евреев до сих пор хранят ключи от своих тамошних домов. Карла почему-то проняло. Какая стойкость, какой поразительный оптимизм, говорил он, пятьсот с лишним лет таскать за собой ключи от дома, из которого выгнали твою семью. И ведь ни тени надежды туда вернуться, а все равно.

Он бросился проверять, оказалось — да, действительно, исторический факт. Даже сейчас остались такие семьи, чтящие традиции. А некоторым не повезло с потомками, и их ключи давно уже гуляют по частным коллекциям. И те самые дома в Толедо и Лусене стоят до сих пор, не все, ясное дело, но многие — стоят. И конечно, Карл возжелал во что бы то ни стало раздобыть ключ от одного из этих домов. А потом поехать в Испанию и отправиться по заранее известному адресу. Эта идея захватила его целиком.

Ладно, говорил я, предположим, ты найдешь ключи и дом, — что дальше? Неужели ты думаешь,

новые хозяева за пять с лишним веков ни разу не собрались сменить замки? Мои скептические расспросы, как и следовало ожидать, не остудили его пыл. Неважно, говорил Карл, сменили они замки или нет. Просто привезти ключ домой — это уже о-го-го какое событие. Думаю, он будет очень рад туда вернуться, даже если замки сменили. Подумаешь — замки.

«Ключ будет рад» — о да, это типичный для Карла аргумент. Рядом с ним я ощущаю себя фантастическим занудой, лишенным воображения. Но даже это почему-то совершенно не обидно. Рядом с Карлом всегда думаешь: «Какой я дурак и, господи, как же это хорошо!» — при том что смирение мне, прямо скажем, не свойственно.

Он, по-моему, года три искал ключ от одного из этих старинных кастильских домов. И нашел-таки. И при первом же удобном случае повез его на родину. Подробностей я толком не знаю, потому что Карл особо не рассказывал, но вернулись они ужасно довольные — и Карл, и, если верить ему на слово, ключ.

С тех пор Карл помешался на расследованиях. Разыскивает дома, двери которых когда-то отпирались ключами из его коллекции. И от новых экземпляров, конечно, не отказывается — при условии, что есть хоть какой-то шанс вызнать адрес. И когда в его плотном концертном графике возникает хоть какой-то просвет, едет смотреть очередную находку, с соответствующим ключом в кармане — это обязательный ритуал и, по-моему, самое большое удовольствие, которое с лихвой окупает все его хлопоты и траты. Он уже возил свои ключи в Амстердам, Львов, Нанси, Брюгге, Гранаду, Петербург, Вену, Краков, Париж, Флоренцию, Антверпен и еще куда-то, всего сейчас

не припомню. Говорит, хозяева домов всегда позволяют ему войти, еще ни разу не отказали. Некоторые, особо дотошные, показывают, как все раньше было устроено, и рассказывают, что успело случиться в доме за прошедшие века. Но таких, конечно, мало, люди редко всерьез интересуется историей дома, в котором живут, их любопытства как раз хватает, чтобы выслушать сведения, которые удалось собрать самому Карлу — если уж он пришел и не прочь поболтать.

Правда, открыть дверь своим ключом Карлу пока не удалось. Ничего удивительного: когда в доме появляются новые хозяева, обычно они первым делом меняют замки. Зато в Толедо ему все уши прожужжали рассказами о молодой израильтянке, которая прямо во время экскурсии сверилась с какими-то записями в блокноте, достала из кармана ключ, открыла им заднюю дверь старинного дома и грохнулась в обморок от избытка чувств. Карл говорит, ему эту историю за два дня пять раз рассказали — в отеле, в еврейском музее и в нескольких кафе, так что ясно, это просто местная байка для туристов. А все равно.

Поиски ключей и тем более домов — дело непростое. Но как раз этому Карл только рад, все остальное ему слишком легко дается, само в руки идет, а тут наконец нашел по-настоящему трудную задачу. В его коллекции сейчас, если не ошибаюсь, двадцать один ключ с адресом и историей. Останавливаться на достигнутом Карл, понятно, не собирается. Но три года назад под хвост ему попала совершенно особая вожжа. Имя этой вожже — Дверь-в-Подвале.

Дверка, и правда, та еще.

Подвал-то его собственный, войти туда можно прямо из кухни. Сперва, когда Карл с Ренатой сюда

переехали, они этим помещением не пользовались, даже ремонтировать не стали, решили — к чему лишние хлопоты, места в доме и так предостаточно. Потом Рената купила велосипед, но и он прекрасно помещался в коридоре, никому не мешал. Когда велосипедом обзавелся Карл, в коридоре стало тесновато, но осваивать подвал им по-прежнему было лень. А потом приехал я и тут же припер в дом третий велосипед. Перебор! — хором завопили Карл и Рената. Или волоки его наверх, или разбирайся с подвалом.

Я из тех предусмотрительных лентяев, которые готовы один раз как следует поработать, если это гарантированно избавит от будущих хлопот. Несколько раз в день таскать велосипед на второй этаж по узкой лестнице — то еще удовольствие, поэтому я отправился разбираться с подвалом, в надежде, что там нет ничего, кроме пыли, для борьбы с которой обычно достаточно нескольких минут и мокрой тряпки. Я даже в лучшие времена ни разу не решился нанять домработницу, совершенно не переношу чужих людей на своей территории, так что поневоле пришлось освоить элементарные навыки уборки помещений.

Однако подвал оказался своего рода филиалом авгиевых конюшен. Он был забит строительным мусором, пестрым тряпьем, поломанными детскими игрушками и прочими историческими ценностями. Некоторое время я обреченно взирал на этот культурный слой, а потом решил — ладно, поиграю в археолога, пусть будет хоть какая-то польза от меня в этом благословенном доме.

Часа через три, когда я сложил в мешки и вынес на помойку большую часть мусора, труды мои отчасти окупились, но крайней мере, разбираться с остатками барахла оказалось довольно увлекательно. Я нашел стопку ветхих книг на разных языках, несколько древних фарфоровых кукол, чудом уцелевших под немилосердными жерновами времени, коробку из-под монпансье, где хранились пуговицы, керосиновую лампу, разрозненные остатки коллекции минералов, пачку старинных открыток с трогательными посланиями на обороте и ржавую губную гармошку, которую Карл уважительно назвал «сосуд гудебный» и тут же утащил куда-то к себе. А у дальней стены обнаружилась огромная, примерно полтора на два метра, картина на перекошенном подрамнике. Один взмах тряпкой, и из-под толстенного слоя пыли проступили краски, Рената, с порога наблюдавшая за моими раскопками, заверещала: «Убери руки, дай сюда, ты все испортишь», — и мы поволокли таинственное полотно на кухню. В глубине души я не сомневался, сейчас состоится очередное показательное выступление Карловой удачи, выяснится, что мы нашли неизвестную доселе картину Рембрандта, ну или чьи там шедевры положено находить в собственном подвале счастливчикам вроде моего батюшки. Однако не тут-то было, в наши руки попала одна из самых отвратительных халтур за всю историю человечества. Картина изображала зверски осклабившихся сталеваров, вступивших в непростые профессиональные отношения с доменной печью, и была написана настолько скверно, что Рената схватилась за голову, Карл малодушно дезертировал в кабинет, а я спешно поволок творение неизвестного гения на помойку, содрогаясь от стыда при мысли, что соседи могут увидеть нас вместе — меня и сталеваров. Но милосердный Господь не допустил моего позора, с тех пор я Его вечный должник.

А вернувшись в подвал, я обнаружил в дальней его стене кованую дверь, явно старинной работы. Раньше ее закрывала картина, а теперь — только слои пыли и хлопья паутины, которые я тут же ликвидировал. Некоторое время молча рассматривал полустертое изображение трех суровых женщин, глядящих в разные стороны, — одна держала в руках ключ, другая факел, третья — кинжал; у их ног возлежали уродливые псы и ползали змеи, над головами размещался круг, символизирующий то ли солнце, то ли полную луну, то ли просто цикличность времени. А налюбовавшись вдоволь, я пошел звать Карла.

Наблюдая за его реакцией, я начал понимать, что моя находка, пожалуй, покруче неизвестного Рембрандта. Карл эту дверь разве только не расцеловал, да и то, думаю, потому, что решил, они для этого еще недостаточно близко знакомы.

Похоже, у нас в подвале поселилась Геката, наконец сказал он. Владычица порогов, перекрестков и пределов, *всех тех мест, где смыкается наше и иное*. Именно так ее изображали древние — единой в трех телах, с факелами, змеями и псами. И ключ, ключ — главный ее атрибут. Ты сам не понимаешь, что нашел, Фил. И я тоже не понимаю — пока.

В конце концов Карл выпер меня из подвала, сказал, уборка подождет, потом объясню, все потом. А после обеда позвал наверх пить кофе и объявил: только не падай, но я датирую эту дверь концом пятнадцатого — началом шестнадцатого века.

Падать я, конечно, не стал, но ушам своим не поверил, потому что дом построен в тысяча девятьсот втором, какой, к чертям собачьим, пятнадцатый век. Ну или шестнадцатый, без разницы.

Я тоже не понимаю, кивнул Карл. Но факт остается фактом, дверь на несколько столетий старше дома. А символика изображения — и вовсе на тысячелетия. В пятнадцатом веке, прямо скажем, немного нашлось бы охотников изображать у себя на дверях языческих богинь. Надо думать, кто-то из бывших хозяев нашего дома собирал редкости или просто случайно заполучил эту дверь, приволок в подвал и зачем-то вставил в стену. Да-да, там, за дверью, капитальная стена, никаких пустот, я простучал. Дверь — просто декорация, никуда не ведет.

А смысл? — изумился я. Какой в этом смысл? Никакого, согласился Карл. И это нравится мне больше всего, особенно в сочетании с изображением Гекаты. Пошли, покажу кое-что.

Мы спустились в подвал, и Карл буквально ткнул меня носом в стену — смотри внимательно. Дверь, конечно, декорация, но заперта на совесть.

И действительно, старинный врезной замок был в полном порядке, даже без следов ржавчины, что, с учетом подвальной сырости, само по себе чудо. И он был заперт — в каменной толще стены кто-то заботливо выдолбил дополнительную дыру, в которую вошел поршень.

Что скажешь? — спросил Карл, и я ответил, что бывший жилец, установивший дверь, был безумен, зато последователен, дотошен и чертовски остроумен в своем безумии — словом, наш человек. Это конечно, рассеянно согласился Карл. Но я о другом думаю. Ключ. Вполне возможно, где-то до сих пор есть ключ от этой двери. И хорошо бы его отыскать. Дохлый номер, сказал я, но он, разумеется, только отмахнулся. И правильно сделал.

Карл, понятно, не удовлетворился собственной экспертизой. В его подвале за год побывало полдю-

жины специалистов, которых он как-то ухитрился отыскать, обаять и зазвать в гости. Их общий вердикт гласил: время — середина или вторая половина пятнадцатого века. Место же определить не удалось. Скорее всего, Европа, уточнять никто не брался — похоже, у нашей дверки просто не было аналогов.

Толедо, твердил Карл, вот увидишь, Фил, это дверь из Толедо. Кто-то из изгнанников прихватил с собой не только ключ, но и дверь от дома. Ни в одном источнике об этом нет ни слова, но книги пишут люди, а они знают не все. Вернее, вообще ни черта не знают. Представь, если бы тебе пришлось писать, скажем, мемуары о соседях по лестничной площадке, причем уже после того, как они уехали в неизвестном направлении и у тебя не осталось возможности выспросить подробности. Как бы ты ни старался, в твоем отчете будет, в лучшем случае, сотая доля правды о них. Да и то сомневаюсь. Впрочем, если эти люди напишут о себе сами, правды в их рассказе будет не намного больше, даже если они не станут намеренно искажать факты в свою пользу. Человеческая память — несовершенный инструмент, к тому же люди склонны делить события своей жизни на «важные» и «несущественные»; несущественные, как правило, опускают, а они и есть правда, ее живая плоть, упустишь одну-единственную мелочь, и подлинности как не бывало. Поэтому история — не более наука, чем художественная литература, я всегда это говорил.

Словом, с тех пор Карл ищет ключ от нашей Двери-в-Подвале. По моим расчетам, этого развлечения должно было бы хватить до конца самой долгой жизни, какую только можно вообразить. И вдруг такая новость — нашел. Ну ничего себе.

— Рассказывай, — говорю. — Как ты его нашел? Где? Почему думаешь, будто...?

— Рассказываю. Как всегда, то есть почти случайно. Будешь смеяться, в интернете на форуме кагофилов.

— Кого-кого филов? — привычно пошутил я.

Дурная все-таки у меня манера — автоматически выдавать старые шутки всякий раз, когда прозвучит кодовое слово. Как попугай, прости господи.

Но Карл великодушно улыбнулся и ответил, согласно традиции:

— Кого надо, того и филов. Ты еще хотел спросить, почему я думаю, будто это тот самый ключ. Элементарно, Ватсон. Я читал его описание — это раз. Видел фотографии — это два. Вроде все сходится. Но, конечно, надо проверить.

— Ну и дела, — вздыхаю. А что тут еще скажешь.

— Самому не верится, — кивает Карл.

— А я тебе зачем? Просто поприсутствовать при торжественном моменте? Или владельца ключа сперва надо убить?

— Для начала тебе придется с ним встретиться, а там по обстоятельствам. — Карл очень старается скорчить злодейскую гримасу, а я милосердно не комментирую результат. — Хочу тебя успокоить, через Атлантику лететь не придется. Счастливый обладатель моего ключика живет в Праге. Считай, сосед.

— Хочешь, чтобы я туда смотался?

— Ага. Я бы сам съездил, но время дорого. Пан Черногук собирается по делам, куда-то к черту на кулички, чуть ли не в Южную Америку, и неизвестно, когда вернется. К тому же он не производит впечатление человека, готового блюсти чужие интересы — мои в том числе. Отдаст ключик любому жела-

ющему, если сторгуются. А желающие найдутся, ключ сам по себе ценная штучка, пятнадцатый век, все ключи той эпохи наперечет, их давным-давно по коллекциям растащили, и тут вдруг никому не известный экземпляр возник невесть откуда. А я завтра улетаю в Швейцарию, позвали поиграть в храме Святого Валерия в Сионе. У них там самое настоящее «ласточкино гнездо» из аббатства Абонданс, которое... Эй, Фил, пожалуйста, сделай вид, что ты в восхищении. Я понимаю, ты забыл, что такое «ласточкино гнездо» и почему это круто. Но просто поверь мне на слово и скажи «wow!».

— А? — встрепенулся я. — Вау. И ничего я не забыл, господь с тобой. Зачем делать вид, если я действительно в восхищении?

— А по тебе не скажешь, — ухмыльнулся Карл. — Не лицо, каменная маска.

— Просто за зиму отвык следить, чтобы чувства отражались на роже, — все равно никто не видит.

— То есть ты *настолько* один зимовал? Я все же надеялся, без подружки не обошлось.

— На этот раз обошлось. Положительный итог налицо: я никого не убил.

— Крутой, — уважительно сказал Карл. — Ну что, поедешь пана Черногука пугать?

— Конечно, слетаю, не вопрос. Фамилия его мне очень уж нравится. И в Праге я последний раз был черт знает когда. Еще до наводнения.

— О, тогда тебе тем более туда надо! — оживился Карл. — На мой взгляд, купание пошло ей на пользу, интересно, что ты скажешь... Только ты не слетаешь. Сегодня самолет уже улетел, на завтра все забито, а потом будет поздно, потому что встреча назначена на понедельник. Так что остается два варианта: автобус сегодня в четыре или возьми машину. Как тебе больше нравится?

— А черт его знает, — зевнул я. — С одной стороны, я бы, пожалуй, покатался. С другой стороны, не выспался. С третьей стороны, на машине я могу и завтра отправиться, успею. С четвертой, через Польшу лучше ехать ночью и с закрытыми глазами, у меня от тамошних пейзажей депрессия начинается, хуже, чем от нечерноземной полосы. С пятой...

— Брось монетку, — посоветовал Карл.

— Чтобы понять, чего мне хочется на самом деле? Это и так ясно, нуль-тэ мне хочется. Чтобы — бэмц! — и Фигаро тут, Фигаро там... Ладно, я уже решил. Сяду в автобус и погляжу. Если пустой и не вонючий, пусть везут. Спать сидя — мой любимый спорт. По такому случаю с тебя еще чашка кофе и подробности.

— Кофе полно, бери. А подробности такие. Ключ из желтого металла, длина одиннадцать сантиметров, фотографии я для тебя распечатал, чтобы хоть примерно представлял, что тебе должны дать. Владельца ключа зовут Болеслев Черногук. Чем он занимается, понятия не имею, но у него дом на Нерудовой. Вот адрес, вот телефон.

Я присвистнул.

— Серьезный дядя.

— Думаю, что так. Ну, поглядишь. Встречу он назначил на понедельник, то есть послезавтра, ровно в полдень. Предварительно звонить не нужно, телефон на тот случай, если ты по какой-то причине задержишься или не сможешь прийти. Но ты...

— Но я не задержусь. И смогу. И чемодан с баблом в автобусе не забуду.

— Никакого чемодана. Мы договорились поменяться.

— На другой ключ?

— Нет. Насколько я понял, пан Черногук не коллекционирует ключи, этот экземпляр попал ему в руки случайно. Зато он интересуется книгами. В частности, букварями.

— Букварями?

— Старыми, разумеется. Я предложил ему «Букварь для обучения юношества чтению по высочайшему повелению». Тысяча семьсот девяносто третий год, типография Отцов Кармелитов в Бердичеве.

— В Бердичеве? — недоверчиво переспросил я. — Издеваешься?

— Никак нет. Была в городе Бердичеве такая типография. А букварь — вот он.

— Надо же. — Некоторое время я с уважительным отвращением разглядывал ветхую книжицу, потом спросил: — А это не слишком — такой раритет отдавать? Все-таки не ключ от Каабы выкупаем.

— Ну и букварь мне достался, прямо скажем, не за восемнадцать миллионов. А практически даром.

— Только не говори, что купил его в газетном киоске со скидкой для постоянных клиентов.

— Будешь смеяться, почти так и есть. У нас тут по субботам в хорошую погоду барахолка на холме работает, что-то вроде блошиного рынка. Местные клошары распродают фамильные керосинки и собранные в школьные годы коллекции значков, а среди них уныло снуют любители старины, давно утратившие надежду отыскать что-то интересное. И там какой-то бодрый дедок разбойничьего вида бойко торговал старинными книжками, за копейки отдавал, так что я все забрал, оптом. Хоть и не понимал, на кой они мне сдались, я же не букинист, и времени

со всем этим разбираться нет. Грех стяжательства в чистом виде. Но вот, одна книжица, как видишь, пригодилась. Выходит, я молодец.

— Ты молодец, и это уже давно не новость. А я, значит, повезу бердичевский букварь из Вильны в Прагу, чтобы обменять его там на ключ от двери, вывезенной предположительно из Толедо. Удивительная все-таки штука человеческая жизнь.

— И не говори, — согласился Карл. — Я тебе даже немного завидую. Но меня ждет Святой Валерий.

— И «ласточкино гнездо», — подхватил я. — Ничем не хуже букваря из Бердичева.

— Отель я тебе уже забронировал, все на той же Нерудовой, в двух шагах от дома пана Черногука.

— Ого, — сказал я. — Твое поручение следует занести в Книгу рекордов Гиннесса как самое приятное и необременительное за всю историю человечества.

— Не уверен, — неожиданно возразил Карл.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился я. — Что не так?

— Сложно сказать. Может быть, и ничего. Но, во-первых, что касается ключа. Живьем я его не видел, а сфотографировать можно и копию. А ты у нас, скажем прямо, не эксперт.

— Чего уж там, надуть меня проще простого.

— С другой стороны, зачем бы ему тебя надувать? — пожал плечами Карл.

Но особой уверенности в его голосе не было. Я так понял, неведомый пан Черногук ему не слишком нравился. Это надо иметь в виду, у Карла интуиция — дай бог каждому.

— Ну как — зачем? Чтобы и букварь хапнуть, и ключ себе оставить.

— Все-таки речь идет о репутации...

— О репутации на этом вашем форуме кагофилов? И все восемь с половиной постоянных посети-

телей узнают, что пан Черногук — жулик? Да, это, конечно, ужасно. Особенно для человека, который не является коллекционером, следовательно, распрекрасно проживет вне этой среды.

— Ну, предположим, не восемь с половиной. С чего ты взял? И все живые люди, готовые поделиться информацией с ближними, а мир-то тесен... Но проверить все-таки надо. Пан Черногук сам может оказаться жертвой заблуждения, он же не специалист. Но это не беда, потому что один из самых выдающихся экспертов в этой области живет всего в сотне километров от Праги. И я с ним знаком. Такой занятный дедушка, пан Иржи Шнипс, ростом мне примерно по пояс. Раньше работал в Пражском национальном техническом музее; там, к слову, находится крупнейшая в мире коллекция замков и ключей. Серьезное собрание, а уж пан Иржи какой серьезный — слов нет. Я, помню, даже оробел при встрече. К счастью, Иржи оказался меломаном, так что полюбил меня как родного. И до сих пор иногда консультирует. Я ему уже звонил — нет проблем. Съездишь к нему в Йиглаву, он туда перебрался, когда вышел на пенсию, покажешь ключ и тут же узнаешь правду. А там — по обстоятельствам.

— В смысле, если ключ — дерьмовая копия, надо будет забрать у Черногука букварь? — деловито спросил я.

— Лучше все-таки вытрясти из него оригинал, если таковой имеется. Ну, я же говорю — по обстоятельствам. Как пойдет. Ты, кстати, заранее скажи ему, что повезешь ключ на экспертизу. В некоторых случаях такие предупреждения бывают полезны для всех участников сделки. Избавляют от искушения.

— Ладно, — кивнул я. — Еще что-то?

— Есть один занятный момент, — задумчиво сказал Карл. — Этот пан Черногук любезно предложил мне прислать слепки с ключа. Чтобы я проверил, подходит ли он к замку. Очень мило и предусмотрительно с его стороны. Но я отказался, поскольку заинтересован в приобретении любого ключа той эпохи. Я так и объяснил — дескать, не стоит терять время и деньги на пересылку слепков. А он почему-то предложил снова. Очень долго меня убеждал. Заверил, что сам оплатит почтовые расходы. Многословно, но довольно неубедительно писал, что хочет уберечь меня от возможного разочарования. Словом, был чрезвычайно настойчив, я с трудом его отговорил. И знаешь что, Фил? У меня такое ощущение, что он просто хотел узнать мой адрес. Но постеснялся прямо спросить. И мне теперь интересно, станет ли он вызнавать адрес у тебя. Если станет, придумай что-нибудь.

— А что тут придумывать? Буду честен, дам ему адрес Пашкиной дачи. Любимое занятие тамошних охранников — заворачивать незваных гостей. А они, как назло, так редко приходят.

— Не годится. Он знает, что я живу в Вильнюсе.

— Тогда дам адрес Ужупского инкубатора*, — ухмыльнулся я. — Если отправится тебя разыскивать, будет ему культурный досуг.

— Гуманное решение, — согласился Карл. — В общем, будь начеку.

— Хорошо, что он тебе не нравится, этот пан Черногук, — сказал я. — Так интереснее. А то — съезди, отвези, привези, а по дороге купи себе мороженое, тоже мне великое поручение.

*** Так называется художественная галерея, расположенная в Вильнюсе, в районе под названием Ужупис (Заречье).**

— Тем не менее я бы предпочел, чтобы ты просто съездил, отвез и привез. Мороженое и прочие радости жизни по вкусу. Только ты сам скажи Нате, что сегодня уезжаешь. Я не успел ее предупредить. Она мне этого не простит.

— О! — Я воздел к потолку указательный палец. — Вот это реальная опасность. Она оставит тебя без сладкого, а меня запрет в подвале. Одна надежда на твою дверь — вдруг за ней все-таки обнаружится какой-нибудь выход?

— В любом случае, сперва надо раздобыть ключ, — усмехнулся Карл.

Пражский автобус отправляется в четыре пополудни. Я решил выйти в три и пройтись до вокзала пешком, благо солнце снова выглянуло из-за туч, а рюкзак за плечами — необременительная ноша, в отличие от саквояжа, который порядком отравил мне утреннюю прогулку. Хотя бы поэтому имело смысл ее повторить — в обратном направлении.

За пять минут до выхода, когда Рената наполняла мой дорожный термос горячим чаем, а я сосредоточенно разглядывал циферблат настенных часов, сверху спустился Карл.

— Провожу тебя, если не возражаешь, — сказал он.

— Еще бы я возражал. Нашел дурака.

— Проследишь, чтобы несчастный ребенок не сбежал домой в последний момент, — проворчала Рената, засовывая термос в мой рюкзак.

— И это тоже, — согласился Карл. — Несчастный ребенок, которого моя злая воля гонит в один из лучших отелей прекраснейшего европейского города. Бедняжечка.

Рената невольно улыбнулась, но тут же укоризненно покачала головой.

— Поспал бы дома хоть одну ночь, мне было бы спокойнее.

— Зато когда вернусь, останусь на все лето, — сказал я. — Буду катать тебя на море, хочешь? Хоть каждый день.

— Триста километров в один конец, — кивнула Рената. — Прекрасно проведем время.

— Ну вот и договорились, — просиял Карл. — А теперь отдай ему рюкзак. Пошли, Фил.

— Действительно на все лето останешься? — недоверчиво спросил он после того, как мы свернули за угол.

— Наверное. Знаешь, я сегодня полдня думал, почему стал так редко к вам приезжать. И почему не задерживаюсь надолго. Полдня — это потому что не соображаю с недосыпа, на самом-то деле все просто.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился Карл. — К разгадке этой тайны мне хотелось бы приблизиться. Одно время у меня была версия, что тебе с нами просто скучно. Но, честно говоря, сомневаюсь. По тебе, во всяком случае, не скажешь.

— Соскучишься с вами, как же. Проблема как раз в том, что мне с вами слишком весело. Нет, не так, при чем тут «скучно — весело»? Скажем прямо — рядом с вами я счастлив. И это как-то... неправильно.

— Почему?

— Это слишком просто — быть счастливым в вашем доме. И слишком хорошо. И заканчивается, как только я уезжаю. И снова начинается, в каком бы скверном состоянии я к вам ни вернулся. Щелк, щелк.

— И что в этом неправильного? — искренне удивился Карл. — Счастье — это всегда правильно, не зря момент, когда оно перестало быть естественным состоянием человека, описан таинственным свидетелем происшествия как изгнание из рая. А способ достижения счастья — дело десятое. Хорошо, если хоть как-то получается.

— Не такое уж оно десятое. По крайней мере, для меня. Я и так все время чувствую себя новым принцем Сиддхартхой, который в один прекрасный день вышел из дворца и обнаружил за оградой не только прокаженного, старика и похоронную процессию, но и кое-что похуже.

— Что ты имеешь в виду?

— Людей. Очень много так называемых *обычных людей,* которым кажется, что все вышеперечисленное — нормально и даже правильно. Что так и должно быть, потому что положено, и никто не отвертится, шаг в сторону — расстрел. Я-то, дурак, в детстве думал, все люди примерно такие, как вы с Ренатой. Ну, по большому счету.

— А они не такие? — наивно удивился Карл.

— Мой опыт показывает, что нет. К сожалению. Я тоже поначалу думал, таких, как вы, большинство, иначе быть не может, просто мне фатально не везет — сперва со школьными учителями и одноклассниками, потом с профессорами, сокурсниками, девушками, соседями, начальством и коллегами по работе... Долго верил, что с человечеством в целом все в порядке, просто я вечно нарываюсь на самые неудачные экземпляры, и если расстаться с очередной подружкой, сменить институт, уволиться с работы, ну или, не знаю, уехать в Тарту, ангелы наконец снова обступят меня плотным кольцом, я вспомню, каково

быть одним из них, и жизнь наладится. А ни фига. То, что мне казалось трагическим отклонением от нормы, как показывает практика, и есть норма. Они все такие, простые и унылые, зато сильные и стойкие. И за священное право испоганить жизнь себе и ближним, как следует настрадаться, пожалеть себя всласть, состариться и сдохнуть будут сражаться до последнего, их с толку не собьешь. И что самое страшное, я не могу это изменить. При том, что вроде бы знаю, *как надо,* — не теоретически, а на собственном опыте. Какое там изменить, просто не превратиться в одного из них — и то оказалось непосильной задачей. Сам не заметил, как это случилось.

— Хочешь сказать, принцу не следует возвращаться во дворец в таком состоянии?

— Вот-вот. Не комильфо. И вполне бессмысленно — прежним-то я уже не стану. А для нынешнего меня быть счастливым — значит врать самому себе.

— По-моему, ты совсем запутался в этой своей печальной чепухе, — сочувственно сказал Карл.

— По-моему, тоже. Поэтому пообещал Ренате остаться на все лето. Вранье так вранье, подумаешь. Я уже устал от собственной честности. Тем более принц из меня совсем пропащий. В том смысле, что просветление мне явно не грозит. Вся инкарнация насмарку.

— Вообще-то, когда люди, выросшие в европейской традиции, начинают рассуждать о восточной философии, мы выглядим, мягко говоря, довольно забавно. Но — ладно, будем оставаться в рамках твоей терминологии. Так вот, пока для тебя самое страшное, что ты ничего не можешь изменить, ты не пропащий, а очень даже качественный принц. Причем сказочный. Нормальный человеческий принц в подоб-

ных случаях говорит: «Меня это не касается» — и интересуется у сопровождающего визиря, который час, чтобы не опоздать к дворцовому обеду. Жаль, что мне не удалось воспитать тебя избалованным, недальновидным болваном, — ты был бы гораздо счастливее. Но уж что выросло, то выросло.

— Чего я не понимаю, это как ты сам умудрился остаться таким, каков есть, — вздохнул я. — Ты ведь тоже рос в заколдованном дворце, Фрида и бабушка Анна, как я понимаю, создали все условия. Вырос, вышел на улицу и остался прежним или даже лучше прежнего, не знаю, мы с тобой не настолько долго знакомы.

— Судя по всему, я, в отличие от тебя, так и не вышел из дворца, — мягко сказал Карл. — Ну, может, из окна иногда выглядывал, но это не то. Я же вундеркинд был, этакий маленький Моцарт, и жизнь у меня была соответствующая, кроме музыки ничего толком не слышал и до сих пор не слышу и, надо думать, не услышу уже никогда. Ты вот говоришь: вышел из дворца, а там страшное — люди! А я до сих пор не знаю, что это такое — «люди». Несколько сотен человек знаю лично, и все очень разные, так что даже близкое знакомство с отдельными экземплярами не дает мне представления о том, что такое «люди» как множество.

— А когда ты просто выходишь на людную улицу, да вот хоть сюда, — я развел руки в стороны, привлекая внимание к проспекту Гедиминаса, на которой мы как раз свернули. — Или, ладно, здесь еще более-менее, а вот, скажем, на Садовое кольцо, мы же столько лет жили в Москве...

— Ну, выхожу, — флегматично согласился Карл. — И что?

— Тебя не *накрывает?* — я поморщился, порой отсутствие точной формулировки причиняет почти физическую боль. — Не понимаешь? Когда их так много — очень похожих, себя не помнящих, безрадостных, почти слепых, почти безъязыких, но твердо уверенных в собственной правоте, — их слаженный хор, их картина мира накрывает с головой и вдруг оказывается твоей единственной реальностью, разве нет? Такая тоска, такая тяжесть, и все многообразие возможностей вдруг становится пустым обещанием...

— Пожалуй, я действительно не понимаю. Ничего меня не «накрывает». Возможно, потому, что я никогда не выхожу на людную улицу *целиком*. Большая часть меня в это время остается, как ты выражаешься, «во дворце» и занимается делом. И не только в это время. Вообще всегда. *Целиком* я, кажется, только играю.

Ну да, да. А что я, собственно, хотел услышать? И сам всегда догадывался, что единственный путь к спасению — *быть при деле*. Легко сказать, но непросто осуществить. Не всем так везет, как Карлу, который при деле практически с рождения, всюду таскает за собой свой невидимый, зато и неприступный волшебный дворец, как улитка — раковину. А тем, кто живет рядом с ним, время от времени удается посидеть на пороге, и это не просто «лучше, чём ничего», как говорят в таких случаях, а по-настоящему круто. Неудивительно, что у Ренаты, как только она к нам попала, прошло желание удавиться в чулане, неудивительно, что я сам всякий раз оживаю, переступив порог их теперь уже общего дома, каким бы несчастным бесчувственным чурбаном с загубленной жизнью не чувствовал себя по пути.

— Мы быстро идем, — заметил Карл, когда мы свернули на улицу Вильняус. — До автобуса еще целых пятьдесят минут, а остаток пути займет максимум пятнадцать, даже если сбавить темп. Суми-думи?

Киваю, невольно расплываясь в улыбке. Эспрессо с медом, espresso su medum, — три года назад, когда ресторан «Помодоро» только открылся и мы с Карлом пришли сюда впервые, я случайно оговорился, читая меню. Новое название так понравилось нам обоим, что теперь мы регулярно наведываемся сюда за очередной порцией «суми-думи» и пьем подслащенный медом кофе, несмотря на приторный вкус — здешний барриста излишне щедр, лучше бы приворовывал, ей-богу.

— Они его еще подают? Хорошо, что некоторые вещи не меняются.

— Ага. А некоторые меняются. Например, цена — теперь на полтора лита дороже. Но это мы с тобой переживем.

— Да хоть на три, — храбро согласился я. — Они же, зайчики такие, столы на улицу вынесли. Думал, еще никто не почесался открыть сезон. А они — уже!

— Специально к твоему приезду. Вчера еще не было, я мимо проходил... Так на чем мы остановились?

— На том, что ты всегда таскаешь за собой свой невидимый дворец, как улитка... Нет, прости. Об этом я только думал. Вслух не говорил.

— Уже сказал, — улыбается Карл. — Твоя правда. Именно это я и пытался тебе объяснить. Единственное, чего я опасаюсь, — ты наверняка думаешь, причина в музыке.

— Ну да, — кивнул я, шаря по карманам в поисках портсигара. — Сам говоришь, ничего кроме нее

толком не видишь, то есть не слышишь, что в твоем случае одно и то же. Это все решает.

— Просто так удачно совпало, что именно музыка оказалась делом моей жизни. Это прекрасное и, самое главное, простое дело. «Простое» — в смысле, очень конкретное. Сколько себя помню, мне всегда было понятно, чем я хочу заниматься. Еще ни одного музыкального инструмента в глаза не видел, а уже мечтал поскорее научиться «делать музыку». Знал ответ на самый главный вопрос «зачем я?» задолго до того, как смог его сформулировать. И что немаловажно, все вокруг были в курсе, что в связи с этим следует предпринимать. Обучение музыке — давно сложившаяся традиция, известно, как следует поступать на каждом этапе, причем главное условие — «работай» — полностью соответствовало моим насущным потребностям, никаких внутренних противоречий. Так что в этом смысле моя жизнь была очень простой, как у зверя лесного. Никаких вопросов, сплошные ответы, внятные и однозначные. Мало кому так везет. Видишь ли, дело жизни не так уж часто может стать профессией. Иногда для него и названия-то нет, и примера никто не подаст, и сам не додумаешься, пока не попробуешь, не поймешь, а все на свете перепробовать — жизни не хватит. Та еще лотерея.

— Вот-вот, — мрачно поддакнул я. — Только, думаю, у большинства людей никакого «дела жизни» нет вовсе. У меня, кстати, тоже. За тридцать лет и три года ни одного выдающегося таланта обнаружить так и не удалось...

— Погоди, а при чем тут «выдающийся талант»? — удивился Карл.

— А как? — я удивился еще больше.

— Это мой дурной пример тебя с толку сбивает, — вздохнул он. — Говорю же, мне просто повезло, все так удачно совпало: и внутренняя потребность, и природные данные, и хорошие учителя. У меня, сам знаешь, множество талантливых коллег с выдающимися способностями и такой школой, что хоть плачь от зависти. Тем не менее у большинства из них нет никакого, как ты выражаешься, «волшебного дворца». Окажись они здесь, тебе было бы с кем обсудить все скорби мира. А один из самых прочных «дворцов», какие я когда-либо встречал, был у баяниста дяди Жоры из Клуба железнодорожников в городе Нижнем Тагиле.

— О господи. Туда-то тебя как занесло?

— В юности я, знаешь, не выбирал, куда ездить на заработки. В Нижнем Тагиле я, между прочим, читал прекрасные лекции о Фрескобальди, и люди на них ломились, там крошечный зал, так они на подоконниках сидели и в проходах стояли, до сих пор горжусь... Ладно, неважно. Важно, что даже на фоне остальных работников тамошнего клуба дядя Жора выглядел довольно посредственным исполнителем. Но это не мешало ему жить в радости и мире с собой. И почти ничего не знать о жизни, которую принято называть «реальной». Он ее просто не замечал, потому что, как и я, был целиком захвачен музыкой, которая переполняла его до краев, а что получалось на выходе — дело десятое. Не всем же срывать аплодисменты.

Я недоверчиво покачал головой. Ясно, что аплодисменты тут ни при чем, кто бы спорил. Можно быть непризнанным гением, пожалуйста, сколько угодно. Но бездарный баянист из клуба в качестве примера — это, на мой взгляд, как-то слишком.

— Дядю Жору, — сказал я наконец, — мог бы приберечь до худших времен. Я пока не настолько нуждаюсь в утешении.

— А я тебя не утешаю, с чего ты взял? Просто рассказываю, как обстоят дела. В конце концов, Марианн Норт тоже не была гениальной художницей.

— Кто-кто?

— А я тебе не рассказывал? Это женщина, которая нарисовала пуйю.

— Прости, что она нарисовала?

— Пуйю. Пуйя — это такая трехметровая голубая трава. Собственно, бывает и выше. Растет в Андах. Окружена легендами — дескать, от нее исходит ослепительное сияние, и листья у нее как стальные мечи, и цветет она раз в полторы сотни лет, а время от времени самовоспламеняется и сгорает, чтобы потом возродиться из пепла...

— Правда, что ли?

— Понятия не имею. Я же говорю — легенды, за что купил, за то продаю. Так вот, в девятнадцатом веке европейские ботаники очень хотели заполучить хоть какое-то изображение этой загадочной гигантской травы. Но добраться до нее не могли — все-таки Анды, край света, еще и в горы карабкаться надо. Так и остались бы без пуйи, если бы не храбрая английская старушка Марианн Норт. Она, видишь ли, всю жизнь рисовала растения. А что, приличное занятие, достойное хобби для старой девы из хорошей семьи. Ну то есть считалось, что это хобби, я-то понимаю, что рисование оказалось делом, которое поглотило Марианн целиком. Звезд с неба она, прямо скажем, не хватала, но ученые ботаники ценили ее труды, поскольку мисс Норт была чрезвычайно внимательна к деталям. От них она и узнала про пуйю, которую

никто из европейцев в глаза не видел. Решила, что это безобразие, и отправилась ее рисовать.

— В Анды?

— Вот именно. Причем ты имей в виду, это середина девятнадцатого века. Путешествие на другой континент — дело непростое, особенно для хрупкой, болезненной, вдобавок ко всему почти глухой дамы пятидесяти с лишним лет от роду. Но Марианн бровью не повела. Собралась и поехала в Южную Америку. Сперва на корабле через Атлантику. Потом нашла проводника и поднялась в Анды, на высоту четыре тысячи метров. Ехали на мулах, а на некоторых участках пути приходилось идти пешком по бездорожью и волочь на себе груз. Ничего, добралась и мольберт дотащила. Нарисовала картину «Голубая пуйя и мотыльки». И благополучно привезла ее домой, на радость британским ботаникам, здоровенным мужикам в самом расцвете сил, которые полагали путешествие в Анды совершенно неосуществимым.

— Круто, — вздохнул я. — А картинку-то ты видел?

— Нашел в интернете репродукцию. Поскольку я не ботаник, никакого впечатления она на меня не произвела. Картинка как картинка. И сама по себе пуйя — ничего особенного. Гигантская голубая трава, да, но видел я в своей жизни и более удивительные вещи. Надеюсь, добавлять, что это не имеет решительно никакого значения, не обязательно?

— Обязательно, — мрачно сказал я. — А то история о беспримерном подвиге как-то незаметно превратилась в историю о тщетности. Столько усилий, и все зря. Ну вот разве что британские ботаники стали немного умней, чем были прежде. Но на новую

эпоху в развитии науки это происшествие все равно не тянет.

— Ты ничего не понял, — улыбнулся Карл. — Говоришь о тщетности, потому что считаешь результатом картину, которая, безусловно, не стала главным художественным или научным событием столетия. Но картина — вовсе не результат, а просто повод начать действовать. Простая, конкретная цель, за которую легко зацепиться, чтобы встать и пойти.

— Хорошо. Что в таком случае результат?

— Опыт, конечно. Марианн, вернувшаяся домой из Южной Америки, отличалась от леди, которая когда-то отправилась в путь. Новая Марианн знала, каково быть человеком, которому нипочем корабельная качка, тряска на муле, тяжелый груз, крутые подъемы и разреженный воздух. Можно сказать, она сама и есть результат. Возвращаясь к твоей давешней метафоре, Марианн собственными руками выстроила для себя волшебный дворец, стеньг которого защищали ее от любых невзгод. Готов спорить, эта леди даже не осознала трудностей путешествия. Не читал ее дорожных дневников, не знаю даже, вела ли она их, но уверен, жалоб там не сыщешь. На что жаловаться счастливому человеку? А Марианн, не сомневаюсь, была счастлива в пути и настолько захвачена происходящим, что физические нагрузки, перепады температуры, давления и другие не менее объективные факторы попросту перестали на нее влиять. Думаю, она даже насморк ни разу не подхватила. Что это, если не магия? Подлинная, без обмана.

— Какая хорошая история, — негромко сказал кто-то из-за моего плеча.

Я обернулся, но увидел только спину прохожего, неторопливо удаляющегося в сторону проспекта

Гедиминаса. Полы его длинного черного пальто трепетали на ветру, как пиратские флаги.

— Он мимо шел и остановился послушать. — улыбнулся Карл. — Как рассказчик, я был крайне польщен, сам понимаешь. Но вообще-то я для тебя старался, а тебе история мисс Норт не слишком понравилась.

— Понравилась, — вздохнул я. — Но...

Я хотел сказать, что в конечном итоге старушка Марианн все равно вернулась домой и в свой срок умерла от старости и болезней, так что — какая разница. Но вовремя прикусил язык. Карл, в общем, и без меня в курсе, что все люди умирают. Даже принцы и принцессы в своих волшебных дворцах, окруженных зарослями голубой гигантской травы. И я не могу это изменить, как, впрочем, и все остальные условия задачи, данной нам в ощущениях. Поэтому я просто посмотрел на часы. Увиденное мне не понравилось.

— Всего двадцать минут осталось. Надо платить и идти.

— Иди, — кивнул Карл. — Я останусь, заплачу, это долгая возня.

Я кивнул, подхватил рюкзак и неторопливо пошел по вызолоченной солнцем улице. Пройдя метров сорок, обернулся, помахал и немного ускорил шаг, а достигнув бульвара Вокечу, перешел на бег. В отличие от Карла, который в любой ситуации уверен, что у него куча времени, я всегда ужасно боюсь опоздать.

Кстати, не зря бежал — в автобус я сел последним, даже покурить напоследок не успел, одна надежда на стоянку в Каунасе, уж сотню километров потерплю как-нибудь.

Автобус был почти пуст — десятка полтора пассажиров, не о чем говорить. Телевизионные экраны в салоне, к моему несказанному облегчению, оставались темными, зато кондиционеры работали более-менее исправно, во всяком случае, чужие ароматы мне пока почти не мешали. А в моем случае «почти не мешали» — это недостижимый идеал, потому что обычно, мне мешает абсолютно все, а уж запахи — страшное дело, меня даже безобидная ветчина, съеденная на завтрак случайным попутчиком, может всерьез выбить из колеи. Но с этим автобусом мне повезло. А покурив во время стоянки в Каунасе, я окончательно расслабился, взял у симпатичной конопатой бортпроводницы плед, закутался в него по самые уши, уткнулся носом в окно и сам не заметил, как задремал.

Когда я проснулся, автобус стоял. За окном было темно, вдалеке виднелись будки и шлагбаумы, освещенные тусклым синевато-белым сиянием фонарей. Граница, понял я. Паспортный контроль, слава богу, отменили еще зимой, присоединив наконец к Шенгену новые территории, однако верные традициям водители все равно здесь останавливаются. Но какого черта так темно? Мы же вроде засветло должны польскую границу проезжать, неужели так опаздываем? Или, наоборот, идем с опережением графика и это уже чешская граница? Нет, быть такого не может, если бы я всю ночь в одной позе проспал, сейчас бы голову повернуть не мог. Но шея в порядке, значит, дрых всего пару часов, следовательно, и граница — польская, и стемнело совсем недавно, а что отстаем от расписания, не моя печаль, я до понедельника абсолютно свободен. Так что долой заботы, перекур.

Не то чтобы мне так уж хотелось курить — спросонок-то. Но когда едешь автобусом, приходится использовать любую возможность, здесь, если припечет, в тамбур не выскочишь, а когда будет следующая остановка, решать водителю, чья воля непостижима, а действия почти непредсказуемы. Единственное преимущество перед самолетом — здесь *всегда есть надежда,* а там заранее ясно, что ничего не светит, поэтому даже какие-то несчастные три часа без сигареты превращаются в пытку.

Никто из пассажиров выходить из автобуса не стал. Это было довольно странно, потому что обычно даже некурящие на всех остановках выскакивают на улицу — ноги размять, свежего воздуха глотнуть. А тут никто не двинулся с места. Спят, что ли, все? Во дают люди, я-то думал, только меня после бессонной ночи в такую рань сморило.

Я достал из рюкзака термос, сделал несколько глотков еще горячего Ренатиного чая, нащупал в кармане портсигар и направился к выходу.

Но земле стелился туман, совсем тонким слоем, как поземка, в окно я его не углядел, и теперь от неожиданности отшатнулся, на миг утратил представление о реальности, испугался, что увязну сейчас в этой ненадежной каше, но инерция оказалась сильнее, так что я все-таки сделал шаг вперед и с облегчением перевел дух. Под ногами был твердый, надежный асфальт, усеянный окурками и тугими комками смятой оберточной фольги, ветер гонял драную рекламную листовку сети магазинов «Тяжелый свет Куртейна», все в порядке, подумаешь — туман. Чего только спросонок не померещится.

Я закурил, огляделся по сторонам. Любой пункт пограничного контроля - то еще поле чудес. Дурной, вымороченный лабиринт, искусственно созданное на пустом месте препятствие. Я терпеть не могу государственные границы, а их охранники ужасно меня раздражают — понятно, что они не сами все это затеяли, просто работа такая, но какого черта напускать на себя суровый и загадочный вид, пытаясь превратить обычную бюрократическую суету вокруг разноцветных бумажек в леденящую душу мистерию. Но теперь я вынужден был признать, что без пограничников это пространство выглядит совсем хреново. Опустевшее, заброшенное, утратившее практический смысл, оно вдруг исполнилось подлинной жути, нагнать которую никогда не удавалось людям в форме. Честно говоря, сейчас я бы им только обрадовался.

Я сердито передернул плечами, досадуя на собственную впечатлительность, и, чтобы как-то отвлечься, пошел вдоль автобуса, заглядывая в темные окна. Немногочисленные пассажиры, похоже, действительно спали беспробудным сном, «потеряли сознание, лишенные телевизора», язвительно подумал я. На переднем сиденье дремала бортпроводница. В тусклом синеватом свете далеких фонарей ее очаровательный курносый профиль выглядел, прямо скажем, жутковато, поэтому я поспешно отвернулся и пошел дальше. Обогнул автобус, подошел к водительской двери, чтобы спросить, когда поедем дальше. На самом деле я просто хотел увидеть хотя бы одного бодрствующего человека — для разнообразия. Это сонное царство, чего греха таить, действовало мне на нервы.

Но водительская дверь, к моему удивлению, была закрыта, а сам водитель, насколько я мог разглядеть, тоже сладко спал, откинувшись на спинку кресла. Его напарник дрых на соседнем сиденье.

— Черт знает что, — растерянно сказал я вслух. Звучание собственного голоса, как ни странно, подействовало на меня умиротворяюще, поэтому я с удовольствием повторил: — Черт знает что! — и полез в карман за телефоном.

Сейчас, думал я, позвоню Карлу. Скажу: «Прикинь, стоим на границе, и все спят, включая водителя, думаю — то ли будить их, то ли ловить попутку?» И он что-нибудь скажет, например: «Выдумай что-нибудь более занимательное», а я...

«Набранный вами номер не существует», — равнодушно сообщил литовский робот женского пола, и я почувствовал, как на мой затылок ласково ложится ледяная рука паники.

Еще немного, и заору, подумал я, и внутренний голос с энтузиазмом подхватил: а давай! По крайней мере, хоть кто-нибудь проснется! Но я, конечно, не заорал, просто набрал другой номер, не мобильный, а домашний. Телефон выдал один гудок, короткий и неуверенный, после чего включился уже знакомый робот. «Набранный вами номер не существует, набранный вами номер не существует, набранный вами номер не существует...»

— Да заткнись ты, падла механическая! — громко сказал я, пряча телефон в карман. Но тут же снова его достал, набрал номер Ренаты и дал отбой при первых же звуках металлического голоса.

— Что же это такое? — спросил я вслух. — Что происходит? Как такое может быть?

Трясущимися руками выудил из кармана портсигар, извлек очередную сигарету, кое-как прикурил, снова схватился за телефон и принялся названивать — еще раз домой, Карлу, Ренате, а потом тупо пошел по записной книжке, набирал все номера подряд,

ждал если не ответа, то хотя бы нормальных человеческих гудков, но слышал все то же: «Набранный вами номер не существует», — причем в голосе робота постепенно стали появляться издевательские нотки.

Скурив сигарету до самого фильтра, я выбросил окурок и невольно проводил его взглядом, то есть посмотрел вниз. И обнаружил, что туман, только что стелившийся по земле, уже окутал мои колени. Это открытие, само по себе незначительное и легко укладывающееся в мои представления о законах природы, стало последней каплей. Я заорал в голос и метнулся обратно, к открытой пассажирской двери. Ворвался в салон и не раздумывая бросился к водителю. Разбужу его, и пусть делает что хочет, лишь бы ехал отсюда скорее, давно уже пора ехать, черт знает сколько тут стоим, а он спит, скотина такая, с бодуна, что ли, в рейс вышел?..

— Почему мы никуда не едем? — громко спросил я.

Поскольку ответа не последовало, потряс водителя за плечо. Его рубашка была влажной, но пахла не потом, а почему-то речной водой. Мое прикосновение не произвело никакого эффекта — водитель не пошевелился, не выругался, даже не вздохнул. Да какое там, он, кажется, вовсе не дышал. Я метнулся к его напарник}' — тот же результат. Влажная одежда, холодная кожа, острый запах сырости и никаких признаков жизни. В глазах у меня потемнело, давешняя ледяная ладонь по-хозяйски расположилась на затылке, но удивиться я так и не удивился, как будто заранее знал, чем все закончится.

— Мертвый, — сказал я вслух. — Он, блядь, сдох, падла такая, вместо того чтобы ехать. И второй сдох, и эти все тоже. Полный автобус трупов, и только я один живой как поц. Господи боже, что делать?

— Ехать, — ответил я себе. — Ты же хотел уехать отсюда. Ты-то живой, какие проблемы, давай, вперед.

Стиснув зубы, чтобы не взвыть от омерзения, я принялся спихивать неподвижного водителя с сиденья. Мужик, как назло, попался здоровенный и в кресле своем утвердился прочно, но в конце концов я как-то переместил его на пол и сел за руль. Мотор все еще работал, и автобус послушно тронулся с места, как только я снял его с тормоза. Сперва я ехал очень медленно — до сих пор мне никогда не доводилось управлять пассажирским транспортом, так что осваиваться пришлось считай с нуля. Но постепенно разобрался и чуть-чуть увеличил скорость, потом еще немного и еще. Думал: доеду сейчас до ближайшей бензоколонки, позвоню в полицию, все как-нибудь прояснится и уладится, ты, главное, не теряй голову, дружище, очень тебя прошу.

— Мужик, ты кто? — заплетающимся языком спросил мертвый водитель. — Ты откуда взялся? Куда едешь? Какого беса?..

Я оказался таким молодцом, что сперва медленно и аккуратно съехал на обочину, остановил автобус и только потом разрешил себе испугаться, но острое желание разбить лобовое стекло и с воплями выскочить в ночь к тому моменту уже прошло, поэтому лицо я сохранил.

— Ну, слава богу, хоть ты живой, — сказал я и полез в карман за сигаретами. Руки при этом тряслись так, что я чуть карман не оторвал. Страх в глазах водителя сменился любопытством.

— Эй, ты чего? А кто не живой? Что случилось-то? И кто ты такой? — спросил он, теперь уже вполне внятно.

— Ты извини, — сказал я, — но я тут у тебя покурю. Это раз. Я — пассажир, это два. Сел в Вильнюсе, билет могу показать. Что случилось, не знаю, - это три. Я проснулся, когда мы стояли на границе. Дверь была открыта, я вышел проветриться. Все спали, включая вас с напарником, но это ладно бы. Телефон не работал, я никому из своих дозвониться не смог, но это тоже ладно, со связью всякое бывает. А потом я сунулся к тебе, чтобы спросить, почему так долго стоим. И мне показалось, что ты холодный и не дышишь. И этот, — я кивнул на все еще неподвижного напарника, — тоже. И вообще все. Я вас тряс и громко орал на весь автобус, но никто даже не шелохнулся. Я чуть не обосрался. Но решил, что надо доехать до бензоколонки — ну, до любого места, где есть люди. Вызвать полицию, «скорую», пожарных...

— Пожарных-то зачем? — серьезно спросил водитель.

— Чтобы водички дали попить, — огрызнулся я. — Ну сам подумай, откуда я знаю, кого надо вызывать в таких случаях?

— Яша, это кто тут? — сонно пробормотал второй водитель. — Чего стоим?

Яша, значит. Спасибо, хоть не Лазарь.

— Мальчики, что-то случилось? — шепотом спросила бортпроводница. Я и не заметил, как она подошла.

— Херня какая-то на границе случилась, сам ничего не понимаю, — тоже шепотом ответил мой оживший покойник. — Этот, — он кивнул на меня, — говорит, все отрубились, а он нет. Разбудить никого не смог. И как-то нас оттуда увез. Ну и слава богу. Сейчас покурю, и поедем дальше.

Бортпроводница прижала ладони к щекам, тихонько ахнула:

— Погоди, а когда граница-то была? Ничего не помню. Мы же ее еще засветло должны были проезжать, около восьми. Как я могла заснуть? А вы как?..

— Все, хватит, — бесцеремонно оборвал ее водитель Яша. — Ты не помнишь, я не помню, он не помнит, зато все живы-здоровы, считай, не было ничего. Иди, выпусти пассажиров покурить, а то они все сейчас сюда ломанутся выяснять, чего встали в чистом поле.

В салоне автобуса меж тем началась какая-то жизнь: кашель, голоса, шелест пакетов и скрип сидений. Обычно такие звуки меня раздражают, но сейчас показались сладостной музыкой. Симфония ре мажор «Все опять нормально», исполняет любительский оркестр воскресших мертвецов. Слушал бы и слушал. А тут еще бортпроводница вступила с короткой, но содержательной арией на двух языках: «Стоянка десять минут, просьба не опаздывать, тен минете стоп, плиз донт би лейт». Дружный топот ног по проходу был ей ответом.

— Не хочешь проветриться? — спросил меня водитель Яша. — У нас тут вообще-то нельзя курить. Сами мучаемся.

— Да, извини. - Я поспешно выбросил сигарету в приоткрытую форточку. — Ни черта не соображаю. Сейчас пойду. Но... Что это вообще было?

— Ты меня спрашиваешь? Сам же говоришь, я спал, ни на что не реагировал. Откуда я знаю?

— Ну как. Вы же все время там ездите. Наверное, не в первый раз такое. Или в первый? Просто ты как-то слабо удивился. И вроде не испугался. И почему-то сразу мне поверил. Я бы на твоем месте решил, что мужик за рулем — террорист, отравил всех газом, угнал автобус...

— Ага, прямиком в Албанию, — ухмыльнулся он. — Стал бы террорист так радоваться, когда я очухался... Пошли, пошли, я сам покурить хочу.

Мы вышли на улицу, и водитель Яша доверительным шепотом сказал:

— Границы, знаешь, такие заподлые места, всякое бывает. Я сам еще никогда так не попадал, но ребята рассказывали... Нет, стоп. Извини. Не хочу об этом болтать. Нам завтра назад ехать. А потом опять туда-обратно. Лучше не задумываться.

Он огляделся по сторонам, увидел впереди дорожный указатель, подошел поближе, покачал головой, вернулся и деловито спросил:

— Ты от границы, получается, долго ехал?

— Мне показалось, минут двадцать. Но на самом деле, наверное, еще меньше.

— Ну-ну. А проехал двести с лишним километров, — флегматично заметил водитель. — Так что идем почти по графику, еще до Варшавы нагоним.

— Это как такое может быть?

— А вот так. Есть — значит, может. Все, закрыли тему. Сказал же, не хочу об этом думать... Светка! — позвал он.

Симпатичная бортпроводница бесшумно материализовалась у меня за спиной.

— У тебя там коньячок был. Дай человеку выпить. Ему надо.

Она кивнула, достала из сумочки початый шкалик, молча протянула мне.

— Забирай, — великодушно сказал водитель. — Ты все сделал, как надо. Спасибо, что нас оттуда увез. А теперь выпей и постарайся поспать. И учти, если начнешь расспрашивать меня утром, я скажу, что ничего не было. И Светка подтвердит. И Римас.

Нам всем тут еще ездить и ездить. Так что не начинай. А еще лучше — совсем забудь. И летай самолетами.

Его поведение ошеломило меня чуть ли не больше, чем все предшествующие события. Но спорить совершенно не было сил. Поэтому я молча кивнул, взял коньяк и пошел прочь. Чувствовал, что эти двое смотрят мне вслед, но оборачиваться не стал. Обошел автобус, забрался в салон, упал в свое кресло, достал из кармана телефон и позвонил Карлу. На этот раз пошли гудки, потом раздался его голос:

— Как дела, Фил?

Я открыл было рот, чтобы подробно рассказать, как у меня дела, но вовремя передумал. Не телефонный разговор. Потом. Может быть.

— Все хорошо, — сказал я. — Автобус пустой, кондиционеры работают. Я почти сразу уснул, потом проснулся, вышел покурить, а водитель зачем-то подарил мне бутылку коньяка. И я решил, что обязательно должен рассказать тебе об этом удивительном происшествии, а то завтра сам не поверю, что это было наяву. Сейчас выдую коньяк и буду спать дальше.

— Весь сразу, что ли, выдуешь? — изумился Карл.

— Конечно весь, чего мелочиться. Бутылка двухсотграммовая, к тому же из нее уже кто-то отпил. Так что спокойной ночи. И передай Ренате спасибо за чай, он мне очень пригодился. А завтра с утра еще раз пригодится, заранее предвкушаю.

— Передам, конечно... Эй, Фил, я почему-то очень рад, что ты позвонил. Я имею в виду, гораздо больше, чем положено в подобных случаях.

— Знал бы ты, как я сам этому рад, — искренне сказал я.

А потом исполнил свое обещание — залпом опустошил дареный шкалик, запил его чаем, выглянул

в окно, озадаченно проводил глазами далекую неоновую надпись «Тяжелый свет Куртейна», натянул плед на голову, сказал вслух: «Ну их всех в жопу» — и заснул так крепко, как даже в собственной постели нечасто получается.

Когда я открыл глаза, мы как раз въезжали в Прагу. Часы на телефоне показывали 10:10. Хорошее время, люблю такую симметрию. По всему выходило, что за ночь водители не только наверстали упущенное, но и опередили график почти на два часа, по расписанию нам полагалось прибыть в Прагу только в полдень.

Подумав об этом, я тут же вспомнил, какая фигня творилась ночью, и содрогнулся, но быстро нашел выход, веско сказал себе: «Чего только не приснится» — и чуть не умер от облегчения. А что ж, мне еще и не такое порой снится; мои ночные кошмары бывают столь правдоподобны, что так называемая реальность стыдливо забивается потом в темный угол и сидит там смирно, убоявшись конкуренции. В детстве я вообще не мог отличить одно от другого, вечно бродил и разговаривал во сне, озадачивая взрослых своими лунатическими выходками. Но мало ли что было в детстве.

Я достал из рюкзака термос, допил все еще горячий чай и уставился в окно. Городской пейзаж по мере приближения к центру становился все более привлекательным. Вот и прекрасно, буду его разглядывать. Все лучше, чем...

Ты меня, конечно, извини, осторожно сказал мой внутренний голос, но если это был только сон, с какой стати ребята поделились с тобой коньяком? Или

ты пустой шкалик из сновидения приволок, чтобы сдать поутру? Хозяйственный какой, молодец. Даже жаль, что такую тару нигде не принимают, придется теперь обратно уносить.

Цыц! — внутренне рявкнул я. Может, я этот шкалик в Каунасе купил, на автовокзале. Мало ли что не помню, я же носом весь день клевал...

Но было поздно. Этот гад, в смысле внутренний голос, уже разбудил во мне способность сомневаться. Чем плох скептический ум вроде моего — он подвергает сомнению не только завиральные идеи, а вообще все подряд, в том числе здравые, разумные объяснения, которые меня полностью устраивают.

Несколько секунд я колебался, а потом достал из кармана телефон, открыл список исходящих звонков и содрогнулся. Последний звонок Карлу в двадцать три с минутами — с ним все в порядке. Было дело. Проснулся, позвонил зачем-то домой и снова уснул. Но предыдущие девятнадцать вызовов, сделанные примерно часом раньше, — фрагмент моей записной книжки, которую я, совершенно верно, в панике обзванивал, набирая все номера подряд, включая службу вызова такси и стоматологическую клинику, вот смеху было бы, если бы дозвонился...

Ну и что? — строго спросил я себя. По дому ходить не просыпаясь можно, а по телефону звонить — нет? Почему, интересно?

Ай, ладно, отмахнулся мой внутренний голос. Сам знаешь, никакой это был не сон.

Ну да, сам знаю. Я много чего «сам знаю», в подавляющем большинстве случаев это здорово осложняет жизнь.

Но, по крайней мере, лезть с расспросами к водителям я не стал. Просили люди оставить их в по-

кое — пожалуйста. Единственное, что я себе позволил, — ласково сказать на прощание бортпроводнице: «Спасибо вам за коньяк, Света».

— Ой, ерунда, сколько там того коньяка было, — смутилась она. Тут же осеклась, отвела глаза, но поздно, я уже выяснил, что хотел. И, стараясь сохранять безмятежность — хотя бы на лице, — зашагал к зданию автовокзала, где призывно маячил кофейный автомат.

Автомат, впрочем, жестоко обманул мои ожидания. В отличие от наших виленских автопоилок, которые предлагают страждущим скверный, но все-таки натуральный кофе, он торговал всеми мыслимыми разновидностями растворимого. Зря я предусмотрительно запасся мелкими кронами — не пригодилось.

— Кругом враги, — вслух сказал я и пошел к стоянке такси. Уж в отеле-то найдется для меня чашка эспрессо — при условии, что минувшей ночью мы не впендюрились со всей дури в какую-нибудь гнусную параллельную реальность, где о существовании натурального кофе даже любознательные ученые не догадываются.

Реальность, параллельная или нет, была милосердна. И эспрессо в отеле мне дали, и завтраком накормили за почти символическую доплату, и в номер пустили на час раньше положенного срока. Даже банный халат, поджидавший меня в душе, был длинный, почти до пят, а не куцая махровая жакетка, как обычно. Казалось бы, живи и радуйся. Но нет, в голове моей теснились Беспокойные Мысли — именно так, с большой буквы, крупные, жирные, тяжелые, поди избавься от них.

— А скажи-ка мне, милый друг, — спросил я свое зеркальное отражение, до отвращения встревоженное, — почему тебе так не нравится ночное происшествие, в ходе которого ты вел себя абсолютно правильно, оказался большим молодцом и, судя по всему, всех спас? Неизвестно от чего, непонятно каким образом, но спас — факт.

Отражение отмахнулось от моих аргументов. Подумаешь — оказался молодцом. Я никогда не мечтал стать героем, даже в детстве довольно равнодушно относился к такой перспективе. «Всех спас» — дело житейское, с кем не бывает, просто обстоятельства так сложились, гордиться особо нечем. Зато вводная «неизвестно от чего, непонятно каким образом» меня решительно не устраивала. Мне не так много надо от жизни, я, можно сказать, аскет, но всегда понимать, что со мной происходит, — это обязательное условие. Иначе я не согласен. Я даже бухать подвязал, убедившись, что у меня слишком быстро срывает башню и я перестаю осознавать происходящее. Мой разум полагает такое положение вещей оскорбительным и невыносимым.

И тут — нате пожалуйста. Дикая, бредовая, абсолютно необъяснимая история, которая даже в качестве сновидения, прямо скажем, не слишком меня устроила бы, оказалась реальным происшествием. Косвенного подтверждения, полученного от конопатой бортпроводницы Светы, к сожалению, достаточно, я скептик, но не идиот, поэтому *знаю,* что все было *на самом деле,* и не могу это знание отменить.

— А ведь мог быть счастливым придурком, одним из тех, кто все проспал, — вслух сказал я. И тут же подумал — интересно, а если бы я не проснулся и не побежал курить, чем бы дело кончилось? Где бы мы все

сейчас были? А если бы и проснулся, и вышел, и перепугался, но не умел бы водить даже легковую машину? Ну есть же люди, которые не умеют, их полным-полно. Вот что бы я тогда стал делать, интересно? И опять же, где бы сейчас был? На границе, с полным автобусом мертвецов? Или?..

На этом месте мое воображение отказалось от дальнейшего сотрудничества. Оно и к лучшему. Не хочу об этом думать. Но больше ни о чем не могу.

— А ну марш на улицу! — сурово приказал я себе. — Такой красивый город, люди старались, строили, а ты как дурак в отеле сидишь, эзотерические сопли по ряхе мажешь.

— Да пошел ты, — лениво ответил я внутреннему воспитателю. Но все-таки принялся одеваться. Он, конечно, хамло редкостное, но дело советует.

Лучше бы я остался в отеле. В таком настроении не следует отправляться на прогулку по городу, особенно после многолетнего перерыва, когда впечатления свежи и остры, как в самый первый раз, а требования завышены в угоду смутным воспоминаниям о предыдущем визите. Прага была восхитительна, за время моего отсутствия она даже похорошела, но я больше не находил в ней примерещившегося мне в прошлый раз потаенного глубинного смысла. Теперь город напоминал мне Ренатину шкатулку с бижутерией, заменявшую сундук с сокровищами, когда мы с играли в пиратов, — такой же набор красивых разноцветных безделушек, который кто-то когда-то условился считать драгоценностями, но игра затянулась, и тех, кто придумывал правила, уже нет в живых, а нынешние игроки не догадываются, что все понарошку, один я такой умный, самому тошно.

Избыточная красота улиц раздражала меня даже больше, чем бесчисленные стада экскурсантов; впрочем, все это ни в какое сравнение не шло с раздражением, которое вызывал у себя я сам, — терпеть не могу капризных туристов, которым все не впрок. Отвратительные, гнусные типы, и я — один из них, самое бесчувственное и сварливое бревно на обоих берегах Влтавы. Отдать бы мой номер в отеле и деньги, которые я здесь без всякого удовольствия просажу, какой-нибудь учительнице из Чебоксар — да любому нормальному, неизбалованному человеку, способному по достоинству оценить выпавшее на его долю счастье смотреть по сторонам, распахнув рот, щелкать дешевым фотоаппаратом, гулять до зари, дорожа каждой минутой, и радоваться, радоваться, радоваться, черт побери.

Кружным путем, то и дело шарахаясь от очередной человеческой отары, бредущей к Карлову мосту, я вышел на берег Влтавы. Здесь было более-менее пусто, лебедей и прочих водоплавающих на песке топталось много больше, чем желающих их покормить. А у самой воды росла старая раскидистая ива. Я с первого взгляда приметил удобную развилку, на которой можно пересидеть приступ разлития желчи. Залезть на дерево — верный способ привести голову в порядок, по крайней мере для меня. Я и залез, игнорируя интересы собственных штанов и изумленные взоры немногочисленных зевак. Ничего, ничего, здоровье дороже.

Стоило мне как следует устроиться среди ивовых ветвей, настроение немедленно начало исправляться. Я закурил, блаженно прикрыл глаза и предался разнузданному самоанализу. Если уж позволяешь

себе на ровном месте превращаться в бессмысленное, раздражительное фуфло, будь добр хотя бы понимать, почему ты это делаешь.

Ответ лежал на поверхности. Что-что, а «место» в данном случае ни хрена не «ровное». Ночное происшествие не только напугало, но и рассердило меня. От него разило дремучей, непролазной мистикой, а я раз и навсегда решил, что никакой мистики в моей жизни больше не будет. Хватит с меня этой херни. Наигрался уже. По самое не могу.

В детстве чудеса были для меня самым обыденным делом. То есть я даже не знал, что это и есть «чудеса» — выбирать сны по своему вкусу, а в некоторые находить лазейки наяву и всегда возвращаться обратно, даже не успев толком испугаться; получать желаемое, не озвучивая просьбу, а неуловимым волевым усилием заменяя текущую картину мира новой, в рамках которой вожделенное событие *не может не случиться;* препираться с невидимыми для всех остальных существами, обитающими в темноте, когда им казалось, будто я нарушаю границы их территории; говорить разбитой коленке: «А ну, не боли!» — и бежать дальше, а вечером с недоумением разглядывать уже зарубцевавшийся след — откуда это? когда успел? Я думал, со всеми так время от времени случается, твердо знал, что это и есть нормальная человеческая жизнь, вернее, самое ее начало, потому что потом, скоро-скоро, я вырасту и — ой что будет!

Но по мере того как я рос, событий такого рода становилось все меньше, мои невидимые приятели больше не показывались, желания исполнялись разве только по мановению руки доброго волшебника Карла или ценой моих собственных трудов; редкие

сновидения все чаще оборачивались кошмарами, и беспомощность моя была столь велика, что даже пробудиться по собственной воле я больше не умел. Постепенно я привык считать свою жизнь несбывшимся обещанием, но в глубине души подозревал, что несбывшимся обещанием оказался я сам.

Понятно, что я не сразу смирился с таким положением дел. Думал, все еще можно исправить, чудесный мир, частью которого я был в детстве, по-прежнему рядом, где-то здесь, за невидимой стеной, надо только найти дверь и подобрать к ней ключ. Мои книжные полки ломились от эзотерической литературы, а в списке ближайших друзей стабильно фигурировала как минимум полудюжина каких-нибудь йогов, экстрасенсов, гадалок и просто начитанных мистиков-любителей вроде меня самого. Неизменным оставалось только их наличие, а персоны стремительно сменяли одна другую по мере того, как рос список моих разочарований.

Ей-богу, лучше бы я сразу отчаялся и поставил на себе крест. Все получалось как-то наперекосяк, вожделенный пир духа не тянул даже на полдник в «Макдоналдсе». На роль моего очередного гуру пробовались люди в лучшем случае просто восторженные и недалекие; впрочем, несчастных психов и откровенных шарлатанов было гораздо больше. Все наперебой сулили мне скорое просветление и прочие духовные победы, но не похоже, что хоть кто-нибудь был лично знаком с невидимыми существами, населявшими темноту моего детства. Самостоятельные бессистемные занятия разными практиками окончательно сорвали мне крышу и сбили дыхание, зато подняли качество ночных кошмаров на недосягаемую высоту. Стремясь понять, что я делаю не так, я

то и дело записывался на занятия йогой и цигуном, ездил на семинары по тенсегрити, прибивался к группам, практикующим даосские техники, — и сбегал самое позднее на третий день; впрочем, для очередного разочарования мне обычно хватало нескольких минут. Главное всегда было видно сразу: здесь собрались слабые, беспомощные люди, которые по большому счету хотят только одного — *спастись.* От чего именно — дело десятое. А как они себя при этом ведут, какого рода пыль пускают в глаза неофитам и что обещают им в обмен на почтительность и слепую веру — это уже даже не десятое, а примерно триста восемнадцатое дело.

Чужая слабость всегда казалась мне заразной, а бежать от этой чумы я мог и без мистических озарений. Что-что, а уходить, не привлекая к себе внимания, я умел всегда.

В конце концов я был вынужден признать: поиски мои совершенно бессмысленны. Чудес больше не будет, во всяком случае для меня. И силой их не возьмешь, и хитростью не выдуришь, и даже не выклянчишь отчаявшись. В глубине души я догадывался, что проблема во мне самом, — видимо, есть во мне какая-то червоточина, которая как магнитом притягивает всякое фуфло, а *настоящее,* наоборот, отталкивает. Вообще-то, я себе скорее нравился, чем нет, никаких особо ужасных изъянов в потемках собственной души не обнаруживал, но иных разумных объяснений не находилось. Внешний мир — зеркальное отражение внутреннего, с этим не поспоришь. А существует ли выход из такого положения, в книжках не говорилось — я очень внимательно перечитал их напоследок, прежде чем отволочь к букинисту, а другие покупать не стал. Хватит с меня.

То есть я, можно сказать, *обиделся* на магическую составляющую бытия за то, что она меня бросила. Сказал: нет уж, это я тебя бросил, обойдусь, и не вздумай приходить, раз так. Детский сад, конечно, но я и был тогда почти мальчишкой. Впрочем, нельзя сказать, что я с тех пор как-то фатально поумнел. Опыта житейского поднабрался, это да. А толку-то.

Слушай, сказал я себе, а чем ты, собственно, сейчас-то недоволен? Неплохое же вышло приключение. Жуткое, конечно, зато *настоящее,* без обмана. Все лучше, чем брошюры листать. И вел ты себя молодцом. И закончилось все хорошо. Просто отлично закончилось.

Вот именно! — взвыл я. Закончилось! Все, на хрен, закончилось, не успев начаться. Живи теперь дальше как последний дурак, будто не было ничего...

Это открытие стало для меня полнейшей неожиданностью. Ни хрена себе дела. Думал, бешусь от страха и растерянности, а оказывается, обижаюсь, что все слишком быстро закончилось. Недостаточно, значит, перепугался. В штаны не успел навалять, какая жалость!

Ничего, ничего, язвительно пообещал я себе. Эксперимент можно повторить. Да хоть раз в неделю через польскую границу мотайся туда-обратно, не самое дорогое удовольствие. А можно и пешком, с палаткой — для остроты ощущений.

Я невольно улыбнулся, вообразив, как устанавливаю палатку возле опустевшей пограничной будки, разжигаю костер, воскуряю благовония, достаю из рюкзака картошку и усаживаюсь в позу для медитации, весь увешанный охранными амулетами из московского магазина «Путь к себе». Мрачное настроение улетучилось окончательно. Я же говорю, когда

начинаешь превращаться в кусок сварливого дерьма, нет ничего лучше, чем залезть на дерево. Как рукой снимает.

Я спрыгнул на землю. Ко мне тут же вразвалку подошел нахальный толстый лебедь, окинул оценивающим взглядом, увидел, что руки мои пусты, и, презрительно хрюкнув, поковылял прочь. А я огляделся по сторонам и обнаружил, что Прага понемногу начинает мне нравиться. Взять хотя бы панораму противоположного берега — как ни крути, а хороша. Для укрепления зарождающейся симпатии оставалось найти сносную кофейню, желательно в течение получаса, пока настроение снова не начало портиться, а то придется до ночи по деревьям сигать.

Кофейню я нашел быстро. Не то чтобы такую уж хорошую, но вполне пристойную — полупустую, с курящим залом и сливочным капучино в меню. Сделал заказ, тут же получил желаемое, попробовал и остался чрезвычайно доволен. Сладкие, густые помои, именно то, что надо.

Страшная правда обо мне заключается в том, что я не слишком люблю кофе. Однако пью его ведрами. Дело даже не в бодрящем действии кофеина, которое, строго говоря, требуется только по утрам, да и то не всегда. Вкус кофе успокаивает меня и примиряет с жизнью, возвращает ногам вечно норовящую уйти из-под них твердую почву и придает жизни хоть какое-то подобие смысла. Это один из немногих уцелевших мостов в детство, калитка, ведущая прямиком в райский сад, откуда меня изгнал неумолимый Кронос. В нашем доме всегда пахло свежесмолотым кофе, Рената варила его по утрам, а Карл, когда был

дома, — четырежды в день как минимум. Чужой кусок сладок, вот и я вечно норовил отхлебнуть из его чашки — подумаешь, невкусно. Невысокая цена за ощущение причастности к прекрасной, загадочной взрослой жизни. Хитрая Рената добавляла чайную ложку кофе в горячее молоко, которое я ненавидел, и я выпивал его практически залпом, еще и добавки просил, очарованный не вкусом, который вовсе не становился лучше, но восхитительной переменой цвета и запаха. Словом, я не люблю кофе, но когда пью его, я почти счастлив, а только это и важно.

Временно примирившись с собой и обстоятельствами, я болтался по городу до наступления сумерек. А потом местные духи-хранители спохватились, решили проучить меня за давешний приступ брюзгливости и включили мелкий, противный, по-осеннему холодный дождь. Возвращаться в гостиницу пока не хотелось, и я принялся оглядываться по сторонам в поисках подходящей забегаловки. Без особой надежды, честно говоря: кабаков-то много, а вот отыскать место, где можно не просто убить время, а с удовольствием его провести, — задача почти непосильная. Обычно я распознаю такие заведения с первого взгляда, проблема в том, что их очень мало — не только в Праге, а вообще на этой планете.

Пока я топтался под навесом трамвайной остановки, придирчиво изучая окрестные вывески, мимо прошла небольшая шумная компания, одетая настолько пестро и причудливо, что я сперва счел их фрагментами сновидения и обрадовался — надо же, сплю на ходу, и сны мои смешиваются с реальностью, совсем как в детстве, вот уж не надеялся когда-нибудь снова...

И правильно, что не надеялся. Никакие они были не сновидения. Просто местная молодежь в диковинных костюмах, которые так нравятся туристам, живые скульптуры на отдыхе, даже грим толком не смыли, накинули куртки прямо на рыцарские латы и клоунские трико — и вперед, в пивную. Кстати, о пивной, подумал я, а не сесть ли им на хвост? Не факт, что забегаловка непременно будет хороша, но такая компания украсит любой интерьер.

Мои короли и шуты тем временем прошли мимо и скрылись за поворотом; я немного замешкался, раздумывая, действительно ли мне этого хочется, наконец махнул рукой: на месте разберемся, не понравится — уйду, — и устремился за ними.

Открывшаяся мне улица была темна и абсолютно пустынна, значит, эти красавцы уже куда-то зашли. Осталось понять, куда именно. В свете тусклого фонаря я с трудом разглядел неприметную вывеску «Blue Light» и совсем уж мелкие, но многообещающие надписи на массивных деревянных дверных створках: «Jazz Bar», «MuSIc», «COcTaILS». То есть можно было с известной уверенностью предположить, что нынче вечером мне суждено избежать главной опасности — расплавленной свинцовой попсы, которую немилосердно льют в уши несчастных забулдыг в доброй половине питейных заведений. Благословляя ряженых и собственную мудрость, велевшую следовать за ними, я потянул на себя тяжеленную дверь и нырнул в пропахшую табачным дымом теплую темноту.

Бар полюбился мне с первого взгляда; второй же превратил мимолетную симпатию в глубокое и зрелое чувство. Здесь царил красноватый, словно бы разведенный брусничным морсом полумрак, стояли отполированные временем черные столы и уродливые, но удобные стулья, шершавые стены были укра-

шены старыми афишами и бесчисленными вручную процарапанными надписями на доброй дюжине языков; сперва я принял их за чистую монету и подивился трудолюбию и ловкости здешних завсегдатаев, ухитрившихся оставить память о себе даже под потолком, и только потом понял, что все эти «Яцек любит Сабину» и «Здесь был старый Свенсон» — часть тщательно продуманного дизайнерского замысла. Пожилой патлатый бармен, облаченный в скрипучий кожаный жилет, был хмур и сосредоточен, а юные, почти налысо стриженные официантки с проколотыми бровями, напротив, неподдельно приветливы. Вместо обещанного вывеской джаза в колонках негромко пел Фредди Меркьюри — оно и неплохо, уж насколько я не люблю слушать музыку вполуха, но с таким звуковым фоном готов мирно сосуществовать часы напролет.

Мои живые скульптуры тоже были тут, как раз сдвигали столы, рассчитанные на двух-трех сотрапезников, чтобы разместиться вшестером. Я сразу приметил пустующее место в углу, отличный наблюдательный пункт, устроился там поудобнее и в ожидании меню принялся глазеть на прекрасных незнакомцев.

Король и Королева в парадном облачении, с тщательно загримированными лицами, оба очень высокие, статные, широкоплечие, у обоих из кружевных манжет торчали большие, обветренные, неухоженные руки; надо думать, к костюмам прилагались перчатки, которые царственные особы сейчас сняли. Пол Королевы не вызывал особых сомнений: женщин с такими ручищами природа не создает даже ради разнообразия.

Зато смуглая, красивая Коломбина и бледная дева с зелеными кудрями, изображавшая не то русалку, не то утопленницу, были женственны и изящны, каждая на свой манер. Забавно, что Коломбина обладала томной грацией умирающего лебедя, а Утопленница, напротив, взрывным темпераментом, который проявлялся во всяком ее жесте и движении. «Черт в юбке», — говорит о таких Рената. В ее устах это своего рода сертификат качества.

Рыцарь в ярко-красной куртке, надетой прямо поверх позолоченных доспехов, был почти великаном — на добрых полголовы выше здоровенных Короля с Королевой. Он был серьезен и строг, носил свой бутафорский наряд с неподражаемым достоинством и выглядел в нем столь естественно, что казался не ряженым комедиантом, а единственным нормальным человеком, одетым как подобает, впору устыдиться: как же это я нынче оплошал, вышел из дома без доспехов? Даже эта его дурацкая спортивная куртка почему-то не ослабляла, а, напротив, каким-то непостижимым образом усиливала эффект, добавляла достоверности образу, так что я бы совершенно не удивился, обнаружив в его картонных ножнах самый настоящий меч.

На столь роскошном фоне последний из шестерки выглядел откровенно жалко. Он, насколько я понял, изображал дикаря, вернее, дикарку: к облегающему черному трико в надлежащем месте были пришиты два унылых мешочка, символизирующих обвисший бюст с оранжевыми помпонами вместо сосков. На бедрах болталось подобие юбки из зеленой ткани, искромсанной в лапшу ради сходства с травой. Тряпичная маска, изображающая черную рожу с выпученными глазами и огромными красными губами, сейчас красовалась на крюке для шляп, а шею Дикарки венчало тонкое, нервное, очень бледное лицо немолодого

лысеющего мужчины. Несмотря на убогий наряд, Дикарка, судя по всему, был самой важной персоной в этой компании, по крайней мере, участия в перетаскивании мебели он не принимал, даже стул ему услужливо подал Король — в то время как обе девицы усаживались без посторонней помощи.

Живые скульптуры наконец расселись, а мне принесли меню. Недолго думая я заказал джин-тоник — идеальное решение, если собираешься добросовестно пить весь вечер и остаться трезвым. Любой другой напиток выводит меня из строя довольно быстро, и только живительная горечь тоника творит чудеса.

У ребят, как я понимаю, такой задачи не было, поэтому они выбирали выпивку долго, с надлежащим тщанием и полной самоотдачей, адресовали друг другу вопросительные взгляды и давали советы, тыча в меню, что-то подсчитывали на пальцах и никак не могли окончательно определиться. Видимо, денег у них было в обрез, зато желаний — в избытке. Я сам когда-то регулярно оказывался в таком положении и теперь искренне им сочувствовал. С удовольствием угостил бы всю компанию, да повода не было, а вот так на ровном месте навязываться незнакомым людям я ни за что не стану.

— Не пей вина, Гертруда! — вдруг громко сказала Утопленница зависшему над меню Королеве.

Я сперва рассмеялся от неожиданности и только потом удивился: Утопленница процитировала Шекспира по-русски, и вся компания, судя по одобрительным ухмылкам, прекрасно ее поняла.

Ряженые тем временем дружно уставились на меня. Видимо, я заржал несколько громче, чем следовало. Поскольку я сидел в полном одиночестве, догадаться о причине моего веселья было, прямо скажем,

нетрудно. Утопленница и Рыцарь одарили меня приветливыми улыбками, Коломбина скользнула оценивающим взором и поспешно отвернулась, Король уставился с откровенным любопытством, а Дикарка глядел мрачно и, я бы сказал, обреченно, словно заранее приготовился к неприятностям, источником которых я могу оказаться. Только Королева остался равнодушен к моей персоне: он медитировал над меню. Все бы так.

— Вы совсем не похожи на русского туриста, — наконец сказала Утопленница.

Это прозвучало как комплимент; строго говоря, это и было комплиментом. «Русский турист», вернее, стереотипное представление о нем, — то еще пугало. Отмалчиваться было бы невежливо.

— Это потому, что я не русский турист, — объяснил я. — То есть условно русский, но не турист. По делу приехал. — И, не удержавшись, добавил: -- Вы меня тоже удивили. Думал, живыми скульптурами только местные жители работают.

— Всякое бывает, — пожала плечами Утопленница. — Но мы, в общем, и есть местные. Условно местные.

Она явно дразнилась.

Я вежливо кивнул, придал лицу неопределенное, умеренно одобрительное выражение, примерно соответствующее реплике: «Эвона как», и стал лихорадочно соображать, как бы этак элегантно свернуть беседу, сохранив за собой право остаться молчаливым, никого не обременяющим своим присутствием наблюдателем. Задача, что и говорить, почти непосильная.

— Если вы никого не ждете и располагаете временем, присоединяйтесь к нам, — неожиданно предложил Рыцарь. Он говорил по-русски с очень сильным

акцентом, но свободно и так бегло, что слова норовили смешаться в кашу, я едва разобрал.

В его устах это неожиданное предложение прозвучало настолько естественно и убедительно, что сразу же показалось мне единственным разумным выходом из ситуации. Если уж неназойливым наблюдателем мне не быть, почему бы не присоединиться к этой причудливой компании, действительно.

— Тогда с меня причитается, — объявил я, придвигая к соединенным столам еще один стул. — Бутылка коньяка — это хороший вступительный взнос?

Только теперь Королева соизволил оторваться от меню. Он уставился на меня с неподдельным обожанием.

— Это было бы круто, — сказал он прекрасно поставленным басом.

Дикарка пробормотал что-то неразборчивое. Он говорил по-чешски, но суть я уловил: дескать, собирались же пить пиво, какой такой коньяк. Но младшие товарищи быстро его переубедили, особенно усердствовала королевская чета, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении братьями-близнецами. Родом они, как сообщил Король, были из Саратова, а сейчас учились в Пражской киношколе вместе с москвичкой-Утопленницей и Рыцарем, который приехал сюда аж из Копенгагена — то-то я его произношение едва разбирал. Аборигенами в этой компании были только Коломбина, уже благополучно завершившая обучение на кафедре анимации все в той же FAMU*, но пока безработная, и угрюмый Дикарка,

*** *FAMU,* Filmova a televizni fakulta akademie muzickych umeni v Praze, — Пражская киношкола, подразделение Академии изящных искусств в Праге, основана в 1946—1947 годах.**

который не стал ничего о себе сообщать. Я, впрочем, и не выспрашивал.

После того как мой вступительный взнос был доставлен и вскрыт, я сказал:

— Все-таки поразительная штука жизнь. Никогда бы не подумал, что в один прекрасный день услышу фразу «Не пей вина, Гертруда», сказанную не всуе, а обращенную натурально к королеве, изучающей карту напитков. Такой красивый эпизод. Больше всего на свете люблю, когда реальность — хлоп! — и превращается в тщательно отрежиссированный фильм. В такие моменты я как никогда близок к вере — если не в Режиссера, то хотя бы в Сценариста.

— Прибавьте к ним Продюсера и получите идеальную Святую Троицу, — ухмыльнулся Рыцарь.

Он говорил по-русски так легко и свободно, что впору было счесть ужасающий акцент нормой и постараться хоть как-то ей соответствовать.

— Про Гертруду — это у меня дежурная шутка, — доверительно сообщила Утопленница. — С тех пор как этот красавец впервые накирялся, не переодевшись после работы. Вы когда-нибудь пробовали снять с дерева, привести в чувство, отговорить от купания во Влтаве и доставить домой пьяную королеву ростом метр восемьдесят? Только и остается молиться, чтобы это не повторилось, да Шекспира цитировать, единственное утешение.

— Метр восемьдесят четыре, Милочка, — кротко поправил ее Королева. — Я дорожу каждым своим сантиметром, они — всё, что у меня есть, не нужно понапрасну уменьшать их число.

Король тем временем заботливо переводил нашу болтовню Коломбине, которая, судя по напряженному выражению лица, очень старалась нас понять,

но распознавала одно слово из четырех — в лучшем случае. Дикарка всем своим видом показывал, что беседа ему неинтересна, но коньяк выпил залпом и тут же налил себе еще. Лицо его неожиданно смягчилось, и он снисходительно сообщил мне, тщательно подбирая русские слова:

— Людмила совсем помешанная с Гамлетом.

— Совершенно верно, — обрадовалась Утопленница. — Я еще лет десять назад придумала, как надо правильно экранизировать «Гамлета». И терпеливо ждала, когда кто-нибудь это сделает. Но никто не почесался. Пришлось все бросить и ехать учиться на режиссера. А что делать, если все дураки?

Мне очень понравился такой подход к делу. Я бы и сам на ее месте так поступил — если бы мне повезло родиться счастливым идиотом, который всерьез верит, будто еще одна экранизация «Гамлета» — это ужасно важно.

— А как надо? — спросил я.

Коронованная чета схватилась за голову, видимо, братьям приходилось выслушивать эту телегу чуть ли не ежедневно. Но Утопленницу их досада совершенно не смутила.

— Коротко говоря, надо, чтобы декорации по ходу дела сходили с ума вместе с персонажами. Действие начинается в совершенно нормальном Эльсиноре, все должно быть идеально, чтобы даже самый злобный специалист по той эпохе не смог придраться. По мере того как Гамлет приходит в смятение, в замке начинают появляться неуместные предметы: японская чайная посуда, кресла рококо, африканский идол в часовне, радиола в спальне Гертруды и... ну не знаю, да хоть ксерокс на кладбище, среди надгробий. И само пространство тоже должно меняться. В Эльсиноре вдруг возникают дорические колонны, современные пластиковые окна, лестница обзаводится модерновыми перилами, а под конец вообще начинает двигаться как эскалатор. И так далее. К моменту похорон Офелии в замке воцаряется такой хаос, что все выходки персонажей на его фоне кажутся разумными и адекватными. Финальная сцена будет происходить уже в каком-нибудь эшеровском пространстве с лестницами, уходящими в потолок, и зеркальными стенами, загроможденном предметами всех эпох, назначение доброй половины которых непонятно даже самому искушенному современному зрителю. Примерно вот так.

Рассказывая, она хорошела на глазах, узкое скуластое лицо вдруг оказалось на диво гармоничным, а темные круги под глазами подчеркивали их блеск и глубину лучше любого макияжа. Все-таки ничто так не красит человека, как вдохновение.

— Хотел бы посмотреть такую экранизацию, — сказал я. — По-моему, отлично может получиться.

— Если все сделать как следует, — кивнула Утопленница. — Художник-постановщик должен быть гений. Ну и бабки немереные, понятно.

— То есть главным гением все-таки должен быть продюсер, — ухмыльнулся Королева.

— И композитор, — добавил я. — Чтобы звуковой ряд не уступал визуальному.

— Все должны быть гениями, — твердо сказала Утопленница. — Иначе какой смысл?

— Но пока у тебя есть только гениальный сценарист, — заметил Рыцарь.

— В смысле? Кого ты имеешь в виду? — оживилась Утопленница.

— Ну как — кого? Шекспира, конечно.

— А, ну да, — вздохнула она.

— Сценарист, не спорю, отличный, — сказал я. — А все-таки именно «Гамлета» мне всю жизнь хотелось переписать. До сих пор руки чешутся.

Я, конечно, соврал. Идея переписать «Гамлета» пришла мне в голову только что, просто «всю жизнь хотелось» звучит более убедительно и позволяет продемонстрировать уважение к собеседникам. Дескать, не просто так чушь несу, а наболевшим готов поделиться.

— Переписа-а-ать? — протянула Утопленница. — А как?

— Рассказать, как повернулось бы дело, если бы Гамлет все-таки шлепнул дядю, пока тот молился. Удобный же момент. А что душа злодея в рай попадет — это он напрасно тревожился. Не человеческого ума дело, что будет с другими людьми после смерти. Не нам это решать, так что и беспокоиться не о чем. А ведь как все прекрасно сложилось бы! Король-отец отмщен, его призрак успокоен, Гамлет на троне, Лаэрт и Полоний живы, Розенкранц и Гильденстерн, кстати, тоже, Офелия готовит подвенечный наряд. Гертруда погоревала бы, конечно, но любимый сын, не сомневаюсь, разъяснил бы ей обстоятельства, а там и третий муж нашелся бы в утешение, дурное дело нехитрое. Короче, все танцуют.

— Хорошая жизнь, но плохая пьеса, — заметил Рыцарь. — Драматург должен заставить персонажей делать глупости. От последствий их поступков зависит, трагедию или комедию мы получим на выходе. Но принцип один.

Я хотел сказать ему, что никогда еще не встречал столь внятного и убедительного теоретика драмы, но в беседу вмешался Король.

— Это же вы Цаплина пересказываете, я правильно понял?

Он выглядел как заплутавший на чужбине разведчик, который после долгих бесплодных поисков связных вдруг услышал от случайного прохожего заветный пароль. Но мне нечем было его порадовать.

— К сожалению, нет. Я даже не знаю, кто такой Цаплин.

— Борис Цаплин. Писатель. Очень хороший. И именно по этой причине почти никому не известный. Крупный специалист по новым приключениям чужих идей и персонажей. Вот, скажем, тот же «Гамлет». Цаплин написал рассказ о том, как все персонажи встречаются на том свете. То есть, теоретически, в аду. Так вот, они там встречаются и начинают выяснять отношения, ругаются страшно, а сделать друг с другом ничего не могут: все уже и так мертвые дальше некуда; наверное, в этом и заключается «ад». И король-отец как раз наезжает на Гамлета: дескать, дурак ты, почему дядю во время молитвы не замочил? Какого черта? Сидел бы сейчас на троне, женился бы, наследника родил, династия моя не прервалась бы, — почти слово в слово, как вы говорили. Но все это, понятно, гораздо лучше, чем в моем пересказе... Слушайте, а хотите, я вам его книжку дам?

— А она у вас с собой? — удивился я.

Король кивнул и достал откуда-то из-под мантии потрепанную толстую книжку карманного формата.

— Все время с собой таскаю, Цаплина в транспорте читать — милое дело, хоть бы и по сотому разу. А транспорта в моей жизни много. Мы на окраине живем, район Прага-9, жопа мира, страшное место.

— Спасибо, — сказал я. — Очень здорово. Я как раз ничего с собой не взял почитать, собирался впопыхах. А как я вам ее верну?

4 Зак. №2010

— Не надо возвращать, — отмахнулся Король. — У меня дома еще добрых полдюжины. Купил целую пачку на подарки, чтобы поддержать самый малый в мире бизнес. Совсем крошечное издательство, всех работников - директор и главный редактор, они же корректоры, верстальщики, продавцы и курьеры. Для обоих это, понятное дело, не работа, а хобби. Пять наименований в год — предел их возможностей. Но без них этих книг не было бы вовсе. Крупные акулы короткой прозы боятся пуще сглаза. Особенно качественной.

— Потому что глупые, - кивнул я. Взял книгу, пролистал, ни черта не понял, но по нескольким случайным фрагментам определил, что слог автора мне скорее приятен, чем нет, и еще раз сказал: — Спасибо. Кажется, действительно хороший. И самое главное, мне теперь точно не придется переписывать «Гамлета». Цаплин сделал это вместо меня. Какое облегчение!

— На самом деле, «Гамлета» многие переписывали, — заметил Рыцарь. — И будут еще не раз, не сомневаюсь. Но усилия их тщетны на фоне того, что делает с «Гамлетом» Хани Йохансен. Сюжет уже пересказан от лица короля, Гертруды, Офелии и Лаэрта; в данный момент страстные поклонники ждут историю Призрака, хотя есть подозрение, что Хани обманет нас и даст слово Полонию или Розенкранцу. Но не беда, рано или поздно все истории будут написаны. Автор обещает, что последней станет история самого принца Гамли — Шекспир-то не от его лица излагает. Уверен, воскресни завтра автор первоисточника, кем бы он ни был, принялся бы учить датский язык специально ради удовольствия прочитать истории Хани.

— А Цаплин? — обиделся Король. — Я же тебе давал.

— Он отличный, — согласился Рыцарь. — А все-таки «Гамлет», на мой вкус, самый слабый рассказ в сборнике. Я у него люблю «Тысяча и одну ночь», «Диких лебедей», историю Великолепной семерки — да почти все. Но «Гамлет» ему не удался.

— Хани Йохансен. Не знаю такого автора, — покаялся я. — Он или она?

— А неизвестно. Никто никогда в глаза его или ее не видел. Что странно, у нас вообще-то все друг друга знают, Дания — слишком маленькая страна, чтобы подолгу хранить секреты. Ходят слухи, что это псевдоним какого-то университетского профессора, и другие слухи, что автор уже много лет находится в клинике для душевнобольных; есть совсем уж причудливая версия, будто их двое, дескать, книги пишет какой-то таинственный иностранец, не то аргентинец, не то русский, не то вовсе японец, — и делает это в союзе с датчанином, который добросовестно переводит оригинальный текст, поскольку автор считает правильным делать первую публикацию на родном языке персонажей. Да чего только не говорят. Но правды никто не знает, кроме парочки каких-нибудь юристов и бухгалтеров, чьи имена, увы, тоже тайна.

— И долго он или она так удачно скрывается? — заинтересовался я.

— Первая книга вышла года три назад, если не ошибаюсь. Вот столько.

— Ясно. Значит, Хани Йохансен. Надо будет запомнить.

— Не пригодится, — сочувственно сказал Рыцарь. — Только если вы читаете по-датски.

— Что, даже на английский не переводили?

— Нет. Не везет Хани с иностранными издателями. Сколько раз уже собирались подписывать контракт, и всякий раз в последний момент все срывалось. Я почему в курсе — моя сестра работает в книжном бизнесе. Знает, что я на Хани помешан, все новости рассказывает.

Я вдруг подумал, что он сам и есть этот загадочный Хани Йохансен. И нахваливает сейчас свои книжки не потому, что самовлюблен, а ради удовольствия водить всех за нос, рассказывая о себе как о таинственном незнакомце. Я бы сам так, пожалуй, делал, если бы хоть один из моих романов дожил до публикации.

— Тогда, — сказал я, — придется выпить за удачу Хани Йохансена и его или ее потенциальных зарубежных издателей. Очень уж вы меня заинтриговали. А датский язык я вряд ли когда-нибудь выучу.

— А вы попробуйте, — беззаботно предложил Рыцарь. — Учить языки легко и приятно, только начинать сложно, но если уж начал, на каком-то этапе язык вдруг сам — хлоп! - и укладывается в голову.

— Это тебе легко и приятно, — проворчал Королева. — Потому что ты гений и полиглот. Он их уже шесть штук выучил, включая, как вы можете заметить, русский, — наябедничал он мне. — Между делом, не напрягаясь. Везет потому что некоторым, я вон чешский за год едва осилил, а казалось бы, славянский язык, ничего сложного.

— У меня все ровно наоборот, — сказал я. — Начать — проще простого. Сперва учить язык ужасно интересно, меня за уши от учебника не оттащишь. Пересказываю грамматические правила как анекдоты всем, кто под руку подвернется. А через месяц-

другой — все, ступор. Скучно, тошно, больше не лезет. Так ничего толком и не выучил, зато поздороваться, выругаться, сделать заказ в ресторане и попрощаться навек мог>' самыми разными способами. Нигде не пропаду.

— Это, наверное, потому, что вам больше нечего сказать людям, — улыбнулся Рыцарь. — Здравствуй, дай пожрать, иди в жопу и прощай, разговор законен.

— Ваша правда, — я невольно улыбнулся и вежливо добавил: — Но бывают исключения из этого правила, сегодняшний вечер наглядное тому подтверждение.

— На самом деле вы только думаете, что вам нечего сказать, — заметил Рыцарь. — Просто желания такого у вас нет. Желание — единственное, что имеет значение. Учить языки действительно очень легко — при условии, что вы жаждете объясниться и выслушать других. Не зря же считается, что лучший способ быстро выучить язык — влюбиться в носителя. Кстати, это чистая правда, я проверял.

— Так вот почему...

- Н е т -нет, — улыбнулся он. — Таким способом я выучил только два языка из шести. Но оценил метод. Русский язык считается чрезвычайно трудным; если бы не романтические мотивы, я бы за него, пожалуй, не взялся. К счастью, это были очень длительные и серьезные отношения, так что я успел неплохо освоить язык.

— Все бы носители так его освоили, — согласился я. — Вы меня убедили, попробую при случае воспользоваться этим методом. Больше никаких бесполезных русскоязычных возлюбленных, решено.

Коломбина что-то шепнула на ухо Королю, который продолжал добросовестно переводить ей нашу болтовню.

— Мартина спрашивает, неужели такие вещи можно контролировать? — Он смущенно улыбнулся, как бы извиняясь, что втягивает меня в глупый девчачий разговор о любви.

— Вообще-то я пошутил. Но если серьезно — да, пожалуй, в самом начале любых отношений всегда есть момент, когда человек сам решает, влюбляться или нет. Иногда он принимает такое решение еще до встречи с потенциальным объектом страсти — намерение влюбиться есть, а кто под руку подвернется — дело десятое. Другое дело, что такое решение мало кто принимает осознанно. Но я в этом смысле зануда. Очень не люблю не понимать, что со мной происходит.

— И поэтому едва притронулись к своей рюмке? — улыбнулся Рыцарь.

— Успеется, я еще джин-тоник не допил... Но, в общем, да, поэтому.

— Ваша стойкость заслуживает уважения. Но, по-моему, изредка все-таки можно расслабиться и позволить себе не понимать, что происходит, — сказал он. — А таким людям, как вы, думаю, просто необходимо. В конце концов, даже тем, кто работает за деньги, положены два выходных дня в неделю.

Я подумал, что два дня в неделю — это, конечно, перебор. Но, скажем, один выходной раз в полгода — почему бы и нет. Тем более есть шанс, что я наконец сумею остановиться загодя, за пару-тройку рюмок до окончательного слета башни. Я, впрочем, в подобных ситуациях всегда обещаю себе, что уж на этот раз все будет под контролем, и только наутро, задним числом, обнаруживаю, что снова попался.

Но поскольку я, желая порадовать Рыцаря, сперва залпом осушил свою рюмку, а уже потом принялся размышлять, оптимизм мой был несокрушим.

Это несложное упражнение я повторил еще не раз, легкомысленно запивая коньяк остатками джин-тоника, так что когда бутылка опустела и живые скульптуры решили догнаться пивом, мне в голову не пришло отказываться.

По правде сказать, мне немного надо, особенно на голодный желудок, а он по моему недосмотру пустовал с самого утра. Поэтому дальнейшие события я помню, мягко говоря, смутно. Одна надежда, что скучно со мной не было — в таком состоянии я, если верить отзывам свидетелей, обычно становлюсь чрезвычайно общителен и достаточно глуп, чтобы казаться занятным. Не худший, к слову сказать, вариант, во всяком случае, на серьезные неприятности я по пьяному делу ни разу не нарывался, не то что на трезвую голову.

Тем не менее ближе к полуночи мои новые приятели куда-то подевались — надо думать, просто разошлись по домам — и со мной остался только Дикарка. Невзлюбивший меня с первого взгляда, он по какой-то таинственной причине радикально пересмотрел свою позицию и теперь вцепился в меня мертвой хваткой. То есть натурально держал за рукав и, отчаянно перемешивая чешский с русским и английским, горячо шептал в ухо какие-то фантасмагорические подробности своей роковой любви, даже стихи декламировать пытался, но вовремя остановился, сообразив, что я все равно ни черта не понимаю, а только ухмыляюсь всякий раз, как очередное полузнакомое слово покажется мне смешным. Но не обиделся, а просто снова вернулся к прозаическому изложению своих запутанных сердечных обстоятельств.

Его внезапную симпатию вряд ли можно объяснить наличием у меня готовности платить за выпивку,

потому что после непродолжительных скитаний по ночному городу выяснилось, что Дикарка ведет меня не в соседний кабак, как следовало бы ожидать, а на какую-то загадочную «шикарную вечеринку». Здесь рядом, на Нерудовой, повторял он, увлекая меня за собой куда-то по улице, идущей круто вверх, и я, помню, подумал, что Нерудова - этаочень удачное решение, потому что мой отель на той же улице, следовательно, я в случае чего благополучно туда доберусь. Это, впрочем, была последняя здравая мысль, порожденная моей бедной бестолковой башкой.

Следующая здравая мысль посетила меня только наутро и выглядела следующим образом: «Черт, у меня же встреча!»

От ужаса я окончательно проснулся и сразу понял, что страшно замерз, зуб на зуб не попадает. Но не стал тратить время на поиски одеяла, а нашарил в кармане телефон и, внутренне содрогаясь, посмотрел. Десять пятнадцать. От сердца немного отлегло: встреча назначена аж на полдень, так что я, по идее, все успею, если немедленно встану и... Ох.

Я огляделся и понял, что моя жизнь складывается не так просто, как хотелось бы. Взять, скажем, тот удивительный факт, что я находился в подвале. То есть не в каком-нибудь темном чулане, где хранят швабры и пустые банки для консервирования, а в хорошем, добротном средневековом подвале с низкими сводами и толстенными каменными стенами, хоть сейчас экскурсию веди. Здесь царили сумерки, щедро разбавленные зеленовато-молочным светом, а окон, кажется, не было вовсе, по крайней мере, источник света находился где-то вне моего поля зрения.

Из глубокой ниши в стене на меня с ласковой укоризной взирала роскошная химера, которой, если по уму, следовало бы красоваться не в помещении, а где-нибудь на фасаде.

Все эти полезные наблюдения сделал мой автопилот, а сам я тем временем в панике озирался по сторонам, не решаясь спрашивать себя: «Где я?» и «Как я тут оказался?» — поскольку вовсе не был уверен, что действительно хочу это знать. Вот на вопрос «Как отсюда выбраться?», пожалуй, и правда, не помешало бы получить внятный ответ. Причем немедленно.

Имелся у меня еще один неотложный вопрос: есть ли тут где-нибудь вода? На худой конец — мокрая тряпка: сейчас я бы с наслаждением ее пожевал.

В любом случае для начала следовало подняться на ноги. Я собрал волю в кулак и мужественно сполз со своего жесткого ложа, которое при позднейшем осмотре оказалось аскетического вида кушеткой — на такой не спать надо, а сны свои психоаналитику пересказывать. По крайней мере, в кино пациенты всегда на таких возлегают.

Голова тошнотворно кружилась, но я устоял. Оглядевшись еще раз, с высоты своего нового положения в пространстве я обнаружил в изножье кушетки ящик, заполненный бутылками с минеральной водой, и не поверил своему счастью — они же, наверное, пустые? Но мироздание было милосердно, миг спустя я трясущимися от похмелья и возбуждения руками сорвал с одной из них крышку и принялся пить. Это было так прекрасно, что все остальное утратило значение. Временно. Секунд на десять. А потом это чертово «все остальное» взяло реванш. В смысле, я снова вспомнил, что невесть как оказался в чужом

подвале, а через полтора часа встреча, ради которой я, собственно, приехал в Прагу, так что надо немедленно отсюда выбраться, добежать до отеля, выжрать литр кофе, принять душ и взять предназначенный для обмена бердичевский букварь. Хотя единственное, чего мне сейчас по-настоящему хочется, — это тихо, без мучений скончаться, не оставив завещания, или хотя бы просто полежать в темном углу месяц-другой, и чтобы никто не трогал.

Я в очередной раз огляделся — надо понимать, в поисках подходящего темного угла, — но вместо него обнаружил светлый. Вернее, угол, за которым явно горел свет. И потопал туда, как гигантская ночная бабочка, внезапно разучившаяся летать.

За углом мне был явлен крошечный коридор и выход на винтовую лестницу. Тусклый дневной свет пробивался из закрытого окна, метрах в четырех над моей головой, а из помещения наверху, казавшегося пока бесконечно далеким, почти недосягаемым, лился электрический, изумрудно-зеленый. Это отчасти примирило меня с незнакомым местом, я сам когда-то такие зеленые лампочки дома вкручивал, чтобы почувствовать себя счастливым аквариумным жителем. Потом, правда, надоело.

Как и положено глупой ночной бабочке, я устремился вверх, к изумрудному сиянию. Карабкался, цепляясь за перила, по дороге пытался припомнить, чем закончились мои вчерашние похождения. Безрезультатно. Вечеринкой, надо понимать, наслаждался только мой автопилот, во всяком случае, я не мог вспомнить даже лицо хозяйки дома... или хозяина? Или их было двое? Неведомо. И уж тем более я не знал, придется ли сейчас извиняться за свое давешнее поведение или достаточно будет вежливо поблагодарить за кров и воду. И кстати, интересно, разрешат ли мне зайти перед уходом в туалет, — этот вопрос понемногу становился более чем актуальным. Органическая жизнь — чрезвычайно сложный процесс, удивительно, что я уже столько лет худо-бедно, а все же справляюсь с этой работой. И не только я.

Лестница привела меня в короткий коридор, освещенный целой гирляндой зеленых фонарей. Здесь я обнаружил три совершенно одинаковые двери из светлого дерева; впрочем, в таком освещении они казались зелеными. Одна была слегка приоткрыта, я недолго думая туда сунулся и оказался в небольшой, ярко освещенной напольными лампами комнате с черными стенами, такими же черными шторами на окнах, белоснежным полом и потолком, плоскость которого неведомый дизайнер интерьеров закрутил причудливой черно-белой спиралью. Эффектное помещение, но, прямо скажем, не совсем подходящее для человека в тяжелом похмелье. У меня сразу же закружилась голова, а колени превратились в дрожащее желе, но я находчиво ухватился за дверной косяк и устоял.

Комната была практически пуста, только пылающий камин в дальнем углу, такой же черный, как стена, к которой его пристроили, круглый стол из белого мрамора и два черных кожаных кресла. В центре стола красовались большой черный чайник и белоснежный кофейник. Чашки и блюдца не нарушали установившуюся гармонию, один комплект был цвета сажи, другой — молока. В одном из кресел сидел очень бледный брюнет в белом льняном костюме и ел рис из черной пиалы.

В такой монохромной обстановке я почувствовал себя непристойно разноцветным и чуть было не сбежал обратно, в зеленый холл, но незнакомец уже повернулся ко мне, сверкнул черными, как спелые вишни, глазами, одарил белозубой улыбкой. Он выглядел так приветливо, что я понял: кажется, извиняться не придется — ни за вчерашнее поведение, ни даже за собственную окраску. Ну хоть какое-то облегчение.

— Хотите чаю? — спросил брюнет. — Или лучше кофе? Впрочем, я бы на вашем месте выпил и того, и другого. Не помешает.

Он говорил по-русски так же бегло и уверенно, как мой вчерашний знакомый Рыцарь. Но в отличие от него почти без акцента. Надо же, какие все вокруг полиглоты и русофилы.

— Спасибо, — сказал я. И, неловко замявшись, добавил: — Доброе утро. Я бы с радостью — и чаю, и кофе, но у меня в полдень встреча, а я очень не люблю опаздывать.

— Самый надежный способ не опоздать на вашу встречу — это остаться здесь, — улыбнулся незнакомец. — Насколько я понимаю, встречаться вы собрались со мной. Вы — Филипп Карлович, верно? За ключом приехали. Из Вильнюса. А я и есть счастливый владелец этого предмета. Болеслев. Можно просто Лев. Даже желательно — все русские друзья меня так называют, я привык. Ну что, сошелся наш пасьянс?

— Ничего себе, — вздохнул я. — Еще как сошелся. Опаздывать я, конечно, не люблю. Но прийти настолько заранее — такое со мной впервые.

— Садитесь же, — настойчиво сказал хозяин. — В ногах правды нет, тем более в ваших. Тем более сейчас и здесь, в этой комнате. Я ее специально так

отделал, чтобы мучить похмельных гостей. Но мучить лично вас я не намеревался. Извините.

Я наконец отважился отлипнуть от спасительного косяка, решительным рывком пересек комнату и упал в кресло. Залпом выпил кофе из предусмотрительно наполненной для меня чашки, даже молоком не разбавил и сахару положить не потрудился, хотя вообще-то несладким я этот напиток не жалую. Но он был мокрый, а сейчас только это имело значение.

— Неловко получилось, — сказал я, временно приободрившись, пока еще не от кофеина, а от горького вкуса. — Я напиваюсь примерно раза два в год — и надо же, именно вам посчастливилось стать свидетелем этой уникальной гуманитарной катастрофы.

— Катастрофа не состоялась, — отмахнулся он. — Вы были совершенно очаровательны даже с точки зрения трезвого человека вроде меня. Особенно в сравнении с подавляющим большинством моих постоянных гостей.

— Да, по отзывам свидетелей, автопилот у меня более-менее обаятельный, — покаянно вздохнул я. — А чем все закончилось? В смысле, почему я остался у вас ночевать?

— Ну как — почему. Вы мирно уснули в кресле, предварительно сообщив мне, что вас, к сожалению, ждут в другом месте. В контексте прозвучало просто прекрасно. «Меня ждут в другом месте» — это гораздо лучше, чем «спокойной ночи». С вашего позволения возьму в оборот.

— Берите, — согласился я. — Чего уж там. Ваш Дом на Нерудовой, насколько я помню? Мой отель в двух шагах. Если не возражаете, я сейчас отправлюсь туда, приму душ, приведу себя в порядок и вернусь к полудню.

— По правде сказать, я распорядился, чтобы для вас приготовили ванну, — сказал Черногук. — Думаю, все уже сделано. Но если вы непременно хотите вернуться в отель, неволить не буду. Однако должен заметить, что здесь вас ждет не какой-нибудь гостиничный душ, а джакузи с морской солью и смесью ароматных масел. А сэкономленное время можно ко взаимному удовольствию употребить на завтрак. Мой вам совет: не ходите вы никуда. Оставайтесь.

Предложение его звучало более чем соблазнительно. Не из-за ароматных масел, сибарит из меня, прямо скажем, никудышный. Просто в ванну можно было нырнуть безотлагательно. А до душа еще дойти надо. Близко, конечно, но в моем нынешнем состоянии каждый шаг — подвиг. И самое главное, где-то рядом с ванной непременно есть туалет, так уж заведено. И это решает все.

Но чувство долга все же победило телесную немочь.

— Букварь-то в отеле, — обреченно сказал я. — Так что придется...

— Ерунда какая. Потом принесете, — отмахнулся хозяин. — Я буду только рад поводу еще раз заполучить вас в гости.

— Ну тогда — пожалуй.

У меня больше не было сил сопротивляться.

— Йозеф, — позвал Лев, почти не повышая голоса, и из-за черной шторы вынырнул плечистый, коренастый карлик в одежде, больше всего напоминающей костюм киношного ниндзя, только лицо открыто.

Не назвал бы это верным решением. Йозеф был неописуемо уродлив — настолько, что казался не живым человеком, а произведением какого-нибудь

сумрачного гения, специализирующегося на декоративной резьбе по картофельным клубням.

При виде этой несказанной красоты я начал подозревать, что так и не проснулся. И слегка забеспокоился. Сон, конечно, увлекательный, кто бы спорил, но так и встречу проспать можно. Однако проснуться не удалось, как я ни старался. Пришлось оставить все как есть.

Лев тем временем что-то негромко сказал по-чешски, карлик молча кивнул, одарил меня неожиданно обаятельной улыбкой, и я последовал за ним в волшебное царство воды, кафеля и фаянса — иного определения для открывшегося моему взору великолепия подобрать невозможно.

Примерно через полчаса я вернулся в черно-белую комнату в состоянии настолько сносном, что его можно было бы назвать хорошим — если бы не яркие воспоминания о недавно перенесенных муках и смутное опасение, что забастовка мстительного организма может возобновиться в любой момент. К тому же теперь я знал, что за черной шторой скрывается ужасающий Йозеф. Это меня слегка нервировало. Но не настолько, чтобы отказаться от завтрака.

Хозяин дома все еще терзал свой рис. Впрочем, на столе появилась и другая еда, такая же вызывающе разноцветная, как я сам. Я снова почувствовал себя разрушителем гармонии.

— Пока вы отсутствовали, я заготовил ответы на вопросы, которые вы наверняка хотите задать, — деловито сказал Лев. — Вы ешьте, а я на них отвечу,

Я удивился, но промолчал. Пусть отвечает, интересно же.

— Во-первых, я сразу узнал вас по фотографиям, которые из любопытства отыскал в интернете, готовясь к встрече. К слову, нашлось всего два изображения, вы, как я понимаю, не любитель презентовать свою персону. Но для опознания достаточно. Далее. В моем доме вы вчера оказались совершенно случайно. Я сам удивился, когда вас увидел. Простое совпадение, так бывает. Вас привел мой знакомый, Павел Дякель. Славный человек, но конченый, к сожалению. Еще пару лет назад был довольно популярным психотерапевтом, хорошим или нет, судить не могу, но успешным. Теперь это в прошлом, как вы сами могли убедиться. Где вы с ним, кстати, познакомились?

— В «Вше Light*. Симпатичный бар. И, насколько я понимаю, где-то недалеко отсюда.

— Совсем рядом. Неплохое место, вы правы.

— Он был с компанией молодых ребят из FAMU, все в костюмах живых скульптур, красивые до невозможности. Я, собственно, с ними зацепился, а этот ваш Павел весь вечер смотрел на меня волком. Но в итоге мы с ним почему-то остались вдвоем.

— А он на всех волком смотрит, — улыбнулся Лев. — И это, надо сказать, колоссальный прогресс. Еще год назад просто начинал рыдать после первого же глотка пива. Или даже вовсе без дополнительных стимулов. На самом деле вы, надо понимать, произвели на Павла колоссальное впечатление, если уж он привел вас сюда. Вернее, приволок, как добычу, чтобы бросить к моим ногам. Знает, что я большой охотник до непростых людей... Впрочем, я обещал ответить на ваши невысказанные вопросы, а сам сбился. Извините. Так вот, что касается вчерашнего вечера, который, как я понимаю, вы совершенно не помните. Вам не следует об этом беспокоиться, вы действительно производили прекрасное впечатление. В противном случае я бы не пригласил вас к завтраку. Неприятных людей я предпочитаю видеть только после полудня. Утром все и так достаточно непросто.

Я невольно улыбнулся:

— Вы сова?

— Был когда-то. Потом пришлось приучить себя эффективно функционировать во всякое время суток. Но любить утро для этого необязательно. Я и не полюбил.

Он съел еще немного риса и продолжил:

— Следующий ваш вопрос, по моим расчетам, должен быть про язык. Это просто, у меня был бизнес в России. Да-да, разумеется, в девяностые. В том числе. По выражению вашего лица вижу, что вы примерно представляете, о чем речь. Прекрасные языковые курсы, лучше не придумаешь. И, наконец, последнее. Я ем рис не потому, что он белый. Просто такая диета. Очень полезно начинать день с большой порции риса басмати. Знали бы вы, как он мне надоел. Но пока держусь.

Я невольно улыбнулся — вопрос про рис действительно вертелся у меня на языке, но задать его я бы, пожалуй, не решился.

— Ну вот, вроде разобрались, — деловито сказал Лев. — Или нет? Спрашивайте, если я что-то упустил.

— Подвал, — сказал я. — Совершенно роскошный у вас подвал. Вы туда нарочно пьяных гостей складываете? Чтобы неповадно было?

— Совершенно верно. Нарочно. Там прохладно, а это способствует протрезвлению. Впрочем, вам достался, можно сказать, номер ВИП, прочие гости обычно спят в соседнем помещении, вповалку, на прекрасных жестких гороховых матрацах. Там потолок

пониже, света поменьше и копии сокровищ Костницы* по стенам развешаны — в целом, обстановка весьма духоподъемная. В первый момент народ обычно шалеет. А хорошая порция адреналина с утра — это даже лучше, чем кофе. Но вас я, разумеется, решил избавить от такого пробуждения. Впервые пожалел, что в моем доме нет нормальной комнаты для гостей. До сих пор в ней не было нужды.

— Не страшно, — сказал я. — Спасибо, что уложили меня отдельно, очень не люблю спать в одном помещении с другими людьми, потом полдня ощущение, что меня пожевали и выплюнули. Хотя взглянуть на вашу ночлежку было бы любопытно. Впервые такое вижу — чтобы вытрезвитель располагался в том же доме, где проходит вечеринка. Очень удобно. Штрафы поутру с гостей берете?

Лев лучезарно улыбнулся.

— Подумываю об этом. Я, знаете, все жду, когда хоть кто-нибудь рассердится на меня за такое гостеприимство. Я бы сам в дом, где пьяных гостей в холодном подвале вповалку складывают, ходить не стал. Но всем кажется, ради знакомства со мной еще и не такое можно стерпеть. Я — важная персона.

Его признание прозвучало естественно, даже небрежно. Чувствовалось, что этот факт не вызывает у Льва ни гордости, ни, напротив, досады. Таким тоном обычно сообщают самые незначительные сведения о себе: «У меня красный рюкзак» или «Я заказал шницель». Высокий класс. Я оценил.

* *Костница* — **церковь в чешском городе Кутна Гора; убранство и украшения в этом храме сделаны из человеческих костей; как выглядят копии «сокровищ Костницы», представить, таким образом, несложно.**

— В целом, следует признать, что моя попытка накормить всех голодных художников Праги одним махом оказалась не слишком удачной, — подытожил Лев.

— Ну так кормить надо в индивидуальном порядке, — сказал я. — А всех сразу только напоить и можно.

— Совершенно верно, — согласился он. — В индивидуальном порядке я, разумеется, тоже подкармливаю — некоторых. А вот мои знаменитые вечеринки — вполне бездарная затея. Всем весело — кроме меня. Все довольны — кроме меня. Все на рогах...

— Кроме вас? — подсказал я.

— Совершенно верно. Видите ли, я всю жизнь, сколько себя помню, очень много работал. И немало успел сделать. Чего я не успел — так это понять, что мне действительно нравится. Разбираюсь теперь на досуге, по ходу дела. Поэтому сперва стал центром небольшого человеческого космоса, всеобщим покровителем и благодетелем, а уже потом понял, что это довольно скучно. Я хочу сказать, люди по большей части скучны. И до смешного похожи друг на друга. Даже художники, артисты и прочая богемная публика, а ведь как я на них рассчитывал! Потому и решил создать вокруг себя соответствующую среду. Завел книжное издательство, небольшую галерейку, вложился в театральный фестиваль, профинансировал пару кинофильмов, еще кое-что по мелочам. Не выгоды ради, понятно, в таких делах по нулям выйти — и то неплохо. Среду я, конечно, создал, почиваю теперь на лаврах, вокруг так называемая интеллектуальная элита скачет, развлекайся — не хочу. Надоела мне эта публика — слов нет. Вы, я смотрю, не удивлены. Сами пришли к такому же выводу?

— Скажем так, — осторожно начал я. — Люди, которые нуждаются в покровителях и благодетелях,

по большей части действительно довольно скучный народ. А у вас, как я понимаю...

— Ну да, да, — энергично подтвердил он. — Отбор изначально неправильно организован, совершенно верно, я уже и сам понял. Однако прекращать все это пока жалко. Пусть будет. Вот и развлекаюсь как могу. При желании мог бы написать руководство «Как получить удовольствие от общения с богемой». Забавное будет чтение, но бесполезное, мало кому по силам воспроизвести мои наработки в домашних условиях.

— Небось камеру слежения в подвале со скелетами установили? — Я не хотел его дразнить, но вопрос сам сорвался с языка, прикусить который мне удалось только задним числом.

— Разумеется, — сдержанно кивнул Лев. — И не только там. Развлечение, прямо скажем, бесхитростное. Но захватывающее, чего уж там. Слышали бы вы, как они грызутся за мое внимание — по пьяному делу, без тормозов. И смех и грех. Быть *полезным человеком* чрезвычайно познавательно. От души порекомендовал бы этот метод всякому, кто желает быстро и качественно разочароваться в ближних. Счастье, что я сам никогда не был особо очарован. Бог миловал.

— Всегда подозревал, что наилучшая позиция — быть совершенно бесполезным для окружающих. Сторонним наблюдателем. Неуловимым Джо, который на фиг никому не нужен, — сказал я.

— Действительно прекрасная позиция. Если такое положение дел — ваша реальность, а не абстрактная далекая цель, примите мое восхищение. Но мне это не подходит. Я, видите ли, очень люблю власть. Сам удивился, когда понял насколько. Но тут уж ничего не поделаешь, я таков, каков есть.

Несмотря на смиренный тон, он выглядел совершенно довольным собой. До меня наконец дошло, что Лев хочет мне понравиться. Это, по правде сказать, было чертовски приятно. Сам я никогда не предпринимаю специальных усилий, чтобы понравиться другим людям, но очень люблю, когда они сами стараются меня очаровать. Такая вот специфическая разновидность тщеславия, заменяющая мне стремление к власти и прочие полезные в быту симптомы гордыни.

Лев как будто прочитал мои мысли. Во всяком случае, он вдруг ослепительно улыбнулся и, понизив голос до доверительного полушепота, признался:

— Только сейчас понял, что стараюсь пустить вам пыль в глаза. Дескать, смотрите, сколь многого я добился и сколь неудовлетворительным полагаю сей блестящий результат. Похоже, я хочу с вами подружиться.

— Если так, у вас прекрасно получается, — сказал я. И был честен как никогда.

— Тем лучше, — деловито кивнул Лев. — Значит, я уложился в срок. Потому что до полудня осталось... — Он поглядел на часы. — Тридцать секунд. Двадцать пять. Двадцать. — Отправил в рот остатки риса, быстро, почти не разжевывая, проглотил, поставил пиалу на стол и удовлетворенно заключил: — Все. Полдень. Приступим к делу. Йозеф, принеси, пожалуйста, ключ.

Уже знакомый мне карлик появился из-за черной шторы, стремительно пересек комнату, вышел и почти сразу вернулся. В руках у него был аккуратный сверток. Йозеф положил его на стол и исчез. То есть, теоретически, я понимаю, что карлик просто отправился в свое укрытие, но отследить его путь к окну

мне не удалось. Хотя я вроде бы вовсю на него — не таращился, конечно, но косился с усердием.

Лев тем временем развернул упаковку и протянул мне внушительных размеров ключ из желтого металла. Лаконичный, почти лишенный украшений, он тем не менее был завораживающе красив, вернее, гармоничен и соразмерен — вроде ничего особенного, а глаз отвести невозможно, как невозможно бывает порой отвернуться от текущей воды или огня в камине. Фотография, которую дал мне Карл, несомненно, изображала именно этот ключ, но впечатления не передавала совершенно.

— Выдающийся предмет, — уважительно сказал я. — Сами понимаете, я не специалист, но перевидал их немало.

— Понимаю, — согласился Лев. — Я тоже не специалист и даже не любитель. Но тоже навидался. Возможно, вы знаете, что в нашем Национальном техническом музее крупнейшая в мире коллекция ключей. Одно время я был дружен с хранителем.

— С паном Шнипсом? — оживился я.

Лев едва заметно поморщился, мне показалось, он решил, что сказал лишнее, и теперь был собой недоволен.

— Нет-нет. С его предшественником. Пан Иржи, к сожалению, не испытывает ко мне дружеского расположения. Беда в том, что я слишком похож на своего отца, с которым они когда-то не поладили. Говорят, просто одно лицо, сам-то я его совершенно не помню... А вы, выходит, знакомы с паном Шнипсом?

— Пока нет. Но, по крайней мере, с моим отцом он поладил, — улыбнулся я.

— И Карл Оттович рекомендовал вам его в качестве эксперта? — оживился Лев. — Это прекрасно. Просто замечательно!

Мне показалось, что он очень искренне обрадовался. Что ж, похоже, задачи впарить мне фуфло у него нет. Тем лучше. Не хотелось бы вот так сразу расстаться с иллюзиями. Через неделю-другую — еще куда ни шло.

— Дело в том, что я не до конца уверен в подлинности этого предмета, — сказал Лев. — Ясно, что перед нами не современная подделка. А все же экспертиза не помешает. Не хотелось бы невольно обмануть Карла Оттовича. Я, как принято говорить в подобных случаях, давний поклонник его таланта. В прошлом году специально летал в Любек, когда он играл там Букстехуде. Одно из самых мощных переживаний в моей жизни, поверьте. По правде сказать, я на все форумы кагофилов подписался, когда узнал о его коллекции. Мне было приятно следить за этой мало кому известной стороной его жизни. И ключ этот я достал специально для него. И обмен затеял только потому, что не считаю себя вправе навязывать ему столь ценный подарок. По крайней мере, не сейчас. Хотя, конечно, любезно предложенный им букварь из Бердичева займет достойное место в моей коллекции. Действительно чрезвычайно ценный экземпляр. Я-то был готов отдать ключ на любых условиях, но тут мне повезло. И вот представьте, каково мое положение в сложившихся обстоятельствах. Меньше всего на свете я хотел бы сейчас оказаться жуликом, пусть даже и невольным. Провести экспертизу для меня — дело чести. И один из крупнейших экспертов — вот он, рядом, под носом. В ста километрах от Праги, если быть точным, — вы же в курсе, что пан Шнипс вышел на пенсию и переехал в Йиглаву?

Я кивнул.

— Ну разумеется, вы в курсе. Проблема в том, что я не могу воспользоваться его услугами. Он обо мне слышать не хочет. Уж не знаю, чем мой покойный батюшка ему насолил, но исправить ничего не могу. А вас, как я понимаю, старик примет с распростертыми объятиями.

— Надеюсь, что так. Если они с Карлом не успели рассориться за прошедшие сутки.

— Это замечательно, — заключил Лев. — Отвезите ему ключ и послушайте, что он скажет. А потом приходите ко мне. Я нынче после обеда улетаю, совсем ненадолго, вернусь в среду. Вот в среду вечером и приходите. Часов в шесть.

Я почему-то сразу представил, как Лев взлетает, стремительно набирая высоту, и, покружив над пражскими крышами, скрывается в облаках. И только потом заподозрил, что он все-таки имеет в виду обычный авиаперелет. Хотя, конечно, шут его знает.

— Если с ключом все окажется в порядке, заодно и книгу принесете, — меж тем говорил он. — У меня будет полно народу, как всегда по средам и воскресеньям, но запереться и поговорить о делах нам никто не помешает. Заодно покажу вам свою коллекцию.

— Букварей?

— Можно и букварей, если они вас действительно интересуют. Но я имел в виду другую коллекцию. Вопреки моим давешним жалобам, среди собранных в этом доме человеческих экземпляров попадаются довольно занятные. По крайней мере, первые пару часов вам будет интересно.

— Договорились, — сказал я.

Лев лукаво улыбнулся краешком рта и звонко чихнул. Прекрасная, я считаю, вышла кода.

Карлик Йозеф проводил меня к выходу и тщательно запер дверь. Я перешел дорог}' и остановился, чтобы как следует рассмотреть дом Черногука, а заборы все еще лязгали, перекрывая ропот туристических стад. Дом, к слову, мне понравился — цвета подгнившего абрикоса, довольно высокий, в три этажа, очень узкий, всего на четыре окна фасад, крыша с крутыми скатами. Сам бы в таком с удовольствием поселился, чего уж там.

В отель я вернулся в состоянии лирической отрешенности, которое обычно сопутствует финальной стадии правильно протекающего похмелья — в смысле, когда мне удается хорошо выспаться, выпить литра два воды, принять ванну и позавтракать, не сделав при этом ни глотка спиртного, даже ложку коньяку в кофе не плеснув. Поначалу жизнь представляется мне тяжелым и безрадостным механическим трудом, однако страдания мои окупаются с лихвой, через пару-тройку часов тело переполняет необычайная легкость, душа влюбленно шепчет ему: «Всегда бы так!» — а внезапно успокоившийся разум снисходительно взирает на происходящее из кресла-качалки, установленного где-то в уютном полумраке моего внутреннего мира. В такие моменты я целиком и полностью принимаю и даже одобряю мироустройство в целом и каждую его составляющую в частности, включая себя самого. Идеальное состояние, по уму, мне бы следовало пребывать в нем всегда, но это, увы, невозможно по техническим причинам: даже напиваясь ежевечерне, я обеспечу себе не больше двух часов хрустального послеполуденного блаженства. Да и то без гарантий.

Единственное, что плохо, — в таком состоянии я не только почти счастлив, но и совершенно не при-

способлен к пребыванию в материальном мире. Я совершенно не принимаю его всерьез; размеры объектов и расстояние между ними кажутся мне достойными внимания элементами дизайна, но корректировать собственную траекторию с учетом этих факторов и избегать опасных столкновений с твердыми участками реальности удается далеко не всегда. Вот и в холле я немедленно споткнулся о вытянутые ноги какого-то постояльца. Бедняга только-только развалился в кресле с чашкой кофе, черной английской сигаретой и несгибаемым намерением извлечь из кондиционированного воздуха как можно больше бесплатного интернета — и тут в его личное пространство грубо вторгся я. Хотя сияющие в свете гостиничных ламп ярко-зеленые ботинки мог бы, честно говоря, заметить еще с улицы. И вызывающе алый свитер. И уж тем более полосатый, как оса, шарф немыслимой длины, один конец которого обвился вокруг кресла, а другой дополз аж до кадки с фикусом и теперь критически озирал ее, словно бы прикидывая, имеет ли смысл продолжать экспансию.

Катастрофа, к счастью, не состоялась. Я споткнулся, но не грохнулся на пол. Моя жертва взвыла, коротко и деловито, но, судя по всему, не от боли, а от неожиданности. Во всяком случае, от моих извинений незнакомец добродушно отмахнулся — дескать, пустяки. У него было узкое лисье лицо с острым подбородком; крупный, по-боксерски искривленный нос выглядел инородным предметом, аксессуаром, взятым напрокат — ненадолго, всего на день, а потому выбранным наспех. Картину довершали тонкие, изогнутые, угольно-черные брови, достойные украшать физиономию опереточного злодея, и разноцветные глаза — круглый простодушный голубой и полу-

прикрытый мечтательный карий. В целом, объект моей невольной агрессии являл собой весьма освежающее зрелище — совершенно обескураживал и одновременно украшал обстановку.

Вдохновленный встречей с прекрасным и целым корытом вполне пристойного эспрессо, я уединился в номере и принялся за дела. Преодолев отвращение к телефонным беседам с незнакомцами, дозвонился до пана Шнипса. Он не говорил по-русски, зато неплохо изъяснялся по-английски; вопреки моим опасениям наших общих познаний хватило, чтобы договориться. Имя Карла произвело воистину магическое действие, старик не только сразу согласился принять меня в любое время, но и подробно разъяснил дорогу, присоветовав заодно недорогую и, по его уверениям, приличную контору по аренде автомобилей. Я не стал переоценивать свои возможности и назначил встречу на завтра. Похмельная отрешенность — дело хорошее, кто бы спорил, но для вождения автомобиля по незнакомым дорогам не подходит совершенно.

Зато писать в таком состоянии — одно удовольствие. Поэтому я отправил Карлу sms: «Все отлично, подробности письмом», включил компьютер и сам не заметил, как накатал пару дюжин экранов, подробно расписывая обстоятельства встречи с Черногуком, виражи наших переговоров, потолок его гостиной, колористические особенности диеты и стати карлика Йозефа. Отправив письмо, я взглянул на часы и глазам не поверил: почти пять. Ничего себе увлекся. Меж тем надо бы взять себя в руки и как-то насладиться жизнью. Например, выйти на улицу и что-нибудь сожрать.

Пока я задумчиво разглядывал извлеченный из рюкзака запасной свитер и собирался с силами, чтобы переодеться, телефон подпрыгнул и оглушительно затрубил, предвещая, впрочем, не Страшный суд, а разговор с Карлом.

— До сих пор я не **Бмешивался в** твою жизнь, — сказал он. — Мне казалось, это правильно. Но дальше так продолжаться не может.

— Чего-чего? — тупо переспросил я.

Сказать, что я очень удивился, было бы изрядным преуменьшением.

— Я только что прочитал твое послание и твердо решил, что, вернувшись домой, запру тебя в подвале, — объявил Карл. — Будешь там сидеть и писать мне письма в обмен на кофе и еду. А как еще их из тебя выколачивать?

— Уфф, — выдохнул я. — Теперь понимаю. Это ты меня так хвалишь.

— У твоего письма есть всего один, но роковой недостаток: оно слишком короткое. Я только-только вошел во вкус, а оно — хлоп! — и закончилось. Теперь я в отчаянии.

— Ладно, учту. Буду продолжать в том же духе. А по делу что скажешь?

— По делу пусть пан Иржи высказывается. Следующий ход, как ни крути, за ним. Позвони мне завтра из Йиглавы. Часов до шести вечера я совершенно свободен. И после часу ночи тоже. А если у тебя найдется время написать письмо, я буду совершенно счастлив. Но не настаиваю. Как пойдет.

— Договорились, — сказал я. — А пока пойду обедать и читать Цаплина.

— Кого-кого? — насторожился Карл.

— Бориса Цаплина. Мне вчера Король подарил его книжку.

— Кто тебе его книжку подарил?

— Король. Один из ряженых, о которых я тебе писал.

— А, ну да. Если хорошая, не выбрасывай. Привези мне.

— Даже если полное фуфло, все равно не выброшу, — пообещал я. — Все-таки королевский подарок.

Когда я наконец переоделся и спустился в холл, полосатый шарф по-прежнему ползал вокруг кадки с фикусом, а его обладатель, соответственно, сидел в кресле с компьютером на коленях, только ноги предусмотрительно подобрал, наученный горьким опытом.

Это же сколько времени прошло, изумился я. Работает он тут, что ли?

Не пройдя и десятка метров вниз по Нерудовой, я услышал хлопок гостиничной двери, торопливые шаги у себя за спиной и вкрадчивый голос: «Извините, пожалуйста...»

Надо же. И этот русский. Интересно, их — нас — тут действительно больше половины населения или просто мне так везет?

— Ужасно неловко признаваться, — жизнерадостно сказал владелец самого длинного в мире шарфа, — но я караулил именно вас.

Теперь его разноцветные глаза были надежно спрятаны за темными стеклами очков в толстой черепаховой оправе. К черно-желтому шарфу, алому свитеру и зеленым ботинкам прилагались ярко-голубая куртка и оранжевый рюкзак, только джинсы

у него были вполне обычные, но ущерба неповторимости облика это обстоятельство не нанесло.

Подавленный внезапно обрушившейся на меня красотой мира, я сперва слова вымолвить не мог, а когда обрел наконец дар речи, мы уже куда-то шли, причем незнакомец интимно придерживал меня за локоть, доверительным шепотом рассказывал о прискорбном состоянии чешской кухни и сулил небывалое блаженство, ожидающее нас на территории какого-то таинственного албанского ресторана, буквально в двух шагах отсюда. Спрашивать, кто он такой и какого черта вцепился в мой локоть, в таких обстоятельствах было несколько неловко, но я давно научился превозмогать врожденную деликатность. И спросил. Мой спутник не только не смутился, но даже обрадовался, словно только и ждал повода объясниться.

— Я — Митя, мы с вами виделись вчера у Болеелева. Вы меня, конечно, не помните. Неудивительно, мы буквально парой слов перекинулись, а потом вас малахольный Дякель в темный угол утащил; подозреваю, он читал вам свои ужасающие стихи, все остальные их уже слышать не могут, а вы по-чешски не понимаете, идеальная, стало быть, аудитория... Я, в общем, и не ожидал, что вы меня узнаете. Но очень захотел познакомиться поближе. Я спросил Дякеля, как вас найти. К счастью, вы ему по дороге зачем-то показали свой отель, и я вас там, как видите, подкараулил.

— То есть вы все это время меня ждали? А почему сразу не сказали? В смысле, когда я на вас налетел?

— А какой смысл приставать к человеку, который никого видеть не хочет? У вас на лице было написано: «Оставьте меня в покое все — да-да, и вы тоже!»

Очень крупными буквами. Так что я понял, лучше подождать.

— А теперь, что ли, не написано? — искренне удивился я.

Насколько я себя знаю, это сообщение установлено на моем челе по умолчанию. Жаль только, не все способны его прочитать.

— Вообще-то, конечно, написано, — признал Митя. — Но уже довольно мелким шрифтом. Так что я решил рискнуть. Все-таки с утра ждал.

— А зачем, кстати? В смысле, на кой черт я вам сдался? Мы с вами вчера о чем-нибудь договорились, а я забыл?

— Если честно, ни о чем мы не договаривались. Даже познакомиться толком не успели. И я решил это исправить.

Я вопросительно приподнял бровь, и он объяснил:

— Во-первых, мне просто скучно. Я уже четырнадцать лет живу в Праге, всё и всех здесь знаю, а тут вдруг новый человек. К тому же русский. И к пану Болеславу вхож, что само по себе любопытно, к нему так просто с улицы не зайдешь.

— Да уж, пожалуй, — согласился я, вспомнив карлика Йозефа и впечатляющий лязг дверных запоров. — Однако я, судя по всему, зашел именно с улицы. Правда, не сам, меня Дикарка привел.

— Дикарка — это Дякель? Это меня, кстати, тоже заинтриговало. Пан Павел неохотно сходится с людьми — мягко говоря. Зато расходится с большим энтузиазмом. Он и к Болеславу-то на вечеринки таскается только потому, что тот его подкармливает по старой памяти. А уж чтобы Павел кого-то с собой привел — событие небывалое. Ну а когда я увидел,

как вы Болеслева строите и он слушает, смиренно потупив взор...

— Так я его строил? — изумился я. — Ни хрена не помню. Чем, интересно, он мне не угодил?

— Как я понимаю, пан Болеслев принялся знакомить вас с присутствующими, в свойственной ему манере разъясняя, кто есть кто. Типа, трепещите, перед вами не какое-нибудь рядовое пивососущее, а самый бездарный драматург современности, хуже его пьес только романы вот этого господина, похожего на крысу. А вот художница настолько скверная, что ее картины охотно покупают китайские бизнесмены, суеверные, все как один. У кого неблагоприятный гороскоп на неделю, тут же бежит в галерею за очередной картиной пани Вальдовой, а потом живет спокойно: обещанная неудачная сделка уже состоялась, можно ничего не бояться.

Я невольно улыбнулся, представив этот монолог в исполнении самого Льва.

— Он говорил со мной по-русски, пользуясь тем, что никто не понимает? И наслаждался ситуацией?

— Он-то, конечно, наслаждался. Но по-русски говорил только ради вашего удобства. Я имею в виду, он все это и по-чешски весьма охотно озвучивает. Все, конечно, терпят, куда им деваться? Больше всего на свете пан Болеслев любит создавать невыносимые ситуации и напряженную атмосферу. И, надо отдать ему должное, умеет. Как никто. В нем умер великий режиссер; призрак покойного по сей день гремит цепями, щелкает кнутом и не щадит никого.

— Как интересно, — сухо сказал я.

Как бы там ни было, но Лев нынче утром мне очень понравился. А Митины комментарии, соответственно, не очень.

— Ну вот, какое-то время пан Болеслев распускал перед вами хвост. Наконец вы поинтересовались, зачем он проводит время среди людей, которые ему не нравятся. И предложили закончить вечер в баре по соседству. Тогда Болеслев признался, что он и есть хозяин дома, а «недостойные люди» — его дорогие гости, ничего не поделаешь, надо терпеть. А вы прочитали ему впечатляющую лекцию, даже жаль, что никто кроме его и меня ни слова не разобрал. Вы говорили, что ближний мир всякого человека — что-то вроде зеркала. И когда обнаруживаешь, что вокруг сплошь никчемные идиоты, впору задуматься, почему это вдруг у прекрасного и удивительного меня столь неприглядные отражения...

— Можете не продолжать, — вздохнул я. — Это моя любимая телега. Единственное, что меня извиняет, — она вообще-то для внутреннего употребления. В смысле, я обычно все это только себе говорю, а не другим людям. Пан Болеслев случайно попал под раздачу. Нехорошо получилось.

— Во всяком случае, он выслушал вас с похвальным смирением. И обещал, что в ближайшее время непременно изменит свою жизнь. Причем, кажется, был вполне серьезен. Похоже, его действительно проняло. Я, честно говоря, офонарел, когда все это услышал.

— А он-то меня с утра уверял, будто получил огромное удовольствие от знакомства, — вздохнул я. — Святой человек.

— Да уж, святой, с нимбом, рогами и копытами, — ухмыльнулся Митя, увлекая меня в обшарпанную подворотню, в глубине которой алели щедро украшенные искусственными цветами занавески. За занавесками, судя по аромату баранины, тимьяна и розового масла, скрывался вход в рай.

— Мы пришли! — торжественно объявил Митя. — Один из лучших ресторанов города. Жуткий китч, можете не говорить, совершенно с вами согласен, но вы же оценили запах?

Еще как оценил. И начал понемногу склоняться к мысли, что неожиданное знакомство — не досадное недоразумение, а большая удача. Не будь его, сосал бы я сейчас какой-нибудь унылый кнедлик, вымоченный в мясной подливке, — сомнительное, прямо скажем, удовольствие.

Хитрый лис Митя достиг своей цели. По крайней мере, желание вежливо распрощаться и улизнуть под каким-нибудь благовидным предлогом оставило меня еще до того, как нам принесли меню, кухонных ароматов за глаза хватило.

Под закуску из баклажанов новый знакомый вкратце изложил мне историю своей жизни. В начале девяностых молниеносно разбогатевший отец отправил его в Прагу учиться — от греха подальше. В смысле, подальше от собственных запутанных дел, нежелательных знакомств и прочих созвучных духу времени рисков. Митя благополучно выучился, женился, развелся, завел кучу собственных нежелательных знакомств — словом, прекрасно ассимилировался. Отец давным-давно переехал в Лондон, счастливо избежав, таким образом, сумы, тюрьмы, пули и прочих неприятностей, время от времени звал сына к себе, но Мите больше нравилось в Праге. Особенно привлекательно, по его словам, выглядел курс фунта стерлингов к чешской кроне, превращавший скромные отцовские вспомоществования в неплохой капитал, обладатель которого мог свести заботы

о хлебе насущном к регулярным походам в ближайшую пекарню, а сэкономленным временем распоряжаться по собственному усмотрению.

— Если припечет, я могу зарабатывать, и неплохо, — с набитым ртом говорил Митя. — Собственно, лет шесть этим успешно занимался. Понял, что все у меня получается, и закрыл вопрос. Жить гораздо интереснее, чем зарабатывать. Пока есть возможность — почему бы нет?

— Мне чрезвычайно близок ваш подход, — кивнул я. — Сам такой. В свое время купил по случаю несколько квартир в Москве. Теперь сдаю их и горя не знаю. Просто живу. Бессмысленное, но приятное занятие.

— Разве бессмысленное? — удивился Митя. — Ну, может быть. Какая, собственно, разница?

И то верно. Никакой.

Под горячую баранину он развлекал меня рассказами о своей жизни в Праге и между делом дал немало практических советов, чрезвычайно полезных для всякого желающего потратить здесь время и деньги; по уму, их следовало бы законспектировать, но я, как всегда, положился на свою память, дырявую, как слово «авось».

К тому моменту, когда нам принесли теплый сливовый пирог и жидкий, но благоухающий корицей и бадьяном кофе в керамических чашках, я окончательно смирился с мыслью, что у меня появился новый приятель. Ничего страшного, с учетом, что я не собираюсь переезжать в Прагу, а он, как я понял, пока не планирует ее покидать.

Кандидат в мои закадычные приятели внезапно Умолк и, как мне показалось, печально уставился на пирог.

— На самом деле мне, конечно, не трепаться хочется, а расспрашивать, — признался он, — Но я понимаю, что это преждевременно и бестактно. И вы все равно ничего не расскажете.

— Может, и расскажу, — я пожал плечами. — Смотря о чем. Страшных тайн у меня не то чтобы много.

— Мне ужасно интересно, какие у вас дела с Черногуком, — выдохнул он. — То есть я не в ваши дела хочу сунуть нос, а в его. Понимаете, пан Болеслев — это загадка, над которой я бьюсь уже много лет, с тех пор как имел честь с ним познакомиться. Никак не могу понять, кто он такой и как... нет, не то. Зачем он делает все, что делает? Вообще, *зачем он* — по большому счету. Все, что можно разузнать, я, будьте покойны, разузнал, включая самые дурацкие сплетни. Но все равно ни черта не понял. Вернее, окончательно перестал что-либо понимать. Мне от него ничего не нужно, я имею в виду, никаких выгод. Просто я любопытный. Мне нравится все знать.

— Вряд ли я буду вам полезен. Дела у меня с ним пустяковые. Даже не дела, а одно-единственное дело, причем лично меня оно совершенно не касается. Но если хотите, предлагаю обмен.

— Какой? — оживился Митя.

— Я вам — подробный отчет о своем пустяковом деле, а вы мне — часть своей информации. Все, что сочтете нужным рассказать. Я тоже любопытный. А пан Болеслев — отличный объект для изучения. Один только потолок в его гостиной чего стоит. И карлик за занавеской...

— Ага, вы уже видели Йозефа? И вам тоже интересно! — Митя торжествовал. — Вот и я думаю, не может наш брат, мыслящий бездельник, спокойно пройти мимо такого феномена, как пан Болеслев.

Иногда я думаю, милосердный Господь специально посылает нам таких персонажей, чтобы пытливый разум не пылился без дела... Ладно, обмен, говорите? Пожалуйста.

Он откинулся на спинку деревянного стула, отхлебнул кофе и с явным удовольствием принялся рассказывать.

— Во-первых, пан Черногук появился в Праге уже на моей памяти, в девяносто восьмом году. Где он жил и чем занимался до этого, никто толком не знает. Одним он рассказывает, как много лет жил в Штатах, другим трет, что у него был бизнес в России, третьим заливает, будто его родители — богатые аргентинские скотоводы чешского происхождения, и так далее. Что тут правда, что нет — неведомо. Ясно только, что денег у него какое-то немыслимое количество. И подозреваю, он продолжает неплохо зарабатывать, хотя понятия не имею, как именно. Те его проекты, которые на виду, — издательство, галерея, кино — доходными не назовешь. По моим прикидкам, на хлеб хватить должно, но с маслом уже будут проблемы. Обсуждать все это довольно скучно, согласен, но...

— Да нет, не сказал бы, что скучно. Вопрос «Где все эти люди берут деньги?» — один из самых занимательных, — улыбнулся я.

— Еще интересней, на мой взгляд, то, как он их тратит, — Митя почему-то перешел на шепот. — Сколько раз я обсуждал с паном Болеславом книги, кино, музыку, столько раз убеждался: у него прекрасный вкус. Можно сказать, безупречный. Не люблю чужих советов в таких делах, но к его рекомендациям прислушиваюсь. И до сих пор ни разу не пожалел. В то же время в его собственном издательстве

выходит исключительная дрянь. Впрочем, нет, не исключительная, а посредственная дрянь. Это, на мой взгляд, гораздо хуже. Его художественная галерея торгует бездарной мазней. Причем я мог бы понять, если бы это была коммерческая салонная мазня, пользующаяся спросом. Но нет — мало того что дрянь, так еще и с претензией на цветущую сложность, совсем не то, что желают увидеть в своих гостиных и спальнях обладатели толстых кошельков. О фильме, который недавно профинансировал пан Болеслев, даже говорить не буду — не за столом. Уровень театрального фестиваля, окропленного его золотым дождем, ниже плинтуса. И что самое поразительное, пан Черногук прекрасно это понимает. На вопросы «зачем?» не отвечает ничего вразумительного, в лучшем случае говорит: «Так надо» — и улыбается загадочно, хуже Джоконды, честное слово. Очень все это странно.

— Да уж, — согласился я. — Если бы ему самому нравилось, тогда еще ладно.

— Нет-нет, ему не нравится. И он это не скрывает. Но бабло отстегивает исправно... Потом, эти его знаменитые вечеринки. Считается, что на Нерудовой дважды в неделю бухают избранные, интеллектуальная элита, соль земли. Но если приглядеться — вы же видели эту «соль»?

— Теоретически, видел. Но ни хрена не помню, — вздохнул я. — Рад, что вы не заметили, но я был смертельно пьян. Пришел уже на автопилоте. И, насколько я себя знаю, наверняка тут же добавил еще.

— Да, со стороны казалось, что вы в полном порядке.

Было заметно, что Митя сомневается в правдивости моих слов, но ему неловко говорить об этом вслух.

— Просто у меня очень хороший автопилот. Если верить свидетельствам очевидцев, со светской жизнью он справляется много лучше, чем я. Жаль только, что объяснительных записок мне наутро не пишет. Так что я действительно ничего не помню. Но верю вам на слово, что публика на вечеринках не самая интересная. Ничего удивительного. Богема, вопреки общепринятым представлениям, чертовски скучный народ. А стоящих людей на светское мероприятие обычно калачом не заманишь, им время дорого, работать надо.

— Так-то оно так. Но к Болеславу, пожалуй, ходили бы. От таких полезных знакомств бедные художники обычно не в силах отказаться, а богатых художников у нас тут пока почти нет. Однако стоящих людей он особо и не зовет — так, изредка, разнообразия ради. Чтобы стать завсегдатаем его вечеринок, желательно быть безнадежной посредственностью. Или городским сумасшедшим, их пан Болеслев тоже коллекционирует. Я сам когда-то попал к нему в этом качестве.

Ничего неожиданного, подумал я. Одни только зеленые ботинки дорогого стоят. А ведь еще и шарф имеется, самый длинный на обоих берегах Влтавы, готов спорить. И самый полосатый.

— Я в ту пору страстно увлекся дзен-буддизмом, — Митя улыбался до ушей. — Источники читал какие попало, да и те невнимательно. И сдуру решил, что подарить просветление может кто угодно и кому угодно — знай себе лупи ближних палкой в самый неподходящий момент, может, что и выгорит. А уж карма-то всяко улучшится — с учетом кристальной чистоты намерений. И лупил кого ни попадя со свойственным всем неофитам усердием. Конечно, Боле-

слев был в восторге, его-то всегда Йозеф страховал, так что я сам пару раз чуть не просветлел в результате его вмешательства... Я, конечно, сравнительно быстро понял, что гуру из меня хреновый, и драться перестал, но к тому времени мы с паном Болеславом уже успели подружиться. Ну как — подружиться, просто он счел меня занятным. И не стал отваживать от дома, хотя не скрывает, что с палкой я был ему милее. Все-таки дополнительный инструмент издевательства над гостями. Ваш приятель Дякель до сих пор меня люто ненавидит, бедняга. В ту пору он был весьма преуспевающим психотерапевтом, я же справедливо полагал, что ему, при такой-то профессии, просветление нужнее, чем кому бы то ни было, вот и охаживал его чаще, чем прочих. Не помогло, увы.

— А кстати, что с ним случилось? Как я понял, теперь он «живая скульптура» — неплохой приработок для студента, но уж никак не для психотерапевта, тем более успешного. Просто вышел из моды? Или пациента загубил? Или — что? Лев сказал, он «конченый человек». Звучит устрашающе.

— Если Дякель кого и загубил, то исключительно себя, любимого. — Митя скорчил сочувственную рожу, вздохнул и тут же улыбнулся до ушей. — Влюбился неудачно.

— Всего-то? — опешил я.

— Ну как сказать. Что одному «всего-то», другому — смерть. Я сам не думал, что так бывает. Но с тех пор поумнел и знаю, что бывает по-всякому. Вообще все что угодно. Но не со всеми и не всегда.

Я был вынужден признать, что он абсолютно прав.

— Когда человек впервые влюбляется в возрасте за сорок, дело редко кончается добром, — тоном знатока человеческих душ говорил Митя. — А бедняга Дякель выбрал самый неподходящий объект, какой только можно было найти, — Мирру Жукотовскую.

На этом месте он многозначительно умолк, явно предполагая, что, услышав это имя, я понимающе кивну — дескать, если так, все понятно. Но я кивать не стал. Имя «Мирра Жукотовская» ровным счетом ничего мне не говорило.

— А. Вы же, наверное, не интересуетесь современным искусством. И тем более не в курсе наших здешних раскладов, — опомнился Митя.

— Как вы догадались, Холмс?

— Мирра — знаменитость, причем не местного значения, а, пожалуй, уже мирового масштаба. Тейт Модерн*, Киазма**, Луиджи Печчи***, «КоБрА»****, Челси***** — пальцы веером, все дела... Но самая громкая слава актуального художника — не более чем известность в узком кругу, этого я не учел.

*** Галерея Тейт (Tate Gallery) — художественный музей в Лондоне, основанный в 1897 году. В мае 2000 года для коллекции и выставок современного искусства было выделено отдельное помещение, галерея Tate Modern, расположенная на южном берегу Темзы в здании бывшей электростанции, перестроенном знаменитыми архитекторами Херцогом и де Мероном.**

**** *Киазма* — знаменитый музей современного искусства в Хельсинки. Открыт в 1998 году.**

***** Музей Луиджи Печчи (Museo Luigi Pecci) в городе Прато (Италия):**

***** *«КоБрА»* (COBRA) — европейское авангардистское Движение, активное в 1949-1952 годах. Название было придумано в 1948 году Кристианом Дотремоном по первым буквам родных городов участников движения: Копенгаген (Ко — Со), Брюссель (Бр — Вг), Амстердам (А — А). В голландском городе Амстельвеене находится музей «Кобры», где регулярно Пр°* выставки современного искусства.**

***** Художественный музей Челси (The Chelsea Art в НSPU ^ сок Р а Щ енно САМ) — музей современного искусства**

Впрочем, дело, конечно, не в ее профессиональных успехах. Чтобы понять, как влип бедняга Дякель, надо просто один раз увидеть Мирру. После встречи с ней даже крепкие люди долго приходят в себя. При этом, как я понимаю, мужчины ее интересуют исключительно в позиции «штаны застегнуты, руки по швам, в глазах — бескорыстная преданность». Уникальная девица. На первый взгляд, просто безбашенная кукла, нахальная красотка с манерами избалованного подростка. А на самом деле умница, трудяга, цепкая и чрезвычайно практичная. Ну и художница отличная, а это среди нынешних знаменитостей большая редкость. Кстати, родом она откуда-то из Сибири, если не врет. Сбежала из дому в пятнадцать, что ли, лет, приехала в Прагу автостопом и осталась жить. Вот так просто, захотела и сделала, никто ей не указ. Любая другая на ее месте пропала бы, но только не Мирра. Сейчас ей двадцать пять лет, и у нее все настолько в порядке, насколько это вообще возможно. Одно время пан Болеслев ей покровительствовал, но как только девочка пошла в гору, утратил к ней интерес. Ну или она к нему. Но в этом вопросе они быстро пришли к полной взаимности. Прекрасно друг без друга обходятся, я имею в виду. Но пока Мирра бывала на Нерудовой, Дякель успел с ней познакомиться; результат вы видели: во всей Праге не сыщешь человека более несчастного и потерянного. Впрочем, поначалу было гораздо хуже, говорят, из петли три раза его вынимали. Зря, на мой взгляд, вынимали: выжить-то он выжил, но начал писать стихи. Воистину ужасающий итог.

Я уже начал жалеть, что не понимаю по-чешски и, вероятно, никогда не узнаю, каковы на самом деле стихи бедняги Дикарки. Неужели действительно настолько плохи? Вообще-то, друзья и знакомые

поэтов, вынужденные регулярно их выслушивать, любят перегнуть палку, расписывая страдания, которые им пришлось претерпеть.

— Вы довольны? — спросил Митя. — Достаточно информации к размышлению?

— На первое время хватит, пожалуй.

— Тогда ваша очередь. Вы обещали рассказать...

— Какие у меня дела с паном Черногуком. Ладно, слушайте. Мой отец коллекционирует старинные ключи. Не все подряд, а только с определенной историей, что делает процесс поиска чрезвычайно сложным и увлекательным. Со Львом он познакомился в интернете, на форуме кагофилов...

— Кого? — обалдел Митя.

— Не «кого», а «каго», — усмехнулся я. — Кагофилов. Так называются коллекционеры ключей. Словом, выяснилось, что у пана Болеслева есть ключ, позарез необходимый Карлу. В смысле, моему отцу. Они договорились поменяться — ключ на старинный букварь. Не знаю, насколько это равноценный обмен, но их обоих устраивает. А я в данном случае — просто курьер. Свободного времени у меня завались, да и проветриться давно было пора. Вот, собственно, и все.

— И все? — эхом повторил Митя.

Мне показалось, что он не столько старается скрыть разочарование, сколько тщится его изобразить, но на всякий случай я сказал:

— С удовольствием выдумал бы что-нибудь более занимательное. Но вас, как я понимаю, интересует правда, и только правда.

— Да уж, выдумать я и сам могу, — рассеянно согласился Митя. — Значит, ключ. Ладно. Ничего не понимаю. Но ужасно интересно все это. Ужасно интересно.

На этой оптимистической ноте он отправился в уборную, а вернувшись, принялся строить планы на вечер. Особого энтузиазма они у меня не вызывали. Митя мне, в общем, нравился, но я уже устал с ним болтать. Хотел немного побродить один, поглазеть по сторонам, вспомнить, наконец, что Прага, черт бы ее побрал, один из красивейших городов Европы, зайти в какой-нибудь бар, выпить там один (и только один, ни глотка больше) джин-тоник, полистать дареную книгу, подумать, обнаружить, что глаза уже слипаются, удивиться, вернуться в отель, проспать часов десять как минимум, чтобы назавтра вместо меня проснулся совсем другой человек, бодрый, охочий до впечатлений, готовый отыскать парутройку приключений на свою задницу или хотя бы дорогу до Йиглавы и — понимаю, Господи, что это наглость, но очень тебя прошу — безмятежный.

Словом, мне позарез требовалось остаться в одиночестве. И я знал, как это организовать. Отработанный прием: иду в туалет, включаю в телефоне будильник, чтобы зазвонил минут через десять, возвращаюсь, жду звонка, имитирую деловую беседу, извиняюсь, кладу на стол деньги и убегаю, не дав собеседнику опомниться. Пока он будет просить счет и ждать сдачу, я, пожалуй, окажусь на другом берегу Влтавы, а мне того и надо.

Однако хлопотать мне не пришлось, потому что телефон зазвонил у Мити. Он нахмурился, полез в карман за трубкой, торопливо пробормотал в нее что-то вроде: «Так ё-о-о» — и одарил меня взглядом столь виноватым, что я чуть в голос не заржал. Он все сделал сам, умница, избавил меня от хлопот.

Обмануть меня, в общем, довольно легко, но именно в этом случае — практически невозможно. Отличить имитацию диалога от настоящего телефонного

разговора с живым собеседником дело нехитрое — при условии, что вы сами время от времени занимаетесь подобными розыгрышами. Моя симпатия к новому знакомцу резко возросла, я, можно сказать, тут же полюбил его как брата. У нас, оказывается, была общая цель — избавиться друг от друга на остаток вечера. И достичь ее мы собирались одинаковыми средствами. Вот это, я понимаю, родство душ.

— Ничего у нас с вами не выйдет, — печально говорил тем временем Митя. — Злые люди жаждут видеть меня на другом конце города по совершенно неотложному делу. И послать их нельзя, мне эта встреча нужна больше чем кому бы то ни было. Предлагаю перенести нашу прогулку на завтра.

— Тогда уж на послезавтра, — сказал я. — Завтра меня в Праге весь день не будет.

— А куда собрались? — живо заинтересовался он.

— В Карлштейн*, конечно, — не моргнув глазом соврал я. — И заодно в Точник**. Если успею, еще и в Крживоклад***. Люблю руины.

*** *Карлштейн* (Karlstejn, он же Карлув Тын) — один из самых известных замков и туристических достопримечательностей Европы. Замок императора Карла IV, построенный на 72-метровой известковой скале над речкой Бероунка, в 28 километрах юго-западнее Праги, в пределах Чехии. Заложен в 1348 году как летняя резиденция Карла IV и сокровищница императорских регалий и святых реликвий. Уже в 1355 году, за два года до окончания строительства, император Карл заселился в свою новую резиденцию.**

**** Крепость Точник расположена на холме около города ^Кебрак в сорока пяти километрах к юго-западу от Праги. Была основана 1398 году королем Вацлавом IV как королевская представительная резиденция.**

***Крживоклад* — старый охотничий замок чешских принцев и королей в 50 километрах от Праги. Один из самых старых замков Чехии, первые упоминания о нем относятся к XII сто-**

Предстоящий визит к пану Шнипсу вовсе не казался мне событием, которое следует во что бы то ни стало держать в секрете. Но я не люблю рассказывать о своих планах. О прошлом — сколько угодно, если есть настроение потрепаться. Но в собственное будущее я стараюсь никого не пускать. Оно должно принадлежать только мне — до тех пор, пока не наступит. Это вопрос не секретности и даже не суеверия, а скорее личной гигиены. Когда кто-то знает о моих планах, я ощущаю его присутствие в моем, неосуществившемся пока, нежном, уязвимом будущем, назойливое и неприятное, как грязные следы на кафельном полу. Иррациональное чувство, кто бы спорил. Но уж какое есть.

— Ладно, — легко согласился Митя. — Будет настроение — звоните.

Звонко, с размахом, как козырного туза, шлепнул на стол визитку цвета мандариновой кожуры, аккуратно присовокупил к ней купюру, сопроводив этот жест смущенным, вопрошающим взглядом: «Ничего, что я убегаю, не дождавшись счета?» — одарил меня на прощание ослепительной улыбкой и скрылся. Конец полосатого шарфа еще некоторое время возлежал на стуле, но наконец и он уполз за своим господином и повелителем.

Я взял в руки визитку, полюбовался шрифтом, столь затейливым, что я с трудом разобрал имя своего нового знакомца: Dmitry Shuttikhin, надо же, как подходит ему эта фамилия; интересно, двойное «т» — это выпендреж или правда так в паспорте записано? Впрочем, какая разница.

В ожидании счета я достал из кармана книгу Цаплина, открыл наугад — тем и хороши сборники рас-

сказов, что любой из них, при желании, можно превратить в жалкое, но занимательное подобие Книги Перемен.

— Рассказывают, о счастливый царь, что один человек из паломников заснул долгим сном, а когда он проснулся, то не увидел даже следов своих спутников. Ион поднялся и пошел и сбился с дороги и, пройдя немного, нашел палатку. И у входа в палатку он увидал старую женщину, а подле нее заметил спящую собаку. И человек приблизился к палатке и приветствовал старуху и попросил у нее поесть, и старуха сказала: «Пойди в ту долину и налови змей, сколько будет тебе нужно, а я их изжарю и накормлю тебя»*.

Шахрияру было скучно. Он и в детстве-то не слишком любил сказки, а повзрослев, и вовсе перестал находить в них удовольствие. Что за напасть, думал он, почему всемогущий Аллах не сотворил эту прекрасную женщину немой?

— Дошло до меня, о счастливый царь, что человек-паломник напился из ручья горькой воды, так как его поразила великая жажда, а потом он вернулся к старухе и сказал ей: «Дивлюсь я на тебя, о старуха, и на то, что ты пребываешь в этом месте и питаешься такой пищей и пьешь такую воду».

Шахрияр с трудом сдерживал зевоту. Интересно, думал он, где она наслушалась этой ерунды ? Или сама сочиняет, на ходу? Хотел бы я знать, она когда-нибудь выдохнется? Или наоборот, только войдет во

***Здесь и далее приводятся фрагменты из книги «Тысяча Дна ночь». Использован «Рассказ о старухе и паломнике».**

вкус? И я буду слушать эту чушь каждую ночь, до конца жизни?

— «Я слышала все это, — молвила старуха. — Скажи мне, бывают ли у вас султаны, которые судят вас и притесняют своим приговором, когда вы под их властью? А если кто-нибудь из вас согрешит, они берут ваше имущество и расточают его, а когда захотят, выгоняют вас из ваших домов и искореняют ваш род?» «Это бывает», — ответил человек.

Иногда истории Шахразады становились настолько скучными и бессвязными, что Шахрияр спрашивал себя: может, и правда пора позвать палача? Но достаточно было обернуться и увидеть, как дрожат почти невидимые капельки пота над ее верхней губой, как вдохновенно сияют испуганные глаза, как плавно движутся полные руки, — какой уж тут палач, думал Шахрияр, тут впору звать имама, чтобы жениться на этой женщине второй раз и третий, и пятый, снова и снова, тысячу раз готов я жениться на тебе, Шахразада.

Но вслух он этого, конечно, не говорил.

— Дошло до нас в преданиях, что аль-Хаджжаджу ибн Юсуфу подали однажды просьбу, в которой было написано: «Бойся Аллаха и не притесняй рабов Аллаха всякими притеснениями». И когда аль-Хаджжадж прочитал эту просьбу, он поднялся на мимбар (а он был красноречив) и сказал: «О люди, Аллах великий дал мне над вами власть за ваши деяния...»

Шахразада продолжала дозволенные (а куда денешься?) речи, а Шахрияр терпеливо слушал. Он старался казаться внимательным и благодарным слушателем, не отводил глаз от рассказчицы и нико

гда ее не перебивал, а когда она, бледнея от волнения, спрашивала, желает ли господин узнать продолжение истории, милосердно соглашался: да-да, еще как желает, непременно, завтра же, сразу после ужина.

Он очень хотел ей понравиться.

Я улыбнулся и захлопнул книгу. Цаплин определенно пришелся мне по душе. Надо бы отыскать Короля, поблагодарить за подарок. Жаль, я не спросил ребят, какую площадь они украшают своим присутствием. Придется, значит, случайно на них наткнуться. Обычно у меня это прекрасно получается, гораздо лучше, чем заранее спланированные встречи.

Порой («слишком часто», — говорю я, содрогаясь; «слишком редко!» — орет мой внутренний голос, и, положа руку на сердце, он совершенно прав) мне снятся сны, куда более достоверные, чем так называемая явь. Вспомнить и пересказать их себе, проснувшись, никогда не удается; они, надо думать, просто не помещаются в бодрствующее сознание, идеально заточенное под повседневные нужды всеядного примата. Но в самые первые секунды после пробуждения я отчетливо чувствую, что тело мое все еще соткано из нездешнего густого, текучего, сладостного вещества. Это ощущение быстро проходит, ничего не поделаешь, сколько раз я пробовал его удержать — не получается, причем уже на уровне постановки задачи. Я сам толком не знаю, какого эффекта стараюсь добиться, внутренний голос срывается на утробное мычание: «Хочу, чтобы та-а-а-ак!» Как — «так»? Умолкает в растерянности. Я лежу на спине, лицом кверху, не в силах пошевелиться, и словно бы твер-

дею, превращаюсь понемногу в бессмысленное человеческое существо, отлично приспособленное действовать в заданных условиях. Чем я только что был? Что при этом чувствовал? Что вообще происходило? — неведомо. В этот миг мне ясно только, что во сне было что-то очень *настоящее,* а теперь оно закончилось, и всё, всё.

Первые несколько секунд жизнь, сколь бы хороша она ни была на данном этапе, кажется мне кошмарным сном, из которого уже некуда проснуться. Только и остается, что выть — люто, истово, с полной самоотдачей, не издавая ни единого звука, потому что, сколько ни издавай звуков, облегчения не будет, чего ж людей путать понапрасну.

Потом, понятно, все само проходит. Очень быстро. Раз — и как не бывало. Остается лишь едва различимое послевкусие, переполняющее меня счастьем, почти неотличимым от черной меланхолии.

После такого пробуждения мне совершенно не хотелось вставать, арендовать какой-то дурацкий автомобиль, ехать в еще более дурацкую Иглаву, знакомиться там с паном Шнипсом, столь же дурацким, как и я сам, в этом смысле все люди равны перед лицом вечности, которой я только что нахлебался, как утопленник озерной воды.

Но дело есть дело, так что я перевел себя в режим «бодрый боевой робот», мужественно стиснул зубы и пошел их чистить. А справившись с этой ежеутренней повинностью, приступил к следующему пункту обязательной программы. Действовал безупречно, не допустил ни единого сбоя и, одолев сотню с небольшим километров, остановился на окраине живописного городка, у невысокого зеленого забора, за

которым пенились цветущие вишни и звонко лаял большой лохматый пес, белый, как вишневый цвет.

На этом пасторальном фоне отлично смотрелся бы какой-нибудь круглый румяный старичок-лесовичок в широкополой соломенной шляпе, с граблями в руке и пушистым цыпленком в нагрудном кармане. Однако встретивший меня у калитки пан Иржи Шнипс оказался суровым с виду, очень старым, но подтянутым господином в ветхом пиджаке, застегнутом на все пуговицы. Загорелое морщинистое лицо, тонкие черты, бледные узкие губы, небольшие темные, как ягоды смородины, глаза. «Занятный дедушка», — говорил о нем Карл. Я бы, как ни старался, не смог подобрать менее подходящее определение. Ничего занятного в пане Шнипсе не было, разве только малый рост, но он принадлежал к редкой породе исполненных достоинства и естественной грации коротышек, в присутствии которых нормальные рослые люди начинают чувствовать себя несуразными великанами.

— Добро пожаловать, сын Карла, — без тени улыбки сказал старик.

А я вдруг подумал, что Карлсоном меня почему-то никто никогда не дразнил. Хотя, казалось бы, такая очевидная шутка, сама на язык просится.

Говорить нам с паном Иржи пришлось по-английски, щедро разбавляя заморскую речь славянскими словами. Первые пару минут мне было трудно, но потом я втянулся и даже начал получать удовольствие.

— Приятно будет поить вас чаем. Вы очень похожи на своего отца, — сказал старик после того, как усадил меня за стол, где огромные пузатые чайные чашки соседствовали с глиняными плошками, полными меда.

Я знаю, что это не так. Карл — блондин с лицом настолько правильным, что его, по свидетельствам очевидцев, трудно удержать в памяти, а у меня медная проволока вместо волос, почти азиатский разрез глаз, острые скулы и, мягко говоря, вьющийся нос. Разве только глаза у обоих серые, но для фамильного сходства этого явно недостаточно. Да и о каком фамильном сходстве может идти речь, если я родился через год с лишним после того, как моя мама отправила Карла в отставку. Ему было плевать, кто мой биологический отец, — просто сперва Карл решил, что сын его любимой женщины не должен оставаться в приюте, а потом, познакомившись со мной, обнаружил, что я — именно то, что ему требуется. Не знаю уж, чем я его обаял, но мне до сих пор нравится думать, что я купил Карла и все свое распрекрасное детство в придачу за половину черствой конфеты «батончик» — самая выгодная сделка всех времен, Рокфеллерам и не снилось.

Однако теперь пан Шнипс уверял меня, что я похож на Карла, а я не стал возражать. Известное дело, взгляд смотрящего всегда искажает объект в соответствии с ожиданиями этого самого смотрящего — как правило, неосознанными. Вот и пан Шнипс втайне желает, чтобы сын его старого друга был похож на отца и хотя бы отчасти компенсировал его отсутствие, а иначе какой вообще смысл иметь дело с сыновьями друзей?

— Мед разный, — говорил тем временем хозяин дома. — Где какой — пробуйте, понимайте сами. Я не знаю английских названий растений. Никогда не было нужно.

— Я даже русские названия большинства растений не знаю, — признался я. — Но это не помешает мне есть ваш мед.

Так и пили чай, изъясняясь практически фразами из самоучителя. Старика, конечно, интересовало, как дела у Карла. Что тот здоров, доволен жизнью и, как всегда, много играет, пан Иржи и сам, в общем, знал. От меня требовались подробности: есть ли при нашем доме палисадник? Что там сейчас цветет? Какие пироги печет Рената? Завели они кота, как собирались, или опять передумали? Хорошие ли соседи? И так далее. Я по мере сил удовлетворял его любопытство — насколько позволяли дырявая память и наш общий словарный запас.

— Теперь дайте мне ключ, — сказал хозяин, поставив на стол пустую чашку.

Я ожидал, что пан Иржи удалится в какую-нибудь домашнюю лабораторию, запрется там на несколько часов, а мне придется скучать в саду или гулять по городу до вечера — все-таки экспертиза, серьезное дело. Однако он подошел к окну и некоторое время, щурясь, внимательно разглядывал ключ. Этим дело и ограничилось.

— Очень интересная вещь, — объявил он. — Весьма ценный экземпляр. Однако... Я правильно помню, что ключ, который разыскивает Карл Оттович, был сделан в пятнадцатом веке?

— Конец пятнадцатого, — подтвердил я.

— Тогда у нас в руках копия. Не современная подделка, нет. Но этот ключ изготовили не ранее чем в семнадцатом веке. Я совершенно уверен. Совсем другая технология. По-чешски я мог бы объяснить, но вы не поймете. А по-английски не могу. Впрочем, вам это и не надо.

— Не надо, — поспешно согласился я. — И так понятно, что вы не можете ошибаться.

— Только в том, что касается ключей и замков, — неожиданно улыбнулся пан Иржи. — В других вопро-

сах я допускаю ошибки. Не очень часто. Но все-таки случается.

Он отдал мне ключ, немного помолчал и торжественно объявил:

— У меня есть дополнительная информация, которая может оказаться интересной для Карла Оттовича.

Я адресовал ему вопросительный взгляд.

— Ваш ключ мне знаком. То есть эту копию я вижу впервые. Но я держал в руках оригинал.

— Вот это да, — выдохнул я. — Бывают же совпадения!

— Я бы не стал называть это совпадением. По роду своей деятельности я был знаком с многими выдающимися ключами Европы, — надменно сказал старик.

Это прозвучало так, словно ключи являлись не только живыми существами, но как минимум членами королевских семей. И пан Иржи был им официально представлен.

— О, конечно, — смиренно согласился я.

— Одна польская дама приносила оригинал мне на экспертизу, всего три года назад. Желала знать, что это за вещь и какова ее цена. Я был не прочь приобрести ключ для Национального музея, тогда я еще там работал. Мы были довольно близки к соглашению. Но потом она сказала, что должна как следует все обдумать. Я согласился ждать. В конце концов эта дама написала мне из Германии. Сообщила, что нашелся покупатель, который готов заплатить гораздо больше, чем музей. Принесла извинения. Сказала, ей очень нужны деньги. Ее, разумеется, можно понять. Чем дело кончилось, я не знаю. Но почтовый адрес этой пани у меня сохранился. Я всегда сохраняю адреса людей, с которыми переписываюсь. Привычка архивной крысы, — неожиданно весело добавил он и заговорщически мне подмигнул.

— Я уверен, отец будет счастлив заполучить ее адрес __ сказал я. — Эта дама наверняка поможет ему связаться с новым хозяином ключа. И тогда все уладится. Не было еще такого, чтобы Карл с кем-то не договорился, если ему очень надо.

— Я тоже так думаю, — кивнул пан Иржи. — И еще я думаю — как же удивительно, что я не вспомнил про этот ключ, когда Карл Оттович меня расспрашивал. Думаю, это из-за цвета.

— Что вы имеете в виду?

— Видите ли, для меня этот ключ навсегда останется «ключом из желтого металла». Очень необычный материал. Coronarium, так называемая кипрская медь. Знаменит тем, что римляне делали из него короны и другие украшения для театральных представлений. Все дело в том, что кипрская медь похожа на общепринятые представления о золоте больше, чем настоящее золото, и блестит сильнее — именно то, что требуется, когда хочешь продемонстрировать роскошь со сцены. Но важно не это. Важно, что я знал — был твердо уверен, — этот материал никогда не шел на изготовление ключей и замков. И тут мне приносят прекрасно сохранившийся ключ из кипрской меди. Для эксперта — катастрофа, для ученого — нежданный подарок. Очень сильное впечатление! Конечно, именно это мне и запомнилось. А Карл Оттович не знал, что ищет именно желтый ключ. И не сказал мне. Поэтому я не сообразил, о чем речь, не сопоставил другие параметры. Но когда увидел копию, сразу узнал. Здесь тоже желтый металл, но это вполне обычное для того времени... как сказать? — объединение материалов.

— Сплав? — подсказал я.

— Совершенно верно, сплав. Не редкость. Норма. По-латыни ourichalcum*, как это называется по-английски и тем более по-русски, не знаю.

— Неважно, — сказал я. — Главное, в целом все понятно. Выходит, не зря я все-таки съездил к пану Черногуку. Если бы не показал вам эту копию...

Пан Иржи брезгливо поджал губы. Я вспомнил, Лев говорил, что старик его терпеть не может, и прикусил язык, но поворачивать назад было поздно.

— Так этот ключ вы от Черногука получили? — сердито спросил пан Шнипс. — Если бы я знал, я бы сразу предупредил Карла Оттовича. С этим человеком нельзя иметь никаких дел! Как ваш отец с ним связался?

— Через интернет, — объяснил я.

Пан Шнипс непонимающе нахмурился. Я вздохнул. Объяснять, что такое интернет, старику, который явно никогда в жизни не пользовался аппаратом сложнее телевизора, — гиблое дело.

— Через компьютер, - без особой надежды сказал я. — Там есть такая возможность — знакомиться и переписываться с кем угодно.

— Знакомиться и переписываться, надо же, — проворчал пан Иржи. — Тогда уж скажите, не «с кем угодно», а «с кем попало».

Я не стал спорить.

— Когда я был сопливым мальчишкой, вашему Черногуку с виду можно было дать никак не меньше сорока лет, — сердито сказал пан Иржи. — Теперь я, как видите, очень стар. А ему по-прежнему сорок.

*** *Ourichalcum* — латунь (сплав меди и окиси цинка). Латинское название дословно переводится как «золотая медь».**

Вот и подумайте, можно ли доверять человеку, который обхитрил природу и Господа.

— Он говорил мне, что вы, по всей вероятности, были знакомы с его отцом, — осторожно заметил я. — И не поладили. А теперь...

— Рехнулся на старости лет и путаю отца с сыном, да9 _ усмехнулся пан Иржи. — Только вот что я вам скажу. Не было у него никакого отца. В мое время многие еще помнили, что он... бастард — так? Понимаете? Его мать не была замужем, вот что я хочу сказать.

— Да, я понял.

— В этом Черногук, конечно, не виноват, — смягчился старик. — Никто не выбирает, в какой семье родиться. А только путать мне его не с кем. Историю о моей ссоре с его несуществующим отцом Черногук наскоро придумал, когда понял, что я его узнал. Чрезвычайно неудобное для него обстоятельство, он-то надеялся, все старые знакомые давным-давно померли, а тут — нате, сыскался долгожитель. Вот он и подстраховался.

Я растерянно молчал. Проще всего, конечно, было объявить Иржи Шнипса безобидным психом, старым маразматиком и закрыть вопрос. Однако не вышло. Старик был практически эталоном рассудительности и вменяемости, такое уж у меня сложилось впечатление. А я редко обманываюсь в подобных вопросах. Богатый опыт общения с придурками, ничего не попишешь.

— Очень интересно, — наконец сказал я. — На вид пану Черногуку чуть больше сорока, это правда. А на самом деле, выходит, не меньше ста?

— Скорее больше, — неохотно подтвердил пан Иржи.

Интересные дела, подумал я, неужели это рисовая диета так действует? Попробовать, что ли? А еще лучше, Карла с Ренатой на рис подсадить. Они и так неплохо держатся, но подстраховаться не помешает. Потому что, если выяснится, что они все-таки не бессмертные, я пропал.

Разговор наш меж тем скис. Хозяин дома явно разрывался между желанием предостеречь меня от продолжения знакомства с инфернальным долгожителем с Нерудовой улицы и пониманием, что я скорее всего ему не поверю. А если поверю — еще хуже, это меня только раззадорит. Он был совершено прав. Я почти поверил и теперь погибал от любопытства. Одно утешение — завтра вечером я увижу этого струльдбруга новейшей модели. Вчера он вроде бы хотел мне понравиться — вот и прекрасно, пусть продолжает в том же духе.

Получив немецкий адрес таинственной польской дамы — *фрау Гражина Прудовецка, Хохштрассе, семьдесят один, Хаген, Северный Рейн — Вестфалия,* — я сердечно распрощался с паном Шнипсом и был таков.

— Будешь смеяться, — сказал я Карлу, — но у меня две новости, плохая и хорошая. Как в анекдоте. Самому стыдно. Но против фактов не попрешь.

Я все-таки добрался до старого центра Йиглавы, который оказался невелик, но неожиданно хорош, — а я-то, дурак, думал, что приехал практически в деревню, — и зашел в первое попавшееся кафе. Меню здесь было скудное, но кухонные запахи скорее обнадеживали. К тому же здесь было почти пусто, только две старушки увлеченно поедали пирог у окна да

какой-то невзрачный, словно бы пылью припорошенный субъект средних лет терзал газету в углу. И самое главное, никакой музыки — когда ищешь место, где можно не только перекусить, но и спокойно поговорить по телефону, это наиважнейшее условие.

Настроение Карла вовсе не было омрачено обещанием плохих новостей. Это только прибавило ему энтузиазма, я по голосу чувствовал.

— С какой начнешь? — поинтересовался он.

— Как положено, с плохой. Ключик наш — фуфло. Правда, пан Шнипс датирует это фуфло семнадцатым веком. Но все равно — копия.

— Это одна из самых приятных плохих новостей, какие я когда-либо слышал, — оживился Карл. — Копия ключа от нашей двери в подвале, изготовленная в семнадцатом веке, — надо же!

— Да, я так и подумал, что ты захочешь его себе оставить. Тогда все в порядке, завтра отдам Льву букварь.

— А ты его до сих пор не отдал?

— Нет. Я разве не писал? Букварь томится в гостиничном сейфе, ждет результатов экспертизы, причем это была не моя идея, а Льва. Могу удрать со всем добром хоть сейчас, прикинь. Уникальный шанс одним махом стать международным аферистом и предателем доверившегося. Очень соблазнительно. В Дантовом аду это как-никак элита.

— Не подозревал, что ты настолько сноб, — развеселился Карл. — А что будет с моей репутацией на форуме?

— Ничего с ней не будет. Неохота мне пока отсюда удирать. Я сегодня от пана Иржи таких сплетен про нашего Черногука наслушался, что теперь жду не дождусь новой встречи. То ли он у нас новый

Калиостро, то ли просто из клана Маклаудов. Вечером напишу подробно, тебе понравится.

— Ладно. А как насчет хорошей новости? Ее, надеюсь, расскажешь прямо сейчас? Или собираешься причинить мне непереносимые страдания?

— Я бы с радостью. Но мне слабо. Лопну, если не расскажу. Три года назад пан Иржи держал в руках настоящий ключ от нашего подвала. В смысле, оригинал. И дал мне адрес его бывшей хозяйки.

— Бывшей? Почему — бывшей? — Карл не на шутку разволновался.

— Потому что она его примерно тогда же продала. По крайней мере, собиралась. Если сделка состоялась, можно попробовать выяснить имя покупателя. Вряд ли это такая уж тайна. Все-таки не картина Ван Гога, а просто ключ. Причем не от Каабы.

— А где она живет?

— В Германии. Город Хаген. Лично мне это название ничего не говорит. А тебе?

— Даже не представляю, в какой это земле.

— Северный Рейн — Вестфалия. Доберусь до интернета, выясню подробности.

— Выясни непременно. Слушай, Фил, а ты случайно не хочешь полюбоваться цветением яблонь на берегах Рейна? Говорят, прельстительное зрелище.

Я очень хорошо знаю этот его вкрадчивый тон. У нас дома это называется «подъезжать на гнилой козе». Мы с Ренатой, конечно, посмеиваемся над его величеством Карлом, храбрым объездчиком гнилых коз, однако отказывать ему так и не научились.

Впрочем, я с самого начала понимал, чем дело кончится. И совершенно не возражал против такого развития событий. Пока путешествие явно шло мне на пользу, даже глупо было бы останавливаться на достигнутом.

— Яблони еще не зацвели, — сказал я. — Но на берега Рейна я, так и быть, съезжу. Однако учти, я — не самый крупный специалист по охмурению старых дам. Могу провалить дело.

— *Ну* вот если провалишь, тогда я сам к ней поеду и охмурю, — пообещал Карл. — На следующей неделе я совершенно свободен. Но хочется-то побыстрее!

— Мне самому хочется побыстрее, — признался я. — Хотя, по идее, должно быть все равно. Азартное это, оказывается, дело — охота на ключ из желтого металла. Кто бы мог подумать.

— А то! — подтвердил Карл. — Когда поедешь?

— Послезавтра, пожалуй, и поеду. Чего тянуть?

— Хорошо. Слушай, Фил, я еще вот что думаю. Пан Черногук тебе, как я понял, скорее понравился, чем нет. И это, безусловно, свидетельствует в его пользу. Но ты, пожалуй, все-таки... — он замялся, но я и сам сообразил.

— Конечно, я не буду ему рассказывать, что еду искать оригинал. Его это не касается.

— Вот-вот, — подтвердил Карл. — И еще. Помнишь, я говорил тебе, у меня создалось впечатление, что пан Черногук очень хочет узнать мой адрес? Ничем иным его причудливое желание выслать мне слепок ключа я объяснить не могу. Так вот, ты все-таки постарайся сохранить адрес в секрете. Даже если пан Болеслев будет рыдать у тебя на груди, попутно загоняя под ногти раскаленные иглы.

— Не выдам под пытками, — пообещал я. — Хотя бы по той простой причине, что я его не помню. Я же вам с Натой бумажных писем отродясь не писал.

— Вот и хорошо, — совершенно серьезно сказал Карл. — Лучше не придумаешь. Теперь я спокоен.

Издевается, неуверенно подумал я. Сто пудов издевается. Просто мы слишком долго не виделись, и я забыл, в каком месте надо смеяться.

Стыдно признаться, но визита к Черногуку я ждал, как дня рождения в детстве, обмирая от нетерпения и любопытства. Как все пройдет, что я при этом почувствую, и какие будут подарки — эти младенческие вопросы терзали меня не на шутку. Полночи глаз сомкнуть не мог, а потом подскочил ни свет ни заря, хотя, по уму, следовало бы дрыхнуть подольше, все-таки на вечеринку собрался, не на детский утренник. Но что уж теперь.

Пришлось спускаться вниз, пить кофе. Заодно прихватил с собой книгу Цаплина, открыл наугад и уткнулся туда — носом, чашкой и горячим тостом одновременно.

Невеста Гансу очень нравилась — рослая, румяная, с длинной, тяжелой белокурой косой. Даже задумчивость красила ее, хотя, конечно, непривычно видеть у молодой девицы такой неподвижный, устремленный куда-то внутрь себя взгляд. Интересно, о чем она все время думает? — гадал Ганс. Впрочем, о чем еще и думать невесте, как не о будущей свадьбе. Поженимся — сразу развеселится, решил Ганс. Не о чем тут волноваться.

И с родителями Эльзы, он сразу понял, легко будет поладить. Мать Эльзы, такая же румяная, как дочка, но веселая и приветливая, неутомимо хлопотала у стола, а отец, по-приятельски подмигнув будущему зятю, сказал:

— Такое дело не грех отпраздновать. Сбегай-ка, дочка, в погреб за пивом.

Эльза кивнула и поспешно вышла из комнаты.

Минут через пять родители Эльзы начали беспокоиться. Куда подевалась эта негодная девчонка? Не такое долгое дело — нацедить кувшин пива. И какое впечатление это произведет на жениха? Кто захочет жениться на такой нерасторопной корове?

— Пойду погляжу, чего она там возится, — наконец сказала мать.

— Погоди. Я с тобой. — Отец тяжело поднялся из-за стола.

Ганс ничего не стал говорить. Но пошел следом.

Эльзу они увидели сразу же. Она и не думала прятаться. Сидела на стуле подле бочки, пиво давным-давно перелилось через край кувшина, и теперь у ног Эльзы плескалось пенное, хмельное озерцо, но девушка его не замечала. Она плакала, да так горько, что мать забыла, как собиралась отругать нерадивую девчонку, всплеснула руками, метнулась к дочери:

— Что случилось, дитя мое? Почему ты плачешь?

Эльза подняла на нее красные от слез, постаревшие, угасшие глаза и, превозмогая рыдания, заговорила:

— Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела...*

Хренассе некоторые развлекаются, озадаченно подумал я, захлопнув книгу. Надеюсь, это все-таки не пророчество насчет грядущего дня. Я бы, пожалуй, еще пожил какое-то время без ангелов и труб. Только-только снова во вкус входить начал.

Стоп, сказал я себе. Что я слышу. Начал входить во вкус? Ты это серьезно?

*** Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис).**

А хрен его знает, ответил я внутреннему куратору. Может, серьезно, может, нет. Но ты все-таки иди в задницу, от греха подальше.

По крайней мере, следовало признать, в таком прекрасном настроении я уже давненько не просыпался. Жизнь вдруг снова стала казаться мне чертовски увлекательной; что же касается отсутствия в ней какого бы то ни было смысла, я не то чтобы изменил свою позицию по этому вопросу, просто он перестал меня волновать. Пока процесс интересен, вполне можно обойтись без дополнительного смысла. Что и требовалось — не доказать, а почувствовать. Давным-давно позарез требовалось, честно говоря, и вдруг, ни с того ни с сего, — удалось. Ай да я.

До вечера пока было настолько далеко, насколько это вообще возможно, и я отправился гулять. А чтобы не заскучать, сочинил себе сверхзадачу: где-нибудь *случайно наткнуться* на Короля или еще кого-нибудь из той теплой компании, поблагодарить за Цаплина. Мое тогдашнее вялое «спасибо» не в счет, я же не знал, *что* мне подарили. Сунул книжку в карман и тут же забыл, хорошо еще, что не посеял ее потом спьяну в казематах Черногука.

Разумеется, принять решение было куда проще, чем осуществить, время-то, прямо скажем, неподходящее, утро буднего дня, туристов сравнительно мало, и ребята, по идее, должны сейчас сидеть на занятиях. Ну вот и поглядим, как реальность будет выкручиваться, злорадно подумал я. Давно я от нее ничего из ряда вон выходящего не требовал, разбаловалась она у меня, разленилась. Пусть привыкает, что теперь все будет иначе.

И стало иначе.

На улице Нерудовой пахло дымом, корицей и почему-то морем, мимо стремительно проехал мальчишка на одноколесном цирковом велосипеде, среди воробьев на мостовой суетился взъерошенный волнистый попугайчик цвета ошпаренного лимона, а у входа в мой отель были разбросаны клочки игральных карт. У кого-то пасьянс не сошелся, весело подумал я. Ну поглядим, может, у меня сойдется.

И зашагал вперед по дорожке из пик и червей, которая вела наверх, в Пражский Град.

Пестрые кусочки картона не иссякали, похоже, неизвестный любитель рвать и метать распотрошил не одну, а добрую дюжину колод, чтобы вымостить мне путь к Святому Биту, у подножия которого я встретил нестриженого черного пуделя, без хозяина и ошейника, зато с почти целой пиковой дамой в зубах. Сплюнув ее к моим ногам, пес убежал, не обращая внимания на мои насмешки: «А как насчет моей души, неужто не требуется?» Но, видимо, действительно не требовалось.

Я пожал плечами, подобрал карту, яркую, как картинка в книжке для дошкольников. Такая колода никогда прежде мне не попадалась; впрочем, теперь их стало очень много, не уследишь, не то что в годы моего детства, когда все довольствовались одним и тем же стандартным набором. У пиковой дамы были огромные глаза, ярко-зеленые волосы и оранжевая роза в зубах. Я пожал плечами, но сунул трофей в карман, пусть останется у меня на память о дне, когда мир изменился. Почти незаметно — начнешь описывать перемены и тут же заткнешься, обнаружив, что говорить, в сущности, не о чем, — но, я очень хотел в это верить, *необратимо*.

6 Зак. Ns2010

Повинуясь не столько любопытству, сколько желанию убедиться, что дело о рваных картах закрыто, и с легким сердцем отправиться куда глаза глядят, я обошел собор Святого Вита. Разноцветных клочков больше не нашел, зато в переулке по соседству с площадью увидел уже знакомого черного пуделя. Он разлегся на разогретом солнцем тротуаре, вывалив от удовольствия длинный розовый язык. Рядом с ним стояла на четвереньках субтильная девица в джинсовом комбинезоне и мешковатом белом свитере, явно с чужого плеча; ее прямые, едва прикрывающие уши волосы были подстрижены аккуратным каре, выкрашены во все цвета радуги и тщательно уложены аккуратными ровными полосками. Челка, в центре которой проходила граница между желтым и зеленым, выглядела особенно эффектно. Приглядевшись, я понял, что барышня не просто так ползает по земле, а разрисовывает цветными мелками плитки тротуара. Подойдя поближе, я услышал, как она тихонько бормочет себе под нос: «Ишол на барщину пиздячить Иван-дурак из третьей избы. В штанах нес окорок свинячий, чтоб не страдать от онанизму...»

Фигассе заклинание, подумал я, шокированный не столько содержанием поэтического произведения, сколько звучанием родной речи. Интересно, а чехи-то в городе еще остались? Пока, по моим наблюдениям, счет был явно не в их пользу.

Заметив меня, девица умолкла, подняла радужную голову и вежливо сказала:

— Извините, пожалуйста, что я надела ваш свитер. Вы оставите его у меня только завтра; по-хорошему, тогда же и следовало бы начать его носить. Но я не утерпела.

Это была едва ли не самая дремучая чушь, какую мне когда-либо доводилось слышать. Однако я невольно уставился на ее свитер. Он действительно был очень похож на мой. Надо же.

— Все это, конечно, еще можно отменить, — сообщила радужная незнакомка. — Если захотите.

— Что именно? — спросил я.

— Смотря с какой точки зрения. Если с вашей, то меня и его. — Она погладила пса. — А если с моей, то вас и, увы, свитер. Мне будет его очень не хватать.

Чем дальше, тем меньше я понимал, что происходит. Но присутствовать на репетиции в этом самодеятельном театре абсурда мне пока нравилось.

— Ладно, — согласился я, — не будем ничего отменять. Если уж вам так дорог мой свитер.

— Отлично, — кивнула девица.

Собрала мелки в коробку, поднялась с четвереньек, отошла немного в сторону; пудель тут же поднялся и последовал за ней.

— Сейчас мы уйдем, а вы, пожалуйста, наступите на мой рисунок, — сказала она. — Просто наступите ногой, а еще лучше — двумя. Ничего больше делать не нужно.

— И что случится?

— Тогда ничего не отменится, — снисходительно, как неразумному отроку, объяснила радужная. — Ну как, наступите?

— Обещаю.

— Большое вам спасибо. Ну, мы пошли. Пора. Меня уже будят.

— Будят? — растерянно переспросил я.

— Ну да, да, — нетерпеливо кивнула она. — До встречи!

Будущая хозяйка моего свитера развернулась и побежала, пес рванул следом. Я поглядел, как эта парочка свернула во двор, хотел было отправиться за

ними, поглядеть, что там, за воротами, но решил, что сперва все-таки надо наступить на рисунок, а то вдруг потом не найду. Никогда в жизни я не давал таких идиотских обещаний, да еще и при столь дурацких обстоятельствах, — уже хотя бы поэтому следовало сдержать слово.

Я посмотрел на картинку. Сперва мне показалось, на тротуаре нарисовано солнце с разноцветными протуберанцами; приглядевшись, я понял, что все не так просто. Круг, пустой внутри, но тщательно разрисованный снаружи. На его поверхности стояли разноцветные домики, росли деревья, ездили автомобили и бегали крошечные человечки. Так могла бы выглядеть работа ребенка, впечатленного известием, что Земля, оказывается, круглая, однако даже моих дилетантских познаний хватило, чтобы за кажущейся простотой рисунка распознать руку профессионала. Это была великолепная графика; я, помню, пожалел, что у меня нет ни фотоаппарата, ни даже камеры в телефоне — затопчут ведь, через пару часов ничего не останется. Однако все, что я мог сделать, — исполнить просьбу художницы, аккуратно поставить в центр пестрого круга левую ногу, а следом за ней — правую, и

— С вами все в порядке? Бессонная ночь? — сочувственно спросил Рыцарь. — А почему кофе не пьете? Вам его уже принесли. Вы не против, если я сяду рядом?

Я сперва утвердительно кивнул, а уже потом его узнал. Сейчас он, конечно, был без бутафорских лат и картонных ножен, однако красная куртка та же, что я видел на нем в баре. И чудовищное произношение, и сердечная улыбка, и восхитительная невозмутимость самодостаточного человека. Когда не понимаешь, кто ты такой, где находишься и что, черт побери, происходит, такой собеседник — просто подарок судьбы. Не факт, что объяснит, зато успокоит одним своим присутствием.

Я сделал глоток крепкого, но не горького, почти идеального эспрессо и почувствовал, что начинаю просыпаться. Огляделся по сторонам, обнаружил, что сижу в кафе с белыми стенами и оранжевым потолком, передо мной деревянный стол, весь в кляксах сияющего солнечного киселя, а створки распахнутого настежь окна поскрипывают на теплом апрельском ветру. Такая обстановка меня совершенно устраивала, а значит, можно было не особо ломать голову над вопросом, как я здесь оказался. Оказался — вот и молодец.

— Вы меня узнали, — не спросил, а утвердительно сказал Рыцарь.

— Еще бы, — согласился я. — Вы Хани Йохансен. В смысле, человек, который рассказывал про Хани Йохансен. Или Йохансена. Неважно. Если в один прекрасный день я брошу все и примусь учить датский язык, это произойдет исключительно по вашей вине.

— Я был так убедителен? — улыбнулся он. — Это очень хорошо. А вы молодец, только приехали и уже нашли лучшую кофейню в Праге. Случайно или вам подсказали?

— Настолько случайно, что сам не понимаю как. Почти не спал ночью, вскочил на рассвете, пошел гулять и, судя по всему, задремат на ходу. И каким-то образом пришел сюда. Даже не знаю, на каком это берегу Влтавы. В смысле, не помню, был ли на пути

мост. И вообще ничего не помню, только как вышел из отеля и отправился к собору Святого Вита.

— Ну, теперь-то вы определенно на другом берегу, — сказал Рыцарь. — Мы с вами буквально в двух шагах от Староместской площади. Видите проход между домами? Через него можно выйти прямо к Тынскому храму.

— Ничего себе, — вздохнул я. — Это же сколько я отшагал не просыпаясь.

— Бывает, — улыбнулся он. — В этом городе еще и не такое бывает. Поначалу почти со всеми. А дальше — кому как повезет. Мне пока вроде везет.

В этом я почему-то совершенно не сомневался.

— Кстати, именно сегодня утром думал, что было бы неплохо случайно встретить кого-нибудь из вас, — вспомнил я. — Мне же Король книгу подарил.

— Рассказы Бориса Цаплина, — кивнул Рыцарь. — Уже прочитали?

— Еще не все. Таскаю с собой, иногда открываю наугад. Можно сказать, растягиваю удовольствие. Передайте Королю, что я ему бесконечно благодарен.

— Я скажу, — пообещал Рыцарь. — Он будет очень рад.

Мы помолчали. Я допил эспрессо и, поразмыслив, заказал еще один, а моему визави принесли стеклянный чайник, наполненный прозрачной жидкостью цвета незрелой земляники.

— Здесь вполне пристойная чайная карта, — заметил он. — В прочих кафе тем, кто не любит кофе, приходится довольствоваться пивом. А это не всегда то, что требуется.

— И не говорите, — меланхолично согласился я.

Снова воцарилось молчание. Оно не было ни тягостным, ни напряженным. И все-таки чувствовалось, что мы непременно должны что-то сказать друг другу прежде, чем расстанемся. Но у меня никаких судьбоносных сообщений пока не было, даже для себя самого.

Наконец Рыцарь допил чай и, немного поколебавшись, сказал:

— Теперь я пойду, если вы не возражаете.

Он выложил на чайное блюдце пригоршню монет, взял салфетку, достал из кармана ручку, размашистым почерком записал телефонный номер.

— Если вам вдруг понадобится искушенный гид или просто собеседник со смешным произношением, звоните в любое время. Вы, конечно, не обязаны это делать. Из вежливости звонить не нужно. Просто мне важно знать, что вы сможете меня найти, если захотите.

— Спасибо, — сказал я, принимая салфетку. За цифрами следовала приписка: «Кьялар».

— Ого, — присвистнул я. — Да это же одно из имен Одина.

— Совершенно верно. Удивительно, что вы знаете. Так звали Одина, когда он таскал сани*, — без тени улыбки сказал обладатель божественного имени. — Моя мать — чокнутый профессор литературы, а отец когда-то был ее лучшим студентом, так что я понимаю, почему они подобрали мне имя из «Старшей Эдды». Но зачем именно это? На кой черт мне сани?

С этими словами Кьялар вышел, а я заказал третий эспрессо. А то сижу с пустой чашкой как дурак.

*** Во всяком случае, так написано в «Старшей Эдде» («Речи Гримнира»).**

— А если все-таки догонит? — снова спросила Черепаха.

Зенон схватился за голову.

— Тысяча триста восемнадцатый раз повторяю... — начал он.

— Не преувеличивай, тренер. Всего сто пятьдесят девятый. — Черепаха поджала губы. — И ты меня пока не убедил.

— Не догонит! — простонал Зенон. — Мамой клянусь, не догонит!

— Не убедил, — повторила Черепаха. — Тебехорошорассуждать, ты философ. А мне каково? Что будет с моей спортивной репутацией, если он меня все-таки догонит?

— Чего ты от меня хочешь? — вздохнул Зенон.

— Мне было бы спокойнее, если бы в день состязаний он слегка прихрамывал, — осторожно сказала Черепаха. — Совсем чуть-чуть. Ничего серьезного. С тем, кто носит сандалии на босу ногу, всякое может случиться. Например, в сандалию может попасть острый камень. Или, скажем, стрела...

— Что?! — Зегюн не верил своим ушам.

— Стрела, — невозмутимо повторила Черепаха. — Вражеская, разумеется. В последнее время вокруг так много вражеских стрел! Летают и летают... Когда человек идет на войну, надев сандалии на босу ногу, он подвергает себя большой опасности. И если ему в пятку попадет стрела, никто не удивится... Ну что ты так на меня смотришь? Я же не предлагаю стрелять ему в сердце. От ранения в пятку еще никто не умирал. А мне будет спокойнее.

— Ладно, — сказал Зенон, — не ной. Я поговорю с Парисом.

Я улыбнулся, захлопнул книгу и снова уставился в окно. Раздираемый противоречивыми желаниями: прийти на вечеринку пораньше, чтобы ничего не пропустить, и явиться туда с изрядным опозданием, чтобы не выдать своего нетерпения, — я нашел прекрасный компромисс. Заблаговременно занял место у окна в ресторане «Золотой лев», расположенном напротив абрикосового дома, и теперь вовсю пялился на прибывающих гостей. Несколько шикарных автомобилей с грехом пополам приткнулись у тротуара — процесс парковки всякий раз представлял собой душераздирающее зрелище. Изредка у подъезда останавливались такси. Но по большей части гости все-таки прибывали пешком, так что я мог разглядывать снующую по Нерудовой толпу и заключать с собой бесконечные пари: спорим, что этот тип в желтых штанах «наш»? Ага, точно, зашел! И вот эта стриженая... оп-па, промазал. Старички в зимних пальто, конечно, идут мимо... что, остановились? заходят?! Ну ничего себе.

Я угадывал примерно в половине случаев, очень уж разношерстную публику созвал к себе Лев. Тем лучше, думал я, тем интереснее. Но с места не поднимался: ни кофе, ни счет мне пока не принесли, а значит, еще как минимум одну сигарету придется...

— Я тоже люблю это делать, — сказал Лев, усаживаясь рядом. — В смысле, наблюдать, как они идут по улице и заходят в дом. Правда, обычно я довольствуюсь монитором камеры слежения. Можно довольно много понять о человеке, глядя, как он ведет себя в ожидании, пока откроется дверь. Некоторые хмурятся, другие натягивают любезную улыбку, с явственным усилием, как тугую перчатку. Иные прихорашиваются или просто проверяют, нет ли в усах

застрявших крошек, — разумная предусмотрительность. А встречаются бедняги, которые беззвучно шепчут себе под нос: «как поживаете», «как приятно снова вас видеть», «прекрасно», «невообразимо» — репетируют предстоящую им светскую болтовню. Этих иногда становится даже жалко.

Я не заметил, как Черногук вошел в ресторан. Да что там, я был готов поспорить, что в течение последнего часа он не выходил из дома.

— Попробую снова ответить на ваши невысказанные вопросы, — улыбнулся Лев. — В прошлый раз неплохо получилось, верно?.. Так вот, все очень просто. Я владелец этого заведения. Поневоле приходится проводить здесь какое-то время. Хотя ресторанный бизнес вгоняет меня в тоску.

— Это заметно, — бестактно сказал я. — Такое классное место — я имею в виду и локацию, и интерьер, — а кухня здесь, прямо скажем, не очень. И все ужасно медленно. Я еще четверть часа назад попросил кофе и счет. И до сих пор, как видите...

— Да-да, знаю, — невозмутимо ответствовал Лев. — Так и задумано. Простите, не догадался вас предупредить, чтобы вы здесь ни в коем случае не обедали.

— То есть вы нарочно поддерживаете свой ресторан в таком состоянии? — опешил я. — Но зачем?

— Как и все жители Нерудовой, я ненавижу туристов. С утра гомонить начинают, и до глубокой ночи нет от них никакого спасу. Прогуляться по собственной улице — сомнительное удовольствие даже в будний день, а уж в выходные и вовсе кошмар творится. Соседи ворчат, но терпят, а я решил нанести ответный удар. Например, открыть для наших дорогих зарубежных гостей уютный аутентичный ресторан с отвратительной кухней, запредельно высокими ценами и скверным обслуживанием. Испорченное настроение клиентам гарантировано. А я кладу деньги в карман и наслаждаюсь местью.

— О, — уважительно сказал я. — Так вот почему на самых красивых улицах больших европейских городов такие скверные кабаки.

— Боюсь, что так, — улыбнулся Лев. — А теперь пойдемте. Кофе у меня дома лучше, чем здесь, а счет вам не нужен, денег с вас за это безобразие не возьмут, и не просите. По-хорошему, с меня еще и причитается — за моральный ущерб. Ничего, придумаю что-нибудь.

— Сперва, если вы не против, покончим с делами, — бодро говорил Лев, увлекая меня за собой по коридору. — Чтобы потом чувствовать себя свободно. Заодно напою вас кофе, как и обещал. Если, конечно, вы не против, — настойчиво повторил он, распахивая передо мной дверь в кабинет.

Это было небольшое помещение с паркетным полом, темными деревянными панелями, старыми, но прекрасно отреставрированными книжными шкафами и громоздкими викторианскими креслами. Я бы никогда не предположил, что у головокружительной черно-белой комнаты, где меня потчевали завтраком, и этой старомодной деревянной шкатулки один и тот же хозяин. Интересно было бы взглянуть на остальные помещения, подумал я. Особенно на хозяйскую спальню. Познавательное должно быть зрелище.

На стене висела картина в простой темной раме: огромный, потрепанный жизнью кот с рваным ухом и закисшими глазами сидел на берегу затянутого

тиной пруда. У его ног стояло маленькое плетеное лукошко. В лукошке копошились совсем уж крошечные человеческие младенцы. Намерения и дальнейшие действия кота были предельно четко прописаны на его лице — язык не поворачивается сказать «морде». При всей удручающей незатейливости сюжета картина вовсе не походила на лубок, это была очень хорошая живопись, тот самый редкий случай, когда мороз по коже и шерсть на загривке дыбом — на ровном, казалось бы, месте. Особенно притягателен был кот. Исполнен в реалистической манере, не к чему придраться, таких серых полосатых васек на любой помойке пара штук обретается, а все-таки сразу видно, что перед нами не просто кот. Гораздо больше, чем кот, и одновременно нечто абсолютно отличное от человеческих представлений о котах, настолько страшное и восхитительное, что хоть на колени падай.

— У этого художника дар иконописца, — сказал я.

Сам не понял, как вырвалось. Оставалось надеяться, что хозяин дома сочтет мою реплику шуткой. Но Лев выслушал меня вполне серьезно и кивнул.

— Вы совершенно правы. Был у него такой дар. Кофе?

Я не успел ответить, а дверь уже бесшумно приоткрылась, в комнату вошла очень высокая азиатка в ярко-красном платье с подносом в руках. Поставила поднос на стол и с поклоном удалилась.

— Китаянка, — сказал Лев. — Лю Ши, мои домашние зовут ее Луша. Бывшая баскетболистка; играла, впрочем, скверно, несмотря на выдающийся рост. Живет у меня уже шесть лет, за это время выучила дай бог если полсотни чешских слов. Очень старается, но людей, настолько неспособных к обучению, я никогда прежде не встречал. Ей повезло, что я охоч

до экзотической прислуги, иных достоинств у этой милой дамы, боюсь, нет. Даже чай я сам завариваю лучше. Но кофе готовила не она, а Йозеф, поэтому пейте бестрепетно. Если хотите, можете курить, у меня тут отличный кондиционер. А теперь рассказывайте. Как обстоят дела с ключом? Что сказал ваш эксперт?

— Семнадцатый век, — отрапортовал я. — То есть копия, конечно, но почти столь же ценная, как оригинал. Карл совершенно счастлив. Я, соответственно, тоже. Букварь из Бердичева при мне. — Я положил книгу на стол и принялся портить отлично сваренный кофе сливками из предусмотрительно поданного молочника.

— Прекрасный экземпляр, — после беглого осмотра объявил Лев.

Он бережно поставил букварь на почти пустую полку, где стояло всего несколько книг, судя по виду, его ровесников, и лежали какие-то безделушки.

— Рад, что наша сделка осталась в силе, — сказал он. — Жаль было бы его упустить. Но вы уверены, что ключ вас устраивает? Все же предварительно речь шла самое позднее о рубеже пятнадцатого и шестнадцатого веков.

— Пан Иржи говорит, точно семнадцатый, — я пожал плечами. — Но Карл хочет иметь эту копию. А мне, как вы понимаете, абсолютно все равно. Я в данном случае просто курьер, болван бессмысленный вроде вашей Луши. Разве только чай завариваю неплохо — когда в настроении.

— А этот ваш пан Иржи Шнипс сильно меня честил? — с улыбкой спросил Лев.

— О вас мы вообще не говорили. Я не стал ему докладывать, что это ваша вещь. Вы же сказали, пан

Иржи вас не любит, зачем понапрасну раздражать старика? И без того суровый дальше некуда.

Соврал и глазом не моргнул, сам толком не понимая зачем. Со мной такое часто случается. И почти всегда задним числом оказывается — правильно сделал, что соврал. Интуиция называется. Прекрасная, надо сказать, замена уму. И совести заодно.

— Ну и правильно, — заключил Лев. — Что ж, с делами мы, получается, разобрались?

Я кивнул и залпом допил кофе.

— Тогда идемте вниз, — предложил он. И поспешно добавил свое любимое заклинание: — Если вы, конечно, не против.

— Имейте в виду, — торопливо говорил Лев, пока мы поднимались в гостиную. — Вам сейчас предстоит встретить множество предельно любезных людей. Их дружелюбие не должно вас обманывать. Просто многие помнят, как мы с вами поладили в воскресенье. А сегодня кто-нибудь наверняка видел в окно, как мы вместе входили в дом. Заинтересованные лица уже подсчитали, сколько времени мы провели в кабинете, и теперь спорят, какого рода дела нас связывают. Разумеется, при таком раскладе найдется немало желающих с вами подружиться, чтобы протоптать путь к моему каменному сердцу и бездонному кошельку. Наслаждайтесь ситуацией, но не обольщайтесь.

— Ситуация-то привычная, — усмехнулся я. — Когда мне было шесть лет, я уже умел обдавать холодом поклонниц моего отца. А то бы затискали насмерть.

— Тогда я за вас спокоен, — улыбнулся Лев. — Прекрасная закалка.

Гостиная, куда мы наконец пришли, занимала почти весь третий этаж, поэтому все прибывшие там худо-бедно разместились; локтями, по крайней мере, не толкались, и на том спасибо. Хозяин дома — я был совершенно уверен, что оформление комнаты придумал сам Лев, — дал волю своей мизантропии, отделал стены слегка затемненными дымчатыми зеркалами, а потолок — мозаикой из зеркальных же осколков. Но хоть твердую землю под ногами оставил нам в утешение. Пол здесь был вымощен плиткой, от черных, красных и белых квадратов рябило в глазах, зато в них ничего не отражалось, а то даже и не знаю, как бы я пережил эту вечеринку.

— Ответьте, пожалуйста, еще на один мой невысказанный вопрос, — предложил я Льву.

Он на мгновение нахмурился, но тут же снова заулыбался.

— Разумеется, комнаты в доме отделывал не я, а наемные работники. Но все идеи мои, вы совершенно правы.

— Если бы я был владыкой пятизвездочного ада для умеренно провинившихся, умолял бы вас стать нашим дизайнером интерьеров, — сказал я.

— Спасибо, таких заманчивых предложений мне еще не делали. — Лев был почти серьезен.

— Мне теперь даже как-то неловко, что я не владыка ада, — вздохнул я.

— Оно к лучшему. Хлопотная должность, неблагодарный труд.

— Да и сама по себе концепция ада не выдерживает никакой критики, — заметил я. — Никак не мог понять, откуда у провозгласивших, что Бог есть любовь, христиан взялась эта дикая идея, пока не узнал, что это обычная политическая интрига. Вечные муки

придумал император Юстиниан, чтобы подданным жизнь медом не казалась. Тот же самый красавец, который по просьбе своей жены отменил реинкарнацию. Одна из самых смешных теологических историй, на мой вкус. Император отменил реинкарнацию, все трепещут. Даже удивительно, что современные политики не идут по его стопам. Премьер-министр издал приказ об отставке святого Петра и назначил временно исполняющего обязанности райского привратника. Президент наградил Святого Духа орденом Дружбы народов. Царствие Небесное присоединилось к Шенгенскому союзу... Впрочем, Юстиниана все равно никто не переплюнет. Так и вижу: души мечутся по бардо, просятся на волю, но у Врат Чрева стоит на страже императорская гвардия: куда, мерзавцы? Низзя! Император не велел. А ну назад!

— Отлично, — кивнул Лев. — Вот почему некоторые младенцы рождаются сразу с пулей в затылке. Прорвали оборону, но не ушли от погони... Однако следует признать, что идея ада пришлась по душе рядовым пользователям христианского вероучения. Ни за что не соглашаются с нею расстаться.

— Да уж. Была у меня одна религиозная подружка. Умница, красавица, добрейшей души человек. Однако любила по всякому поводу с энтузиазмом объявлять: «А за это ты, по идее, должен попасть в ад!» Звучало как шутка, а меня все равно передергивало. Как-то уж больно радостно это у нее выходило.

— О да, — оживился Лев. — У меня тоже есть религиозные приятели. Чудесные люди, все как один. Но, имея с ними дело, я никак не могу отвязаться от мысли: если они последовательны в своих убеждениях, значит, уверены, что после смерти я попаду в ад. Хотя бы потому, что некрещен, а такой фортель,

по их представлениям, и невинным младенцам с рук не сходит... То есть все время, пока эти милые люди сидят за моим столом, едят мой хлеб, разливают по бокалам любовно выбранное с учетом их предпочтений вино, они глядят на меня и думают: «Скоро он попадет в ад». И ничего, едят дальше, подставляют бокалы, улыбаются мне, неудачнику, обреченному на вечную муку. Но, конечно, ничего *такого* не говорят и никогда не скажут, они действительно очень милые, приятные во всех отношениях люди. Сам-то я не слишком человеколюбив, но если бы был способен искренне уверовать в столь идиотскую концепцию, как вечная мука, с ума сошел бы, вообразив в подобной ситуации хоть одно живое существо, сколь угодно тупое, гнусное и омерзительное, не имеет значения. Никто не заслуживает вечных мук, потому что ни сам человек, ни его деяния не сопоставимы с вечностью. А уж с вечной мукой — тем более. К счастью, я прекрасно понимаю, что в координатах вечности мука вообще невозможна, способность длиться во времени — одно из важнейших условий мучения. Но, боюсь, мои религиозные друзья об этом не задумываются, в противном случае им не удалось бы оставаться последовательными в своих убеждениях.

- «Последовательны в своих убеждениях» — это крайне смелое предположение, когда речь заходит о людях, — заметил я. — К тому же не следует забывать, что большинству, как правило, просто нет дела до других. Какая, к черту, разница, куда вы попадете после смерти и даже послезавтра? Лишь бы вот прямо сейчас не забывали вовремя подливать.

— Это верно, — кивнул Лев. — В награду за мудрость открою вам тайну. Вон то синеватое зеркало в дальнем конце стены — видите? — на самом деле

дверь на террасу. Сейчас прохладно, поэтому там, думаю, довольно безлюдно. Если устанете от людей и моего дизайна, можете там укрыться. А я вынужден вас покинуть. На полчаса, не больше. Если вы меня дождетесь, буду очень рад. А если сбежите... Скажем так, я тоже буду рад. Но не очень.

Он ушел, и я остался один в окружении великого множества незнакомцев, вооруженных бокалами и бутербродами. Я и сам был не прочь обзавестись чем-то в таком роде, но у стола с закусками образовалась натуральная давка, а я не люблю сражаться за пропитание. Поэтому я, не раздумывая, отправился на террасу с твердым намерением как следует пострадать там от голода и холода. Ну и покурить заодно.

На террасе оказалось не так уж холодно и совершенно пусто; вид на огни Пражского Града и крыши соседних домов был выше всяких похвал. Отличное место, чтобы перевести дух, подумал я. Однако не тут-то было. Терраса немедленно начала заполняться разным пестрым народом с сигаретами и без. Возможно, Лев был прав и все эти люди желали немедленно со мной подружиться, но более вероятно, что они уже давно мечтали выйти на воздух, а я невольно указал им путь.

Какая-то добрая душа неопределенного пола, облаченная в подобие монашеской рясы, только из джинсовой ткани, любезно поднесла мне бокал превосходного рейнского вина. Общего языка мы так и не нашли: кроме чешского это замечательное существо свободно владело китайским, японским и вьетнамским, но это, увы, не помогло нам обрести взаимопонимание, так что пришлось ограничиться мимическим выражением обоюдной симпатии.

Зато с миниатюрной, налысо бритой барышней, проложившей кратчайший путь к моему сердцу при помощи бутерброда с лососем, мы, можно сказать, создали новый английский разговорник, последовательно обсудив диету для страдающей ожирением кошки, возможные формы жизни после смерти, погоду в благословенной республике Монтенегро и Кафку, от чьих романов у нас обоих начинала болеть голова — у меня на первой же странице, а у барышни — примерно на седьмой-восьмой, зато очень сильно. Впрочем, голова у нее и без того часто болела. Так часто, что Кафка, возможно, тут ни при чем, заключила она и пригорюнилась.

Пока я мучительно вспоминал, как по-английски будет «свекла», свежий сок которой, если пить его по утрам натощак, по утверждению Ренаты, является наилучшим средством от мигреней, за спиной бритоголовой пани образовалось знакомое мне узкое лицо, обрамленное новым полосатым шарфом, на сей раз красно-зеленым.

— Есть предложение, — деловитым шепотом сказал Митя. — Ничего не ешьте, берегите силы. А когда соберетесь отсюда смыться, наберите мой номер. Покажу вам кабак еще лучше того албанского. Работает допоздна. А здесь через час все равно станет скучно. Одни напьются, другие уйдут, а пан Болеслев, согласно традиции, прикажет подавать водку и запрется в своем кабинете с очередной группой избранных. А выйдет только после полуночи, поглядеть, как самые стойкие бойцы ползают по полу и ругаются со своими зеркальными отражениями.

Я подумал, что не готов ни ползать, ни ругаться с отражениями, ни тем более наблюдать, как это делают другие. А вот хороший ужин мне не повредил

бы. Потому что в «Золотом льве» я едва притронулся к еде, а бутерброд с лососем был чертовски хорош, но чрезвычайно мал.

— Ладно, — кивнул я. — Спасибо. Договорились. — И, желая быть честным, добавил: — Только имейте в виду, вряд ли я расскажу вам еще что-нибудь интересное.

— Ничего страшного, — отмахнулся он. — В жизни должно быть место бескорыстным поступкам.

С этими словами Митя вдруг поспешно пригнулся, скрылся за спиной моей бритоголовой собеседницы и исчез. По крайней мере, мне не удалось проследить за траекторией его движения. Был — и нет.

Барышня, присутствовавшая при разговоре, почти ничего не разобрала, но выглядела крайне заинтересованной.

— Это ваш друг? — спросила она.

— Наверное, — задумчиво согласился я. — Можно и так сказать.

— Ну конечно друг, он ведь тоже русский!

Это прозвучало так, словно русские — экстремально малая народность, не больше сотни половозрелых экземпляров. Вот и бросаемся друг дружке на шею при всякой возможности, а что ж, в таких прискорбных обстоятельствах грех не передружиться.

Вокруг нас тем временем собралась не то чтобы толпа, но довольно внушительная компания, десятка полтора человек, все знатоки разговорного английского и, сразу видно, великие мастера часами болтать ни о чем. Пришлось срочно переключаться в режим одобрительно-неопределенного покачивания головой. Один на один с собеседником так долго не продержишься, придется вставлять хоть какие-то реплики, зато в больших компаниях этот метод работает безотказно. Все остаются довольны.

Через четверть часа я почувствовал, что меня начинает укачивать, но тут откуда-то из темноты возник Лев и, деликатно приговаривая: «Если вы, конечно, не против», уволок меня обратно в гостиную, по дороге наскоро представил компании каких-то унылых пожилых господ — судя по тому, сколь любезно держался с ними хозяин дома, старцы были чрезвычайно важными персонами, — наконец, вывел в коридор, где поодаль от входа в гостиную нашлась еще одна дверь, маленькая и неприметная, я-то думал, это встроенный шкаф, где хранятся орудия труда уборщицы, а оказалось — пристойных размеров комната с плоским экраном чуть ли не на всю стену и полудюжиной разноцветных кресел причудливой формы; впрочем, то, которое я облюбовал, оказалось очень удобным, хоть в собственный дом такое покупай.

— На этот монитор выводится любая из установленных в доме камер, — объяснил Лев. — Можно развлекаться. Но обычно я использую эту комнату, чтобы перевести дух. Или по-человечески поболтать с кем-то из гостей. Как вам они, кстати?

— Я пока мало кого разглядел. Но существо в джинсовой рясе замечательное. Кто оно — мальчик, девочка?

— А, Ангеля, — Лев произнес имя с почти отеческой нежностью. — Девочка. Причем очень хорошая девочка. Это она только с виду не пойми что, а так-то известная китаистка. И лет ей почти пятьдесят, а не тридцать с хвостиком, как вы наверняка подумали. Я весьма дорожу ее дружбой, но подозреваю, она ходит ко мне только из-за Луши. Надышаться на нее не может.

Я представил себе, как может выглядеть любовный союз моей джинсовой монашки и гигантской

китаянки, невольно хмыкнул, но Лев незамедлительно пресек мои непристойные фантазии.

— Интерес сугубо академический. Эта корова — я имею в виду Лушу — имела счастье родиться в глухой китайской провинции, жители которой говорят на каком-то уникальном диалекте. Ангеля изучает ее речь. Боюсь, когда словарный запас бедняжки будет исчерпан, Ангеля нас покинет. В связи с этим я всерьез подумываю выписать к себе еще пару-тройку жителей этой далекой провинции, самых разговорчивых. Ангеля редкий человек. Большая умница и так увлечена своим делом, что больше ничего вокруг не замечает, — идеальный подход к жизни. Она одна из немногих моих постоянных гостей, которым я всегда искренне рад.

— А все-таки зачем вам все остальные?

— Я уже говорил, я люблю власть и ничего не могу с этим поделать, — развел руками Лев. — Есть, впрочем, и другие причины. Много разных причин.

Он задумчиво умолк, потом поглядел на меня со скрытым снисходительным торжеством, как Холмс на Ватсона, и сказал:

— Хотите, открою вам страшную тайну, над которой уже много лет бьется наш с вами общий знакомый Митя? Зачем я собираю в своем доме безнадежных бездарей, издаю их книги, торгую их картинами и ссужаю их деньгами, когда в хорошем настроении? Только с одним условием: вы ему не расскажете. Даже не намекнете. Пусть мучается. Мне это приятно. Да и друг наш, увлеченный расследованием, в ближайшие годы не рехнется от скуки и безделья.

От такой проницательности я совершенно обалдел. Ладно, по дому у него всюду камеры расставлены, это понятно. Но как насчет албанского ресторана? Тоже, что ли, его предприятие?

— Просто я заметил, что вы с Дмитрием уже знакомы и, кажется, даже дружны, — пожал плечами Лев. — Зачем это нужно вам, я не знаю, а зачем ему — догадываюсь. Конечно, он вызнавал, какое дело нас с вами связывает. И скорее всего объяснил, что не просто так сплетни сбирает, а бьется над неразрешимой загадкой: зачем умный и образованный пан Болеслев финансирует преумножение дерьма, которого в мире и без его щедрых вливаний предостаточно? И пусть себе бьется, чем бы дитя ни тешилось. Но вам могу объяснить.

— Здорово, — сказал я. — Конечно, я вас не выдам. Чужие секреты я храню даже лучше, чем собственные.

— При том что собственные вы тоже очень неплохо храните, — кивнул Лев. — Что ж, слушайте. Основная проблема — не столько моя, сколько окружающих — состоит в том, что у меня, как говорится, «черный глаз».

И зыркнул на меня пытливо, явно проверяя, не изготовился ли я крутить пальцем у виска. Но я хранил невозмутимость. За свою жизнь я такой эзотерической чухни наслушался, что на ее фоне признание пана Болеслева выглядело совершенно рядовым и даже вполне разумным аргументом.

— «Черный глаз», — повторил он, удостоверившись, что я по-прежнему заинтересованно слушаю. — И в придачу к нему тяжелая рука. Не в том смысле, что могу больно ударить — хотя могу, конечно, — а просто полная противоположность так называемой «легкой руке». Счастливы торговки, что я не хожу на рынок: в качестве первого покупателя я воистину ужасен. Торговлю после этого можно сворачивать, да не на день, а до новой луны, как минимум.

— Ничего себе! — посочувствовал я. — И как вы выкручиваетесь?

— Все не так страшно, как могло бы быть. Пока я действую ради собственной выгоды, все в порядке. Более того, я чрезвычайно удачлив. Знаете, бывают такие малоприятные типы, которые вечно оказываются в нужном месте в подходящее время: копая грядки под морковь, обнаруживают клад, ежедневно спотыкаются о чужие бумажники, а на досуге еще и в лотерею выигрывают. Я — один из них. Но как только я начинаю бескорыстно делать что-то для других, мое благодеяние оказывается хуже проклятия. Отвратительное свойство, что и говорить, но ничего не поделаешь, надо просто иметь его в виду и принимать соответствующие меры.

— Какие тут могут быть меры? — удивился я.

— Например, никогда не помогать стоящим людям. Пользы им от моей помощи не будет, проверено, и не раз. Автор картины с котом, на которую вы так загляделись в моем кабинете, повесился вскоре после того, как я назначил ему ежемесячную стипендию. Еще один молодой живописец, которого я взял под крыло, в один прекрасный день шагнул с крыши — не то спьяну, не то просто экзистенциальной муки не вынес, поди теперь разбери. Девочка, писавшая гениальные рассказы, которой я помог издать книгу, слава богу, живехонька. Но писать перестала. Три года маялась, потом махнула на себя рукой, вышла замуж за первого попавшегося воздыхателя, родила дочку. Видел ее как-то, раздалась втрое от тоски, глаза погасли, — все, конец, был писатель, и нет писателя. Таким образом, я сгубил с десяток подающих надежды творцов, а потом задумался над статистикой. И сказал себе: стоп. Самое разумное в моем

положении — помогать бездарям. Пусть себе пропадают пропадом, не жалко. Даже и хорошо.

Он немного помолчал, потом поднял на меня глаза, насмешливые и настороженные одновременно.

— Я понимаю, что звучит все это крайне сомнительно, но тут уж вам придется поверить мне на слово. Или не поверить.

— Да ну, нормально звучит, — вздохнул я. — Спасибо.

— За что спасибо-то? — искренне удивился Лев.

— Ну как. За доверие. Я на такие... скользкие темы давно уже ни с кем не говорю. Потому что бесполезно. Одни отмахнутся: «ну-ну, с тобой все ясно», другие тут же примутся нести вдохновенную чушь, дабы обозначить нашу, прости господи, духовную общность. Даже не знаю, что хуже.

— Ну вот, имейте в виду, что один квалифицированный собеседник у вас теперь есть. Меня, по правде сказать, только «скользкие» темы и интересуют. Для того и дан человеку язык, чтобы строить мосты между невыразимой тайной и жаждущим информации сознанием. А все остальные разговоры в лучшем случае разминка перед забегом... сейчас, прошу прощения.

Покопавшись за пазухой, Лев раздобыл там восхитительно плоский черный предмет, не то пресловутый айфон, не то его еще более продвинутого родича, сказал несколько слов по-чешски, мне показалось, довольно сердито, потом помолчал, послушал, внезапно улыбнулся и ответил коротко, но так приветливо, что я и без перевода понял, это означает: «Ладно уж, заходи».

— Не хотел утомлять вас новыми знакомствами, но это мой друг, говорит, ему срочно надо убегать,

а перед этим еще более срочно что-то со мной обсудить. Думаю, насчет срочности он загнул, просто знает, что иначе меня до ночи отсюда не выманишь. Но я подумал, чем черт не шутит, может быть, вам будет интересно на него поглядеть. Занятный персонаж.

«Занятный персонаж» уже скребся в дверь, тихо, но настойчиво, как избалованный хозяйским вниманием кот. Лев, не вставая, достал из кармана крошечный пульт, нажал кнопку, замок щелкнул, и в комнату вошел субъект столь колоритный, что я, кажется, даже рот приоткрыл, не в силах поверить, что вижу его наяву.

Он был, как я потом понял, чуть выше среднего роста, но при этом так нелепо худ и нескладен, что казался чуть ли не вдвое длинней, чем на самом деле. Тощее тело, облаченное в дорогой, но скверно подогнанный темный костюм, венчалось круглым, как у восточной красавицы, лицом. Чистый, без единой морщины лоб, сросшиеся брови, светлые зеленые глаза, обрамленные по-девичьи пушистыми ресницами, тонкий, изящно выгнутый нос, безнадежно испорченный крупными, словно бы раздутыми ноздрями, впалые старческие щеки, большой, по-юношески чувственный рот и мощный подбородок с трогательной ямочкой казались наспех собранными с миру по нитке, одолженными на вечер у людей разных национальностей, возраста и даже пола. Сверху вся эта роскошь была прикрыта неопрятными клочками пегой шерсти, которую менее придирчивый зритель наверняка согласился бы условно считать волосами, тронутыми сединой.

При всем при том незнакомец вовсе не был уродлив. Просто совершенно неуместен, чтобы не сказать — невозможен. Таких людей не бывает, вот

и весь сказ. Если бы Лев представил его как своего домового или, скажем, знакомого лешего, ненадолго покинувшего какую-нибудь заповедную богемскую глухомань, я бы поверил ему без колебаний. Только вздохнул бы с облегчением — ну вот, как все, оказывается, просто объясняется.

Однако Лев сказал: «Это мой друг и в некотором роде коллега, пан Станислав Грочек», — и заурядное, вполне человеческое имя незнакомца только усилило мое недоумение и ощущение, что этот тип меня разыгрывает — самим фактом своего существования.

Пан Станислав адресовал мне любезнейшую улыбку, но глядел при этом хмуро и настороженно. Поспешно отвернувшись, стал что-то вполголоса рассказывать Льву, тот снисходительно слушал, время от времени кивал — дескать, все правильно. Внезапно пан Станислав повернулся ко мне, слегка поморщился, как от боли, и что-то отрывисто спросил по-чешски.

— Он говорит, у вас, наверное, болит правое плечо. Вернее, ключица, — перевел Лев.

— Спасибо, — вежливо сказал я, — но у меня ничего не болит, — и отрицательно помотал головой, чтобы мой ответ был понятен без перевода.

Пан Станислав недоверчиво насупился.

— В детстве у меня был перелом ключицы, — вспомнил я. — Кстати, да, именно правой. Неудачно упал с велосипеда. Так что ваш друг, можно сказать, угадал мое больное место, только во времени немножко заблудился. Лет этак на двадцать с лишним. Ничего, бывает.

Лев перевел мой ответ, его приятель все это время довольно бесцеремонно меня разглядывал. Потом

снова заговорил и был, как мне показалось, весьма настойчив.

— Ну что с ним будешь делать! — вздохнул Лев. — Говорит, вам надо срочно заняться профилактикой, делать гимнастику и компрессы, если вы не хотите, чтобы место перелома начало ныть всякий раз, когда вы поднимаете тяжелую сумку или просто к перемене погоды... Вообще-то, на вашем месте я бы прислушался к его совету. Станислав, можно сказать, врачеватель поневоле. Следствие обостренной эмпатии. Как я понимаю, оказавшись рядом с человеком, он чувствует его боль, не прикладывая к этому никаких специальных усилий. А рядом со здоровым человеком, которого в данным момент ничего не беспокоит, он, чтобы жизнь сахаром не казалась, ощущает будущую, вернее, потенциально возможную боль — именно это, думаю, и произошло сейчас.

— Какой ужас. На его месте я бы из дома носа не высовывал.

— Насколько я могу судить, все не так страшно, — сказал Лев. — Он не страдает по полной программе. Так, понемножку — тут кольнет, там потянет. Но все равно, конечно, мало хорошего.

Пан Станислав то ли не понимал ни слова по-русски, то ли очень хорошо притворялся, что не понимает, — беспомощно крутил головой, напряженно хмурился, требовательно глядел на Льва, дескать, давай, переводи, — но безошибочно почувствовал, что я его жалею, смущенно заулыбался и принялся, жестикулируя, объяснять.

— Вот. Он сам говорит, что привык, ничего страшного, это не настоящая боль, к тому же он не испытывает никаких неудобств, когда просто идет по улице, для этого все-таки надо сосредоточиться на конкретном человеке. Так что не стоит сокрушаться.

— Ладно, не буду, — согласился я. — И мешать вам тоже не буду. Вам же о делах поговорить надо.

— Мы недолго, — сказал Лев. — Могу пока включить музыку, чтобы вы не заскучали.

Я сперва хотел вежливо отказаться. Не переношу, когда музыку используют в качестве средства от скуки, не люблю и не умею слушать ее между делом, латать звуками паузы, возникающие в разговорах. Я никогда не учился музыке, Карл быстро выяснил, что у меня нет ни способностей, ни особого желания, и не стал понапрасну мучить ребенка. Но жить рядом с ним и не научиться слушать музыку, боюсь, не удалось бы и глухому. Для меня восприятие музыки — не только удовольствие, но и требующий полной самоотдачи труд. Взяться за него я готов, прямо скажем, не в любую минуту, а уж слушать что попало в гостях, вполуха, когда голова занята совсем другим, — это и вовсе ни в какие ворота.

Но любопытство мое оказалось сильнее принципов. Довольно много можно понять о человеке, узнав, какую музыку он любит, а какую, напротив, не переносит, что слушает в одиночестве, что — в компании, за работой и в постели, какие диски он держит в комнате отдыха и, при случае, ставит гостям. Глупо было бы отказываться от возможности немедленно получить ответ хотя бы на один из этих вопросов. Поэтому я кивнул, уселся поудобнее и приготовился слушать.

Какое-то время тишину нарушал только негромкий голос пана Станислава. Я уже было решил, что хозяин передумал включать музыку. Понял по выражению моего лица, что это не самая лучшая идея, и благоразумно отменил концерт. Но вдруг услышал тихое, едва различимое пиликанье где-то в дальнем

углу. Можно было подумать, что в комнате завелась мышь, обученная игре на скрипке. Что касается техники исполнения, для мыши она была весьма недурна, но от человека обычно ждут большего.

Однако звук постепенно становился громче, а неведомый скрипач играл все лучше и лучше, словно стремительно обучался на ходу. Несколько минут спустя я с удивлением обнаружил, что слушаю игру блестящего исполнителя, мне прежде неизвестного; более того, мелодию я тоже впервые слышу. Наверное, какие-то местные восходящие звезды — оба, и композитор, и скрипач, надо будет потом спросить их имена.

Пока я увлеченно обсуждал происходящее со своим внутренним музыковедом, к скрипке присоединился барабан. Бухал то глухо, то звонко, сперва мне казалось, невпопад, но, помаявшись какое-то время, я вдруг обнаружил, что слушаю необычайно слаженный и гармоничный дуэт — то ли ударник исправился, то ли мое восприятие наконец приспособилось к происходящему. Так или иначе, но если бы у меня сейчас спросили, не убрать ли барабан, я бы взвыл: «Ни в коем случае!».

Нет занятия более неблагодарного, чем словами описывать музыку, самый простой выход — сказать, на что это было похоже. Так вот, ни на что. Ни прежде, ни потом не слышал я ничего даже отдаленно напоминающего тот концерт для скрипки и барабана.

В таких тяжелых случаях приходится рассказывать не о музыке, а о себе — в смысле, о том, что чувствовал слушатель, пока на него изливалась неописуемая благодать. Что касается меня, вместо того чтобы надежно окопаться в горних высях и достичь там просветления, я взял да и задремал, сидя в кресле, как распоследний дурак. Сам не заметил, как это произошло.

Что хорошо — в моем сне тоже звучала музыка, и скрипка, и барабан. Дополнительный бонус — я больше не слышал размеренной скороговорки пана Станислава, который, чего греха таить, здорово портил мне удовольствие наяву.

Впрочем, все остальное совершенно не соответствовало моим представлениям о приятном сновидении. Все обозримое пространство заполняла подвижная красноватая тьма, гораздо гуще и плотнее, чем обычная темнота под закрытыми веками, — и никаких тебе зрительных образов, хоть плачь. Зато явственно ощущался запах, вернее, тяжелый, сырой смрад, так воняет вода в вазе, где уже несколько дней простояли цветы. Но хуже всего была многократно возросшая сила тяжести, под давлением которой я распластался по поверхности кресла, как нелепое пестрое покрывало, не то что шевельнуться, а даже вздохнуть толком не мог. Однако паники в связи с этим не испытывал, знал, что просто сплю и вижу сон, в любую минуту могу проснуться, а значит, беспокоиться не о чем.

Не просыпался я вполне добровольно и только потому, что хотел дослушать музыку. Откуда-то мне было известно, что наяву она звучать не будет. А если и будет, то совсем иная, какой-нибудь приятный слуху, пресный, неназойливый джаз, который можно слушать бесконечно, а можно выключить в любой момент, и ничего не изменится. Какая скрипка? Какой барабан? — удивленно спросит хозяин дома. Вы задремали, и вам что-то приснилось, ни скрипки, ни барабана не было, я очень сожалею.

Сквозь сон я почувствовал, как завибрировал в кармане телефон — новая sms, ничего, это не срочно,

можно не просыпаться, скорее всего просто записка от Карла, короткий вопрос: «У тебя все в порядке?» Впрочем, ответить надо бы, и поскорее, я же с полудня ему ничего не писал, а это нехорошо. Карлу сейчас играть надо, а не обо мне беспокоиться...

Чувство долга возобладало над желанием дослушать скрипку и барабан, я попытался открыть глаза, но у меня ничего не получилось, я по-прежнему неподвижно сидел в кресле, слушал музыку, обонял почти непереносимый запах гнилых растений и не то что глаза открыть, вздохнуть не мог.

Я люто ненавижу состояние беспомощности. Во сне ли, наяву ли — неважно; разница и без того далеко не всегда мне очевидна, а уж тут и подавно. Одно хорошо — беспомощность меня не парализует, а, напротив, заставляет собраться и бросить все силы на борьбу, сколь бы безнадежной она ни казалась. Вот и сейчас я разозлился прежде, чем успел испугаться. В повседневной жизни гнев — плохой помощник, но для того, кто хочет немедленно проснуться, это прекрасное, действенное средство. Так что миг спустя тьма, окутавшая меня, натянулась, истончилась и наконец разорвалась с таким 1ромким треском, что я почти всерьез испугался — уж не разнесет ли этот взрыв на куски кресло, комнат}', всех присутствующих и меня самого заодно.

Но взрыв, как и следовало ожидать, лишь аккуратно приподнял мне веки. Я успел заметить, как поспешно шарахнулась от меня чья-то длинная, гибкая тень, а потом увидел встревоженное круглое лицо пана Станислава — совсем рядом, всего в полуметре от моего.

— Что тут, черт побери, происходит? — спросил я, яростно растирая виски. И почти услышал в ответ: «И все? А дальше?» — но тут же понял, что этот голос — просто эхо отступившего наконец сновидения, мутный осадок морока, осевший на дне моего сознания вместе с последними звуками скрипки и барабана, словом, ерунда.

— Вы, как я понимаю, задремали, — приветливо отозвался Лев. — А пан Станислав решил, будто у вас обморок. Предположение само по себе не такое уж абсурдное, с концертов сестер Пешиковых всякий раз кого-нибудь из публики на руках выносят. Но тут все-таки не живой звук, а просто запись, так что...

Голос его доносился до меня откуда-то издалека, словно мы переговаривались, сидя на разных концах большого спортивного зала. Видимо, я еще толком не проснулся.

— Ясно, — кивнул я. — Конечно задремал. Не такой я крутой меломан, чтобы вот так с пол-оборота в обморок падать.

Пан Станислав тем временем уже стоял в дверях и суетливой скороговоркой бормотал извинения на каком-то неведомом языке; потом, задним числом, я понял, что это был до неузнаваемости искореженный английский.

Наконец он счел, что сказал достаточно, и стремительно удалился.

— Как, вы говорите, зовут исполнителей? — спросил я — просто чтобы не молчать.

Чувствовал я себя довольно неуютно и пока не понимал почему. Но с трудом одолевал искушение немедленно проверить карманы — всё ли на месте. Иррациональная уверенность, будто хозяин дома и его приятчь в них только что рылись, была гораздо сильнее понимания, что это совершенно невозможно.

7 Зак. №2010

— Сестры Пешиковы, — охотно отозвался Лев. — Янка и Бета.

— Надо будет купить диск, — сказал я, изо всех сил стараясь изобразить воодушевление.

Музыка, кто бы спорил, хороша, но я вовсе не был уверен, что еще когда-нибудь захочу услышать этот дуэт скрипки и барабана. Если запах гнилой воды ударит мне в нос наяву, красноватая тьма застелет глаза, дыхание остановится, куда я, скажите на милость, денусь? Эта реальность — тупик, живым отсюда не проснешься.

— Не купите, — сказал Лев. — В магазинах их нет. Девочки продают записи на своих концертах, а ближайший будет только в середине мая. Я бы с радостью подарил вам диск, но у меня остался только один. Могу сделать для вас копию и прислать, хотите?

— Очень хочу, — с энтузиазмом соврал я.

— Давайте адрес. Запишете? — Лев протянул мне карандаш и блокнот, предусмотрительно открытый на букве «Ф».

Я вспомнил наш с Карлом давешний разговор и едва удержался от улыбки. Надо же, действительно адрес хочет вызнать. Ладно, как скажете, пан Болеслев. *Я думаю, это начало прекрасной дружбы.*

Я записал в блокноте свой московский адрес и вернул его хозяину. Лев, надо отдать ему должное, не выказал явного разочарования, но позволил себе удивиться:

— Так вы, получается, в Москве живете? Не в Вильнюсе?

— Ну, было бы довольно странно, если бы такой здоровый лоб до сих пор сидел у папы под крылышком, — невинно заметил я.

— Да уж, пожалуй, — согласился Лев.

Он поднялся, неторопливо пересек комнату и молча уставился в окно. А я внезапно понял, что пора уходить. Вернее, почувствовал, что мне не следует тут оставаться. Я больше *не нужен,* и мне самому ничего здесь не нужно, незачем зря время терять, все закончилось, привет. Почему так случилось — черт его знает, потом разберусь. Или не разберусь, неважно.

Я наскоро придумал сразу несколько малоубедительных причин, побуждающих меня немедленно удалиться, и вдохновенно их изложил. Мог, впрочем, не стараться, Лев слушал меня вполуха, возражать не пытался, зато любезно проводил вниз, к выходу, просил звонить и непременно приходить, если задержусь в Праге до воскресенья, но видно было, что все это — просто ритуальный танец, а сам он рад-радешенек, что вот так просто избавился от ставшего бесполезным меня, даже придумывать ничего не пришлось.

Теоретически, мне бы полагалось огорчиться такому внезапному охлаждению. Но мне было настолько интересно, что случилось, пока я дремал под скрипку и барабан, что резкая перемена в наших отношениях представлялась скорее одним из условий увлекательной задачи, чем событием, затрагивающим меня лично.

Через три минуты, когда я входил в холл собственного отеля, где намеревался перевести дух и заодно укрепить его здоровенной кружкой горячего американо с молоком, телефон в моем кармане задрожал, как больное животное, — будь добр, дорогой хозяин, прими новое сообщение, сил моих нет терпеть.

О господи, сказал я себе. Карл же ждет.

На сей раз отеческое послание выглядело лаконично: одинокий вопросительный знак. Я тут же набрал его номер.

— У меня все в порядке, прости, забегался совсем, было много интересного, — скороговоркой выпалил я и только потом спросил: — Ты сейчас можешь говорить?

— Не мог бы — не говорил бы, — усмехнулся он. — Я сегодня не играю. Так, дурака валяю, визиты делаю, все время что-то ем и попутно беспокоюсь о тебе — надо понимать, для баланса. Чтобы артистической трепетности не утратить на местных харчах. Однако тебя можно поздравить. «Было много интересного» — в твоих устах это звучит, как «жизнь удалась».

— Наверное, — торопливо согласился я. — Слушай, ты был совершенно прав. Лев нашел-таки повод попросить у меня адрес. Дескать, диск в подарок пришлет, редкую запись; неважно, в общем. И я, конечно же, страшно обрадовался. И адрес ему тут же дал. Московский. Бедняга держался молодцом, но чувствовалось, что внутри его аж перекосило. И знаешь, у меня такое ощущение, что мы больше не друзья. Хотя на ботинки он мне, конечно, не плюнул при расставании. И даже заходить еще приглашал. Но без вдохновения. Я такие вещи чувствую, ты знаешь.

— Знаю, — подтвердил Карл.

— Слушай, а все-таки на кой ему сдался твой адрес? — спросил я. — На экзальтированного поклонника, которому только и надо, что под окном кумира ночи напролет стоять, он, извини уж, не похож.

— А почему «извини»?

— Ну мало ли, — ухмыльнулся я. — Вдруг ты в кои-то веки захотел обзавестись поклонником.

Причем непременно экзальтированным. А я отнимаю у тебя последнюю надежду.

— И правда! - обрадовался Карл. — Отнимаешь. У других людей дети как дети, оболтусы бессмысленные, и только у меня — настоящий злодей. Повезло.

— Да, тебе грех жаловаться, — согласился я. — И все-таки. На кой ему твой адрес?

— Помимо романтических резонов, которыми забита твоя бедная голова, существуют и вполне прагматические. У меня в доме, скажем так, есть чем поживиться. К примеру, моя коллекция шарманок восемнадцатого века — маленькая, но хорошая. И широко известная в узких кругах просвещенных любителей раритетов. Впрочем, и других редкостей предостаточно, взять хотя бы мой стол...

— Думаешь, Лев — глава международной мафии? — обрадовался я.

— Хороша международная мафия — спит и видит, как бы отнять у меня мою ветхую лионскую серинетту*. А вот некоторые коллекционеры весьма в этом заинтересованы. Если бы я захотел превратить часть своего собрания в деньги, они были бы счастливы, а я — беспардонно богат. Но я, сам знаешь, не хочу. И некоторые потенциальные покупатели крайне недовольны такой моей позицией.

— Думаешь, Лев работает на кого-то из них?

— Не знаю. Но не удивился бы. Не секрет, что существуют люди, которые охотно берутся за, скажем так, деликатные поручения. Почему бы пану Черно-

*** Serinette *(фр.)* — маленькая шарманка с очень тихим звуком, что делало ее практически непригодной для уличных выступлений. Есть версия, что изначально серинетты предназначались для обучения мелодиям ручных певчих птиц.**

гуку не быть одним из них? Должен же он как-то зарабатывать на жизнь.

— Ну, может быть, — согласился я. — Хотя, знаешь, довольно трудно представить, что Лев на кого-то работает. Хотел бы я взглянуть на его работодателя. Непростой, должно быть, человек.

— Ну, ты все-таки не забывай, это — всего лишь версия, — напомнил Карл. — Самая очевидная, но не факт, что правильная.

— А какие еще могут быть варианты?

— Больше ничего не могу придумать. Но ты учти, я не автор интеллектуальных детективов, мой удел — тяжелый физический труд. Не следует ждать от меня слишком много.

— Кстати, о тяжелом физическом труде, — вспомнил я. — Ты случайно не знаешь таких замечательных чешских девиц — сестры Пешиковы? Янка и Бета. Скрипка и...

— Скрипка и вокал, — подхватил Карл. — Хорошие девочки. Не совсем то, что я люблю, но очень...

— Погоди. Почему вокал? — удивился я. — Не было никакого вокала. Скрипка и барабан.

— Ты что-то путаешь. Откуда ты взял барабан? Нет у них барабана.

— Нет, значит, барабана, — озадаченно повторил я. — Ничего не понимаю. Ладно, бог с ними.

— А почему ты спросил?

— Та самая «редкая запись», которую обещал прислать Лев, скрипка и барабан. Даже не знаю, как тебе объяснить, ни на что не похоже, на меня произвело очень сильное впечатление. Хотел бы дать тебе послушать... Да, так вот, Лев сказал, это сестры Пешиковы. А теперь выходит, не они: вокала там не было и в помине, зато барабан бухал исправно. Странно

это все, — заключил я. — Пойду ужинать, раз так. И спать. Завтра с утра надо бы все-таки уехать в Германию, а я еще даже не решил как. Самолетом быстро, зато на машине интересно. Но долго. А самолетом — вжик, и все. Но садовых гномов сверху не видно. Вконец изведусь.

— Брось монетку, — посоветовал Карл. — Пока она будет лететь, поймешь, чего тебе больше хочется.

— Точно. Пока она будет лететь, я вспомню, что очень люблю поезда.

Попрощавшись с Карлом, я позвонил Мите. Пусть ведет меня в этот свой хваленый кабак. Заодно, может, расскажет еще что-нибудь интересное. О международной мафии похитителей шарманок, например.

— Отлично, — сразу сказал Митя. — Вы попались. Теперь у меня есть ваш номер. И я смогу звонить вам долгими зимними вечерами, когда так хочется услышать теплое слово. И вы будете говорить мне: «грелка», «печка», «одеяло»...

— «Паровое отопление», — подхватил я. — «Утюг». «Варежка». «Колбаса».

— А почему «колбаса»? Колбаса холодная.

— Совершенно верно, холодная. А я голодный. А вы обещали. И что, и как?

— А где вы сейчас?

— В отеле.

— Очень хорошо. Зайду за вами буквально через пять минут. А вы пока захватите свитер. Куртка у вас, я заметил, тонкая, а ночь будет холодная, как колбаса. И даже хуже. Синоптики грозят чуть ли не нулем.

Грех было не прислушаться к столь разумному совету.

Когда я, переодевшись, спустился в холл, владыка полосатых шарфов уже восседал на табурете у стойки. Одобрительно оглядев мою экипировку, сказал: «Выживете» — и повел меня вниз по Нерудовой; впрочем, мы почти сразу свернули в какой-то переулок, поднялись наверх по каменным ступенькам, потом снова свернули и тут же принялись спускаться. Минут через десять я окончательно перестал понимать, где мы находимся, но тут Митя наконец объявил: «Пришли!» — и распахнул передо мной простую деревянную дверь без вывески, ведущую, как мне показалось, в обычный подъезд многоквартирного дома.

— Идемте, идемте, — настойчиво сказал он. — Я не привел вас к себе домой. Вам, честное слово, не придется знакомиться с моей бабушкой. Ресторан на четвертом этаже. И называется соответственно: «Нахорже». То есть «Наверху». А жареной рыбой пахнет уже тут — чуете?

Еще бы я не чуял.

Запах жареной рыбы, вообще-то, крайне редко бывает приятным. Но здешний повар жарил очень свежую рыбу на отменном масле, поэтому мне захотелось немедленно подняться на четвертый этаж и свести близкое знакомство — если не с самим мастером, то с некоторыми его творениями.

Ресторан состоял из нескольких небольших комнат — как я понял, хозяева устроили его, объединив две или три квартиры, а перегородки ломать не стали. И правильно сделали, маленькие залы уютнее больших, к тому же клиенту всегда приятно самостоятельно выбрать не только еду, но и интерьер — из нескольких предложенных вариантов.

В ресторане было довольно безлюдно, поэтому мы осмотрели все помещения и выбрали некое подобие старомодной гостиной с блеклыми обоями, столами, сделанными из обломков швейных машинок «Зингер», разномастными стульями и необыкновенно удобным кожаным диваном, который я тут же занял, воспользовавшись правом гостя.

— Отличное место, — сказал я. — Мне уже почти все равно, как здесь кормят. Хотя запахи никогда не врут, так что и с этим все должно быть в порядке. Вы натурально мой ангел-хранитель. Если когда-нибудь соберетесь в Вильнюс, дайте знать, попробую отплатить вам тем же. Только лучше предупредите заранее, я там подолгу не живу. Но приехать могу в любой момент.

— А кстати, может, и соберусь, — задумчиво сказал Митя. — Но отблагодарить меня можно прямо сейчас, не откладывая. Во-первых, ради всего святого, не заказывайте тут десерт, это их слабое место, и мне будет стыдно. А во-вторых, давайте перейдем на «ты». Держать дистанцию — совершенно не мой стиль. Очень трудно.

— Конечно, — кивнул я.

Митя просиял и отправился за меню. Заодно и пепельницу раздобыл.

— У этого ресторана, — объяснил он, — есть только один серьезный недостаток: официанты то и дело теряют клиентов, уж больно много тут закутков. А когда находят, от всей души радуются, приятно посмотреть. Но искать они могут очень долго. Поэтому следует помогать им в этом нелегком труде.

Сразу после того, как у нас приняли заказ, телефон в Митином кармане призывно запиликал. Досада его выглядела вполне убедительно, но, взяв трубку, он не менее убедительно заулыбался и нежно заворковал по-немецки; впрочем, тут же перешел на русский.

— Душа моя, — говорил Митя, — ты же знаешь, я всегда хочу тебя видеть, а уж Лени-то как хочу, мочи нет, иногда среди ночи вскакиваю от томительного желания и, пока не посмотрю на вашу фотокарточку, не засну... Ну почему, ночи ждать не обязательно, просто вот прямо сейчас я не совсем один... нет, не знаешь, и он вас не знает... сейчас спрошу, погоди.

Он прикрыл трубку ладонью и громким, как крик, шепотом сказал:

— Слушай, тут внезапно обнаружились мои друзья, немцы, вернее, она немка, он русский, отличные ребята, у них крутая галерея в Дюссельдорфе, «Лени Шванцерфокс». Реально крутая, не преувеличиваю, но это неважно, главное, они умные и забавные — редкое сочетание. Завтра утром уезжают, хотят попрощаться и заодно пожрать — ты переживешь, если они к нам присоединятся?

— Переживу, пожалуй, — согласился я. — Делай как знаешь, все равно я сейчас все быстро съем и уйду. Мне тоже завтра с утра надо бы уехать... куда-нибудь.

Митя просиял, тут же нахмурился, отнял ладонь от телефонной трубки, упреждающе поднял палец дескать, молчок! — и торопливо заговорил: давайте, приходите, да, в «Нахорже», ждем.

— Именно *куда-нибудь?* — спросил он меня, пряча телефон в карман. — Тебе действительно все равно, куда ехать?

Я и бровью не повел.

[1] — Почти все равно — в пределах Шенгенской зоны. За океан точно не полечу и в Сибирь не поеду. Завтра с утра разберусь, что с собой делать.

— Лихо! — одобрил Митя.

А я подумал, что пора бы уже стать тем, кем все время стараюсь казаться, — легким на подъем бродягой без определенных планов, готовым в любой момент сорваться с места, а уже потом разбираться, куда, зачем и какого черта. Привлекательный образ, чего уж там. В юности казалось, я примерно такой и есть, просто обстоятельства не дают развернуться. Ну вот, обстоятельства я давным-давно перекроил по-своему, казалось бы, самое время спускать себя с поводка, делать все, что взбредет в голову, а что не взбредет, тоже делать время от времени, для разнообразия, - и что ж? Который год сижу на заднице и дуюсь на весь белый свет. Удовольствия от этого не получаю ни малейшего, однако без четко поставленной цели даже обуваться не начну. И с этим, конечно, надо что-то делать, потому что насиделся уже на всю оставшуюся жизнь, а четко поставленная цель по нынешним временам роскошь, такие подарки даже Карл не каждый день делает.

Митины друзья заявились подозрительно быстро, словно с самого начала знати, где его искать, а звонили уже снизу, из подъезда. В иное время я бы наверняка заподозрил, что эти трое обо всем сговорились заранее, а телефонный звонок предназначался специально для меня, чтобы считал нашу встречу случайностью, но сейчас мне было не до того: я разглядывал Лени, и это занятие поглотило меня целиком.

Она была высока ростом, широка в кости, не слишком молода и, строго говоря, совсем не красива. Но все это не имело ни малейшего значения: никогда прежде я не видел женщины столь эффектной и одновременно величественной. У Лени был властный римский профиль, выщипанные в ниточку брови, прозрачные глаза цвета речной воды и неожиданно

лукавый, улыбчивый рот. Густые рыжие кудри были связаны на затылке тяжелым узлом, несколько прядей выбивались из строгой прически — этот умело организованный беспорядок красил ее необычайно. Прибавьте к этой картине глубокое контральто, царственную осанку, надменную посадку головы, легкую, стремительную походку, особенно удивительную для женщины на десятисантиметровых шпильках, и трогательные ямочки на щеках, которые всякий раз на долю секунды опережали улыбку. Красная лакированная куртка, отделанная черными кружевами, сидела на Лени, как твидовый жакет на английской аристократке, короткая кожаная юбка с разрезом казалась частью делового костюма, и даже блестящие серебристые чулки выглядели совершенно уместно; я хочу сказать, Лени была одета просто чудовищно, но выглядела при этом не вульгарной дурой, а эталоном сдержанности, достоинства и хорошего вкуса — такова была сила ее харизмы.

Неудивительно, что ее русского мужа я сперва не заметил вовсе, а потом долго исподтишка разглядывал, стараясь понять, что этот хмырь делает за нашим столом и не вознамерился ли он стащить мою зажигалку, — при том что Митя, конечно, сразу же нас познакомил. Просто в отличие от своей сногсшибательной супруги невысокий, плотный очкарик Илья с бычьей шеей и нерешительным интеллигентным профилем был человеком неприметным и одновременно каким-то подозрительным, не заслуживающим доверия. Думаю, он в своей жизни не прошел ни одного фейс-контроля и даже в собственном доме выглядел ввалившимся без приглашения самозванцем.

Однако после того, как мы перезнакомились, обменялись обычными в таком случае ничего не значащими репликами, наскоро привыкли друг к другу и приступили к еде, Илья как-то незаметно перехватил нить беседы и вдруг оказался настоящим центром компании, блестящим рассказчиком и модератором, умеющим вовремя дать высказаться любому желающему — без всякого ущерба для собственного главенствующего положения. Он говорил о погоде и солипсизме, фильмах Мудиссона и содержании медведей в Берлинском зоопарке, рекламе и математике, ценах на недвижимость и московском романтическом концептуализме, причем все это у него выходило так забавно и занимательно, что мы слушали затаив дыхание, даже Лени, которая, по идее, должна была бы давным-давно выучить все его истории наизусть. Понимала она в лучшем случае половину, так что Илье то и дело приходилось останавливаться и переводить для нее особо сложные фразы; впрочем, даже эти технические заминки он каким-то непостижимым образом умудрялся сделать интересными и увлекательными для всех слушателей.

В общем, я не только не сбежал сразу после ужина, но и с удовольствием принял предложение отправиться еще куда-нибудь выпить — при том что сама по себе выпивка казалась мне в данный момент наименее интересной частью предстоящей программы.

А наиболее увлекательной частью стала прогулка в компании Лени. Она была столь стремительна, что все время убегала вперед, — люди в теннисных туфлях по траве так не скачут, как она на шпильках по булыжной мостовой. Обнаружив, что осталась в одиночестве, Лени столь же стремительно возвращалась к нам и, путаясь в русских словах, сообщала новости из будущего, то есть с того конца улицы, куда нам еще только предстояло попасть: видела белую

кошку, мальчика на самокате, одинокую пьяную невесту в фате до пят, старушку с корзиной, полной яиц. В ее пересказе эти события казались чрезвычайно значительными, исполненными некого особого, хоть и невнятного смысла. Илья брал ее под руку и просил больше не убегать, Лени соглашалась, но пару минут спустя снова каким-то непостижимым образом оказывалась далеко впереди, оборачивалась, тормозила и неслась назад.

В конце концов мы основательно продрогли и осели в первом попавшемся полупустом баре, единственным достоинством которого была почти полная тишина — музыка играла так тихо, что даже мне почти удавалось ее игнорировать.

— Ну что, — сказал Илья, когда мы кое-как устроились на высоких табуретах, для устойчивости ухватившись за стаканы с коктейлями, — поедете с нами, Фил?

Я удивленно на него уставился. Потому что до сих пор о совместной поездке речи не заходило. И о своих планах с утра покинуть Прагу я при них словом не обмолвился. С чего это он?

— Да ладно тебе. — Митя был не то чтобы пьян, но слегка навеселе, а оттого энергичен и напорист. — Какие проблемы? Тебе надо в Германию, а ребятам нужен второй водитель, Лени задолбается одна до Дюсселя гнать...

— Я разбил свои очки, — объяснил Илья. — Эти, — он постучал пальцем по толстому стеклу, — для чтения. Ходить по улице в них худо-бедно можно, а за руль садиться не стоит. Далеко не уеду.

— Да уж, пожалуй, — рассеянно согласился я.

Меня сейчас заботило совсем другое. С чего это Митя решил, что мне надо именно в Германию? Я ему не говорил. Откуда он знает?

Он словно мысли мои прочитал, по крайней мере, немедленно попытался исправить положение.

— Ты же говорил, тебе все равно куда ехать, лишь бы в границах Шенгена. Тогда Германия наилучший вариант. Во-первых, близко. Во-вторых, там хорошо. В-третьих, выручишь Лени. Ей больше трех-четырех часов кряду ехать трудно. Ты подумай.

— Если поедем вместе, может быть, вы не откажетесь у нас погостить? — сказал Илья. — Дюссельдорф прекрасный город, а у нас там огромный дом. И никаких других гостей в это время года.

— У нас есть серая кошка, — веско добавила Лени.

Серьезный аргумент, кто бы спорил. И отличное, в сущности, предложение. По крайней мере, не придется с утра покупать билеты на поезд, арендовать автомобиль или ехать в аэропорт. И самое главное, можно больше не думать, какой из вариантов выбрать. И не ругать себя последними словами, что не заказал заранее отель. Прекрасная перспектива. Я люблю, когда все устраивается само, без моего активного участия, — ну вот оно и устроилось наилучшим образом, радоваться надо.

И я бы, конечно, обрадовался, если бы эта теплая компания потрудилась сделать вид, что представления не имеет о моих планах. Могли бы просто рассказать о своей проблеме — дескать, позарез нужен второй водитель, и как жаль, что никто из пражских друзей-приятелей не желает составить компанию. И я бы немедленно предложил свою кандидатуру. А теперь сижу как дурак, гадаю: откуда они узнали, что я собрался в Германию? И у меня нет даже подобия удовлетворительного ответа на этот вопрос. Потому что предположить, будто Митя великий телепат, весь вечер развлекавшийся чтением моих потаенных мыс-

лей, интересных разве что полудюжине маньяков с форума кагофилов, мне не позволял хороший вкус, а придумать более разумное объяснение мой скромный логический аппарат наотрез отказывался.

В таких непростых условиях радоваться я не умею, только сердиться. Зато очень, очень сильно. Хотя виду не подаю, конечно.

— Надо подумать, — сказал я. — Отказываться не хочу, обещать не могу. Я сейчас плохо соображаю: почти не спал, подскочил на рассвете, много бегал, а теперь еще и объелся. Пойду, пожалуй, в отель, пока еще ноги держат. Давайте созвонимся завтра утром. У Мити есть мой номер. Доброй ночи.

Положил деньги на стойку и был таков, эти трое не то что сказать, подумать толком ничего не успели, только выдохнули мне вслед растерянным хором: «Доброй ночи». Вежливые, черти.

Я был чертовски горд собой. Во-первых, у меня есть прекрасное правило: если происходящее перестает нравиться, надо немедленно уходить. Легко сказать, но чертовски трудно осуществить, и всякий раз, когда мне это удается, я мысленно ставлю себе жирную, лоснящуюся «пятерку». А во-вторых, самодовольно думал я, пусть знают, с кем связались. Мое дело — честно продемонстрировать будущим попутчикам свой вздорный нрав, переменчивое настроение и общую ненадежность, пусть не жалуются потом, что им впарили кота в мешке. А если не передумают, позвонят завтра, тогда, пожалуй, соглашусь. Маршрут меня более чем устраивает, от Дюссельдорфа до Хагена чуть больше часа электричкой, это я выяснил.

Самодовольство мое несколько поутихло после того, как, пройдя метров триста по незнакомой улице и слегка остудив на ледяном ветру разгоряченную двойной порцией джин-тоника голову, я наконец осознал, что понятия не имею, где нахожусь, и даже приблизительно не представляю, в какую сторону идти. И что теперь со мной, болваном, станется? Неведомо.

Ладно, подумал я, не возвращаться же. Пойду куда глаза глядят, первый же встречный наверняка покажет мне, где Перудова, а может, и сам туда как-то выскочу, теоретически, она тут где-то рядом, пешком же все время шли.

Четверть часа спустя я начал сомневаться в разумности своего решения. Не думал, что можно вот так, ни с того ни с сего, оказаться самым одиноким человеком в мире, которому даже прохожие навстречу попадаться не желают, — и не в каком-нибудь ПГТ Металлострой, а в центре одной из европейских столиц, и не под утро, а за несколько минут до полуночи. Бред собачий. Так не бывает. Впору усомниться — да не заснул ли я прямо за барной стойкой? Весь день сегодня отрубаюсь не по делу, в самых неподходящих для этого позициях, вон утром даже на ходу умудрился, всю прогулку проспал.

Однако, похоже, я все-таки бодрствовал. Во сне может случиться все что угодно, но так холодно не бывает. Если бы я настолько замерз, непременно проснулся бы хоть на пару секунд, чтобы выругаться и натянуть на себя одеяло.

А вот поэтому, подумал я, и на улице нет никого. Когда апрельской ночью температура падает до нуля, нормальные люди из дома нос не высунут, только неприкаянные заезжие придурки вроде меня бродят по городу в поисках утраченного отеля, тоже мне Девочка-со-спичками, тьфу.

И вовсе не Девочка-со-спичками, а Мужик-с-зажигалкой, примирительно сказал мой внутренний голос. А зажигалка, вкрадчиво добавил он, дает тебе возможность закурить буквально в любую секунду, и это величайшее благо. Прекращай ныть.

Я внял совету, закурил, в свете зажигалки увидел название улицы, по которой шел: «Рудова». Если учесть, что мне требовалась Нерудова, это была не худшая шутка Небесной Канцелярии, сотрудники которой, я это не раз замечал, коротают рабочее время, вовсю прикалываясь над своими подопечными.

— Ну вот, а ты говорил, никого не встретим.

Женский голос звучал у меня за спиной, я обернулся и увидел стремительно приближающуюся ко мне пару юных существ неопределенного пола, этакие карандашики — оба высокие, тонкие, в узких джинсах, куцых курточках и одинаковых островерхих шапочках. Впрочем, один карандашик определенно был девочкой, обладательницей звонкого голоса. Она перешла на чешский и теперь что-то бойко мне говорила, размахивая руками для пущей убедительности. Я скорее догадался, чем понял, что эти двое очень хотят курить, протянул им портсигар и сказал:

— По-русски я понимаю гораздо лучше, чем по-чешски.

— Вау! — хором возликовала парочка.

Второй карандашик оказался бледным юношей, с низким, очень густым голосом, совершенно не вяжущимся с его хрупким сложением.

— Арсений не купил сигарет, — доверительно, как старому знакомому, пожаловалась девочка. — И я не купила сигарет. Обычно мы становимся идиотами по очереди, это очень удобно. Но уж когда оба сразу — всему конец, жизнь рушится, и мы внезапно оказываемся ночью на улице. Тут даже до ближайшего бара идти и идти. Но теперь нам ничего не страшно, дойдем.

— О, — обрадовался я, — так вы не туристы, а местные жители? Тогда вы наверняка знаете, в какой стороне улица Нерудова. И не станете утаивать от озябшего путника эту ценную информацию.

— Нерудова там, — девочка неопределенно махнула рукой куда-то вбок. — Мы вас проводим немного, все равно нам в ту сторону.

Она чиркнула зажигалкой, чтобы прикурить, пламя высветило ее лицо и ровно подстриженную челку. Челка была выкрашена в два ярких цвета, желтый и зеленый; только теперь я заметил, что из-под шапочки выбиваются синие, красные и фиолетовые пряди, и застыл как громом пораженный. Это была моя утренняя незнакомка с радужной головой, та самая, которая рисовала на тротуаре за собором Святого Вита и обещала присвоить мой свитер. Сейчас я во всех подробностях вспомнил этот эпизод и недоумевал: как можно было забыть такое происшествие? Что со мной случилось? Мне и сны-то в большинстве случаев удается не забывать, а девицу с радужной головой я видел наяву... вроде бы.

— А где ваша собака? — спросил я.

Парочка настороженно переглянулась.

— Какая собака? — наконец спросила обладательница радужной головы.

— Ну как. Ваша. Большая, черная, кудлатая, похожа на королевского пуделя, только нестриженая.

— Терпеть не могу, когда их стригут, — внезапно вмешался молодой человек. — Оставляют только гриву и манжеты эти дурацкие, кошмарное зрелище.

Я сочувственно кивнул. Зрелище и правда нелепое.

— С моей собакой все в порядке, — наконец сказала радужная. — Только я не понимаю, где и когда вы меня с ней могли видеть. Собака, она... Короче, с ней всегда Арсений гуляет. У меня времени нет.

— Но сегодня утром, примерно в половине десятого, возле собора Святого Вита...

— Ай, даже вот так! — Моя собеседница по-детски хихикнула, прикрыв рот посиневшим от холода кулачком, но тут же снова стала серьезной. — Тогда все в порядке. В половине десятого мы оба еще спали, а значит, я могла быть где угодно, с собакой или без.

— Ну вот все и разъяснилось, — я вложил в свою реплику весь запас неизрасходованного с начала года сарказма, но эти двое и бровью не повели.

— Идемте же, — нетерпеливо сказала радужная. — Нам по пути.

Шли мы очень быстро — чтобы согреться. По дороге молчали — и без того дыхание сбивается. Только притормозив возле унылого неонового кактуса, украшавшего вход в какую-то явно гнусную дыру, радужная девица поглядела мне прямо в глаза и очень твердо сказала:

— Мне кажется, вам не надо идти на Нерудову.

— Мариночка... — Ее спутник поднял руку в предупредительном жесте, но она только отмахнулась и упрямо, с затаенным вызовом повторила:

— Я совершенно уверена, что на Нерудову вам не надо.

— Все-таки надо, — вздохнул я. — У меня там отель, а в отеле кровать. Прекрасная, полезная вещь. Но я вполне могу отложить наше с нею экстатическое слияние.

— А, вы там просто живете? — Она с заметным, хоть и непонятным мне облегчением улыбнулась и сказала: — В этом баре, вы не поверите, есть не только пиво и текила, но и кактусовый чай. Вы когда-нибудь пробовали?

— Пробовал, — вспомнил я. — Очень давно. Кто-то меня угощал, не то из Швеции его привез, не то из Германии. Вроде бы было круто.

— Будете его с нами пить? очень серьезно спросила она, стягивая шапочку с радужной головы.

Я кивнул, и мы вошли в бар. Я еще на улице решил, что заведение окажется гнуснейшей дырой, и теперь был приятно удивлен. Здесь не было ни громкой музыки, ни вони разлитого пива, ни игральных автоматов, ни соответствующей публики. Впрочем, публики не было вовсе, даже за стойкой пусто, похоже, бармен отчаялся и ушел спать в подсобку.

— Марек, — негромко позвал Арсений.

Длинный и тощий рыжеватый блондин с уныло обвисшими усами немедленно материализовался за стойкой — мне сперва показалось, бармен натурально возник из ниоткуда, и только потом я сообразил, что он, видимо, просто сидел на корточках, а теперь поднялся. Арсений завел с Мареком разговор, неторопливый и обстоятельный, а его спутница ухватила меня за рукав, увлекла в дальний конец зала, где на отшибе стоял яркий красно-зеленый стол, окруженный табуретами той же масти.

— Это наше место, — сказала она. — Мы сюда часто заходим. Глупо жить в Чехии и не любить пиво, правда? Так вот, я его люто ненавижу. А крепкие напитки даже нюхать не могу. Получается, и в бары ходить незачем, но бары-то я как раз люблю! Как пространство и культурное явление. А тут можно пить

кактусовый чай. Марек его специально для Арсения где-то заказывает, а может, из дома приносит, кто его разберет. Неважно. Главное, что он тут всегда есть... Ой, да, забыла сказать, меня зовут Мирра. А вовсе не Мариночка, что бы там Арсений ни выдумывал. Никаких «мариночек», очень вас прошу.

— Мирра? — переспросил я. Вспомнил ее картинку на тротуаре, Митин рассказ о знаменитой художнице, разбивающей сердца, и, сам себе не веря, но уже заранее зная ответ, уточнил: — Жукотовская?

— Так вы меня, получается, знаете? — нахмурилась она.

— Знаю, что вы гений, знаменитость и роковая красавица, — улыбнулся я. — Мне позавчера прекрасный смешной человек по имени Митя о вас все уши прожужжал.

— Что за Митя?

— В зеленых ботинках и полосатом шарфе, — улыбнулся я.

— А. Лжедимитрий, значит. Ясно.

Хорошее прозвище, подумал я. Очень ему подходит.

— Он, возможно, и прекрасный, дело вкуса. Но совсем не смешной, — строго сказала Мирра. — Это только поначалу так кажется. Вы с ним, наверное, недолго знакомы?

— Я его сегодня третий раз в жизни видел.

— А, ну вот. Впрочем, неважно. Лучше расскажите, откуда вы взялись.

— Из Вильны приехал. Ничего выдающегося, сел в автобус и приехал. В воскресенье утром.

Мирра удивленно покачала головой — дескать, откуда только не приезжают люди — и задумалась. А я, воспользовавшись случаем, ее разглядывал. Действительно редкая красавица, как я сразу не заметил? Я бы и сейчас, пожалуй, не заметил, если бы не вспомнил, как Митя ее расписывал. Вероятно потому, что красота была слишком малозначительной частью правды о Мирре, второстепенной и даже немного досадной особенностью, о которой она сама почти никогда не вспоминала. Я не раз встречал некрасивых женщин, совершенно не озабоченных своей внешностью, что, безусловно, шло им на пользу и добавляло обаяния. Но вот красавиц, искренне равнодушных к собственной красоте, мне до сих пор видеть не доводилось.

— Все, я вас вспомнила, — Мирра с явным облегчением встряхнула головой. И звонко крикнула своему приятелю: — Арсенчик, а как там наш чай?

Тот обернулся, кивнул, взял из рук бармена две чайные чашки и пошел к нам. Поставил посуду на стол, достал из кармана пачку английских сигарет, одну заложил за ухо, другую сунул в рот, остальное отдал Мирре.

— Я пока с Мареком поболтаю, — сказал он. — У него настроение фиговое. Надо поднимать.

— Конечно, миленький, — кивнула она.

А я, глядя на них, вдруг понял: этот Арсений скорее всего ее брат. Хотя не похож, конечно, совершенно: черноглазый, носатый, с копной смоляных кудрей. Ну мало ли что не похож, все равно скорее брат, чем любовник, видно же, что никакого романа тут нет, и не было никогда, и не будет, достаточно услышать, как она произносит это свое ласковое «миленький», — так девочки только с близкими подружками говорят. И еще с братьями, если отношения сложились.

Арсений вернулся к барной стойке, а Мирра, торжествующе глядя на меня, повторила:

— Я все помню. Вас, и как я рисовала — вообще все. Хороший был сон.

Я вопросительно приподнял бровь. Других идей насчет того, как очаровать Мирру, у меня не было, а очаровать, чего греха таить, уже хотелось. Хотя ясно было заранее, напрасный труд, не затем мы встретились, по крайней мере, с ее точки зрения — не затем. Еще немного, и она, чего доброго, скажет мне: «миленький» — тем же тоном, что и Арсению. Тяжелый случай.

— Это для вас все было наяву, — сказала она. — А мне снилось. Со мной так часто случается: я сплю и вижу во сне, как гуляю по городу, а потом разные люди рассказывают, как мы на улице встретились, что я делала и что говорила, и чего успела сдуру наобещать, — ужас, честно говоря! Вечно из-за этого какие-то недоразумения, но я уже привыкла. Главное — запоминать, что происходит во сне, а что наяву, и четко отличать одно от другого. Все равно, конечно, иногда путаюсь, вот и сегодня забыла. Но теперь все в порядке.

— Я, кстати, тоже забыл. Весь день мучился: что было, когда я вышел из отеля и поднялся в Пражский Град? Теперь ясно. Но что случилось после того, как я наступил на вашу картинку, до сих пор не помню. Хлоп — и оказался в каком-то кафе на другом берегу Влтавы.

— Кафе-то хоть хорошее было? — сочувственно спросила Мирра.

— Отличное.

— Ну и ладно, если так, — кивнула она. — Остальное неважно.

— Важно, — упрямо сказал я. — Ненавижу не понимать, что со мной происходит.

— Ну, объяснить-то я не смогу, — она развела руками. - Зато могу показать, как это бывает, я сейчас в настроении. Хотите?

— Что — «это»? — опешил я. — Как — показать? Что — показать?

Мирра и не думала отвечать. Смотрела на меня насмешливо, с вызовом, заранее кривила губы в презрительной улыбке, как будто нам обоим но семь лет и она только что поставила ребром самый важный для наших дальнейших отношений вопрос: или я способен нырнуть вниз головой с пирса, или нет, — и ответить на него можно было только действием, прямо сейчас, немедленно.

Едва ли не все мои однодневные курортные романы в ту пору приводили меня на этот чертов пирс, таких уж вредных ухитрялся выбирать девчонок, сам виноват. И я всегда сперва нырял, а уже потом вспоминал, что плавать пока толком не научился, а до берега ужасно далеко. Ничего, выкручивался как-то, всякий раз на пирсе находился кто-нибудь достаточно большой и сообразительный, чтобы вовремя протянуть руку и вытащить меня, оглушенного, наглотавшегося воды, но безмерно довольного собой. Несколько раз кряду наглядно убедиться, что ничего страшного не может случиться с безрассудным храбрецом, пренебрегающим правилами техники безопасности, — драгоценный опыт, мало кому так везет. Так и только так становятся — одни героями, другие дураками. Не уверен, что мне удалось первое, но и второго было вполне достаточно, чтобы, махнув рукой, сказать: «Ладно, показывайте, хочу».

— Очень хорошо, — кивнула Мирра. Залпом допила чай, поднялась резко, почти отшвырнув в сторону стул, подошла ко мне, положила одну руку на

загривок, другую на макушку, прижалась животом к моей спине, замерла.

Это было неожиданно, по крайней мере, я ни на что в таком роде не рассчитывал и теперь совершенно ошалел, но не разволновался, а напротив, расслабился, размяк, разбух от сладких ожиданий. Всем телом слышал, как бьется ее сердце — упоительно размеренный, умиротворяющий ритм, лучшая в мире колыбельная. Так и заснуть можно, думал я, надо же, меня обнимает единственная в мире женщина-транквилизатор, ну и дела.

— А теперь попробуйте быстро-быстро встать, — вдруг шепнула Мирра, и я, желая ей угодить, поспешно вскочил, превозмогая сонную одурь... что за черт?!

Так бывает, если очень долго сидеть на корточках, а потом резко подняться, — голова идет крутом, в глазах темнеет, и в этой темноте назойливо мигают всякие подозрительные блуждающие огоньки, а в ушах шумит густой, отчетливо черный ветер. Довольно непросто в таких условиях устоять на ногах, но если устоишь, через пару секунд все проходит, поэтому имеет смысл взять себя в руки и потерпеть, не хлопаться на землю комком сырой, невымешанной глины, это трудно, но вполне возможно, я всегда об этом помню, и сейчас вспомнил, и продержался, сколько требуется. Шум в ушах поутих, тьма понемногу рассеялась, и вот тогда мне стало по-настоящему хреново, потому что красно-зеленого стола, из-за которого я только что поднялся, не было и в помине, и табурета, с которого я встал, тоже не было, зато появились желтые стены, яркие лампы, расставленные по углам, и апельсинового цвета ковер где-то необозримо далеко внизу.

— О. Надо же! Прекрасно получилось, — сказала Мирра. — Эй, ты как?

Состояние моих дел, прямо скажем, оставляло желать лучшего. И все-таки я сперва обрадовался, что она обратилась ко мне на «ты», как к близкому человеку, старинному знакомцу, и только потом рухнул к ее ногам. В смысле, осел на ковер. Был при этом, надо думать, грациозен, как мешок с гнилой картошкой, зато почти не ушибся.

Известное дело, когда почва под ногами перестает казаться надежной, единственный выход — поместить на эту самую почву еще и задницу, такая смена позиции придает уверенности — иногда. Но сейчас явно был не тот случай. Вместо уверенности я ощутил тошноту и холод в затылке, как будто ледяной компресс приложили. Чем так мучиться, лучше сразу в обморок — и с концами.

— Плохо дело? — встревоженно спросила Мирра.

Я хотел сказать: «Все в порядке», но горло произвело на свет только сдавленный булькающий звук и, устыдившись, отказалось от дальнейших попыток.

— Продержись секундочку, — сказала она и куда-то ушла.

Без Мирры новая яркая *бананово-лимонная* реальность показалась мне настолько враждебной, что я малодушно закрыл глаза и представил, что все еще стою на улице, пытаюсь сообразить, в какой стороне Нерудова, а что фонари не горят — подумаешь, бывает, сейчас...

Я почти поверил себе и почти успокоился, еще немного, и я бы, чего доброго, действительно сообразил, в какую сторону идти. И, вполне возможно, даже пошел бы. Но тут внезапно начался проливной дождь, какой-то, прости господи, тропический ливень,

словно бы все небесные хляби разом обрушились на мою голову. От неожиданности я шарахнулся в сторону, обнаружил, что не стою, а сижу, открыл глаза и увидел Мирру с кружкой в руках. Кружка была пустая, а я — мокрый. Это многое объясняло. Но принудительное омовение, кажется, пошло мне на пользу.

— Пришлось тебя немножко полить, вода в таком деле как закрепитель в фотографии, — сказала Мирра, стягивая с меня куртку. — Теперь никуда отсюда не денешься... Ничего, ничего, вода чистая, куртка быстро высохнет, а голова — еще быстрее. Свитер тоже надо бы снять и аккуратно разложить, чтобы ворот не растянулся.

Я был с нею совершенно согласен, но почти неспособен действовать, так что Мирре пришлось раздевать меня самостоятельно. От дешевого манекена я выгодно отличался тем, что конечности мои прекрасно сгибались в суставах, проблема же состояла в том, что они делали это невовремя и не к месту. Но Мирра справилась.

— Все в порядке, — говорила она, — и ты тоже в порядке, я вижу. Вот тебе сухая рубашка, надевай. Попробуй сам, у тебя все получится. Вот так, да, совершенно верно, какой способный мальчик, молодец, я тобой горжусь.

Откуда у этой пигалицы с радужной головой взялись интонации заботливой бабушки, ума не приложу. Но это было именно то, что требовалось. Путаясь в рукавах рубашки, я настолько пришел в себя, что начал понемногу вертеть головой, осматриваться. Теперь желтые стены мне скорее нравились, чем нет, как, впрочем, и оранжевый ковер, плюшевые кресла-мешки и лоскутные шторы. Отличная комната.

— Мы дома, — сказала Мирра. — Просто у меня дома. А теперь — внимание, вопрос. Помнишь, как мы сюда пришли?

Я отрицательно помотал головой.

— Правильно. И не можешь помнить, потому что мы не пришли. Мы сюда заснули. А потом аккуратненько тут проснулись. Тебе-то я помогла, ты же еще никогда специально так не делал, да?

Я бы и рад был поддержать столь занимательную беседу, но совершенно не понимал, что тут можно сказать. Пришлось неопределенно пожать плечами.

— А надо, — сказала Мирра. — Ты это можешь. Но пока не умеешь. А в таком деле, если можешь, обязательно надо уметь. А то рано или поздно нарвешься на неприятности, проснешься черт знает где, и еще вопрос — выберешься ли... Слушай, какой-то ты подозрительно бледный. Чаем тебя надо напоить, горячим и сладким, вот чего. Пошли-ка на кухню. Что скажешь?

Протянула мне руку, помогла подняться с ковра, взяла под локоть и отвела в соседнюю комнату, где небрежно побеленные стены были покрыты причудливыми пиктограммами, пол выложен мелкой пестрой плиткой, а в углу за низкой перегородкой прятались крошечная двухкомфорная плита, заполненная немытыми чашками раковина и гигантский холодильник свекольного цвета. Очевидно, это и была кухня.

Мирра прислонила меня к холодильнику, приволокла откуда-то легкое плетеное кресло и заботливо меня туда усадила.

Я как-то подозрительно быстро успокоился — в тот самый момент, когда, по идее, следовало бы начать волноваться. Происходящее почти не затраги-

вало меня. То есть умом я понимал, что случилось нечто невозможное: только что я сидел в баре и вдруг очутился в незнакомой квартире. Милая девушка с радужными волосами, наедине с которой я остался, непрерывно гнала какую-то мутную пургу, но при этом производила впечатление человека надежного, здравомыслящего и заслуживающего доверия. Вдобавок ко всему у меня начала ныть голова, а ноги размякли, как у тряпичной куклы; еще хуже был назойливый зуд в солнечном сплетении, как будто муравейник там кто-то разворошил. Но все это почему-то не задевало, не трогало и не беспокоило меня. Более того, происходящее казалось мне скорее *хорошим* событием, чем нет, даже в головной боли было что-то приятное и освежающее; возможно, мне просто нравилось чувствовать себя живым.

— Если ты дашь мне сигарету, будет совсем распрекрасно, — сказала Мирра, ополаскивая чайник кипятком. — Пачку я, ясное дело, сдуру оставила на столе, а в доме даже паршивого окурка нет, мы искали. И Арсений неизвестно когда вернется... Надо бы, кстати, ему позвонить.

Я достал из кармана портсигар и молча протянул ей. Мирра взяла сигарету, но не прикурила, а заложила за ухо. К другому уху поднесла телефонную трубку, сказала: «Всё под контролем, я дома с гостем». Помолчала, послушала, сухо ответила: «Так получилось». Снова пауза, улыбка: «А это другое дело». И попрощалась коротко, но ласково: «Давай».

Говорить я по-прежнему то ли не мог, то ли просто не хотел. Сидел, смотрел в одну точку, наслаждался охватившим меня состоянием блаженного покоя и полного безразличия ко всему на свете, включая мою собственную участь.

— Ты еще легко отделался, — сказала Мирра, неторопливо доставая с полки керамическую банку, в которой, надо думать, хранился чай. — Повезло тебе со мной. А я когда-то в Прагу так перебралась. Нечаянно, конечно. Заснула дома, в Томске, проснулась тут. На улице. Вернее, под мостом — и не каким-нибудь, Карловым. Без денег, документов и обуви, хорошо хоть, в штанах и свитере, у нас дома топили плохо, так что я одетая спала. Чуть не сдохла, так испугалась. А все равно обрадовалась. И не потому, что в Прагу попала, я же сперва не знала, где проснулась, ясно только, что не дома, а больше — вообще ничего не понятно, хоть убей. Потому и обрадовалась, что ничего не понятно и вроде как чудо случилось — со мной, не с кем-нибудь!.. Я до сих пор рассказываю, что автостопом приехала, еще когда чехи нас без виз пускали, и осталась, — а как иначе объяснить? Все думают, я была очень крутая. Смешно.

Я откашлялся в надежде, что это упражнение поможет мне обрести утраченный дар речи, и спросил:

— А как ты выкрутилась?

— Заговорил! — обрадовалась Мирра. — Совсем как живой.

— Нет, правда, как? Куда податься человеку, который лег спать дома, а проснулся в чужой стране? У меня ни одной идеи. Не в консульство же идти с такой историей.

— У меня тоже не было никаких идей. Но тут мне повезло. Встретила понимающего человека. Он мне очень помог на первых порах. Обул, одел, накормил. Заодно напугал как следует. Сказал, что, если я не буду контролировать себя во сне, в любой момент могу загреметь обратно, в смысле, проснуться дома. Правильно, в общем, сделал, что напугал. С тех пор я

всегда сама выбираю, как засыпать и где просыпаться. Со страху сразу научилась.

— Очень не хотелось назад?

— Не то слово, — кивнула она. И умолкла.

Я понял, что развивать эту тему не следует. Наслушавшись за свою жизнь чужих рассказов о детстве, я постепенно пришел к пугающему выводу: видимо, счастливым оно было только у меня одного. А тут, как я понимаю, совсем тяжелый случай, если уж возвращение домой — самое страшное, что может случиться с девочкой, однажды проснувшейся в чужой стране. В сказках-то они даже из волшебных королевств назад, к маме, просятся — на то, впрочем, и сказки.

Мирра тем временем накрыла чайник стеганым колпаком, прикурила наконец изъятую у меня сигарету, поглядела испытующе.

— Теперь твоя очередь рассказывать. Кто ты, что ты, зачем ты есть?.. Ладно, ладно, на последний вопрос можешь не отвечать, этого никто толком не знает, так все и живем, сами не понимаем, во что влипли и на кой оно нам сдалось. Зато ты наверняка знаешь, как тебя зовут. Мне тоже интересно.

— Филипп, — сказал я, чувствуя себя полным идиотом.

Я всегда так себя чувствую, называя свое имя. Теоретически, оно мне нравится. Но вслух почему-то звучит слишком пафосно и совершенно не вяжется ни с моими представлениями о себе, ни тем паче с моим зеркальным отражением.

— У! Хорошее имя какое, — завистливо сказала Мирра. — Если бы я была мальчиком, я бы тоже хотела.

— И тебя вусмерть задразнили бы — не в школе, пожалуй, а уже в институте, требуя немедленно произнести «обличительную гневную речь»*.

— Не вопрос, — пожала плечами Мирра. — Чего-чего, а это умеем. Да и не училась я ни в каком институте. Я даже школу закончить не успела. Хорошо хоть, вовремя сообразила уйти в художники, им — то есть нам — еще и не такое с рук сходит. А сколько народу имидж художника спас от дурдома, знал бы ты!

— Мне теперь, наверное, тоже придется прикинуться художником, — вздохнул я. — После всей этой телепортации...

— Телепортация — это научная фантастика, — улыбнулась Мирра. — На самом деле ее, конечно же, не бывает. А мы с тобой просто проснулись не там, где заснули. Это совсем другое.

— Но мы же тут *целиком* проснулись, да? Наши тела не храпят сейчас в кафе, опустив головы на стол?

— Не храпят, — подтвердила она. — Еще чего не хватало.

— Я сперва решил, это просто сон, почти неотличимый от реальности, — вздохнул я. — Когда помнишь, кто ты такой, и осознаешь, что делаешь, но тело при этом смирно лежит под одеялом. Мне такие сны в детстве часто снились, почти всегда, а теперь- Неважно. Кажется, я и правда весь тут. Когда это до меня окончательно дойдет, я, наверное, закричу.

— Вряд ли, — серьезно сказала Мирра. — Если уж до сих пор не собрался.

*** *«Обличительная гневная речь»* иначе называется «филиппика».**

Разлила чай по кружкам, кинула в мою аж четыре куска сахара, сама размешала, подала мне, строго велела:

— Выпей всё, после таких трипов сладкое полезно, по себе знаю. Мне Лев, помню, торт купил, так я весь умяла...

Я чуть не подавился:

— Кто-кто тебе торт купил?

— Лев. Тот самый понимающий человек, которого мне посчастливилось встретить, когда я проснулась в Праге. До сих пор не знаю — то ли он случайно мимо проходил, то ли нарочно заглянул, Карлов мост — то еще место, вернее, не сам мост, а берег под ним... Но меня он, конечно, натурально спас. Я еще ничего толком понять не успела, но от страха чуть не обделалась, и тут залезает под мост взрослый мужик, сует мне в руки мороженое и спрашивает: «Какой у тебя размер ноги?» А через пять минут вернулся с кедами и повел меня жрать торт. Я так офигела, что не сопротивлялась. И правильно делала. Как бы там ни было, а Лев меня тогда натурально спас.

— Этот твой Лев — он случайно не на Нерудовой живет?

Догадаться было, прямо скажем, нетрудно. Лев как нельзя лучше подходил на роль «понимающего человека», способного без лишних расспросов накормить мороженым девицу, случайно проснувшуюся в нескольких тысячах километров от собственной постели.

— Ну вот, — сердито сказала Мирра. — А говорил, у тебя на Нерудовой гостиница/

— Совершенно верно. Она — там. Но пана Болеслева, у которого дом на Нерудовой, я тоже знаю. Собственно, к нему и приехал. По делу. Бывают же совпадения!

— Совпадения, значит? — с недоброй ухмылкой переспросила Мирра. — Ну-ну.

Она больше не выглядела дружелюбной. Хорошо хоть, кружку с чаем не отобрала.

— Ясно. Ты с ним, очевидно, крепко рассорилась, — вздохнул я. — Но со мной ссориться необязательно. Дело у меня к пану Черногуку было пустяковое. И, строго говоря, даже не у меня. Мой отец коллекционирует старинные ключи. У пана Болеслева обнаружился интересный экземпляр. Они нашли друг друга на форуме в интернете и заключили сделку. Карл попросил меня съездить в Прагу, забрать ключ. И все.

— Карл — это, что ли, папу твоего так зовут? — меланхолично спросила Мирра. — И ты, получается, Филипп Карлович. С ума сойти, везет же некоторым... Ключ, значит? Ничего не понимаю. С каких это пор Лев ключами занялся?

— Не думаю, что он ими занялся. Тут другое. Он, если не врет, поклонник Карла. Узнал про его хобби и специально отыскал редкий ключ, чтобы был повод завязать знакомство с кумиром. А тут такой облом — Карл не смог сам приехать, пришлось мне.

— Поклонник, говоришь? — Мирра была окончательно сбита с толку. — Это как? Лев вроде не по мальчикам... был, по крайней мере.

— Карл — музыкант. Органист, — объяснял я. — Некоторые специалисты считают, что лучший в мире, другие в этом не уверены. Но он нереально крут, это без вопросов.

— Без вопросов, значит, — растерянно повторила Мирра. — Как-то все уж слишком лихо закручено. И ведь не врешь, вот что поразительно.

— Не вру, — согласился я. — Но если тебе все равно стрёмно, меня можно выставить в любую минуту. Я огорчусь, но не обижусь.

Мирра некоторое время обдумывала мои слова.

— Извини, — наконец сказала она. — Чего я вообще на тебя взъелась? Сама с Болеславом столько лет тусовалась с другим, выходит, и один раз, по делу, — нельзя?.. А все равно неприятно думать, что он тебе наверняка понравился. Лев всем поначалу нравится. Я помню, как он умеет очаровывать.

— Умеет, — согласился я. — Но еще лучше у него получается озадачивать. Я до сих пор ни хрена про него не понимаю. Столько усилий, чтобы вызнать наш адрес...

— Ваш адрес? — насторожилась Мирра. — Вот с этого места, пожалуйста, подробнее.

— У отца еще в ходе переписки возникло впечатление, что пан Болеслев хочет узнать адрес его квартиры. Он меня на всякий случай предупредил — дескать, имей в виду и не выдавай. У Карла есть смешная версия, что Лев замыслил стащить его коллекцию старинных шарманок. Или работает на человека, который замыслил.

— Лев отродясь ни на кого не работал, — сказала Мирра. — И антикварное барахло его не интересует. Еще чего. Нет, тут что-то другое. Что-то не так с этой вашей квартирой. Или, наоборот, что-то *очень так*.

— С нею все более чем так, — усмехнулся я. — Прекрасная квартира, три этажа, еще и с подвалом. Сам себя завидую — тот я, который хотел бы там жить, тому мне, который от собственного счастья отказывается. Но какого рода удовольствие можно получить, узнав ее адрес, — ума не приложу. Особенно если не красть шарманки... А пану Болеславу, видишь, невмоготу. На каких прекрасных гнилых козах он ко мне подъезжал, слышала бы ты. Каждая как минимум Амалфея*. Нынче вечером он наконец нашел прекрасный повод вызнать мой адрес, диск сестер Шишковых обещал прислать, где скрипка и барабан...

— Скрипка и голос, — почти машинально поправила Мирра. — Они обалденные, да.

— Вот и Карл говорит — голос, — вздохнул я. — А я слушал скрипку и барабан... Ладно, неважно. Важно, что я дал Льву свой московский адрес. Он молодец, бровью не повел. Но очаровывать меня резко перестал. И мне как-то сразу захотелось уйти и больше никогда не возвращаться. Такова сила его обаяния.

— Да, это он тоже умеет, — кивнула Мирра. — Удивительное дело, чем больше тебя слушаю, тем меньше понимаю.

— То же самое было, когда ты объясняла про сны, — ехидно сказал я.

— Сны — ладно бы, тут не говорить надо, а делать, по ходу разберешься, — отмахнулась она. — А вот ты меня серьезно озадачил. Я все-таки Льва очень неплохо знаю. И все, что ты рассказываешь, обретает смысл только в том случае, если... — Она умолкла и задумалась.

— Если — что?

— Если в доме твоего отца хранится что-то по-настоящему ценное. Не барахло, не деньги. Не знаю, короче. Лев — не коллекционер и не бандит, он... — тут Мирра осеклась и покачала головой. — Дай-ка мне еще сигарету.

*** *Амалфея* — в древнегреческой мифологии легендарная коза, вскормившая своим молоком Зевса.**

Я дал. Чего не сделаешь для хорошего человека, от которого ждешь душераздирающих откровений.

— Слушай, — сказала она. — Вот, к примеру, я. Ебанутая художница, в прошлом маленькое храброе сибирское чмо, какой с меня спрос. Но на месте твоего отца я бы, пожалуй, переехала. Немедленно. А квартиру сдала бы злейшему врагу — если уж Лев ею заинтересовался.

— Почему?

— Да потому, что он страшный, — Мирра развела руками. — Реально очень страшный человек. Если ад существует, он спрятан у Льва за пазухой, не сомневаюсь. Ты решил, мы с ним поссорились? Так вот, ничего подобного. Я бы, может, и с радостью, но мне слабо. Просто ему надоело со мной возиться, и он сказал: «Все, дальше сама». Отпустил. Мое счастье.

Это было, прямо скажем, неожиданно. Я-то думал, у них просто неудачный роман в анамнезе. Или, скажем, обычные разборки успешного художника с бывшим галеристом. А скорее все вместе. Обычное дело. Пан Болеслев, при всех его закидонах, страшным мне вовсе не показался.

— Ну, значит, я совсем не разбираюсь в людях, — примирительно сказал я.

— Думаю, действительно не очень-то разбираешься, — улыбнулась Мирра. И, помолчав, добавила: — Я все никак не могу слово подобрать, чтобы ты понял. Если я скажу, что Болеслев колдун, ты, чего доброго, ржать начнешь.

— Слово дурацкое, — согласился я. — Но нет проблем. Мне только вчера один дедушка рассказывал, что Льву уже как минимум сотня лет.

— Гораздо больше, — флегматично сказала Мирра. — И это, поверь мне, не самая важная часть правды о нем. Хотя, конечно, эффектная.

В этот момент за окном раздался оглушительный грохот. Я охнул, Мирра сдавленно пискнула. Мы переглянулись и, не сговариваясь, метнулись к окну.

— Это просто салют, — выдохнул я, глядя на стремительно бледнеющие завитки дыма в ночном небе.

— Ну вроде бы, — неуверенно согласилась Мирра. — А все-таки надо менять тему, от греха подальше. Ты как хочешь, а мне не по себе.

— Ладно, — согласился я. — А про его приятеля можно спросить?

— Ты о ком?

У меня скверная память на имена, все время подводит, и знал бы кто, как это меня бесит. Вот и теперь я страдал неописуемо.

— Господи, как же его зовут? Несуразный такой хмырь, но идее, смешной, но совсем не смешной почему-то...

— Пан Станислав, что ли? — нахмурилась Мирра. — Доктор Грочек? Ты и с ним успел познакомиться? Плохо дело.

— Почему плохо-то?

— А потому. Знаешь, как его сам Лев за глаза называет? Доктор Чума. Вот и делай выводы. Хочешь еще чаю?

— Хочу.

— Сейчас согрею и налью. В обмен на еще одну сигарету. Арсений что-то совсем распоясался. В смысле, расслабился. Медом ему этот Марек намазан... А мне курить надо. Нервничаю я. Не нравится мне, что вокруг тебя Чума покрутился. По-моему, ты влип.

— Да ладно, — отмахнулся я, — все равно завтра отсюда уеду.

— Вот это очень хорошо! — энергично сказала Мирра. — Хоть и жалко, конечно, вот так сразу бро-

сать тебя без присмотра. Но — ладно. В конце концов, всегда можно присниться, если припечет. А от Чумы, в смысле, от Грочека, если вдруг встретишь, беги без объяснений. Вот прямо сразу разворачивайся и беги, забив на все. Из этих двоих он хуже. Лев очень страшный, но умный и других людей ценит — как воспитанный ребенок дорогие игрушки. То есть старается без нужды не ломать. А Чума — просто злой дурак, который слишком много может. Что самое обидное, он отличный врач. Вернее, мог бы им быть. У него и медицинское образование, и целительский дар. Но он не любит лечить людей, даже за деньги. Вроде как ему неприятно, что они вот так легко и просто отделаются, не помучившись как следует. Я лично знаю женщину, которой он предложил поменять одну страшную болезнь на две не очень страшных. Неизлечимых, но не смертельных. Прикинь, ничего себе выбор, да?

— Фигассе, — присвистнул я. — Разве так бывает?

— Получается, бывает. Гадство.

— Всю жизнь был уверен, что способность лечить всегда идет в пакете с потребностью это делать. По-моему, это естественно.

— Ну бывают же уроды, — вздохнула Мирра. — Двухголовые цыплята и все такое. Природа, зараза такая, любит разнообразие.

— И люди все равно к нему ходят? — изумился я.

— Еще бы. В безвыходном положении выбирать не приходится. Подлость в том, что эта дрянь действительно очень много может. Не знаю как, не понимаю почему, но может. Пару раз на моих глазах натурально чудеса творил. Но это особые случаи были, Лев велел. Чума его слушается. Дурак дураком, но понимает, когда надо начинать бояться. И строится как миленький.

Она наполнила мою кружку чаем, взяла сигарету, уселась на табурет, закурила и пригорюнилась. Я решил, что надо бы попробовать как-то отвлечь ее от печальных размышлений.

— А где твоя собака? — спросил я. — В доме чужой, а она...

— Не она, а он, — меланхолично поправила меня Мирра. — Пес. В смысле, не сука, а кобель. Скоро придет. Принесет мне сигареты, и я прекращу тебя грабить. Ну что ты так смотришь? Нет у меня никакой собаки. Просто Арсению часто снится, что он черный пес. И мне часто снится, что он черный пес. И некоторым другим людям. Судя по всему, он и есть черный пес. Жалко, наяву никогда не превращается. Было бы смешно.

— Обхохочешься, — сердито сказал я.

Мне вдруг стало ясно, что она меня разыгрывает. Все эти магические сновидения, злые пражские колдуны, теперь вот еще Арсений-оборотень, прости господи. Херня какая. Но вот так сразу не отмахнешься, на дурость не спишешь — как ни крути, а попал я в этот дом довольно причудливым способом. Мягко говоря.

Ладно, решил я. Что случилось, то действительно случилось. Это и будем считать правдивой частью истории. А все остальное пусть остается обычным кухонным трепом. Неважно, как там оно обстоит на самом деле. Главное, что мне так проще.

— Я вывалила на тебя слишком много информации, — печально сказала Мирра. — Давно надо было остановиться. Прости.

— Да ладно, — вздохнул я, — переживу.

— Больше не буду тебя грузить. Пойду лучше поработаю. Потом вернется Арсений, и мы вызовем

тебе такси. Я бы прямо сейчас вызвала, но не люблю оставаться дома одна, особенно когда рисую, особенно ночью. Мне надо, чтобы в соседней комнате дышало что-то живое и теплое. А то крыша едет. Посидишь в гостиной? Ты не против?

— Не против, — великодушно согласился я.

Мирра привела меня обратно в гостиную, усадила в кресло-мешок, кинула на колени плед, такой же оранжевый, как ковер, расчерченный желтой, как стены, клеткой. Кресло оказалось натуральным болотом, от каждого движения я увязал все глубже, предчувствуя уже, как с густым плюшевым булькaньем сомкнётся над моей головой эта теплая трясина, и, честно говоря, ничего не имел против. Тайно надеялся, что обо мне забудут, ну или просто пощадят, не станут тормошить до утра. Устал как собака, не хочу ни шевелиться, ни говорить, ни думать, ничего не хочу.

Впрочем, у меня хватило сил проводить хозяйку дома вполне сладострастным взором и достать из кармана книжку Цаплина, которая злонамеренно впилась мне в бедро, дескать, не отлынивай, давай читай меня, ну!

— Ну и чего ты ревешь? — спросила Фея.

— Потому что все закоооо... закоооо... кончилось!

Золушка рыдала так бурно, что едва могла говорить. И уж тем более слушать. Фея решила подождать. Пусть крестница немного успокоится.

Несколько минут спустя Золушка звучно высморкалась в передник и почти спокойно сказала:

— Он... Он был такой милый. Такой добрый. Он понимал меня без слов. И такой красавчик! Я была так счастлива. Но все закончилось, когда часы пробили полночь. И мне теперь незачем жить.

*— Как это — незачем? — изумилась Фея. — Дурочка, ты что, не поняла? Ничего не закончилось, все только начинается. Принц от тебя без ума, о другой невесте и слышать не хочет. Подобрал на лестнице твою туфлю, надеюсь, у его папаши хватит ума пустить по следу хорошо обученную розыскную собаку. *Ну, так или иначе, а принц всерьез намерен тебя искать. И найдет, вот увидишь. И дело в шляпе.*

— Л при чем тут принц? — дрожащим голосом спросила Золушка. По ее щекам снова потекли слезы, но на бурные рыдания уже не осталось сил.

— Как — при чем? — опешила Фея. — Сама же говоришь — красавчик. К тому же добрый, милый, все понимает...

— Да нет, — отмахнулась Золушка. — Принц отлично танцует, но это, пожалуй, единственное его достоинство. Я говорю о кучере.

Она достала из кармана передника толстую печальную крысу, нежно поцеловала в макушку и протянула Фее.

— Скажите, крестная, с этим что-нибудь можно сделать?

Примерно на этом месте я и задремал — с открытой книгой в руках, уткнувшись носом в шершавую темноту чужого кресла. Мне снилось, что я стараюсь превратиться в летучую мышь, но у меня ничего не выходит, и за это мне вот-вот поставят двойку, причем почему-то по физике, а я думаю, что справедливо было бы — по зоологии, и эти размышления не дают мне превратиться — замкнутый круг.

Но тут хлопнула дверь, затопали шаги, насмешливый мужской голос сказал: «Что-то твой приятель заскучал, умеешь ты, Мариночка, гостей развле-

кать», — а женский ответил: «Пусть поспит человек, жалко будить, я его и так загрузила». Я понял, что Арсений вернулся и я, стало быть, свободен от обязанности дышать в соседней комнате, можно вызывать такси и ехать в отель, даже нужно, не дело это — спать в гостях у почти незнакомых людей. Но даже открывать глаза поленился, а о том, чтобы выбираться из-под теплого пледа, и думать не хотелось. Сейчас, обещал я себе, сейчас. Еще минуточку. И, убаюканный собственными посулами, снова заснул.

А когда проснулся, за окном уже серели пасмурные предрассветные сумерки и откуда-то издалека раздавался звонкий голос Мирры.

— Лето красное настало! — она почти кричала. — Соловьи поют в садах! Нагуляв за зиму сало, сидят дятлы на дубах!

Она ненадолго умолкла, я перевел дух, но тут Мирра снова завопила:

— Раздобрел Федул за лето на хозяйском на харчу. Бить волков, стрелять дуплетом — все Федулу по плечу. И одно лишь удручает после сексу, погодя. Поразмыслит и не знает: как пострать на ведмедя?

Чем дольше я ее слушал, тем менее правдоподобными казались воспоминания о минувшем вечере. Заснули в одном месте, проснулись в другом, крутое мистическое переживание, ага, как же. Встали как люди, оделись, пошли и пришли. Ножками, топ-топ-топ. Мало ли что я этого не помню — в первый раз, что ли? Какой с меня спрос. Не вижу причин, почему бы еба... гхм, ладно, — эксцентричной художнице не баловаться гипнозом или еще какой-нибудь хренью в таком роде. Специально для того, чтобы свести с ума как можно больше народу и окончательно

утвердиться в статусе женщины-легенды. Может, и беднягу Дякеля в свое время на то же купили, кто его знает. А может, все еще проще: неизвестно, что это был за кактусовый чай там, в баре. Я его полкружки выдул как минимум, и сразу после этого *все началось.* Когда-то давно один мой приятель вот так же, без предупреждения, бухнул мне ЛСД в кофе, не поскупился, щедрая душа, прозелит хренов, и я потом двое суток был перепуган вусмерть, но совершенно счастлив, думал, вот оно, мир наконец-то открыл мне свое подлинное магическое лицо и теперь так будет всегда. Вспоминать противно. Здравствуйте, мои до боли знакомые грабли, давненько я на вас не наступал.

Отрезвленный убийственной силой поэтического слова, я заткнул уши и огляделся. Дверь в дальнем углу гостиной была приоткрыта. Оттуда пробивался узкий луч ослепительно белого света. Из той же щели доносилась дразнящая смесь запахов свежеструганного дерева, масляной краски, керосина, клея, скипидара и прочих восхитительных составляющих арт-процесса. Я почти равнодушен к живописи, но обожаю запахи художественной кухни, как-то даже начал учиться рисовать — специально для того, чтобы стать владыкой божественных ароматов, но не преуспел и забросил это занятие; одна надежда, что какой-нибудь гений парфюмерной мысли однажды начнет производить соответствующий продукт и я смогу обливаться им с ног до головы трижды в день. А еще можно жениться на художнице, подумал я, прислушался к Мирриным воплям и поспешно добавил: немой.

Я на цыпочках подошел к двери и заглянул в щелку. В центре большой пустой комнаты прыгала

Мирра, босая, в синем рабочем комбинезоне, щедро заляпанном кадмием, белилами и сиенной. Она сжимала в руках кисть, по размерам приближающуюся к швабре, и храбро атаковала прибитый к стене холст, громко выкрикивая очередную новаторскую поэму:

— Благородное питанье понимает в мужике — что он жив не только сраньем, но и вкусом в языке. Завари борщу котлище мне, румяная жена! Я поем и все обдрыпцу во благие времена. Жрать ведь надо с пониманьем, не одни анчоуса, а не то нас грех гордыни не допустит в небеса. Вот, к примеру, старый барин жрал помои, как свинья. Ну и помер благородно, а совсем не как свинья!

Творческий процесс, сказал я себе. Ничего страшного. Был бы гением, сам бы так вопил.

Но внушение не подействовало. Мне было неприятно и немного неловко — так, словно среди бела дня застал ее справляющей большую нужду под кустом в городском парке. Этот хваленый «творческий процесс» — то еще зрелище. Особенно в некоторых случаях.

Мирра меня не заметила. Она, кажется, вообще ничего сейчас не видела, кроме холста. И не слышала ничего, кроме собственных экстатических воплей. А может, их тоже не слышала. Во всяком случае, я от души ей этого желал.

Зато дремавший в углу черный кудлатый пес — ну вот зачем было врать, будто в доме нет собаки? — меня учуял. Поднял голову и рыкнул — негромко, но сердито. Дескать, не суйся.

Я бы, впрочем, и без его предупреждения не сунулся. Больно надо. Чего мне сейчас хотелось — так это оказаться подальше от этого бардака. В других

обстоятельствах я бы пошел на кухню и поискал там кофе, чай или, на худой конец, просто стакан воды. Но оставаться под одной крышей с безумной красавицей и ее сердитым четвероногим другом мне не хотелось. Во-первых, им не до меня, во-вторых, мне не до них. К тому же воспоминания о минувшем вечере, нашем, прости господи, «магическом путешествии» и последовавших за ним бредовых откровениях вызывали у меня жгучий стыд: это надо же было принять все за чистую монету. Я осознавал, что стыд — чрезвычайно неконструктивная реакция на какие бы то ни было события, но он от этого только усиливался — совершенно невыносимо! Поэтому я на цыпочках отступил в коридор, нашарил на вешалке свою куртку, покрутил на ощупь замок, неожиданно легко открыл дверь да и был таков.

Ну ее к черту, сердито думал я, спускаясь по лестнице. Обоих к черту. И картинки к черту, и стишки. Стишки — в первую очередь. Сновидения эти дурацкие с телепортацией — к черту. Злых пражских колдунов — к черту. И оборотней заодно. Отличная там, у черта, соберется компания. Надеюсь, они без меня обойдутся, не станут искать. А если станут, не найдут. Вот сейчас доберусь до отеля, выпью кофе, приму душ — и на вокзал. И нах Дойчланд. Не будет прямого поезда, поеду с пересадками. А там — только сосиски и пиво. Пиво и сосиски. Сумрачная тевтонская диета. Буду жрать, пока не отупею окончательно. Хватит с меня всей этой трепетной мистической чухни. Хватит.

Я, конечно, по-прежнему не знал, в какой стороне улица Нерудова. В этом смысле со вчерашней ночи ничего не изменилось. Но, выйдя из подъезда и покрутив головой, я увидел вереницу такси на углу

и устремился туда, ежась от холода. Только усаживаясь в автомобиль, сообразил, почему так замерз. Вместо теплого Карлова свитера на мне была чужая рубашка. Темно-синяя, несимметрично исчерченная полосками цвета поджаренного хпеба, чертовски элегантная, надо думать, вещь, но тонкая, зараза, хоть плачь. Свитера было жалко, но возвращаться не хотелось. Ладно, подумал я, не пропаду, в рюкзаке лежит запасной свитер, а потом куплю еще что-нибудь. Разберусь, короче.

Таксист чуть было не проехал мимо моего отеля, ну и сам я хорош, конечно, так увяз в своем душевном раздрае, что только в последний момент узнал родную дверь, встрепенулся и завопил: «Ой! Здесь! Неге! Cia! Тут! Hier! Aqui!» Но чешский вариант так и не вспомнил. А скорее всего, просто не знал никогда.

Ошеломленный лингвистическим пиршеством, бедняга со всей дури нажал на тормоз, счастье, что по Нерудовой даже ранним утром не ездят, а ползают, так что мы с таксистом отделались легким испугом, и не мы одни — всем, кто ехал следом, поневоле пришлось сдавать внеочередной тест на скорость реакции и знание табуированной лексики. Но ничего, справились, обошлось без аварий, хотя следовавший за нами «порш»-внедорожник остановился буквально в миллиметре от нашего бампера. Из опущенного водительского окна на мостовую изливался мощный поток вариаций на тему «шайзе», отборная немецкая брань, оценить богатство которой мне не позволял словарный запас, так что я просто наслаждался превосходным контральто исполнительницы.

Впрочем, как только я вышел из машины, оставив в утешение таксисту щедрые чаевые, урок разговорного немецкого оборвался на полуслове, и разгневанное прежде контральто захлебнулось восторгом:

— Welche U berraschung! Wunderbar!*

— Вот уж действительно сюрприз так сюрприз. — Теперь поползло вниз стекло пассажирского окна.

Сидевший там невнятный очкастый хмырь улыбнулся и превратился в моего вчерашнего знакомца Илью. Рыжая Лени поставила машину на ручник и, не обращая внимания на истерические вопли многочисленных клаксонов, выскочила на мостовую и без лишних церемоний повисла у меня на шее.

— Du mein Erloser! Widersprich nicht, bitte**. Ты меня спа-сет? Молчай, я знает! Du wirst mich retten!***

— Ээээ... — промычал я. — Нннну... А как?

— Вы сказали, что подумаете до утра. Но мы постеснялись так рано вам звонить, — объяснил Илья. — Решили, ладно, поедем сами, доберемся как-нибудь. Хотя Лени заранее была в ужасе, что придется рулить всю дорогу. И вдруг, едва от дома отъехали, — такая встреча. Вы как хотите, но это судьба.

— Пожалуй, — вздохнул я.

Я был не просто растерян, но буквально сокрушен их напором. Если бы я успел выпить кофе и принять душ, можно было бы как-то противостоять нападению. А так моя участь была предрешена.

— Сдаюсь, — сказал я, поднимая руки вверх. — Еду с вами. Но только если вы готовы немножко подождать. Мне нужно выпить кофе и собраться.

*** Какой сюрприз! Чудесно! *(нем.)***
**** Ты мой спаситель! Не возражай, пожалуйста *(нем.)*.**
***** Ты меня спасешь! *(нем.)***

— Отлично, — кивнул Илья. — А мы пока поищем парковку. И позавтракаем, если после поисков останется время, в чем лично я сомневаюсь.

— Не так все страшно, — улыбнулся я. — Вон, на той стороне есть отличная дырка. И вроде бы пока ни одного претендента.

Лени возбужденно подпрыгнула, поспешно вернулась за руль, включила аварийку и начала разворачиваться. Прочие участники движения при виде ее маневров застыли в мистическом ужасе, и это спасло ситуацию.

— Только не завтракайте в «Золотом льве», — крикнул я им вслед. — Там все ужасно!

Они вняли моему предупреждению. Когда я вышел из отеля, омытый душем, до краев заполненный крепким кофе и отягощенный рюкзаком, эти двое сидели на краю тротуара и за обе щеки уписывали гигантские бутерброды. На алой лакированной туфле Лени живописно повис лист салата, обрамленный брызгами бледного соуса, у Ильи образовались неаппетитные томатные усы от уха до уха, зато оба совершенно счастливы — ни дать ни взять дорвавшиеся до фаст-фуда школьники. Духоподъемное, словом, зрелище.

— Мне надо еще пару часов, чтобы окончательно проснуться, — сказал я, развалившись на заднем сиденье. — Утро — не лучшее мое время. Зато потом могу ехать хоть до самого Дюссельдорфа.

— Ja, ja, ja!* — поспешно согласилась Лени.

*** Да, да, да!** ***(нем.)***

А Илья включил радио. Не знаю, что это была за станция, но звучала там сейчас старая песенка из какого-то хичкоковского фильма. «Que sera sera, — заливалась певица. — Whatever Will Be, Will Be»*. Если подумать, она была совершенно права. Если не думать — тем более.

Я вспомнил, что фильм — тот, из которого песенка, — называется «Человек, который слишком много знал». И подумал, что если бы кому-то пришло в голову снять кино про меня, самым подходящим названием было бы «Человек, который знал слишком мало». Невольно улыбнулся и вдруг понял, что мне это скорее нравится, чем нет, — быть человеком, который с каждым днем знает и понимает все меньше. Я, кажется, уже почти готов отказаться от сомнительного удовольствия иметь мнение по какому бы то ни было вопросу. Еще не сейчас, но, возможно, очень скоро я буду вспоминать вчерашнюю ночь, ощущая себя умеренно храбрым участником необъяснимых событий, а не лоховатой жертвой постыдного розыгрыша. Неважно, как все обстоит на самом деле, что будет, то будет, а что было, то было, и какая, к чертям собачьим, разница, как это выглядело со стороны. Только мои личные ощущения и впечатления имеют какой-то смысл, они — опыт, а опыт — единственное имущество, которое можно забрать с собой если не в могилу, то, по крайней мере, на ее край. Глядишь — пригодится. Ну мало ли.

Только теперь, когда меня наконец отпустило, я оценил вес камня, до сих пор лежавшего у меня на

*** Обе фразы переводятся (с французского и английского соответственно) одинаково: «Что будет, то будет». Эту песню Джея Ливингстона и Рэя Эванса в фильме Альфреда Хичкока «Человек, который слишком много знал» (1956) исполняет Дорис Дэй.**

сердце. Жизнь без камня была необыкновенно хороша. Она была — просто жизнь. Этого, казалось мне сейчас, совершенно достаточно.

Давно бы так.

— Беда актуального искусства, — говорил Илья, — вовсе не в том, что нехорошие бяки-творцы шокируют мирных обывателей незамысловатыми художественными жестами, вместо того чтобы сделать им, нежным зайкам, красиво. И не в том даже, что они делают это зачастую не слишком остроумно, по пятому разу повторяя деяния великих предшественников, о которых не удосужились прочитать в подшивках художественных журналов. Настоящая беда вскрывается, когда мы начинаем задавать вопросы: кто делает? почему? зачем? как?

Он уже не первый час честно развлекал меня беседой — с того момента, как Лени, с грехом пополам доставившая нас до границы между Чехией и Германией, сказала: «Все, meine Lieblingsjungen*, мне капут», перебралась на заднее сиденье и сладко уснула, а я получил наконец ответ на волновавший меня вопрос: что чувствует человек, когда сидит за рулем «порша-кайена»? Подлинное наслаждение, и больше, кажется, ничего.

Это переживание захватило меня целиком, так что Илью я слушал даже не в пол — в четверть уха. Правого, разумеется. Но тут вдруг заинтересовался. Уж больно экспрессивно тот излагал.

— И кто же? — спросил я. — И как?

Илья только того и ждал. Вдохновленный моим интересом, затараторил:

*** Мои любимые мальчики *(нем.)*.**

— После того как вопросы заданы, обнаруживается, что так называемый «радикальный художник» по большому счету тождественен обывателю, которого мучает. Я хочу сказать, что художник зачастую просто приспосабливается к требованиям среды — как он их себе представляет, — точно так же как приспосабливается к требованиям среды обыватель. Художественное «предъявить себя» в большинстве случаев тождественно элементарному «выжить». Обыватель пробивается к кормушке по своей тропе, художник — по своей. Но это одна и та же кормушка. Обыватель, в отличие от художника, хотя бы честен. Он не выдает себя за «творца», «борца», «ниспровергателя» и еще бог весть кого. На обывателя скучно смотреть, еще скучнее его слушать, но от него, по крайней мере, не так тошнит.

— Честность вообще великое дело, — согласился я.

— Митя вам, наверное, говорил, у Лени художественная галерея. Сейчас это просто успешное коммерческое предприятие, не о чем говорить. А в самом начале, как раз когда мы только-только поженились, это была такая крутая игрушка из серии «Создай себе репутацию». Лени тогда работала с самыми актуальными и радикальными художниками, кого только могла найти. А я был для них переводчиком, нянькой, советчиком, санитаром, пушером, психотерапевтом и отцом родным. Врагов не нажил, с несколькими ребятами даже подружился и понял про них довольно много. Поначалу очень удивлялся, я-то думал, художники — не то небожители, не то демоны, особенно которые актуальные-радикальные. А оказалось, они просто люди как люди, только профессия у них, скажем так, не самая распространенная... Так вот. Большинство так называемых «радикальных

художников» делают, что им велят, — с той же тупой покорностью, что и все остальное человечество. Просто они, если вспоминать детство, слушаются не мамку, а, скажем, больших мальчишек во дворе. Но — слушаются.

— «Большие мальчишки» — это галеристы?

— В частности. Не забывайте, еще есть кураторы, критики и прочее арт-начальство. Художник, желающий преуспеть, должен угодить целой куче народа. Сам по себе подход довольно разумный — пока торгуешь красивыми картинками, как крестьянин картошкой, не причисляя себя к касте каких-нибудь очередных избранных. Но тусоваться в *правильных местах,* толкаться локтями у кормушки, подлизывать жопу нужным людям, заниматься самопиаром, держать нос по ветру и при этом всерьез полагать себя великим революционером — это, прямо скажем, нелепо. За радикальный базар следует отвечать. Подтверждать его всей своей жизнью. А начинается радикальный базар с персонального отказа от готовности играть по чужим, извне навязанным правилам. Честная духовная революция оплачивается собственной кровищей и прочими малоприятными выделениями.

— Что же в таком случае делать бедному мятущемуся творцу? — ухмыльнулся я.

— Что, что... А ничего. Спокойно работать, картинки рисовать на продажу или для души, не объявляя себя во всеуслышание революционером и ниспровергателем. А ежели все так неудачно сложилось, что натурально мессией уродился, не следует бегать по кураторам с целью надлежащей организации восхождения на Голгофу.

— А еще лучше — вовсе туда не восходить.

— Нет уж. Восходить непременно! Это обязательное условие. Сначала виселица, а уже йотом мед. Потом мед, повторяю, потом. После виселицы.

— Жестко.

— Нормально, — отмахнулся Илья. — Мне можно так говорить. Сам когда-то понял, что придется мне обойтись без меда поэзии: рылом не вышел, да и кишка тонка. И решил, что лучше быть дешевым халтурщиком, чем успешным жуликом, — третьего-то тем, кто на Игтдрасиле не висел, не дано. Впрочем, из меня даже халтурщика не вышло, оказалось, проще совсем завязать. Но все равно. И кстати, если вы думаете, что человеку, который так удачно женился, проще оставаться честным, имейте в виду, с Лени мы познакомились несколькими годами позже. Я был ее переводчиком, когда она приезжала в Москву...

— Нет-нет, я так не подумал, — энергично запротестовал я. И, чтобы быть честным до конца, добавил: — Возможно, просто не успел. Потому что думал — интересно, знаете ли вы художницу Мирру Жукотовскую? Она...

— Еще бы мы ее не знали! — Илья горделиво приосанился. — Лени ее, можно сказать, в люди вывела — еще в ту пору, когда бедный ребенок увлекался перформансами*. К счастью, девочка слишком любит рисовать. Поэтому крутой авангардистки из нее не вышло. А живописец, который останется в истории искусств, — пожалуй.

*** *Дословно:* представление (от английского ^performance*). Хотя, конечно, далеко не всякий художественный перформанс похож на театральное представление. Важно, однако, что, в отличие от хеппенинга, рассчитанного на активное зрительское соучастие, в перформансе всецело доминирует сам художник или специально приглашенные и подготовленные статисты.**

— Во как, — хмыкнул я. — Ну хорошо, раз так. Я как раз собирался спросить, чем она занимается. И как в ее конкретном случае обстоят дела с внутренней честностью и кормушкой.

— С честностью у нее все в порядке, равно как и с кормушкой. А вы знакомы?

— Немного. Как-то раз проговорили полночи напролет. И все.

Я не стал уточнять, что это случилось вчера. «Как-то раз» — прекрасная формулировка. Для всех случаев.

— И конечно, влюбились по уши, — печально усмехнулся Илья.

— Да вроде нет, — честно сказал я. — Но впечатление сильное, это да.

— То-то и оно, — сочувственно вздохнул Илья.

— Она очень красивая, — сказал я, — это правда. Но впечатлило меня не это. Вы когда-нибудь видели, как она работает? В смысле, слышали?

— А, понятно, — Илья оживился. — Стишки? Это да. Имел счастье. Лени как-то раз устроила ее очередную персональную выставку, а картин оказалось меньше, чем требуется, Жукотовскую очень хорошо покупают, и не все коллекционеры готовы оставить свои приобретения в галерее до закрытия выставки. Короче, пару картинок Мирра на месте рисовала, прямо в зале, перед самым открытием. А мы с Лени сидели в кабинете, занимались делами. И тут вдруг наша звезда начинает орать. Лени сперва перепугалась, а я, как слова разобрал, ржал, остановиться не мог. Лени решила, что осталась в одном помещении сразу с двумя сумасшедшими, вспомнила все, что ей рассказывали про загадочную русскую душу, и перепугалась еще больше. Но потом я успокоился и кое-

что ей перевел, так что дальше ржали уже вдвоем. Жаль, камера дома осталась, а то засняли бы представление на память.

— А мне как-то не очень смешно было, — мрачно сказал я. — Послушал-послушал и сбежал не прощаясь.

— Дело вкуса, — пожал плечами Илья. — С другой стороны, должны же у нее быть хоть какие-то недостатки.

— А то нет?

Он призадумался и наконец помотал головой.

— Не-а, нет. По крайней мере, с нашей точки зрения — не слишком близких, но заинтересованных в ней людей. Смотри: пашет как лошадь. Обязательная. Ответственная. Такого, чтобы пообещала и не сделала, вообще не бывает. Не пьет. Никаких наркотиков — по крайней мере, на людях. Никаких нечестных сделок у нас за спиной. Никаких завышенных требований. Никаких скандалов. Художники такими не бывают.

— Прям ангел, — усмехнулся я. — Хорошая девочка с большой буквы «Хэ». Всем ребятам пример.

— Мне кажется, не в этом дело, — серьезно сказал Илья. — Я имею в виду, Мирра не похожа на человека, который *хорошо себя ведет*. Она просто делает что хочет. А чего не хочет — не делает. Не сомневаюсь, она бы с превеликим удовольствием предалась всевозможным порокам, но вышло так, что ей это не нравится. Неинтересно. Она любит рисовать и, кажется, ничего больше.

— Sie nichts verstehen*, — сонно сказала с заднего сиденья Лени. — Не только рисовайт. Мирра любил

*** Вы не понимаете *(нем.)*.**

быть. По такой причине Sie das гений. Все есть очень простой.

Илья обернулся к ней и ласково заворковал по-немецки. Лени что-то бормотала в ответ, и я затылком чувствовал, как она улыбается. Улыбка этой женщины определенно имела плотность, вес, температуру и объем, явно превосходивший размеры автомобильного салона.

— Лени предлагает пожрать, — объявил Илья, поворачиваясь ко мне. — Она молодец, вовремя напомнила. Отличное место могли бы проскочить. Сейчас, смотри внимательно, будет такой почти незаметный поворот направо. Примерно в двух километрах — стоянка. А в трехстах метрах от нее — кабак. Ну, «кабак» — громко сказано. Просто забегаловка в лесу. Там такой гуляш готовят — ты не представляешь. Невообразимый, божественный гуляш. И все остальное на уровне.

— Ага, — кивнул я, перестраиваясь в крайний правый ряд. — Вот этот поворот?

— Иа, зо! — хором завопили мои спутники.

И я свернул.

Гуляш, вопреки посулам, обладал не божественной, а вполне земной природой, но был весьма неплох, как, впрочем, и домашние колбаски и картофельный салат с луком и перцем, а вот селедка, пожалуй, действительно была если не поймана, то засолена на небесах, первое место в моем личном рейтинге.

Илья по-прежнему превосходно справлялся с обязанностями мини-радиостанции — развлекал нас новостями, анекдотами и пространными рассуждениями на обоих языках одновременно. Литровый

бокал светлого пива, который он неспешно осушил, определенно способствовал расцвету его ораторского дара. Лени к спиртному не прикасалась, сказала, надо быть наготове, вдруг я все-таки устану и придется садиться за руль; от моих заверений — дескать, не бывать этому — только отмахнулась, дорога еще долгая, чего зря рассуждать. Она почему-то была на взводе, виду не подавала, но воздух звенел от напряжения. Хотя, казалось бы, с чего? И только когда зазвенел ее телефон и Лени, просияв, схватила трубку и, опрокинув стул, стремительно выскочила на улицу, я понял — она просто ждала важного звонка. Ну вот, дождалась, слава тебе господи. Надеюсь, ее ждут хорошие вести, не хотелось бы проделать остаток пути с человеком, сидящим как на иголках.

Поэтому возвращения Лени я ждал с нетерпением. Желал поскорей убедиться, что все у нее — а значит, у нас — в порядке. Но она, как назло, не возвращалась. Минут через пятнадцать Илья забеспокоился.

— Пойду узнаю, что там стряслось, — сказал он, отставив в сторону опустошенный бокал. — Лени, конечно, любит потрепаться, но не настолько же.

Я решил махнуть на все рукой — какое мне, в сущности, дело до чужих проблем. Поковырял еду, понял, что уже давно сыт, закурил, заказал кофе. Помои, конечно, но со сливками сойдет. Получив и опустошив чашку, посмотрел на часы, раздраженно пожал плечами, снова закурил. Ненавижу ждать.

Пока я маялся, неприветливый краснолицый старик, заправлявший в закусочной, увидел, что нас становится все меньше, и поспешно принес счет. По-английски он не говорил, а немецких слов я знаю хорошо если полсотни. Но, подкрепляя несвязную речь жестами и гримасами, кое-как объяснил, что

намерен пойти поискать своих друзей, которые за каким-то чертом вышли на улицу и не вернулись. Оставил на стуле куртку, чтобы хозяин не нервничал, и, полный решимости, вышел на улицу, вернее, в сад, окружавший ресторан. Сразу за невысоким деревянным забором начинался лес, узкая тропинка ***вела,*** к стоянке, где мы оставили автомобиль. Ни Лени, ни Ильи нигде не было. На всякий случай я обошел вокруг дома, но обнаружил там только множество хозяйственных пристроек и заброшенную детскую площадку, по которой бродили гуси, злющие, как плохо воспитанные ротвейлеры.

Тогда я пошел к стоянке. Неясно, зачем ребята могли туда отправиться, но мало ли, может, у них какие-то важные документы в багажнике и нужно немедленно зачитать их звонящему. В любом случае иных идей у меня не было.

Я как-то незаметно начал нервничать. От этого чувствовал себя идиотом, а потому, как заведено, нервничал еще больше. Еще и злился, конечно. Вместо того чтобы спокойно идти по тропинке, наслаждаясь прогулкой через прозрачный весенний лес, несся почти бегом, бормоча про себя ругательства, по одному на каждый удар сердца. Так завелся, что, обнаружив стоянку совершенно пустой, испытал даже некоторое облегчение, как это часто бывает с людьми, чьи наихудшие предположения вдруг неожиданно оправдались.

Уехали, понял я и сам себе не поверил. Удрали. Чтобы за обед не платить, что ли? Да нет, быть такого не может. Абсурд. Но уехали же. Где машина? Нет машины. Точно уехали. Идиотизм. А с ними мой рюкзак. Ну совсем пиздец.

Насчет «совсем» я, прямо скажем, несколько преувеличивал. Паспорт и бумажник остались при мне,

телефон — тоже. Даже ключ, ради которого я приехал в Прагу, лежал во внутреннем кармане куртки. Правда, в рюкзаке остался компьютер; с другой стороны, в его почтенном возрасте быть украденным — большая удача, да и ценной информации там вроде нет. Зарядное устройство для телефона — проблема вполне решаемая. Одежда и зубная щетка — тем более. То есть досадное происшествие из разряда мелких неприятностей, не более того. Но, черт, как же все невовремя. Вернее, время-то ладно, а вот место чертовски неудачное. Как я, интересно, буду отсюда выбираться? Из темного-то леса. Автостопом? По всему выходит, что так.

В любом случае, для начала надо было вернуться за курткой. Без нее я уже изрядно замерз.

Суровый краснолицый старец покинул свой пост и теперь топтался у ворот, нервно озирая окрестности. Завидев меня, он с облегчением вздохнул и тут же укоризненно насупился — дескать, что ж ты, гад, нервы мотаешь. И призывно помахал счетом. Жест был ясен без перевода — деньги давай, быстро, шнелле, шнелле!

Его нетерпение было мне понятно: я оставался последним шансом получить плату за съеденный обед. Вернее, за три обеда. А брошенная в зале куртка вряд ли казалась хозяину ресторации таким уж ценным залогом. Я постарался обаятельно улыбнуться — боюсь, безуспешно — и полез в карман за бумажником. Тут же выяснилось, что кредитки здесь не принимают; к счастью, среди чужих визиток и дисконтных карт каких-то московских лабазов обнаружилась пятидесятиевровая бумажка, оставшаяся от прошлогодней поездки, так что денег мне хватило, хоть и впритык, — цены в лесном трактире ока-

зались неожиданно высокими. Что бы я делал, не окажись у меня наличных, даже думать не хотелось. Вряд ли в окрестных лесах можно найти банкомат. Вот веселье было бы.

Я застегнул куртку и вежливо попрощался с хозяином, который несколько воспрянул духом, но сердиться почему-то не перестал. Так и не дождавшись ответа, зашагал по тропинке обратно, к стоянке, в глубине души надеясь, что это был какой-то нелепый розыгрыш и сейчас мои попутчики выскочат навстречу, донельзя довольные — шутка удалась! Но они не выскочили. И «порш» не обнаружился — ни на стоянке, ни в зарослях ежевики вдоль дороги, ни на повороте к трассе, по которой мы ехали. Выходит, эти красавцы натурально сбежали. От меня. Охренеть.

Я уселся на первый попавшийся сухой пень, отыскал в бумажнике оранжевую визитку и набрал Митин номер. Все, что я мог сделать в сложившихся обстоятельствах, — это сказать ему сердечное спасибо за прекрасных, надежных попутчиков. И я не собирался отказывать себе в этом невинном удовольствии.

Митя взял трубку почти сразу, после второго гудка. И тут же затараторил:

— Ну как? В смысле, ты с ребятами поехал или в Праге остался? Чем все закончилось?

— Очень хороший вопрос, — ухмыльнулся я. — Так вот, закончилось все феерически. Сейчас я сижу на трухлявом пне в каком-то немецком лесу. Все еще с бумажником, но уже без рюкзака.

— Это как? — опешил Митя. — Давай по порядку, если можно.

— Можно и по порядку. Мы проехали примерно полдороги, может, чуть больше. Ребята предложили

пообедать. Свернули в какой-то лесной кабак, оставили машину на стоянке, дальше пошли пешком. Все было прекрасно. Потом Лени вышла на улицу поговорить по телефону. Не вернулась. Илья пошел ее искать. Тоже не вернулся. Потом принесли счет, и я пошел их искать. Не нашел. Машины на стоянке тоже нет. А мой рюкзак остался в багажнике. Хорошо хоть, документы и телефон при мне. Сейчас пойду на трассу, попробую поймать попутку до ближайшего города, а там доверюсь милосердному божеству Дойчебанна*. Но в целом, прямо скажем, пиздец. Никогда еще меня так тупо не кидали из-за ерунды.

— Ничего не понимаю, — сказал Митя скорее деловито, чем взволнованно. — Такого просто не может быть. Я их много лет знаю, гостил у них не раз и говорю тебе, этого не может быть. Думаю, что-то случилось, только не понимаю что... Ты подожди еще немного, не лови попутку, я им сейчас буду звонить. Потом тебе. Сразу, как только что-то пойму. Хорошо?

— Давай, — нехотя согласился я и спрятал телефон в карман, в глубине души недовольный беседой. Конструктивные переговоры — это, конечно, хорошо. Но я-то душу хотел отвести, поругаться как следует. И что, и где, и как теперь? Эх.

Чтобы отвлечься, достал из кармана многострадальный томик Цаплина, который уже начал понемногу разлетаться на отдельные страницы. Открыл, как всегда, наугад.

— Это выглядело... ммм, — король замялся, подбирая подходящее слово. — Эффектно. Да, очень, очень эффектно.

*** Deutsche Bahn — Немецкие железные дороги.**

— Думаю, что так, — вежливо согласился принц Карл, старший из братьев.

— Люди никогда не забудут это происшествие, — король был в восторге. — Вообразите, господа, даже после того, как веемы умрем, потомки людей, бывших сегодня на площади, станут рассказывать о нас своим внукам!

— Такой исход весьма вероятен, — флегматично подтвердил принц Эдвард, не то четвертый, не то седьмой по старшинству, это король никак не мог запомнить. Когда у вас вдруг появляется целых одиннадцать новых родственников, похожих друг на дружку, как и положено родным братьям, даже их имена непросто вот так сразу выучить, а уж в каком порядке они на свет родились...

— Вы, надо думать, очень рады? — король старался придать беседе с братьями жены непринужденный тон, создать теплую, дружескую атмосферу. Но принцы пока были весьма сдержаны в проявлении чувств.

Вероятно, это потому, что в момент нашего знакомства я собирался сжечь на костре их сестру, думал король. Прискорбное недоразумение, конечно, тут же уладилось, все прощено и забыто, но осадок-то остался, мальчиков можно понять. Ничего, мы еще станем друзьями, просто надо прилагать к этому усилия.

— Уверен, вы счастливы, что снова превратились в людей, заключил он.

Принцы переглянулись.

— Да не то чтобы, — нерешительно сказал принц Георг.

— Понимаете, — вмешался принц Людвиг, — мы и так ежедневно превращались в людей. На закате.

Очень удобно. Птицы по ночам все равно спят, а у людей в это время происходит самое интересное.

— Но, если я правильно понял, на рассвете вы снова превращались в птиц? — уточнил король. — Итак каждый день?

— Да, — хором подтвердили принцы. Лица их сделались мечтательными, глаза туманились от сладких воспоминаний.

— Это было прекрасно! — вздохнул наконец принц Генрих. — Надеюсь, когда-нибудь мы снова...

По его щеке скатилась слеза.

— Держи себя в руках, Анри, — строго сказал старший принц. — И вы, братья. Не надо отчаиваться. Матушка что-нибудь придумает.

— Вы говорите о вашей мачехе? — уточнил король. — Которая вас заколдовала? Элиза рассказала мне эту ужасную историю, пока я отвязывал ее от столба.

— Да, я примерно представляю, что могла вам рассказать Элиза, — принц Карл неодобрительно поджал губы и умолк.

— Видите ли, — осторожно сказал самый младший принц, тот, у которого вместо одной руки по-прежнему было крыло, — Элиза, при всех ее недостатках, славная девочка. Мы ее очень любим. Мы даже готовы простить ей то зло, которое она нам причинила. Хотя, конечно, взойти на костер, лишь бы подманить нас поближе и закидать этими ужасными колдовскими рубахами, — это был шантаж высшей пробы... Но это наше семейное дело, разберемся. А вы, зять, просто имейте в виду: версия Элизы — это всего лишь версия Элизы. Понимаете, бедняжка так и не смогла смириться с тем фактом, что в нашей большой, дружной семье только у нее одной нет

решительно никаких способностей к оборотничеству. Конечно, ей было обидно!

— Завидно, — поправил его старший брат. — Если уж взялся говорить, называй вещи своими именами.

Митя молодец — позвонил сразу, как только я дочитал рассказ. Ни секундой раньше, ни минутой позже. Но этим польза от его звонка, можно сказать, исчерпывалась.

— Значит, так, — доложил он. — Теперь и я ничего не понимаю. Телефон Лени занят. Как-то беспросветно занят, а этого быть не может, я точно знаю, что ее аппарат поддерживает несколько линий. Илья вообще отключен. Честно говоря, я сильно беспокоюсь. Но ладно, это мои дела. Давай-ка я дам тебе их домашний телефон и адрес. Надеюсь, рано или поздно все уладится и ребята вернутся домой, живые, здоровые и способные внятно объяснить, что случилось. Хоть рюкзак заберешь.

— Давай, — согласился я. — Лучше пришли sms, мне записать нечем... Слушай, я уже почти перестал злиться и начал беспокоиться. Может, машину угнали? А их грохнули и спрятали где-нибудь в кустах? Может, мне полицию вызвать? Или как?

— Мне тоже всякая криминальная дрянь в голову лезет, — вздохнул Митя. — Но вряд ли. Не самое характерное преступление для Германии, мягко говоря. И потом, эта версия не объясняет, почему номер Лени занят. Ерунда какая-то. А полиция... Не знаю, будет ли от них толк, а вот хлопот с ними ты не оберешься. Оно тебе надо?

Я все взвесил и решил, что не надо. Тем более в глубине души я по-прежнему был уверен, что меня просто разыграли. Очень глупо и довольно жестоко,

но мало ли как развлекаются на досуге успешные арт-дилеры. Интересно, как они будут выкручиваться, когда я их найду? Не станут же закрывать галерею и смываться в Южную Америку ради сомнительного счастья оставить себе мой ветхий лэптоп и трусы-боксеры. Ладно, поживем — увидим.

— Тогда пойду на трассу, — решил я. — Надеюсь, местное население сжалится над заплутавшим в лесу сиротой.

— Лучше будет, если ты дойдешь до ближайшей заправки или стоянки. Немцы вот так на дороге обычно не останавливаются, зато на заправках берут охотно.

— О господи, — вздохнул я. — Ничего себе новость. Ладно, что делать, буду искать заправку. В лесу спать в любом случае холодно пока.

— Держись там! Удачи тебе! — горячо сказал Митя. — Как только что-нибудь выясню, сразу тебе позвоню. И прости, конечно, что подложил тебе такую свинью. Мне в голову не приходило, что... Надеюсь, все как-то разъяснится.

— Я тоже надеюсь, — буркнул я. Спрятал телефон в карман и пошел на трассу. А что мне еще оставалось?

Ну хоть тут мне повезло, сразу за поворотом обнаружился указатель — ближайшая заправка в двух километрах. Я приободрился — два это не сорок и даже не десять — и зашагал в указанном направлении.

На заправке было пусто. В смысле, ни одного автомобиля. Зато здесь делали приличный эспрессо, а дежурившая за стойкой симпатичная рыжая девушка с глазами цвета ноябрьской травы отлично

говорила по-английски. Сообщила, что мы находимся всего в семи километрах от Эрфурта; это меня приободрило — не самый маленький город, все-таки столица Тюрингии, значит, с проходящими поездами все в порядке, дело за малым — добраться до вокзала, но это уж как-нибудь. Мне так хотелось пожаловаться на злую судьбу, что я усилием воли вернул к жизни свой былой словарный запас и вывалил на рыжую диковинные обстоятельства своего путешествия. Она не только не выказала недоверия, но даже не удивилась.

— Люди искусства, — презрительно сказала она. — От них можно ждать чего угодно. Ненадежный народ. Я знаю, о чем говорю. У меня был бойфренд художник, целых три недели, и я до сих пор рада, что дешево отделалась. Никогда не связывайся с художниками, и все будет в порядке.

— Это вроде не художники, — нерешительно заметил я. — Галеристы. Бизнесмены. Должны быть надежные, нет?

— Без разницы. Все они одинаковые, — отмахнулась рыженькая. — Забавные, милые, но очень, очень ненадежные. Даже те, кто в музеях работают. У меня была герлфренд искусствовед, диссертацию писала, что-то о «Синем всаднике»*. Первые два месяца все было хорошо. Но потом — раз! — и устроила мне неприятности, в самый неподходящий момент. Совсем как твои приятели. В самый неподходящий момент! — с нажимом повторила она.

*** *«Синий всадник» (нем.* Der Blaue Reiter) — творческое объединение художников-экспрессионистов, основанное в декабре 1911 года в Мюнхене Василием Кандинским и Францем Марком. Помимо них в группу входили Пауль Клее, Алексей фон Явленский, Август Маке и Марианна Веревкина. Их объединял интерес к средневековому и примитивному искусству и художественным движениям того времени — фовизму и кубизму.**

Можно подумать, что существуют моменты, подходящие для неприятностей.

Я от души посочувствовал симпатичной жертве искусства и выглянул на улицу, откуда доносился шум подъезжающего автомобиля. Моя новая подружка тоже выглянула.

— Я с ним сама поговорю, — решила она. — Скажу, ты мой иностранный друг, брошенный в лесу безответственной богемой... А тебе, собственно, куда надо?

— В Эрфурт, на вокзал.

— Это я поняла. А дальше — куда? Какой конечный пункт?

— Хаген. Рядом Дюссельдорф, Дортмунд. Кельн тоже более-менее близко, подойдет. Вообще любой город, лишь бы Северный Рейн — Вестфалия.

— Я спрошу, — сказала рыжая. — А вдруг он в ту сторону едет. Мало ли.

— Если что, я готов заплатить за бензин, — сказал я, благо извлек уже из банкомата пачку наличных и теперь чувствовал себя богачом. — Это, насколько я знаю, принято?

— Некоторые так делают, — кивнула моя покровительница. — А другие еще и кофе с булочкой получают от водителя на прощание. Все принято, все бывает. Ладно, погоди минуту.

Я не успел проглотить остатки остывшего кофе, а она уже снова возникла за стойкой, сияющая и торжествующая.

— Я знала, что тебе должно наконец повезти. А то был бы слишком плохой день. Этот человек едет в Вуппераль. Не знаешь такой город? Неважно.

Это гораздо лучше, чем Дюссельдорф и Дортмунд. Оттуда до твоего Хагена пешком можно дойти. Очень близко. Пару остановок электричкой. И этот господин тебя берет. Он даже рад. Говорит, его не нужно развлекать, просто в одиночестве в голову лезут грустные мысли.

— Бывает, — согласился я. — Спасибо. Ты меня натурально спасла.

— Не спасла, нет! — горячо запротестовала рыжая. — Ты бы и без меня уехал. Но, может быть, не так быстро. А я сделала, чтобы быстро. Потому что глупая, — неожиданно заключила она.

Я вопросительно приподнял бровь. Дескать, почему глупая-то?

— Ты мне понравился, — объяснила она. — Не знаю почему. Понравился, и все. Я захотела тебе помочь. И только сейчас сообразила, что могла бы сделать это не сразу. А, например, через час. Чтобы ты еще посидел.

Я, честно говоря, совершенно растерялся. Рыженькая немка мне тоже очень понравилась. Но задержаться на заправке ради возможности поболтать с нею подольше — так я вопрос не ставил. Почему-то в голову не пришло. А, по идее, должно было бы.

— Я тоже глупый, — честно сказал я. — Тоже не сообразил. Может, ну его, этот Вуппераль? Потом поеду.

— Нет, так нельзя, — строго сказала она. — Тебе повезло с попутчиком, это надо использовать. Когда дают, надо брать. А то в следующий раз ничего не дадут.

Она была совершенно права.

— Давай я на обратном пути заеду, — сказал я. — Возьму машину в аренду, поеду через Эрфурт...

— Не имеет смысла. Я тут последний день. Нашла работу в книжном магазине. По крайней мере, возле дома. И почти по специальности. Я изучала издательское дело, — усмехнулась она. — Пока, как видишь, не пригодилось. Но это неважно. Важно, что заезжать на эту заправку не нужно. Ты лучше просто позвони, когда время будет. Если захочешь, конечно.

Написала на пивной картонке номер телефона, под ним огромными буквами: «Хайди».

— Хайди, — сказал я вслух. — Прекрасное имя. Очень тебе подходит.

— Да? — недоверчиво переспросила рыжая. — Ну, может быть. Не знаю. Я об этом никогда не думала. Имя — это просто имя. Условность.

Мой будущий попутчик наконец заправил машину и вошел, чтобы расплатиться за бензин. У него было унылое худое лицо, отягощенное массивным подбородком, ничем не примечательное, если бы не выдающийся, слегка искривленный нос — удивительно, но он не портил своего владельца, а напротив, добавлял обаяния. Одет этот господин был так, словно собирался сниматься для каталога мужской одежды: замшевый пиджак цвета знаменитых клеточек Эркюля Пуаро и такие же мокасины, жемчужно-серая сорочка под светло-серым пуловером, темно-серые брюки и шейный платок цвета мокрого асфальта. Серые глаза и пепельные волосы казались специально подобранными к наряду аксессуарами. Шикарно — слов нет. Но на мой взгляд, перебор. Нормальные живые люди не подбирают гардероб столь тщательно. А у этого на лбу написано: «Я очень, очень старался».

Я молча положил на прилавок тридцать евро — вот, дескать, мой взнос. Он кивнул, немного подумал, отдал мне десятку, сказал:

— Теперь все честно.

У него было прекрасное английское произношения, хоть плачь от зависти. Но тут рыжая Хайди, перегнувшись через прилавок, поцеловала меня в губы, и плакать тут же расхотелось.

— Я обязательно позвоню, — сказал я. — До которого часа можно? Ты когда ложишься?

— До одиннадцати можно. — Она подумала и решительно добавила: — Но если очень захочешь со мной поговорить, можно и позже. Даже в два часа ночи можно, если очень захочешь.

— Это круто, — улыбнулся я.

— Да, — серьезно подтвердила Хайди. — Я уверена, что круто. Я еще никому никогда не разрешала так поздно мне звонить. Но ты похож на человека, который может захотеть позвонить именно ночью. Мне почему-то так кажется.

— Ты совершенно права, — согласился я. И поспешно добавил: — Но не беспокойся, я не художник. Даже не галерист. И в музее ни дня не работал.

— Надеюсь, что так, — кротко вздохнула Хайди.

Дурак буду, если не позвоню, подумал я, пряча картонку во внутренний карман, предназначенный для особо ценных документов, с которыми одинокому путнику лучше никогда не разлучаться. Если верить Кьялару-Рыцарю, это мой реальный шанс выучить немецкий язык. Хорошо выучить. Как следует.

Мой серый попутчик не отличался разговорчивостью. И от меня ничего в таком роде не требовал. Усадил меня в «фольксваген-туарег» — разумеется, серый, — вежливо спросил, не возражаю ли я против классической музыки, поставил «Волшебную флейту» и понесся, да так лихо, как мне и не снилось. Как мы не оторвались от земли — загадка. По-хорошему, за такое удовольствие следовало бы изрядно приплатить, но я не стал настаивать. Слушал Моцарта, наслаждался быстрой ездой и мысленно благодарил своих непутевых попутчиков. Не бросили бы они меня одного в темном лесу, ничего бы и не было — ни этой прекрасной поездки, ни рыженькой Хайди, которой я позвоню сегодня же, как только доберусь до места, и завтра позвоню, если она не будет возражать, а послезавтра постараюсь до нее доехать — пока не передумала.

Я сам не заметил, как задремал. Потом ругал себя за это последними словами — столько удовольствия упустил! Хотя спалось под Моцарта преотлично, кто бы спорил.

— Подъезжаем, — неожиданно объявил мой благодетель и начал понемногу сбрасывать скорость.

— К Вупперталю? Уже? — изумился я.

— К Хагену. Вам же нужно в Хаген, я правильно понял?

— Ну да. Так вы, получается, из-за меня сделали крюк?

— Не из-за вас, — безмятежно ответствовал он. — Увлекся. Пропустил поворот. В любом случае пришлось бы возвращаться. Так почему бы не через Хаген. Здесь близко, — и, словно бы пробуя эту фразу на вкус, повторил: — Здесь все очень, очень близко.

— Все равно спасибо, — сказал я. — Как же мне повезло!

— Такой у вас день, — флегматично согласился он.

Да уж, подумал я, грех жаловаться. Удивительный день. И ведь не кончился еще. Ну-ну, поглядим, что дальше.

Хаген оказался маленьким и, честно говоря, не слишком привлекательным городком. Хороши были только окружавшие его лесистые холмы. Все остальное выглядело довольно уныло: чисто, аккуратно, но не более того. Глаз остановить не на чем.

— Я слышал, вы говорили своей подруге, что вы не художник, — сказал мой спутник. — Но приехали в музей, я правильно понимаю?

— В какой музей? — удивился я.

— Ну как же, — теперь пришла его очередь удивляться. — Здесь отличный музей современного искусства*. Один из лучших в Германии. И с богатой историей. Строго говоря, это первый в мире музей современного искусства. Был открыт в тысяча девятьсот втором году. Когда никому еще в голову не приходило, что «современное искусство» — это что-то особенное, заслуживающее отдельного музея.

Я уважительно присвистнул.

— Тут бывают отличные выставки. Люди специально приезжают на вернисажи с разных концов Германии. Я думал, вы тоже.

— Нет, я об этом музее даже не знал. Но теперь обязательно зайду.

— Думаю, не пожалеете. Хохштрассе, семьдесят один. Кстати, Хохштрассе, Миттелыптрассе и все, что между ними, — самая приятная часть города. Не считая холмов, конечно. А через дорогу от музея неплохой отель, в названии есть слово «Арт» и еще что-то там — разберетесь. Сам я там не жил, но мои знакомые останавливались и были довольны. Давайте так: я вас тут высажу, чтобы по городу не кружить. Вы перейдете через мост и пойдете вот по этой улице, всего три квартала. Выйдете на Хохштрассе, как раз рядом с гостиницей. Приятного вечера.

* **Karl Ernst Osthaus-Museum der Stadt Hagen.**

Все это произошло так стремительно, что я сам не заметил, как оказался на тротуаре, а Серый помахал мне рукой, свернул в ближайший переулок и скрылся. Я даже поблагодарить его толком не успел. Однако советом собирался воспользоваться — ночевать где-то надо, так почему бы не попробовать устроиться в самой приятной части города, который мне пока совершенно не нравился, а значит, нам обоим следовало постараться исправить наши отношения — и городу, и мне.

И мы постарались. Во всяком случае, мой взгляд на Хаген начал меняться еще по дороге. Некоторые его фрагменты оказались вполне ничего. С моста, переброшенного через ручеек, возомнивший себя настоящей рекой, открывался прекрасный вид на окрестности, на берегу возились неуклюжие утки, в конце улицы, по которой мне предстояло идти, возвышался заросший цветущими садами холм, а в нескольких десятках метров от меня призывно сверкали витрины большого универмага, где можно было наскоро обзавестись сменным бельем, зубной щеткой и, черт побери, теплым свитером, сколько можно мерзнуть.

Там же я приобрел рюкзак, сложил покупки и, таким образом, обрел имидж солидного, заслуживающего доверия Постояльца-с-багажом, которого охотно пустят в любую гостиницу, были бы свободные номера.

Мне повезло, номер в отеле «Art-Ambiente» на углу Хохштрассе и Хуго Прюсс нашелся незамедлительно, Я рухнул на кровать, откупорил бутылку воды, залпом выпил добрую половину и только тогда сообразил, что надо бы позвонить Хайди, сказать,

что труды ее увенчались успехом. И Карлу. И Ренате. И Мите — если телефон к тому времени не сдохнет. Зарядное устройство я пока не купил, вот чем надо будет заняться в первую очередь. Самая необходимая вещь.

Митя как почувствовал, что я отложил разговор с ним напоследок, и тут же позвонил сам.

— Ты в порядке? — первым делом спросил он.

— В порядке. И уже на месте. Отличный дядька меня подвез, очень шустрый, раз — и приехали. А как поживают наши общие друзья? Нашлись?

— Нашлись, нашлись. Только что, — затараторил Митя. — Лени наконец взяла трубку. Говорит, не может пока ничего объяснить. И не уверена, что вообще когда-нибудь сможет. Передала тебе извинения. Просит, чтобы ты не очень сердился. Дескать, они поступили не так ужасно, как может показаться. Бросили тебя, чтобы не впутывать в свои неприятности. Не позвонили по той же причине. Но теперь все в порядке. Рюкзак твой в галерее, можешь зайти за ним в любой момент. Вернее, сегодня уже поздно, а завтра с десяти утра — пожалуйста. Адрес я тебе послал, ты же получил? Ну вот. Они оба готовы извиниться и компенсировать нанесенный ущерб любым приемлемым для тебя способом. Но объяснить свое поведение вряд ли смогут. Учти, я просто передаю ее слова. Сам ничего не понимаю.

— Ну-ну, — вздохнул я. — Ладно, живы-здоровы, и слава богу. Это оказался тот самый редкий случай, когда все действительно к лучшему.

— Ну и хорошо, — обрадовался Митя. — Ты в Прагу-то вернешься в ближайшее время?

— Не знаю пока. Как пойдет.

— Если вдруг надумаешь, позвони обязательно. С меня, как минимум, один обед — тоже в качестве компенсации.

Все-таки ужасно несправедливо устроена жизнь. Как только человек обретает возможность самостоятельно обеспечивать себе обильное пропитание, число людей, готовых накормить его за свой счет, стремительно возрастает. Иногда я жалею, что не могу переправить все эти халявные обеды назад, в прошлое, подкормить голодного студента, который твердо решил обходиться без родительской помощи. И время для этого выбрал самое что ни на есть подходящее — начало девяностых, когда не только бедные студенты, но и профессора от голода шалели. И желающих угостить меня не то что обедом — черствым бубликом — было чертовски мало. Впрочем, я быстро научился зарабатывать, голод — прекрасная бизнес-школа, если, конечно, не перегибать палку.

Попрощавшись с Митей, я посмотрел на телефон и понял, что пора начинать экономить энергию. Поэтому ограничился короткими эсэмэсками Карлу и Ренате. Дескать, все в порядке, я в Хагене, батарея садится, интернета нет, поэтому подробности завтра. Долго думал, что бы такое выдающееся написать Хайди, ничего путного не сочинил, махнул рукой — ладно, потом. Были бы мы, а слова найдутся когда-нибудь. Завтра, например.

Посмотрев на часы, я с некоторым удивлением обнаружил, что еще совсем не поздно. По идее, можно попробовать нанести визит обладательнице ключа, не дожидаясь завтрашнего утра. В половине восьмого вечера даже младенцы еще не спят. Вряд ли,

конечно, меня вот так сразу пригласят на чашку чая, но все, что мне нужно, можно узнать и через домофон. Лишь бы застать старушку дома. И желательно в хорошем настроении. Короче, вперед.

Бумажка с адресом, к счастью, была при мне. *Фрау Гражина Прудовецка, Хохштрассе, семьдесят один, Хаген, Северный Рейн — Вестфалия.* Погоди-ка, сказал я себе, Хохштрассе? Получается, где-то совсем рядом, возможно, в соседнем доме. Очень хорошо.

У портье я разжился картой Хагена и вышел на улицу. Карта, впрочем, так и не понадобилась: я уже стоял на Хохштрассе. А семьдесят первый номер — вот же он, через дорогу. Только на жилой дом не слишком похож.

Ужасное подозрение закралось в мое сердце. И с каждым шагом оно превращалось в уверенность. Я еще улицу не перешел, а уже понял — семьдесят первый номер и есть этот чертов музей, чтоб ему пусто было. И моя пани, надо понимать, работает тут экспонатом — в свободное от продажи старинных ключей время. Бедный, бедный Карл. Такой облом.

Погоди, сказал я себе, не хипеши. Экспонатом или нет, но эта дама вполне может работать в музее. Может, ей почту на работе получать удобнее, чтобы домашние не знали. Почему нет? И выяснить это можно прямо сейчас. У них вроде не заперто.

И правда, стеклянная дверь, вопреки надписи, оповещающей, что музей работает с десяти до восемнадцати, была открыта нараспашку. В вестибюле, заставленном стеллажами с художественными каталогами и сувенирными футболками, горел свет. Откуда-то издалека доносилась электронная музыка. За стойкой сидел голубоглазый блондин средних лет, плечистый и такой сердитый, что я невольно оглянулся, проверяя, остался ли путь к отступлению.

Однако, увидев меня, хмурый страж музея лучезарно улыбнулся и дивным образом преобразился. Теперь было ясно, что он — добрый старший брат всего человечества, ежели кому нос утереть или на разбитую коленку подуть, пожалуйте сюда.

— Наконец-то, — сказал он на прекрасном английском. — Я вас заждался. Электричка опоздала? Или заблудились?

Я опешил. Заждался он меня, видите ли. Ничего себе дела.

Блондин снова нахмурился.

— Вы же из «Flash Art>*? — нетерпеливо спросил он. — Обозреватель? Я вас жду с семи.

Я помотал головой:

— Нет-нет. Я не журналист. Просто человек. Турист. Шел мимо... — и, подавленный его разочарованием, неожиданно для себя виновато добавил: — Извините. Так получилось.

Но собеседник мой уже снова приветливо улыбался.

— Впервые в Хагене? Приехали специально в музей? Откуда?

— Из Праги, — брякнул я, наповал сраженный его улыбкой. Но тут же поправился: — То есть из Вильнюса. — Подумал и зачем-то уточнил: — Но, строго говоря, из Москвы.

Такая противоречивая информация совершенно его не смутила.

— Из Москвы? Прекрасно. Я был там однажды, в девяносто четвертом году. Привез оттуда прекрасных художников. Но больше никогда не поеду.

*** *4Flash Art** — ведущий европейский художественный журнал, признанный авторитет в вопросах современного искусства.**

Москва — единственный город, где я всего боялся. Очень необычное ощущение. Но мне не понравилось. Не понимаю, как вы там живете. Меж тем сегодня вам очень повезло. У нас проходит музейная дискотека, уже пятая по счету. Первые четыре прошли с грандиозным успехом. Никто не ожидал! Мои сотрудники были в шоке, когда я начал готовить этот проект. Но я заранее знал, все получится отлично. И получилось!

— О, — осторожно сказал я. — Музейная дискотека? Это круго.

— Еще бы! — авторитетно подтвердил блондин. — Мощный удар по стереотипам. Молодые люди, услышав слово «музей», начинают зевать? Отлично. Через несколько лет слово «музей» будет возбуждать их, как слово «клуб». Даже еще сильнее. Я гарантирую.

— Это прекрасно, — согласился я. — Жаль, что я не обозреватель из «Flash Art». С удовольствием написал бы о ваших вечеринках.

— Будете покупать билет или пойдете бесплатно? — строго спросил блондин. — Вообще-то на дискотеку свободный вход. Но если гость хочет помочь музею, он может купить билет. Это — добровольное решение.

— Конечно, куплю билет, — поспешно согласился я, прикидывая, как бы перевести разговор на интересующую меня тему. — Помочь музею — хорошее дело. Давайте. Сколько?

— Пять евро.

— Пожалуй, куплю два билета, очень уж у вас хороший музей, — льстиво сказал я, протягивая десятку. — А вы здесь давно работаете?

Он задумался, даже пальцы начал загибать. Наконец удивленно сказал:

— В мае будет двадцать лет с тех пор, как я стал здесь директором. Надо же, как летит время.

И сердито посмотрел на меня, как будто стремительный ход времени был следствием моего персонального просчета при сотворении мира. Но я хранил стойкость.

— Тогда вы должны знать. Три года назад у вас тут жила... нет, скорее работала немолодая польская дама. — Я исподтишка взглянул на бумажку с адресом, как будто она была шпаргалкой, а суровый директор музея — экзаменатором. — Фрау Гражина Прудовецка. Я ее ищу.

— Ищите, — эхом повторил мой новый знакомый. — Это хорошо. Это очень хорошо, когда люди ищут друг друга. Но у меня в музее фрау Прудовецка не работала. И тем более не жила. Мы не сдаем квартиры внаем. Хотя была у меня когда-то такая идея, проект «Жизнь в музее»: экскурсия, ночлег, завтрак на кухне с сотрудниками, которые за утренним кофе отвечают на скопившиеся за ночь вопросы. Очень удобно и познавательно для любителей искусства, и бюджет можно было бы пополнить... Но пока не получилось.

— Может быть, она художница? — предположил я. — Приезжала на выставку?

— Исключено, — отрезал блондин. — Я помню имена всех художников, с которыми работал. Гражина Прудовецка? Нет. Исключено, — повторил он, насупившись, словно это была не моя, а его личная неудача. И тут же снова заулыбался: — Стоп. Погодите. У меня есть идея. Три года назад, говорите?

Я кивнул.

— Три года назад у нас еще был сторож. Он жил в служебной квартире при музее, пока не вышел на

пенсию. И у него действительно несколько раз подолгу гостила некая дама, судя по акценту, иностранка. Очень милая. Каждый день спрашивала разрешения пойти посмотреть фон Явленского — у нас в коллекции есть несколько его картин. Хотя могла не спрашивать, а просто войти с черной лестницы. Как ее звали, я не помню. Но мы можем позвонить Франку. Прямо сейчас. Я сам с ним поговорю, с английским могут быть проблемы. Вам придется сказать мне, кто вы и зачем ее ищете. А то я не смогу объяснить.

— А вам не трудно? — вежливо спросил я.

— Мне трудно ждать засранца из «Flash Art», который опаздывает уже почти на целый час. Все остальное по сравнению с этим — удовольствие. Я очень рад, что вы так вовремя зашли. Так что я должен сказать Франку?

— Фрау Гражина меня не знает. Скажите, что я друг ее знакомого, пана Иржи Шнипса из Пражского технического музея. Ищу ее по его поручению. Думаю, этого достаточно.

— Из Пражского технического музея? Как интересно, — улыбнулся блондин. — Я коллекционирую детективы, действие которых происходит в музеях. К сожалению, таких довольно мало. Но все же есть. Очень важные книги — они незаметно внушают читателю, что музей может оказаться чрезвычайно интересным, загадочным и даже опасным местом. А теперь, благодаря вам, я чувствую себя персонажем такого музейного детектива. Второстепенным, конечно. Но гак даже лучше. Вы доставили мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

Он нравился мне все больше. С таким, наверное, хорошо вместе работать. Ах, зачем я не бледный ба-

калавр искусств родом из какого-нибудь Вупперталя? Попросился бы к этому дяде в оруженосцы, и жизнь моя тут же исполнилась бы неведомого доселе смысла.

Впрочем, она и без смысла была вполне хороша. Директор музея уже оживленно беседовал по телефону, то и дело повторяя: «Прудовецка. Фрау Прудовецка, йа, йа». Судя по выражению его лица, адрес неведомой фрау был у меня в кармане.

— Краков, — сказал он, положив трубку. — У этой женщины есть кафе в Кракове. Называется «У Гражины», все очень просто. Точного адреса Франк не знает, но говорит, где-то возле площади Главный Рынок. Совсем рядом. Думаю, можно найти.

— Я тоже так думаю, — кивнул я. — А телефон?..

— Номер ее телефона Франк не сообщил. Говорит, не имеет права. Его подруга специально просила отправлять всех, кто будет ее разыскивать, непосредственно в кафе. Дескать, это единственный способ расширить клиентуру. Думаю, он так шутит. Придется вам ехать в Краков.

— Придется, — согласился я. — Ничего, съезжу. Говорят, Краков — прекрасный город. Спасибо вам. Это просто чудо, что вы ее вспомнили и нашли.

— Нет, это не чудо. Просто эпизод. Просто жизнь. Нормально.

— Все равно я ваш должник.

— Тогда возьмите у меня интервью для «Flash Art», — ухмыльнулся он. — Чтобы я мог наконец расслабиться и выпить пива.

— Могу предложить только пиво, — сказал я. Интервью, впрочем, тоже могу, только не думаю, что «Flash Art> его напечатает. Пишу я по-английски еще хуже, чем говорю.

— Тогда плохо дело, — нахмурился лучший в мире директор музея. И тут же просиял: — И к черту интервью. Час опоздания — это уже слишком. Здесь рядом отличная пивная. Пойдемте. Если, конечно, вы не хотите посетить нашу дискотеку.

— Не очень, — честно признался я. — Тем более я уже и так понял, что музей — это не обязательно скучно. На всю жизнь уяснил.

Я приготовился к изнурительному пивному марафону — мой новый приятель производил впечатление человека, который к любому делу подходит серьезно и основательно. Однако час спустя, осушив два бокала и прочитав мне увлекательную лекцию о жизни и мечтах юного магната Остхауса, которому первый в мире музей современного искусства был обязан своим существованием, он отправился приглядывать за музейной дискотекой, а я — бродить по городу в поисках ужина, способного меня усыпить, желательно — до полуночи. Завтрашний день обещал быть чрезвычайно насыщенным. До Кракова отсюда ехать и ехать. Спешить заставляли, ясное дело, не обстоятельства, Карл, в отличие от меня, вовсе не проявлял нетерпения, просто во мне внезапно проснулся охотничий азарт. Это было дурацкое, но, чего уж там, чертовски приятное состояние.

Заснул я позже, чем рассчитывал, однако подскочил в половине седьмого утра, свежий и бодрый. Азарт — великое дело, даже кофе можно не пить, но я, конечно, выпил — две чашки в отеле и еще одну • в кондитерской на Миттельштрассе, потерял целых десять минут, но на ближайшую электричку все-таки успел, ай да я.

Поезд неспешно отполз от платформы, я отыскал место возле окна, прижался носом к стеклу — жемчужно-серое утреннее небо, черепичные крыши, фабричные корпуса, бетонная стена, покрытая граффити, и другая стена, старая, сложенная из потемневшего от времени красного кирпича, увитая диким виноградом, сквозь пережившие зиму бурые прошлогодние листья уже пробиваются молодые бледно-зеленые побеги; короткий темный тоннель, еще одна краснокирпичная стена, цветущие форзиции на окраине соседнего городка и снова фабричные корпуса, черепичные крыши, новые жилые дома, словно бы сложенные из разноцветных детских кубиков, и над всем этим, закрывая полнеба, триумфально восходит четкий силуэт чертова колеса. В любой другой стране я бы давно затосковал и отвернулся, а тут глаз отвести не могу. Германия — моя слабость, мне здесь все нравится, ну или почти все.

Я из тех бесхитростных людей, которые могут искренне сказать: «Вот это кино (или книга, или песенка) — про меня». Мой случай еще проще, вся правда про меня изложена в одном-единственном коротком эпизоде из «Blade Runner» — когда репликант Рутгер Хауэр за минуту до завершения работы программы сидит на крыше, рассказывает о том, что видели его прекрасные глаза, и сокрушается, что все эти невероятные вещи канут в Лету вместе с ним. Он держит в руках белую птицу голубя, и общий контекст такой, что теперь, в конце пути, любая жизнь кажется ему величайшей ценностью.

Репликант Руттер Хауэр, чего уж там, эффектный блондин, а я нет, но этим разница исчерпывается. Я всю жизнь сижу на этой долбаной крыше за минуту до смерти, потому что по внутренним моим

часам и сто, и тысяча лет — это тоже минута, даже меньше, это практически «вот прямо сейчас». Все «вот прямо сейчас». И только в Германии, в любом из ее ухоженных мухосранскoв, я ощущаю себя тем самым голубем, которого держат в руках и никогда не убьют. И знал бы кто, какое это немыслимое счастье, пасхальные каникулы в аду, бархатная подушечка для сидящего на лезвии бритвы, отпуск за счет Небесной Канцелярии, спасибо, аминь.

Митя прислал мне не только адрес галереи «Лени Шванцерфокс», но и несколько телефонных номеров. Однако звонить я не стал. Число людей, телефонные переговоры с которыми не кажутся мне каторжным трудом, невелико; Илья и Лени не вошли бы в их число, даже если бы вели себя по-человечески, — для этого мы слишком недолго знакомы. Я решил — ладно, погуляю пока по городу, к десяти зайду в галерею, а там по обстоятельствам.

В свое время я немало поколесил по Германии, но до Дюссельдорфа почему-то так и не добрался. Поэтому купил в книжном киоске карту города, предусмотрительно убедился, что нужная мне улица Грабенштрассе находится в самом центре, и неторопливо зашагал в нужном направлении. Глазел по сторонам, с наслаждением вдыхал плывущий над городом аромат кофе, выпечки и еще какого-то загадочного ингредиента, который присутствует в воздухе всех известных мне немецких городов и деревень, одинаково хорошо чувствуется на улицах и в помещениях, действует на меня, как приворотное зелье, а происхождение его по сей день остается для меня загадкой. Карл цинично утверждает, что я помешался на запахе местных моющих средств, но я ему не верю. Орднунг* — дело хорошее, но вряд ли жители всех немецких земель драют улицы и дома одним и тем же шампунем и тайно карают отступников. Хотя, конечно, было бы смешно.

Дюссельдорф оказался практически идеальным городом для бесцельной прогулки, готовым насытить взор умеренно избалованного праздношатающегося бездельника. Но уже четверть часа спустя я обнаружил, что почти не смотрю по сторонам и вообще не гуляю, а на крейсерской скорости нарезаю круги по альтштадту, неумолимо приближаясь к Грабенштрассе. Дело прежде всего, вопил мой смятенный разум. Удовольствия потом!

Я удивился — надо же, какая похвальная целеустремленность! — но разрешил себе плюнуть на осмотр достопримечательностей и отправиться прямиком по искомому адресу. Тем более уже начало десятого. Не так долго осталось ждать.

Улицу я нашел сразу. А уж не заметить галерею «Лени Шванцерфокс» было решительно невозможно, очень уж яркая вывеска, черные и белые буквы на красном фоне, не просто надпись — практически вопль, только что за шиворот не хватает всякого идущего мимо.

Вход, как я и ожидал, был закрыт. Что ж, хозяева в своем праве, до десяти еще добрых полчаса, сам виноват, что так рано заявился. Поскольку гулять и тем более завтракать мой внутренний охотник отказывался наотрез, пришлось шататься по кварталу в поисках подходящего укрытия для перекура. Это оказалось не так просто, но в конце концов я дога-

*** От немецкого «Die Ordnung» - порядок.**

дался обогнуть галерею и обнаружил позади дома маленький двор, засаженный кустами цветущей форзиции. Ветхая зеленая скамейка, установленная у стены, явно была создана высшими силами специально для моей задницы, только неведомый и непостижимый реквизитор слегка промахнулся с подсчетами и материализовал ее несколькими годами раньше. Ничего, бывает.

Я достал портсигар и собрался было закурить, когда из соседнего окна раздался знакомый голос.

— Это не беда, — говорил он. — Знал бы ты, с каким удовольствием я прокатился.

И другой знакомый голос ответил:

— Конечно не беда. Но жалко, что зря старались.

Последнюю фразу произнес Илья, в этом я почти не сомневался. Отлично, значит, десяти ждать не придется. Но с кем он говорит? Почему мне кажется, что я его тоже знаю?

Не утерпев, я заглянул в окно. Мне повезло — стекло было поднято, так что от помещения меня отделяли только неплотно закрытые жалюзи. Сунув нос в щелку, я с изумлением обнаружил, что Илья беседует с моим вчерашним попутчиком — тем самым неразговорчивым незнакомцем в сером костюме, который доставил меня в Хаген. Серый восседал в удобном кожаном кресле; облик его не претерпел существенных изменений, только теперь он говорил по-русски. Интересно, вчера-то зачем иностранцем прикидывался? Или просто не сообразил, что я его соотечественник? Услышал, как мы с Хайди говорим по-английски, и больше голову не ломал. Смешно получилось. А особенно смешно, что он знаком с Ильей — настолько близко, что сидит у него в кабинете с утра пораньше, — вот это, я понимаю, совпадение.

Или не совпадение?

Но чего гадать, когда можно вот прямо сейчас взять да и разобраться. Я раздвинул пошире пластиковые полоски и сказал:

— Привет.

Этим двоим в театре играть бы, конечно. Немая сцена из «Ревизора» с их участием обрела бы несказанную мощь. Я сперва не понял, чего они так дернулись, — ну подумаешь, пришел на полчаса раньше, завернул во двор, заглянул в окно — тоже мне происшествие.

— Черт, — смущенно сказал Серый. И торопливо добавил: — Это не то, что ты думаешь! Я сейчас все объясню!

И только тогда я все понял. В смысле, узнал его наконец. Без яркой одежды, полосатого шарфа и разноцветных глаз мой пражский знакомец Митя выглядел совершенно иным человеком. Даже за собственного брата не сошел бы. В лучшем случае — за кузена. Немудрено, что я вчера ничего не заподозрил.

— Хренассе, — присвистнул я. — Да у вас тут натурально заговор. Душераздирающая международная интрига, затеянная с целью выпотрошить мой рюкзак, я правильно понимаю? Заряжалку-то вернете? У меня телефон подыхает.

— Может быть, зайдете? — упавшим голосом спросил Илья. — Я не ждал так рано...

— Оно и видно, — недобро ухмыльнулся я. — Рюкзак давайте. У меня там, кроме всего, любимые желтые трусы. Надеюсь, вы их не примеряли.

— Филипп, я могу все объяснить, — торопливо говорил преобразившийся Митя. — Мы — я — не тебя...

— Рюкзак, — упорствовал я. — Рюк-зак.

Илья поспешно вышел из комнаты, буквально секунду спустя вернулся с моим рюкзаком.

— Может быть, зайдете? — снова повторил он.

— Просто дайте мне рюкзак через окно, — упрямо сказал я.

— Тебе не интересно, как все обстоит на самом деле? — изумился Митя.

— Нет, -- соврал я.

Мне, конечно, было интересно. И еще как. Просто я, мягко говоря, сомневался, что он скажет мне правду. Так что лучше уж сразу забить на объяснения. И без них лапши на ушах уже предостаточно.

— А хочешь, я тебя в Прагу отвезу? — неожиданно предложил Митя. — Или куда скажешь. Да хоть в Улан-Батор, в этом месяце я совершенно свободен. Тебе же понравилось вчера? А по дороге все объясню. Или буду молчать, если захочешь. А? Давай!

Это было довольно неожиданное предложение. И, прямо скажем, чертовски соблазнительное. Мне действительно очень понравилось, как он водит. Да сам Митя по-прежнему мне нравился. Теперь, пожалуй, даже больше, чем прежде, ореол тайны, даже самой задрипанной, любому к лицу. Тем обиднее было, что я так лопухнулся — вчера, и, судя по всему, не только. Единственный выход — расплеваться с этим типом прямо сейчас, раз и навсегда, чтобы не сгорать со стыда, вспоминая, каким болваном я оказался.

Ну оказался ты болваном, и что с того? Если упустишь возможность очень быстро добраться до Праги, будешь болваном вдвойне. Оттуда до Кракова всего несколько часов езды, вмешался мой внутренний мудрец. Он подает голос столь редко, что в промежутках я всякий раз успеваю забыть о его существовании. И потом на радостях потакаю ему во всем.

Помнишь, как Хайди вчера сказала? — этот гад окончательно проснулся и перешел в решительное

наступление. Когда дают, надо брать. А то в следующий раз ничего не дадут. И кстати, о Хайди. Чем скорее ты покончишь с делами, тем раньше сможешь съездить в Эрфурт. Тебе же хочется.

— Ладно, — сказал я. — Тогда поехали.

— Прямо сейчас? — растерянно спросил Илья. — И кофе не выпьете?

— Ни в коем случае. — Для пущей убедительности я помотал головой. — Но если вам хочется осмотреть мой новый рюкзак, могу показать добровольно. У меня там лежат прекрасные шерстяные носки с Бартом Симпсоном. Вам понравится. С вас, кстати, тридцать шесть евро и сорок центов за вчерашний обед. Я очень тщательно подсчитал.

Илья покрылся красными пятнами.

— Да, конечно, — смиренно согласился он. — Я должен был сам вспомнить. Извините. Сейчас.

Пока он рылся в карманах и ящиках письменного стола, собирая наличные, Митя раздвинул жалюзи и поставил на подоконник мой многострадальный рюкзак.

— Ты имей в виду, Илья и Лени видели тебя второй раз в жизни, — примирительно сказал он. — А меня знают много лет. Они хорошие люди. Обмануть постороннего человека ради старого друга — нормальный поступок. Ты бы сам так сделал, разве нет?

Я раздраженно пожал плечами. Крыть было нечем. Я и без дружеских просьб периодически обманываю посторонних людей. И не только посторонних. Всех подряд. Просто так, для собственного удовольствия. В лесу, правда, пока никого не бросал, даже из кабаков вроде еще ни разу не убегал не расплатившись, ну да какие мои годы. Успею еще. Благо есть у кого учиться.

— Ладно, — сказал я. — Хорошо. Все верно. Илья, я перегнул палку. Не берите в голову.

— Ничего, — вздохнул он, протягивая мне с грехом пополам собранные деньги. — Я бы на вашем месте тоже... — он осекся и махнул рукой. — Лени очень переживает. Не поехала в галерею, чтобы с вами не встречаться, отправила меня. Говорит, планировать и делать было весело, а потом, когда мы уехали, стало стыдно. Хотя мы, конечно, знали, что Митя уже рядом и довезет вас до места. Но все равно. Вы ей понравились, и это, конечно, дополнительная проблема.

— Передайте ей, что она мне тоже понравилась, — сказал я. — Как бы там ни было, а Лени офигительная. Правда.

— Я знаю, — улыбнулся Илья.

Теперь, когда обстановка разрядилась, глупо было оставаться на улице. Недолго думая я перемахнул через подоконник, достал из рюкзака зарядное устройство, поискал розетку и включил телефон. Оседлал стул, раскурил наконец давно приготовленную сигарету, сказал:

— Если вы не передумали поить меня кофе с настойкой опиума, сейчас самое время.

— Где ж я вам опиум возьму с утра пораньше, — с облегчением рассмеялся Илья. — У нас даже сливки закончились.

— Ну что, — сказал Митя, выбравшись из города на скоростной автобан. — Можешь начинать допрос. Если хочешь, конечно.

— Я-то хочу. Но ты же опять будешь морочить мне голову. Скажешь небось, что искал у меня в лэптопе интимную переписку с паном Черногуком. И отпечатки его пальцев на моих носках заодно.

— Небось скажу, — согласился он. — Потому что это, будешь смеяться, правда. Другой правды у меня для тебя нет.

— Ну вот, — мрачно кивнул я.

Хотя, в общем, подозревал, что он не врет. Очевидно же, что Лев — куда более перспективный объект для слежки, чем я. Все-таки «колдун», если верить Мирре, без пяти минут струльдбруг, если верить пану Шнипсу, а даже если не верить никому, все равно важная персона, богач, меценат, как говорят в таких случаях, Один из столпов общества. А с меня что взять.

— Все, что я тогда у албанцев гнал, — дескать, не понимаю, почему он фигней занимается и за говнище башляет, — это, конечно, ерунда, — сказал Митя. — Ну как, не то чтобы совсем ерунда, просто верхушка айсберга, а меня больше интересует подводная часть.

— Тебя? — спросил я. — Или твое начальство?

— Нет у меня никакого начальства. Я, конечно, легок на подъем, эффектно меняю внешность и вообще молодец. Но я не работаю ни на полицию, ни тем более на спецслужбы, если ты это имеешь в виду. Я бы, может, и с удовольствием, но не сложилось. Все гораздо проще и невинней. У меня частное детективное агентство. То есть официально, по бумагам, оно не мое. Я там даже в качестве сторожа не числюсь. Но создал его я. И до сих пор делаю добрую треть работы. И великодушно забираю себе добрую половину выручки, чтобы ребят совесть не мучила. Образ умеренно эксцентричного бездельника, которому я по мере сил стараюсь соответствовать, — очень важная часть моей работы. В ином качестве пользы от меня куда меньше. Поэтому будь другом, не выдавай меня, пожалуйста. Очень тебя прошу.

— Ладно, — кивнул я. — Да у меня и возможности такой не будет. Я в Праге надолго не задержусь. И болтать по душам мне там особо не с кем.

— Кроме пана Болеслева, — заметил Митя.

— Это вряд ли. Я позавчера не успел рассказать, твои приятели слишком быстро пришли. Меж тем у меня такое ощущение, что мы с паном Болеслевом расстались навек.

— Рассорились, что ли? — изумился Митя.

— Довольно непросто рассориться с человеком, которого почти не знаешь. Просто игра пошла в открытую. И я окончательно убедился, что от меня ему нужен только домашний адрес моего отца. А Лев, в свою очередь, экспериментальным путем обнаружил, что я вряд ли случайно проговорюсь. Достигнув, таким образом, полного взаимопонимания, мы распрощались. Вежливо, но как-то мутно. Он пригласил меня заходить еще, всем своим видом показывая: «Не стоит утруждаться». Я такие штуки чувствую. Ну и потом, дела-то наши закончены. В смысле, обмен состоялся. Ключ у меня, букварь у него. Никто никому ничего не должен.

— А экспертиза прошла успешно? — невинно поинтересовался Митя.

— Вполне, — буркнул я, чувствуя, что опять начинаю сердиться. Все-то он обо мне знает. Буквально каждый шаг.

— Конечно, я за тобой следил, — признался Митя. — Ну а как еще? Подкараулил тебя с утра у отеля, проводил до Йиглавы, поглядел, у кого гостишь. А разузнать, кто живет на Кветновой, десять, и выяснить, чем этот господин занимался раньше, было совсем просто. В кафе с газетой — помнишь? — тоже я сидел. А ты орал в телефон так, что довольно сложно

было не получить подробную информацию о твоем дальнейшем маршруте. Повезло мне — было время подготовиться. Тут как раз ребята под руку подвернулись, я уговорил их отложить отъезд на день, взять попутчика и, улучив момент, удрать с его — то есть твоим — багажом. Они мои старинные приятели и немножко должники. Совсем чуть-чуть. Но этого «чуть-чуть» хватило, чтобы выполнить, скажем так, не совсем обычную просьбу. Так что не сердись на них, пожалуйста. Только на меня.

— На тебя я и так сержусь, не переживай, — сказал я. — И месть моя будет ужасна. Я собираюсь открыть тебе свою самую зловещую тайну: ты зря теряешь время. Про возлюбленного твоего Черногука я знаю гораздо меньше, чем любой постоянный посетитель его дурацких приемов в зеркальной комнате. Нас ничего не связывает, кроме двух вечеринок, одного завтрака и старинного ключа, который я приобрел для чужой, заметь, коллекции.

— Кстати, о ключе. А почему ты сказал мне, что едешь в Карлштейн, когда собирался в Йиглаву? — спросил Митя. — Меня это насторожило. Зачем обманывать случайного собеседника, если не считаешь свои дела секретными?

Я раздраженно пожал плечами.

— Я всегда вру по мелочам. Просто терпеть не могу, когда суют нос в мои дела. В первую очередь потому, что у меня нет дел, заслуживающих чужого внимания. Ни единой тайны. Ни одного завалящего секрета. «Человек-загадка» — это не про меня. Я — человек-отгадка. Человек-кроссворд-с-ответами-на-последней-странице. И мне, видишь ли, неприятно, когда об этом узнают посторонние. Как после этого пыль в глаза пускать? А без пыли не комильфо.

— Это тебе только кажется, что нет, — мягко сказал Митя. — Ключ — ладно, предположим, для коллекции. Принято. Но желание Болеслева во что бы то ни стало узнать твой адрес...

— Не мой, а Карла, — напомнил я. — Мой московский адрес ему и даром не нужен.

— Неважно. Это же твой отец. Ты же бываешь в его доме?

— Да, конечно. Кстати, Карл думает, все дело в его коллекции. Кроме ключей он собирает старинные музыкальные инструменты. Ну то есть не то чтобы всерьез собирает, просто любит жить среди них. А возможностей у него побольше, чем в среднем по палате, так что добра скопилось немало. Вот ты, если уж сыщик, скажи мне, это правдоподобная версия? Черногук может быть наводчиком, или как там это называется?

— Это совершенно исключено, — твердо сказал Митя. — Разве только если в собрании твоего отца есть... скажем так, *необычный* предмет. Нечто из ряда вон выходящее. Не с точки зрения коллекционера, а.. Не знаю, как объяснить, чтобы ты не заткнул уши.

— Скажи, к примеру, что он ищет Кольцо Всевластия, — ехидно сказал я. — Не факт, что поверю, но не удивлюсь. Мне давеча уже пытались втолковать, что пан Черногук злой колдун.

— Не сказал бы, что именно злой... Но кто, интересно, тебе это пытался втолковать? — насторожился Митя.

— Неважно, — мстительно ухмыльнулся я.

Ну хоть мое знакомство с Миррой он не отследил. Грамотно я тогда из бара удрал. Молодец.

— Вообще-то, важно, — вздохнул Митя. — Видишь ли, я собирался сказать тебе примерно то же

самое. Только не знал, как поаккуратней сформулировать. И мне было бы очень полезно знать, кто еще обладает такой информацией.

— Ерунда это, а не информация, — отмахнулся я. — Ладно уж, скажу. Я случайно познакомился на улице с чудной девицей. Она оказалась знаменитой художницей Жукотовской, о которой ты же мне и рассказывал. Полночи меня баснями развлекала. В том числе о страшном пражском колдуне Черногуке. Вот и все.

— С Миррой? Случайно познакомился? На улице? Ну ты даешь.

— А что тут такого? Не с папой же римским.

— Познакомиться на улице с папой римским, на мой взгляд, гораздо проще. Достаточно улучить момент, подойти и попросить благословения. А с Миррой этот номер не пройдет.

— Она сама подошла и попросила. Не благословения, конечно, а сигарету. Вернее, две. С нею еще приятель был.

— А, Арсений. Верный оруженосец. Причудливая парочка, да?

— Мне показалось, он ее брат. Нет?

— Что-то вроде, — сдержанно сказал Митя. — Ладно, дал ты им сигареты, и что дальше? Прости, я правда хочу понять, что нужно сделать, чтобы познакомиться на улице с Миррой Жукотовской. В моем представлении это явление того же порядка, что и левитация, — я в нее, по идее, не верю, но при этом мечтаю научиться.

— Все как-то само собой получилось, — вздохнул я, доставая портсигар. — Вообще-то я просто спросил, как пройти на Нерудову, и ребята взялись меня проводить. А по дороге уговорили зайти с ними

в бар. Слово за слово, и я как-то незаметно очутился у них в гостях. Извини, я не знал, что это из области невозможного, а то бы законспектировал свою речь.

Рассказывать Мите про нашу с Миррой утреннюю встречу возле Святого Вита я не стал. Слишком уж все сложно и бессмысленно. И уже хотя бы поэтому никого не касается. А о том, как мы оказались у нее дома, я даже наедине с собой старался не вспоминать. К чертям собачьим такие воспоминания.

— Круто, — серьезно сказал Митя. — И что, Мирра пугала тебя Черногуком? Зачем?

— Я случайно обмолвился, что мы знакомы. И она постаралась меня предостеречь. Сказала, он страшный. Но Хайди — та рыженькая с заправки — говорит, художникам нельзя доверять. Думаю, она совершенно права.

В этот момент у меня зазвонил телефон. На определителе высветился номер Ренаты.

— У тебя что-то случилось? — сразу спросил я.

Рената звонит мне на мобильный телефон не просто редко, а практически никогда. И не только мне. Ей кажется, это слишком бесцеремонно. Дескать, мобильный телефон лишает человека возможности уединиться. И поэтому использовать его стоит только в самых неотложных случаях. Честно говоря, в глубине души я с ней совершенно согласен, но на практике далеко не столь последователен.

— Ничего плохого, — успокоила меня Рената. — Только всякое странное. Я бы с Карлом поговорила, но, боюсь, что он сейчас как раз играет. Или репетирует. В общем, я не рискнула. А мне не терпится рассказать. Тебе-то удобно сейчас говорить?

Я покосился на Митю. Мне не слишком хотелось обсуждать наши домашние дела в его присутствии.

Но откладывать разговор тоже не стоит — если уж Ренате в кои-то веки не терпится.

— Удобно, — наконец ответил я. — Ты очень удачно позвонила. Я как раз еду в машине. И при этом не сижу за рулем.

Пусть, по крайней мере, знает, что я не один. Тогда ей будет понятна моя сдержанность.

— Очень хорошо, — сказала Рената. — Слушай. Сегодня утром в дверь позвонил незнакомый человек. Сказал, он сантехник. Спросил, есть ли в квартире подвал. Дескать, они во всех старых домах проверяют состояние труб в подсобных помещениях, чтобы не прорвало, не затопило — ну понятно, да?

— Понятно, — сказал я. — Ты его пустила?

Я ругал себя последними словами. Вместо того чтобы дважды в день отправлять Ренате жизнерадостные сообщения о приключениях собственного желудка, мог бы догадаться предупредить ее, чтобы не пускала в дом незнакомцев, будь они хоть трижды сантехниками. От греха подальше.

. - Не пустила, не беспокойся. Видишь ли, он говорил по-русски, а я ответила ему по-литовски. Дескать, подвал есть, трубы в порядке, недавно проверяли. Не из вредности, по привычке. Я с тех пор, как мы переехали, по-русски только с Карлом разговариваю. И с его гостями. И с тобой, конечно. А со всеми остальными — по-литовски. Чтобы лишний раз почувствовать, что наконец-то дома. Наверстываю упущенное, так сказать.

— Ну да. И что?

— А то! — Она выдержала приличествующую случаю паузу и торжественно объявила: — Он ничего не понял! Вообще ни слова.

— И что? — тупо переспросил я.

— Ну как — что? Если не понял, значит, он не настоящий сантехник. Я хочу сказать, если человек плохо говорит по-литовски, он, конечно, может устроиться на работу. Но если не понимает вообще ни слова, это нереально. Разве только в частном секторе, где хозяин сам решает, что ему от работника надо. Но наши коммунальные службы — это не частный сектор.

— А ведь верно, — сказал я. — Ну ты молодец. Мисс Марпл нервно вяжет в коридоре. Я тобой горжусь.

Митя тем временем свернул к придорожному магазинчику, остановился и деликатно вышел, оставив меня наедине с телефоном. Демонстративная щепетильность, цена такому показному великодушию, конечно, невысока, а все-таки жест доброй воли. Молодец, чего уж там.

— Погоди, это еще не все, — сказала Рената. — Я ему уже по-русски объяснила, что не верю ни единому слову и собираюсь вызвать полицию. Он вежливо сказал, что я неправа, и ушел. Вроде бы все в порядке. Но не тут-то было. Через полчаса выглядываю в окно — как там мои тюльпаны. И что ты думаешь? Этот сантехник выходит из Бирутиного флигеля. А я знаю, что Бируте в это время на работе, сама видела, как она утром уходила. И дома у нее никого нет, она же одна живет. Я ей тут же позвонила, объяснила, что происходит, велела срочно ехать домой. Она, конечно, приехала, посмотрела. Говорит, все в порядке, ничего не пропало. Думала сперва, я на старости лет из ума выжила, — вслух, конечно, не сказала, но я и так поняла. А потом прибегает, говорит: «Ой, там точно кто-то был!» У нее, знаешь, при кухне подвал, как у нас, только поменьше. Бируте туда неделями не заходит, так что щеколда пыльная и дверь тоже. А теперь все блестит. И в самом подвале почище стало. По крайней мере, паутину кто-то смел со стен.

Камень, лежавший у меня на сердце с начала нашей беседы, стремительно набирал вес. Но виду я не подавал, конечно. Ренатины нервы мне дороже ста тысяч Карловых шарманок. И ему тоже, не сомневаюсь.

— Это был Адский-Уборщик-из-Тьмы, — весело сказал я. — Ходит по домам, прикидывается сантехником, ищет беззащитных, доверчивых женщин. Как найдет такую — свяжет по рукам и ногам и ну чистоту в квартире наводить. Бедняжка стонет, просит пощадить, оставить хоть немного пыли по углам. Но Адский Уборщик неумолим...

— Смейся, смейся, — вздохнула Рената. — Но внешность у него для этой роли вполне подходящая. Бледный такой брюнет, черные глазищи в пол-лица, вылитый Мефистофель, это даже через дверной глазок заметно.

Угадай с трех раз, кого он мне напоминает, мрачно подумал я. Ну пан Болеслев дает. Опера Гуно «Виленский сантехник». Бурные аплодисменты.

— Ты будешь смеяться, Фелечка, — ласково сказала Рената — но и это еще не все. Я этого красавца не пустила, у Бируте ничего, кроме паутины, не пропало, — ладно, хорошо. Но я только что узнала, в соседнем подъезде на первом этаже тоже кто-то побывал. Там мальчик пришел из школы раньше времени — не то заболел, не то прогулять решил. Открыл дверь своим ключом, услышал шаги на кухне, позвал: «Мама, это ты?» В ответ только окно хлопнуло. Ребенок перепутался, конечно, не стал смотреть, кто

это был. Выскочил на улицу и принялся родителям названивать. Ты же знаешь, у меня весной окна нараспашку, так что я все слышала. И знаешь, теперь я с тревогой думаю о предстоящем вечере. Впервые за долгие годы не хочу ночевать одна.

— Вот и не надо, — согласился я. — У тебя же куча подружек. Зови всех, устройте себе девичник, или как там это называется — когда барышни из хороших семей напиваются в узком кругу, а потом пляшут канкан на столе?

— Слушай, а это мысль, — обрадовалась Рената. — Давно мы вместе не собирались. А уж с ночевкой-то... — Она замолчала, потом неуверенно спросила: — То есть ты думаешь, я не зря раскудахталась?

— Ничего себе — зря. Две соседние квартиры только что обокрали. Ну ладно, не обокрали, просто залезли. Тоже ничего хорошего. И к тебе какой-то подозрительный сантехник с утра ломился. Хочешь, я сам прилечу? Если, конечно, вечером есть самолет. Потому что мне до Праги еще ехать и ехать.

— Нет-нет, даже не вздумай! — запротестовала она. — В твоем присутствии мои девочки, возможно, выпьют по рюмке наливки. Но на столах плясать точно откажутся.

— Ну смотри, — сказал я. — Только дай слово, что действительно позовешь гостей. И знаешь, на твоем месте я бы позвонил Карлу. Все-таки его это тоже касается. И не бойся ему помешать. Если он играет, просто не возьмет трубку. А потом перезвонит.

— Я знаю, — несчастным голосом сказала Рената. — Но все равно рука не поднимается. А то бы я сразу ему позвонила.

— Ладно, — вздохнул я. — Напишу ему, чтобы срочно связался с тобой. Жди звонка.

— Так лучше всего, — обрадовалась Рената. — Спасибо, Фелечка.

— Сухое спасибо на хлеб не положишь, — сурово сказал я. — С тебя пирог, как вернусь. Или даже два пирога.

— А то я тебя так не кормлю, — возмутилась Рената. — Выдумаешь тоже.

Митя вышел из магазина, вооруженный бутылками с водой. Увидел, что я закончил разговаривать, просиял, сел за руль, и мы поехали дальше.

— Слушай, — сказал я, — а почему, собственно, ты следишь за Черногуком? Это — секретный спецзаказ?

— Это секретное спецхобби, — в тон мне ответил он. — Работа, которую я делаю исключительно для собственного удовольствия.

— Просто так?

— Ну да. Несколько лет назад меня действительно попросили кое-что о нем выяснить. Одна клиентка положила на него глаз; думаю, сам Болеслев об этом даже не подозревал. А если и подозревал, то ему было начхать. Но дама имела на него самые серьезные планы. И решила заблаговременно собрать информацию: нет ли у него случайно какой-нибудь тайной супруги. И, упаси боже, детей. Ну и любовницами, конечно, интересовалась. Хотела заранее знать, сколько глоток придется перегрызть в процессе борьбы за личное счастье. А я что, мое дело маленькое, начал понемногу копать. И такого по ходу дела накопал, что сам себе не поверил. Клиентка уже давно разочаровалась в кумире, забила на свои изыскания, уехала в Африку и вышла там замуж за владельца дайвинг-клуба, а я все остановиться не могу.

— И чего такого ты накопал? Почему в него вцепился?

— Ну видишь ли, я слишком долго вообще ничего не мог о нем узнать. Что само по себе довольно необычно — время-то мирное, бюрократы каждый наш шаг фиксируют. Но по документам выходит, пан Болеслев — человек без прошлого. Он не только никогда не женился, не учился — в том числе в начальной школе — и не служил в армии, а даже не рождался. Во всяком случае, не в Чехии. Но в списках иммигрантов и репатриантов он тоже не значится. Такое ощущение, что пан Черногук возник из ниоткуда, материализовался посреди Праги лет десять назад, с паспортом и кредитной картой в зубах. Огляделся, отряхнулся и пошел покупать дом на Нерудовой, с документами на недвижимость у него все в полном порядке. Тогда я решил на досуге порыться в старых архивах, благо доступ к ним есть. И что ты думаешь? Ни единого упоминания этой фамилии — ни в церковных книгах, ни в каких-то других бумагах. Не было в Чехии никаких Черногуков. А если и были, то не крестились, не женились и детей не рожали. Ну или делали это втайне от заинтересованной общественности. Партизанская династия.

— Положим, имя сменить — дело нехитрое, — заметил я.

— Ну да. Фишка в том, что смена имени тоже фиксируется. А «Болеслев Черногук» — это не псевдоним. У него так в паспорте записано. Первое, что мне пришло в голову, — батюшки, самый настоящий иностранный шпион! И я возомнил себя Джеймсом Бондом, решил немного в это поиграть. В итоге, все оказалось еще интереснее, — и он умолк, напустив на себя загадочный вид.

— Сейчас ты небось объявишь, что ему сто с лишним лет, — небрежно заметил я.

Митя изумленно на меня покосился.

— Хочешь сказать, ты это уже слышал?

— Слышал, слышал, — вздохнул я. — А кстати, если и так — что с того? Может, человек йогой всю жизнь занимается. Или какими-нибудь даосскими техниками. В Европе все это большая редкость, конечно, но не вижу ничего невозможного.

— Я тоже, — согласился Митя. — Но его гипотетический возраст — это далеко не все.

— А что еще? Ну хоть один пример.

— Ладно. Представь себе следующую картину. Солидный, всеми уважаемый господин выходит из дома при полном параде, всем своим видом демонстрируя намерение мирно прогуляться по Малой Стране* или, скажем, провести деловую встречу за миской клецок. Вальяжно выруливает к Влтаве, спускается к воде, лезет зачем-то под мост — и привет. В смысле, исчезает с концами. И объявляется у себя дома только два дня спустя, причем не входит в квартиру, а сразу из нее выходит — на очередную невинную прогулку до ближайшего моста. Или, напротив, всего через час вдруг обнаруживается в Берлине, на открытии какой-нибудь выставки, прямую трансляцию с которой показывают в новостях культуры по телевизору, дабы быстро и эффективно свести с ума человека, имевшего счастье только что наблюдать за паном Черяогуком на пражской улице. Как тебе такой фокус?

— Ничего, неплохо, — одобрительно сказал я. — Умеет чувак от хвоста уходить, что тут скажешь.

Мала Страна **— район в центре Праги.**

— И такие штуки он проделывает гораздо чаще, чем ездит в такси, — вздохнул Митя. — Не всегда лезет под мост, конечно. Но исчезнуть в самый неожиданный момент, в месте, где нет никакого запасного выхода, тайного лаза или еще чего-то в таком роде? — это, можно сказать, его любимое занятие. Будь ты на моем месте, неужели не захотел бы выяснить подробности?

— Я и на своем месте уже хочу, — признался я. Немного подумал и спросил: — Слушай, а приятель его тебе хорошо знаком?

— Смотря какой.

— Станислав Грочек.

Митя невольно поморщился.

— Вижу, что знаком, — ухмыльнулся я. — Доктор по прозвищу Чума. Большой души, должно быть, человек.

— Он ужасный, — твердо сказал Митя. — Просто ужасный. Зря ты его вообще вспомнил.

— Он странный тип, — согласился я. — И, пожалуй, неприятный. Но что именно с ним не так?

— Все не так, — резко сказал Митя. — Если увидишь его на улице, переходи на другую сторону. Желательно — бегом. Не связывайся с ним ни под каким предлогом, вот тебе мой совет. Пан Болеслев этого монстра приручил и, судя по слухам, более-менее успешно дрессирует, памятник бы ему за это поставить. Говорят, теперь с доктором Грочеком вполне можно иметь дело. Но я бы все равно не стал.

— Все это общие фразы, — сказал я. — А душа жаждет фактов. Предлагаю обмен. Ты внятно объяснишь, что такого страшного в этом вашем Грочеке. А я за это расскажу тебе, как провел сегодняшнее

утро пан Черногук. Захватывающая история, головокружительная интрига, пещера Лихтвейса, короче.

— Ты серьезно?

— Более чем. У меня свежайшая информация. Ну как, сторговались?

Митя мучительно поморщился.

— Ладно, сейчас. Подожди.

Некоторое время мы ехали в полном молчании, наконец Митя свернул к очередной заправке, остановил машину, залпом выпил полбутылки воды, повернулся ко мне и очень серьезно сказал:

— В свое время он лечил мою маму. Он может, если хочет. И спас ей жизнь. Но это очень дорого стоило. Я не деньги имею в виду, вернее, не только деньги. Ты уж извини, но не буду рассказывать подробности. И дело не в том, что мне неприятно вспоминать. Просто когда я начинаю рассказывать о нем что-то существенное, у меня начинается мигрень. Одно из последствий наших, блин, высоких отношений. Голова болит как огромный гнилой зуб, час, или два, или полдня, или двое суток, как повезет. Таблетки не помогают, по крайней мере, все, что я перепробовал. Поэтому, пожалуйста, расскажи мне твою информацию просто так. Безвозмездно. Кстати, вести машину теперь придется тебе. Уж извини.

— Голова? Сейчас тоже?

— Как только ты завел разговор на эту тему. Я специально сюда свернул, чтобы поменяться с тобой местами. В таком состоянии ехать опасно.

Я не знал, что и думать. Вроде похоже на правду — вон как его перекосило. С другой стороны, он уже столько раз меня дурачил. Но я решил проявить великодушие. Чего уж там.

— А цитрамон ты пробовал? — спросил я, доставая из рюкзака упаковку.

Митя с сомнением пожал плечами.

— А смысл? Они же слабенькие.

— Да уж не кодеин, — согласился я. — Но если твоя голова действительно болит из мистических соображений, это не имеет значения. Так что бери. Хуже-то не будет. А вдруг окажется, что я великий шаман? Ну мало ли.

— Тоже правда.

Он взял целых четыре таблетки, проглотил, не запивая, и уставился на меня страдальческими глазами. Похоже, ему действительно было плохо. Рожи корчить он, конечно, умеет, но бледность с таким эффектным зеленым оттенком обычно зарабатывают честным трудом.

— Ладно уж, расскажу тебе про Черногука, — вздохнул я. — Может, хоть это поможет. Ну как, меняемся местами?

— Наверное, все-таки да, — неохотно сказал Митя.

В целительную силу моего цитрамона он явно не верил.

Оказавшись за рулем, я невольно почувствовал себя хозяином положения. Приятная иллюзия — при том, что я, конечно, знаю ей цену.

— Так вот, пан Болеслев нынче утром был в Вильнюсе, - тоном Деда Мороза, приступающего к раздаче подарков, объявил я.

Митя встрепенулся.

— Но ты сказал, он так и не узнал ваш адрес?

— От меня не узнал. Если бы даже я очень захотел ему сказать, пришлось бы звонить домой, спрашивать. Я тебе не говорил? Я только улицу помню. Номер дома и квартиры мне ни к чему, я же и так знаю, куда заходить.

— Понимаю, — кивнул Митя. — Я, когда часто квартиры менял, тоже в номерах путался.

— Ну да. Но название улицы я ему тоже не выдал, я точно помню. Однако сегодня утром пан Болеслев гулял именно по нашей улице. И не просто гулял. Залез как минимум в две пустые квартиры. И в нашу пытался пробраться под видом сантехника. Однако Рената его не пустила. Умница.

— Хорошая у вас в семье традиция — родителей по именам называть, — улыбнулся Митя. — Как-то сразу чувствуется, что вы дружите.

— Дружим, да. Но Рената не мама. Она моя няня. Рад, что ты еще способен ржать, но обломись, бывшая. К тому времени, как я вырос, они с Карлом привыкли жить под одной крышей. Им это нравится. Тогда они стали делать вид, что Рената экономка, или как это еще называется... На самом деле их симбиоз покрепче любых родственных уз. Во всяком случае, когда Рената заикнулась, что хотела бы на старости лет вернуться домой, Карл тут же подорвался с насиженного места и переехал в Вильнюс. Хотя там нет приличного органного зала. Но ему плевать, лишь бы Рената была в порядке. Счастье, конечно, что она не из Бишкека какого-нибудь. Но Карл вообще везучий.

— Какая хорошая лав-стори, — слабо улыбнулся Митя.

— Не уверен, что именно «лав». Романа у них никогда не было. Я бы знал.

— Любовь не так уж часто принимает форму романа. Хотя порой, конечно, случается. И это сбивает всех с толку. В смысле, универсальная формула

«и так тоже бывает» автоматически подменяется заведомо ошибочной «всегда бывает только так».

— Твоя правда, — согласился я.

— Ладно, а как с Черногуком? Твоя Рената его не пустила, и что было дальше? И кстати, почему ты думаешь, что это именно он?

— По описанию похож. Я при тебе пошутил про Адского-Уборщика-из-Тьмы? Нет, ты к этому моменту уже вышел. Так вот, Рената сразу сказала, что шутки шутками, а внешность у незнакомца для этой роли вполне подходящая. Дескать, вылитый Мефистофель. Бледный черноглазый брюнет и все такое. Я почему-то не сомневаюсь.

— Ладно, предположим. Но ты сказал, он залезал в другие квартиры? Откуда это известно?

— Рената своими глазами видела, как таинственный брюнет заходил к ее подружке, которая в это время была на работе. А позже своими ушами слышала, как соседский мальчик звонил родителям, дескать, в доме кто-то чужой. Не удивлюсь, если этим не ограничилось, специально-то она за ним не следила.

— Все это очень странно выглядит, — вздохнул Митя. — Как будто ты все-таки сказал ему название улицы. Но ты же не говорил?

— Конечно нет. Разве только этот твой «злой колдун» развлекается на досуге чтением чужих мыслей. Или его приятель. Кстати, я бы не удивился.

— Я бы тоже, — сухо сказал Митя. Он невольно поморщился, но тут же замер, лицо его сперва разгладилось, потом расплылось в блаженной улыбке.

— Слушай, эти твои таблетки... — удивленно сказал он. — Вроде подействовали. Я и не надеялся. Вот это да!

— А все потому, что я святой чудотворец, — ухмыльнулся я.

— Похоже на то, — без тени улыбки согласился Митя. — Сверни-ка вон к той заправке. Я тебя, пожалуй, сменю.

— Значит, во-первых, улица. — Сев за руль, Митя сразу взял деловитый тон. — Ее название ты знал, но никому не сказал; тем не менее в нескольких домах, расположенных на этой улице, сегодня устроили шмон. В нескольких — это тоже очень показательно. Потому что номер дома и квартиры ты не только никому не говорил, но и сам не знал. Выглядит все так, будто ваше жилье искали методом тыка. Но беспокоит меня не это.

— А что? — рассеянно спросил я.

Все это время я напряженно вспоминал позавчерашний вечер, точнее, ту его часть, которую провел в маленькой комнате, слушая скрипку и барабан. Заснул там ни с того ни с сего, и сон мне приснился скверный, и еще этот Доктор Чума рядом терся, нависал надо мной, как спасатель над утопленником, только что целоваться не лез, — как ни крути, но похоже, меня действительно загипнотизировали. И расспросили. И я, конечно, выложил полезную информацию, как на исповеди. А ребята решили, что это не все. Потому что разгильдяи, не способные вспомнить собственный адрес, огромная редкость в наши просвещенные времена. Быть одним из них — высокая честь и большая удача, чего уж там, я собой горжусь. Но все равно дело плохо. Жил бы Карл где-нибудь на проспекте Гедиминаса — да на любой большой улице, — я бы сейчас веселился от души. А в нашем тупичке от силы полтора десятка домов — совсем небольших, двух-, трехэтажных, в некоторых всего один подъезд. Не улица, а сонная деревня, где

все друг друга знают хотя бы в лицо, так что переворачивать вверх дном все квартиры подряд нет никакой нужды. Достаточно зайти в любой двор и расспросить разговорчивых старушек: где тут у вас знаменитый музыкант живет? Сразу покажут. Они соседством с Карлом гордятся до крайности. Странно, кстати, что Лев не додумался. Не такой уж мудреный ход. И самому светиться не обязательно, послать кого-нибудь, да и дело с концом. Я бы на его месте просто нанял какую-нибудь тетку, всучил ей букет — и вперед, на разведку. Поклонница желает возложить цветы на порог кумира, обычное дело. Такой все соседки помогут.

— Действительно странно, что он не додумался. — Я сам не заметил, что сказал это вслух.

— До чего не додумался? — оживился Митя.

Я вкратце пересказал ему свою идею.

— Вот! — энергично закивал Митя. — И это тоже.

— В смысле — «тоже»? А что еще?

— Не хочу опять доставать тебя историями про злых колдунов, — ухмыльнулся он. — Но как я себе представляю возможности пана Болеслева, если бы он захотел незаметно и без препятствий проникнуть в чужую квартиру, он бы это сделал. Вне зависимости от того, дома хозяева или нет. Что твоя няня его не пустила, а потом засекла, как он ломится к ее подружке, — это, с моей точки зрения, и есть самое необъяснимое. Но верить мне на слово совершенно не обязательно, ты и сам дело говоришь. Увидеть, что улица совсем маленькая, зайти в первый же двор и расспросить соседей про известного музыканта — очень простой, беспроигрышный и совершенно очевидный ход. Если, конечно, тебе действительно нужно узнать адрес. А не...

Он осекся и умолк. Я вежливо подождал, пока он соизволит продолжить, но наконец не выдержал и спросил:

— А не — что?

— Да вот сам не понимаю, — вздохнул Митя. — У меня такое впечатление, что он хотел не найти вашу квартиру, а продемонстрировать всему миру, как старательно он ее ищет. Ну или не всему миру, а только тебе и твоим родственникам. Но это не имеет никакого смысла. Зачем?

— Ты меня спрашиваешь?

— Вообще-то, — важно сказал Митя, — вопрос был адресован Мировому Разуму. Но если у тебя есть идеи, с радостью их выслушаю.

— Боюсь, Мировой Разум нынче не расположен вещать моими устами. Во всяком случае, ни одной стоящей гипотезы он в мою голову не вложил. Даже нестоящие зажилил. Поэтому я просто ничего не понимаю. Эта история мне очень не нравится — и все. Без комментариев.

— И у тебя по-прежнему нет идей, что именно ему от вас надо? — спросил Митя. — Ты имей в виду, я могу помочь. Я умный.

— Верю, — невольно улыбнулся я. — Но наши с Карлом опасения насчет разграбления его коллекции ты уже отмел с негодованием. И Мирра, кстати, тоже. Вы оба неплохо знаете Черногука и скорее всего правы. Но других версий у меня нет.

— Кража антиквариата — это не по его части, — согласился Митя. — Но, как я уже говорил, у вас вполне может быть какая-то вещь, представляющая для пана Болеслева огромную ценность. И — теоретически — он вполне мог узнать, что эта загадочная вещь принадлежит твоему отцу. Скажем, от бывших вла-

дельцев. Но эта версия не дает нам ответа на вопрос, почему он так нелепо и неразумно ведет поиски.

— А у него нет брата-дурака? — с надеждой спросил я. — Ну или не брата...

— Хороший вопрос, — кивнул Митя. — Брата, насколько мне известно, у пана Болеслева нет, хотя... — На этом месте он замялся, но тут же бодро продолжил: — Это, конечно, ничего не значит. Человек, который согласно документам никогда не рождался, но тем не менее преспокойно существует, вполне может скрывать от взволнованной общественности не одного, а целую дюжину братьев. Однако если этот гипотетический брат глуп, странно было бы поручать ему мало-мальски важное дело. Это то же самое, что напортачить самому. Нет, похоже, тут какая-то сложная игра. Ну или просто совпадение.

— Совпадение?!

— Ну да. Фотографию сантехника-самозванца тебе не показали. Теоретически, вполне может быть, что в вашем районе завелся незадачливый вор, темноволосый и черноглазый. Эту версию тоже не стоит отбрасывать.

— Меня бы она вполне устроила. Проблема в том, что не могу в это поверить, при всем желании.

— Я тоже не могу, — согласился Митя. — Но верить и допускать возможность — это разные вещи.

Я пожал плечами. А что тут скажешь?

Когда до Праги осталось всего полсотни километров, я решил, что пришло время поставить ребром пару-тройку насущных вопросов.

— Как мы будем жить дальше? — спросил я.

— Долго и счастливо, разумеется. — Митя и бровью не повел.

— Утешительная перспектива. Но мне сейчас интересно другое. Например, собираешься ли ты продолжить наблюдения за моим поведением в живой природе. Не то чтобы мне это мешало. Просто хочу помочь тебе сэкономить время и средства.

— А я, знаешь, так и не решил, — беззаботно ответствовал Митя. — С одной стороны, в качестве поставщика тайной информации о Черногуке ты, пожалуй, действительно вполне бесполезен. С другой стороны, ты и сам по себе тот еще объект для изучения. Ни хрена я про тебя пока не понимаю. Как-то все слишком уж лихо закручено.

— Вот! — Я воздел к потолку указующий перст. — Это и есть твоя главная ошибка — думать, будто у меня все «лихо закручено». А оно вообще не закручено. Ни лихо, ни умеренно — никак. Я самый обычный бессмысленный бездельник, порядком одуревший от покоя и воли. Зато у меня есть отец, у которого дел по горло. И еще куча всяких дурацких увлечений. Естественно, он ни черта не успевает. Или делает вид, что не успевает, — специально, чтобы развлечь меня поручениями. Это, кстати, прекрасно работает, в последние несколько дней жизнь снова начала казаться мне вполне увлекательным процессом. Ты тоже немало для этого сделал, чего уж там. Чтобы не остаться неблагодарной скотиной, открою тебе свою страшную тайну. Из Праги я собираюсь поехать в Краков. Там живет тетка, которую я собирался навестить в Хагене, но выяснилось, что она переехала. От нее мне нужна информация об очередном уникальном ключике или сам ключик — как повезет. Впрочем, ты это уже знаешь, если внимательно слушал мои телефонные переговоры в Йиглавском кафе. А из Кракова я скорее всего поеду домой. Ну или еще покатаюсь — по обстоятельствам.

— Слушай, — смущенно сказал он, — а можно тебе позвонить, узнать, чем дело кончилось? В смысле, у вас дома.

— Конечно звони, — вздохнул я. — Хотелось бы верить, что ничего интересного я тебе не расскажу. Ну его к чертям, это «интересное». Пусть уж лучше со мной происходит, если неймется. Переживу как-нибудь.

— Спасибо, — кивнул Митя.

Некоторое время мы ехали молча, наконец я сказал:

— И все-таки. Я так и не понял, на кой тебе сдался пан Болеслев. Ты действительно следишь за ним для собственного удовольствия? Я понимаю, что это скорее всего тайна за семью печатями. Но ты хоть намекни, во что я вляпался. Вернее, во что вляпались Рената и Карл. Что мне с ними теперь делать?

— Понимаю, — кивнул Митя. — На твоем месте я бы мне тоже не поверил. Но никакой тайны нет. Я действительно не спецслужба, а скромный частный сыщик. И за информацию о Черногуке мне уже давно никто не платит. Я понимаю, что аргумент «мне интересно» звучит неубедительно. У меня есть еще один аргумент, но он тебе тоже не понравится.

Я вопросительно приподнял бровь. Дескать, давай свой аргумент, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Интуиция, — вздохнул Митя. — Я чувствую, что все это может быть мне очень полезно. Не знаю, когда, почему и как, но... Ну и потом, собирать информацию о фигуре такого масштаба — дело беспроигрышное, покупатель на нее рано или поздно объявится, а у меня уже все готово. Хотя бы поэтому имеет смысл хлопотать.

— Звучит вполне разумно, — нехотя согласился я.

— Конечно. Я придумал это объяснение, чтобы успокаивать самого себя в те непростые моменты, когда иррационального «так зачем-то надо» становится недостаточно.

Я флегматично кивнул, всем своим видом изображая разочарование, которого, по правде сказать, не испытывал. Вполне может быть, что он говорит искренне. Правда нередко оказывается невразумительным бормотанием, которое не может удовлетворить даже ее обладателя. Тем хуже — я-то рассчитывал на хотя бы плохонькое руководство к действию. Потому что материала для бесплодных размышлений у меня уже и так предостаточно.

— А отца и няню я бы на твоем месте куда-нибудь увез, — твердо сказал Митя. — Хотя бы на пару месяцев. И ключ под ковриком для пана Болеслева оставил бы. Пусть заходит, берет, что надо, и проваливает ко всем чертям.

— Если я расскажу домашним, что злой пражский колдун вышел на охоту за их скальпами, Рената заверещит от восторга, напечет пирожков, наденет свою самую красивую юбку и с нетерпением будет ждать роковой встречи. А Карл, возможно, отнесется к делу серьезно и перевезет в безопасное место свои самые ценные шарманки. Если, конечно, не отправится наверх поиграть и не забудет о своем похвальном намерении. А он скорее всего отправится. И поиграет. И забудет. Как в таких условиях проводить эвакуацию, не представляю.

— Ладно, — вздохнул Митя. — Забудь. Мало ли что мне мерещится. Я, знаешь, часто преувеличиваю. Меня надо выслушать, а потом поделить на сто.

А еще лучше — на ноль, мрачно подумал я. Но придержал язык за зубами.

Митя любезно подвез меня к железнодорожному вокзалу, проводил в какую-то хитрую кассу, где не было очереди, и тактично распрощался, не дожидаясь, пока я куплю билет.

Выяснив, что до Кракова можно добраться на варшавском поезде, который отходит в десять вечера и прибывает к месту назначения утром, я возликовал, купил билет, прогулялся, пообедал, позвонил домой, убедился, что Рената действительно зазвала к себе подружек, более-менее успокоился на ее счет и вернулся на вокзал за несколько минут до отправления.

Купе спальных вагонов в большинстве европейских поездов выглядят безрадостно: узкая клетушка, три полки, одна над другой, под крышкой стола умывальник, который далеко не всегда работает, зато исправно источает аромат затхлой воды. Когда покупаешь билет первого класса, проводник убирает одну из полок, устраняя, таким образом, угрозу заполучить на свою голову сразу двух попутчиков. Сосед, в случае чего, будет всего один. Это тоже плохо, но не смертельно. Но плохо, чего уж там. Очень плохо. Особенно если устал как собака, а моей усталости хватило бы сейчас на целую стаю.

Поэтому,, оказавшись в купе, я, не раздеваясь, рухнул на полку и вознес обычную в таких случаях молитву: пожалуйста, Господи, никаких соседей, мне надо побыть одному, очень Тебя прошу. Тут же по коридору затопали чьи-то ноги, дверь купе, скрежеща, отворилась, сердце мое исполнилось скорби, но миг спустя я уже ликовал — это просто проводник, пришел убрать лишнюю полку, принес стакан жидкого чаю и пачку пресных крекеров — разнузданная роскошь, немыслимый шик, специально для пассажиров первого класса, сам себе завидую.

Пока проводник возился с полкой, поезд понемногу тронулся. Уши мои трепетали, прислушиваясь к шагам в коридоре, но желающих посягнуть на мое одиночество там не было. Вот она, чудотворная сила молитвы, торжествовал я, запирая дверь за стражем вагона. Снял куртку, залпом выпил горячий еще чай, снова рухнул на полку, закрыл глаза и сразу же провалился в сон.

Мне снилось, что я брожу по пустому супермаркету; там не было не только покупателей и продавцов, но и товаров — только пустые полки и тележки, забаррикадировавшие почти все проходы. Я спешил выбраться наружу, а лампы дневного света гасли одна за другой, и мне это очень не нравилось, потому что найти выход в темноте будет совсем непросто, его и сейчас-то хрен найдешь, с досадой думал я, пытаясь протиснуться между рядами тележек, но они стояли намертво, а лампы по-прежнему гасли, и вдруг я осознал, что наблюдаю за собственными перемещениями сверху, из-под потолка, а миг спустя понял, вернее, *вспомнил:* ну конечно, я — тоже лампа, одна из многочисленных ламп дневного света, всегда ею был и вдруг возомнил себя живым человеком, идиот! Какой ты, в жоп}^{г}, человек, укоризненно говорил я себе, ты — лампа, мы все тут лампы, мы долго горели, мы устали, а теперь мы погаснем и отдохнем, потерпи немного, скоро тебя выключат, сейчас, сейчас, вот так

Я не просто проснулся, а натурально выпрыгнул из этого дурацкого кошмара. Если бы проводник не убрал верхнюю полку, разбил бы к чертям башку, а так ничего, только руку в стенку со всей дури впечатал, но, кажется, просто ушиб, ничего страшного. А что больно, оно и неплохо, по крайней мере, не засну какое-то время. Не провалюсь обратно в этот бессмысленный сон. Фуф.

Надо бы ее под холодную воду, думал я, с досадой разглядывая при свете ночника распухшую ладонь. А еще лучше — приложить лед. Кстати, у проводника наверняка есть холодильник. А в холодильнике — минералка. Или пиво. Должно что-то быть.

Холодильник в купе проводника действительно имелся. Ухватив ушибленной рукой ледяную пластиковую бутылку, я почувствовал некоторое облегчение и отправился в тамбур покурить. Дурацкий сон, как ни крути, здорово выбил меня из колеи.

Закурив, я достал из кармана телефон, посмотрел на часы. Десять двадцать четыре. С момента отправления прошло меньше получаса. Выходит, проспал я всего несколько минут. А по ощущениям пару часов, не меньше. Надо же.

Я курил, прижимая к ушибленной руке все еще холодную бутылку. Голова была совершенно пуста, зато я явственно ощущал ее кубическую форму, особенно тяжелые, темные, словно бы свинцом обитые углы. Ничего хорошего, конечно, но пройдет, думал я, а был бы кофе, прошло бы прямо сейчас, но у проводника наверняка только растворимая дрянь, никакого удовольствия, а уснуть потом не смогу. Это немудреное рассуждение неспешно пересекало темное пространство моей опустевшей головы, в точности повторяя движение нашего поезда, и слова цеплялись друг за друга, как вагоны, и на стыках покачивались одновременно с составом, внутри которого я находился. Размеренное движение обоих поездов — реального и воображаемого — умиротворяло и даже убаюкивало, поэтому, докурив, я не пошел в купе, а прижался ноющим лбом к оконному стеклу, за которым не было ничего, кроме темноты и далеких голубых и желтых огней.

Постояв так какое-то время, я решил, что можно вернуться в купе и попробовать поспать, но обнаружил, что не могу пошевелиться. Ни двинуться с места, ни голову повернуть, ни перехватить поудобнее нагревшуюся уже бутылку, ни даже, кажется, вздохнуть. Я не испугался, но явственно ощутил, что мой будущий ужас уже разлит по полу и понемногу прибывает, как вода во время потопа. Мне-то пока совсем не страшно, но ледяная тягучая жуть уже поднимается от ступней к коленям, и, господи, что будет со мной, когда она доберется до сердца?

Отчаяние охватило меня, на помощь ему, как всегда в таких случаях, пришел гнев — это я-то не могу пошевелиться? Не бывать такому! Я рванулся, дернулся, со всей дури шарахнул ладонью по стене, взвыл от боли, открыл наконец глаза и обнаружил, что лежу на полке в своем купе, бутылки с водой, которой я вроде бы лечил пострадавшую руку, нет и в помине, зато рука — вот она, болит, зараза, но ничего страшного, просто ушиб, пройдет.

Какое-то время я пытался осмыслить происходящее. По всему выходило, что недавнее пробуждение, проводник, холодная бутылка и перекур в тамбуре мне просто приснились, а что рука так достоверно болела, это вполне объяснимо, я запросто мог стукнуться еще во сне. Но теперь-то я проснулся по-настоящему — вроде бы. Кажется. Похоже на то. И неплохо бы все-таки сходить к проводнику. Возможно, наяву у него тоже найдется холодильник и ледяная бутылка, которую можно приложить к ушибленной ладони, чтобы хоть немного успокоилась, зараза такая.

Сон оказался вещим — в том смысле, что холодильник в купе проводника наличествовал и холодная .минералка нашлась. Я поспешно открыл бутылку,

сделал несколько жадных глотков и, немного потоптавшись в коридоре, отправился в тамбур. Мне совсем не нравилась эта идея — повторять наяву все действия, совершенные во сне, но курить хотелось зверски, а тамбур — единственное место, где это можно сделать. Вот черт.

Закурив, я достал из кармана телефон, посмотрел на часы. Двадцать два часа двадцать четыре минуты, в точности как в давешнем сне. Это совпадение подействовало на меня, как удар мокрой тряпкой по сердцу. Я невольно дернулся, но тут же успокоился, вернее, мне стало все равно. Ну, двадцать два. Ну, двадцать четыре. Ну, совпадение. Может быть, я до сих пор сплю и вижу сон? Ладно, сплю и вижу, подумаешь, великое дело сон, в конце концов, когда-нибудь проснусь, я всегда рано или поздно просыпаюсь, не было еще такого, чтобы я — да не проснулся. А если и было, то я не заметил. А если не заметил, значит, никакой разницы. И будь что будет. *Que sera sera*.

Я курил, прижимая к ушибленной руке все еще холодную бутылку. А докурив, не пошел в купе, а прижался ноющим лбом к оконному стеклу и стоял так, пока не ощутил, что снова не могу ни пошевелиться, ни вздохнуть. Это было почти смешно — смотри-ка, действительно все повторяется, не сон, а дурная присказка про белого бычка, надо же было так влипнуть.

Значит, так, сказал я себе, все это чрезвычайно поучительно, но сейчас ты все-таки попробуешь проснуться по-настоящему. Спокойно, без паники откроешь глаза и обнаружишь себя в купе, смирно лежащим на полке, только руками не надо размахивать, очень тебя прошу, третий удар добром не кончится.

Однако сказать оказалось проще, чем сделать. Волевое усилие, не приправленное ни паникой,

ни гневом, не принесло результата. Я по-прежнему стоял, уткнувшись носом в оконное стекло, пялился в темноту, не шевелился, не вдыхал, не выдыхал, ни о чем не думал, но почему-то остро ощущал ход времени, вернее, собственное движение сквозь него, — каждая секунда казалась мне своего рода барьером, препятствием, которое я успешно преодолевал, и это было чертовски утомительно и смертельно скучно, лучше бы я испугался, честное слово, хоть какое-то развлечение.

— Ты совершенно напрасно тут стоишь.

Легкая, прохладная ладонь легла мне на затылок, и я с изумлением понял, что могу повернуть голову. И конечно, тут же ее повернул, пытаясь одновременно вдохнуть и выдохнуть, потому что забыл, в какой последовательности это надо делать, в результате захлебнулся воздухом, закашлялся, выронил бутылку, от удара с нее слетела неплотно закрученная крышка, и остатки воды вылились мне на ноги — неприятное, ко освежающее событие.

Тут же раздался звонкий собачий лай, я подпрыгнул от неожиданности и более-менее стряхнул с себя сонное оцепенение. Ушибленная рука по-прежнему ныла, ботинки были залиты водой, пустая пластиковая бутылка валялась на полу, а передо мной стояла пражская художница Мирра Жукотовская собственной персоной. Нервно накручивала на палец синий локон. Глядела на меня неодобрительно, но ласково, как на проказливого ребенка.

— Тебе что, жить надоело? Расслабился, блин. Нашел время. Ты хоть понимаешь, во что влип?

— Я просто еду в Краков, — невпопад ответил я. — А почему — влип? Во что влип? Мне всякая ерунда снилась. А теперь, получается, ты снишься? Или не снишься? Что-то я не могу понять.

Черный лохматый пес, до сих пор мирно сидевший у ног хозяйки, поднял мокрую от брызг морду и осуждающе рыкнул. Будь у него дар человеческой речи, пес наверняка проворчал бы: «Совсем сбрендил» — или что-то в таком роде.

— Понимать будешь потом, — сухо сказала Мирра. — Или не будешь. Пошли отсюда.

— Откуда — отсюда? — обалдел я.

— Из этого вагона. Нельзя тут оставаться.

— А где можно?

— В другом, наверное, можно. Или нет?.. Ладно, сейчас разберемся. Пошли.

Она провела меня через несколько вагонов. Черный пес бежал следом и вид имел вполне грозный, так что отступать мне было некуда. По дороге мы никого не встретили, пассажиры уже спали, а некоторые, судя по доносившимся невнятным возгласам, вовсю пьянствовали в своих купе, проводники отдыхали от праведных трудов, а бригады контролеров, как в немецких поездах, здесь не ходят, билеты проверяют сразу при посадке.

Наконец в очередном тамбуре Мирра остановилась.

— Покури здесь, — сказала она. — Только в окно не смотри. И глаза не закрывай. Вообще не расслабляйся. Лучшее, что ты сейчас можешь для себя сделать, — это испугаться. Или хотя бы забеспокоиться. И быть начеку. Постарайся, пожалуйста. Это очень важно. Мы скоро вернемся.

Черный пес нетерпеливо тявкнул и побежал обратно, Мирра последовала за ним, а я послушно закурил и попытался осмыслить происходящее. Теперь, значит, мне снится Мирра Жукотовская, надо же. Или не снится. Просто тоже едет в Краков, почему бы нет. Говорят, Краков красивый город... а я — изумительный объект для наблюдения. Наверняка она села мне на хвост по поручению нашего общего друга Мити, или нашего не менее общего друга пана Болеслева, или, чем черт не шутит, ради собственного удовольствия. А что ж, охотников наблюдать за моими хаотическими перемещениями в последнее время развелось — страшное дело. Сбрендили они от скуки в своем готическом сувенирном раю, вот чего. Но все-таки хорошо, что она меня разбудила. Если разбудила, конечно. Ни в чем нельзя быть уверенным, и знал бы кто, как мне это остоебенило. Скорей бы, что ли, утро. По моим ощущениям, уже хорошо за полночь... Я достал из кармана телефон и уставился на цифры в правом нижнем углу экрана. Двадцать два двадцать четыре, о господи. Опять двадцать два двадцать четыре. Черт бы их побрал. Всех. Или хоть кого-нибудь.

Я смотрел на телефон не моргая. Ждал. Еще немного, и будет двадцать два двадцать пять. И я хочу своими глазами увидеть, как четверка превращается в пятерку. Изумительное должно быть зрелище. Уж я его не упущу. А потом можно будет перевести дух.

Время тянулось чертовски медленно, по моим ощущениям, прошла не то что минута, а целая дюжина отборных, упитанных, полновесных минут, но мой телефон упорно показывал двадцать два двадцать четыре, хоть убейся. Сломался он, что ли?

Я даже рассмеялся от облегчения. Господи, ну конечно сломался. Гаджеты в моих ласковых руках живут счастливо, но недолго, а этот красавец уже три с лишним года верой и правдой, уникальный экземпляр. Ну вот, наконец-то начал капризничать, а я, дурак, перепугался. Нервы ни к черту. Совсем распустился.

Я выбросил сигарету, отвернулся к окну, прижался лбом к холодному стеклу, уставился в темноту, почти сразу вспомнил, что Мирра не велела, подумал с ленивым раздражением: да пошла она. И вообще, какого хрена я топчусь в тамбуре чужого вагона? Это не дело, потому что поезд, строго говоря, идет до Варшавы, краковский вагон тут всего один — мой. Ну или два, какая разница. Отцепят нас, конечно, только под утро, и не на ходу, а на какой-нибудь станции, но черт его знает, который сейчас час, может, я полночи кошмарами маялся, так что лучше вернуться в купе. Желательно прямо сейчас, пока эта крашеная знаменитость увлеченно его обыскивает, — как же я сразу не подумал, что...

Я хотел развернуться и пойти к себе, но обнаружил, что опять не могу ни пошевелиться, ни вздохнуть. Значит, все-таки сплю. Опять этот мудацкий сон, да что ж это такое. Мне стало себя жалко: все люди как люди, пьянствуют, жрут, пялятся в окна, тискают попутчиц, вовсю наслаждаются поездкой, и только Филипп Карлович с упорством, достойным лучшего применения, мается самым тягомотным кошмаром всех времен. Охренеть какое развлечение. Добраться бы до ребят из Небесной Канцелярии, ответственных за этот бардак. Уж я бы им устроил... Да что за блядство, в самом деле!

Я сам не заметил, как рассердился. Хорошо, качественно рассердился, мне это не так уж часто удается, а тут, гляди-ка, аж зарычал. И, взбешенный невозможностью оторваться от оконного стекла, так боднул его лбом, что оно явственно хрустнуло, а я испугался, что осколки вонзятся в лицо, жадно втянул в себя воздух, покачнулся, потерял равновесие, взмахнул руками, со всей дури впечатал в стену многострадальную левую ладонь, тихонько взвыл от боли и наконец-то открыл глаза. Проснулся, стало быть. С добрым утречком.

Я опять лежал на полке у себя в купе. Ушибленная рука болела,т<ак это обычно удается только зубам. Надо бы ее под холодную воду, подумал я. А еще лучше — приложить лед. Кстати, у проводника наверняка есть холодильник, а в холодильнике — напитки на продажу, и можно купить бутылку ледяной воды. Я ее уже два раза сегодня покупал — во сне. Кстати, именно поэтому лучше никуда не ходить. Хватит с меня бессмысленных повторов. Обойдусь.

Руке эта идея совершенно не понравилась. С каждой минутой она болела все сильней. Я еще немного помаялся, а потом плюнул на все, нашарил в кармане мелочь и отправился к проводнику. На этот раз я внимательно к нему приглядывался, старался понять, удивлен он моими частыми визитами или все-таки считает, что я пришел за водой впервые? Но мне, как назло, попался пожилой вислоусый флегматик, такой бровью не поведет, хоть всю ночь к нему бегай. А спросить напрямик: я к вам первый раз за водой пришел или, чего доброго, третий? — у меня не хватило духу.

Ухватив ушибленной рукой ледяную бутылку, я решительно отправился обратно в купе. Курить хотелось зверски, до умопомрачения. Но о тамбуре больше не могло быть и речи. Хватит с меня. Единственное, что я мог сделать, — открыть окно в купе. Обычно их замуровывают намертво, но попробовать стоило. Вдруг получится.

К чести моей следует сказать, что сдался я далеко не сразу. Боролся до последнего. И только когда к ушибленной левой руке прибавилась расцарапан-

ная правая ладонь и сломанный ноготь в качестве бонуса, перспектива вывести из строя обе полезные конечности сразу заставила меня капитулировать. А курить в купе, не открыв окно, — это все-таки слишком. Даже если проводник не прибежит, сам потом все прокляну. Так что — в тамбур, в тамбур. И гори все огнем.

Я вышел из купе и тут же шарахнулся назад — от неожиданности. Под дверью сидел большой черный пес. Мирра стояла чуть поодаль, прижимала палец к губам и одновременно энергично махала мне рукой — дескать, иди сюда.

То есть наше увлекательное магическое сновидение продолжается, обреченно подумал я. Или она все-таки наяву? Ладно, плевать, лишь бы мне прямо сейчас приснилось, что я закурил. А потом будем разбираться.

— Ты черт знает что творишь, — сердито сказала Мирра, когда мы вошли в тамбур.

Черный пес тихонько рыкнул, беззлобно, но неодобрительно — дескать, эх ты, как же так.

— Я вообще ничего не творю, — огрызнулся я, поспешно закуривая. — Это оно со мной творится. Само. Тошно уже. Сейчас-то хоть я не сплю? Как думаешь?

— Ты и в прошлый раз не спал, — отрезала она. — Не так все просто, не обольщайся. Надо тебя отсюда как-то вытаскивать. Идти в другой вагон бесполезно, это я уже поняла. Прыгать на ходу из поезда ты, конечно, откажешься, потому что не понимаешь, что происходит. А я не смогу убедительно объяснить. — Мирра немного подумала и неохотно добавила: — Но вообще-то, я не уверена, что это поможет.

— Ну, слава богу, — вздохнул я. — Потому что прыгать на ходу из поезда я пока не готов.

— Конечно, ты пока не готов, — невесело усмехнулась она. — Надо было подождать, пока ты еще раз сорок проснешься в своем купе. А потом уже серьезный разговор заводить.

— Еще сорок раз? — тупо переспросил я.

— Можешь заменить сорок любым числом по своему усмотрению. Тысяча тебе нравится? А две тысячи? А пять? Не стесняйся.

— Мне в данном контексте даже число один не очень нравится. Хватит с меня.

— Верю, — серьезно сказала Мирра. — Только не понимаю, как тебя вытащить. Вроде пока мы разговариваем, ситуация более-менее под контролем. Можно попробовать просто поболтать до утра. Единственное, что...

Она замолчала. Задумчиво накручивала на палец разноцветные локоны, один за другим, поочередно, смотрела на меня исподлобья, не то сочувственно, не то враждебно, поди разбери.

— Что? — нетерпеливо спросил я.

— Понимаешь, я совсем не уверена, что утро когда-нибудь наступит. И что этот поезд приедет хоть куда-нибудь, я тоже не очень верю. Хоть и стараюсь быть оптимисткой.

— Ерунду какую ты говоришь, — сердито сказал я.

— Может быть. А может, и нет. У тебя есть часы?

— У меня есть телефон. Он показывает время. Обычно этого достаточно. Но сегодня он, похоже, сломался. Там все время двадцать два двадцать четыре, и...

— Покажи, — попросила она. Взяла телефон, повертела в руках. — Двадцать два двадцать четыре, да. Сломался, говоришь? Ну-ну. А починить пробовал?

— Никогда в жизни не чинил телефоны.

11 Зак. №2010

— Но хоть что-то ты с ними делаешь, прежде чем выбросить? Или сразу в мусор?

— Ну как тебе сказать. Можно попробовать его выключить, а потом опять включить. Иногда перезагрузка помогает.

— А сегодня ты это делал?

— Как-то не подумал. Голова квадратная, ни черта не соображает, и вообще не до того. Давай его сюда.

Выключаться телефон не желал, но у меня в таких случаях разговор короткий: вынуть аккумулятор, потом поставить его на место и нажать соответствующую кнопку, большого ума тут не надо, даже я справляюсь. Некоторое время телефон обиженно молчал, не реагируя на прикосновения, но наконец затренькал, засветился и потребовал ввести пин-код. После чего выдал мне все те же двадцать два двадцать четыре, будь они неладны. Я так рассердился, что дар речи потерял. Зато обрел наконец способность соображать. Залез в настройки и, яростно нажимая кнопки, поменял осточертевшие мне цифры — просто так, от балды, не задумываясь, сколько сейчас на самом деле. Двадцать два на ноль четыре. Двадцать четыре на пятнадцать. Результат мне понравился. Четверть пятого — очень хорошо. Пусть уже наконец наступит утро, хотя бы на отдельно взятом дисплее моего поломанного телефона. И делайте что хотите. В последний момент я сообразил, что надо поменять и дату. Одиннадцатое апреля на двенадцатое — полночь-то уже давно миновала. Теоретически.

— И так будет с каждым, — удовлетворенно сказал я, убирая телефон в карман.

— Погоди, — сказала Мирра, все это время заинтересованно наблюдавшая за моими манипуляциями. — А ну-ка, достань его обратно. Покажи мне.

Я пожал плечами, но телефон отдал. Пусть любуется. Мирра взяла его осторожно, как будто телефон был одушевленным, очень хрупким и, возможно, кусачим зверьком. Уставилась на дисплей. И вдруг торжествующе подпрыгнула.

— А теперь четыре шестнадцать! — воскликнула она. — Ну ты молодец! Надо же! Сработало! Мне бы и в голову не пришло. А ты!

— В смысле, починил часы в телефоне? — спросил я, удивленный такой бурной по сравнению со скромными масштабами достижения реакцией. — Это хорошо. Осталось узнать, сколько сейчас на самом деле времени и...

— Не нужно тебе ничего узнавать, — строго сказала Мирра. — Сейчас четыре шестнадцать... уже четыре семнадцать, с чем тебя и поздравляю.

— Думаешь, я угадал? Что-то не верится.

— Ты не угадал. Ты так *выбрал*. И время пошло. Скоро наступит утро — уже светает, смотри. — Она развернула меня к окну.

И правда, утро. Непроглядная чернильная тьма как-то незаметно превратилась в синеватое туманное месиво, а далекий горизонт украсился бледной канареечной полосой.

— Теперь этот поезд точно куда-нибудь приедет, — сказала Мирра. — Все будет хорошо — уже хорошо. Пациент скорее жив, чем мертв. Ты молодец, оказывается. Только, знаешь, лучше не спи больше. Потерпи, пожалуйста.

Мирра была ужасающе серьезна. Впрочем, засыпать в этом чертовом поезде я и сам больше не собирался. Хватит с меня.

— Надеюсь, у проводника найдется кофе, — мрачно сказал я, заранее содрогаясь от вкуса раство-

римой бурды, встреча с которой казалась неизбежной и, что ещё хуже, почти желанной.

— Очень хорошо, — кивнула Мирра. — Тогда мы просыпаемся.

Не дожидаясь ответа, распахнула дверь, ведущую в соседний вагон, пропустила вперед собаку, шмыгнула следом, дверь захлопнулась с оглушительным грохотом, как взорвалась.

— Ты куда?

В глубине души я понимал уже, что дело безнадежное, но все-таки сунулся следом — никого, конечно. И туалет, к слову сказать, совершенно свободен, значит, никто там не прячется. Одна надежда, что Мирра и пес скрылись в каком-нибудь купе. То есть я, конечно, догадывался, что они просто исчезли, но у меня не было сил с этим соглашаться. В мою маленькую, тяжелую, отвердевшую от боли голову не помещалась новая реальность — сбрендившая, давшая себе волю, распустившая шнурки причинно-следственных связей на жестком прежде корсете, натурально распоясавшаяся. Кажется, именно о такой зыбкой и ненадежной картине мира я мечтал всю жизнь, не подозревая, насколько утомительной окажется моя овеществленная мечта. Поэтому, граждане ангелы, ответственные за полет моей скудной фантазии, давайте договоримся, что у Мирры просто было место в соседнем вагоне и специальный билет для собаки, и соответствующие справки от ветеринара, все как положено, а где они теперь на самом деле, плевать. То есть интересно, конечно, но об этом я подумаю завтра или, еще лучше, через месяц. А сейчас, черт побери, кофе, кофе и ничего кроме кофе, аминь.

Я думаю, все-таки тот мальчишка из соседней деревни был дурак и паникер. Многие до сих пор считают его лгуном, но это несправедливое обвинение, он все время говорил правду, я точно знаю. Волки у них на околице часто крутятся, наверняка мальчишка видел, как мелькают в зарослях серые хвосты, но — бежать, вопить, звать на помощь? Ни ума, ни выдержки, ни чувства собственного достоинства, позорище. Неудивительно, что все так печально закончилось. Сожалею, но тут уже ничего не изменишь.

Когда очередной мальчишка теряет голову при виде серого хвоста и начинает бегать с воплями: «Волки, волки!» — обычно он говорит правду. Яне одобряю такого поведения, но я им верю. В наших краях полно волков, я вижу их очень часто, да что там, почти всегда, почти везде. Вот и сейчас несколько пар внимательных глаз следят за мной из зарослей. То ли их так много развелось в наших краях, то ли воображение мое разыгралось не на шутку. Не то чтобы я себе не доверяю, просто допускаю возможность, что некоторых волков не видит никто кроме меня. Что, впрочем, не мешает серым хищникам таскать овец, стоит мне отвернуться.

Поэтому я стараюсь не отворачиваться.

Помощь мне не помешала бы, но ждать ее особо неоткуда. Кто видит волков, тот их и гоняет, а значит, это моя работа, я — последняя инстанция. Если смогу — отобьюсь, а не смогу — что ж, наймут нового пастуха. Наверное. А как еще. Всегда находится кто-то, способный разглядеть в зарослях цветущего шиповника волчий хвост.

А когда мне становится совсем невмоготу, потому что волки везде, вы понимаете, абсолютно везде, не только в зарослях за околицей, они бродят по ули-

цам, заходят в дома, даже в моей спальне прячется невидимый пока, но зубастый зверь, выжидающий удобного момента, чтобы вонзить клыки в беззащитное горло моего сновидения, — я не стану кричать и звать на помощь, это бессмысленно. В такие черные дни я беру в руки перо, пишу на клочке бумаги: «Волки, волки!» — кладу письмо в бутылку, запечатываю ее сургучом и кидаю в море. Если мне очень повезет, кто-нибудь, когда-нибудь, годы спустя, разберет мои каракули и помолится за меня.

Но это — всё.

Я сердито захлопнул книжку. Верный друг Цаплин на сей раз меня подвел, вместо очередной забавной истории выдал унылый монолог, такой же мутный, как растворимый капучино в пластиковом стаканчике — проводник приготовил его, не просыпаясь, даже глаз не открыл, мастер, что тут скажешь.

За окном было пасмурное молочно-белое утро, деревья и придорожные столбы едва просвечивали сквозь плотный, почти непрозрачный туман. Я приник к окну, пялился на однообразный пейзаж, как зачарованный. Это зрелище поглотило меня целиком, я больше не хотел ни спать, ни читать, ни понять, что за херня творилась со мной ночью, ни даже хорошего кофе. Вот за что я люблю поезда — иногда здесь можно стать Тем-Кто-Смотрит, и больше никем.

В конце концов я все-таки задремал — сидя, прижавшись щекой к мутному оконному стеклу. На сей раз обошлось без кошмаров и вообще без сновидений, я просто провалился в теплую, безопасную темноту. Зато проснулся внезапно — от острого, сокрушительного осознания, что я больше ничего не понимаю. И никогда не понимал. Что такое жизнь? Откуда она? Почему? Как это вообще устроено? А я — что? Я — откуда? Я — кто? И куда это все теперь, и как с этим быть?

То есть я не принялся размышлять о смысле бытия, а проснулся от непонимания, как от боли, словно бы судорогой свело, да не ногу, а всего меня и вместе со мной весь мир; все, что есть, что было и что будет, вдруг объединилось и теперь яростно пульсировало от боли, сведенное судорогой.

И еще одновременно я сейчас *видел,* что такое смерть и как она происходит. Не покой, конечно, это же надо было выдумать — «вечный покой», «покойник». Это когда живое, трепещущее, осознающее раздирают на части, и процесс этот не имеет ни начала, ни конца, наверное, он — вечность. Я видел это как бы боковым зрением, потому что невозможно на такое уставиться и разглядывать. И одновременно еще больше не понимал — что, как, почему, откуда?

От верблюда.

Я снова закрыл глаза и приготовился сойти с ума. Это сейчас казалось мне не только неизбежным итогом, но и наилучшим выходом. Быть живым человеком и не быть при этом сумасшедшим — нереально, невыносимо страшно и больно. Поэтому все вокруг сумасшедшие, и мне пора браться за ум, поскорее с него сходить и никогда больше не возвращаться, а то безобразие, вот уж действительно.

От немедленной реализации этого сценария меня спас вислоусый проводник — постучал в дверь и возвестил: Краков. Я вздрогнул, машинально схватился за полотенце, утер взмокший лоб, потом сообразил, что в купе есть умывальник, и плеснул в лицо пригоршню холодной воды. Пришел в себя, выдохнул,

посмотрел в окно. Поезд уже полз вдоль залитого солнцем перрона, где слонялись немногочисленные встречающие.

Я надел куртку, схватил рюкзак и вышел в коридор. Одновременно распахнулась дверь соседнего купе, и оттуда вышел высокий нескладный человек, чью худобу не мог скрыть даже просторный плащ, из рукавов которого, чуть более коротких, чем требовалось, торчали большие костистые кисти рук. Увидев меня, он поспешно отвернулся и почти бегом бросился к выходу, ноя успел заметить круглое как блин лицо, сросшиеся брови, впалые щеки и ямочку на подбородке, где-то я уже видел этот диковинный набор, совсем недавно, ну же, ну!

Ах ты господи. Еще бы я не видел. Пан Станислав Грочек, Доктор Чума собственной персоной ехал всю ночь в соседнем купе. Интересные дела, что тут скажешь. Как я его еще в Праге не углядел? Впрочем, он мог прийти раньше или позже, занять место и запереться, как это сделал я сам.

— Пан Станислав! — окликнул я.

Он не обернулся. Втянул голову в плечи и юркнул в тамбур, а оказавшись на перроне, перешел на бег. Это было очень странно. Когда тебя окликнул случайный знакомый, на болтовню с которым не хочется терять время, проще всего сухо кивнуть, еще более сухо извиниться, сославшись на неотложные дела, и идти дальше. Если даже такое усилие кажется излишним, можно вовсе не откликаться, пусть думает, что перепутал. Но убегать — это очень глупо. Взрослые люди так не поступают. Если только... Если только — что?

Формулировать было некогда, но внутренний карман, где лежали документы, бумажник и ключ, я

машинально проверил. Все было на месте, но я, повинуясь какому-то дремучему охотничьему инстинкту, бросился следом за Грочеком. Зачем он мне нужен, я сам не понимал. Догнать, остановить и заставить поздороваться? Ну вот разве что.

Впрочем, отсутствие внятной концепции совершенно не помешало мне развить неплохую скорость. Пан Станислав не мог со мной тягаться, я настиг его в несколько прыжков. Ухватил за плечо, требовательно развернул к себе и очень громко сказал: «Добре рано, пан Станислав», исчерпав, таким образом, добрую треть своего скудного словарного запаса.

В его круглых светло-зеленых глазах не было ничего, кроме неприкрытого, отчаянного ужаса. Я так удивился, что немедленно его отпустил. Пан Грочек заверещал, как раненый заяц, потом понял, что я его больше не держу, и пустился наутек.

Псих, неуверенно подумал я. Просто сумасшедший. Тоже мне Доктор Чума.

— У пана проблемы? — вежливо осведомился толстый полицейский. Он как-то незаметно материализовался за моим левым плечом и теперь нежно, как отец, ведущий к алтарю любимую дочь, придерживал меня за локоть.

Я вздохнул, заранее предвкушая грядущие переговоры. С польским языком у меня своеобразные отношения. Я его понимаю — легко, на слух, даже если не разбираю какие-то отдельные слова, общий смысл высказывания улавливаю верно. Но когда я начинаю говорить на языке, который кажется мне польским, поляки приходят в смятение. Поэтому лучше и не начинать. Тем более с представителем власти.

— Нет проблем, — сказал я по-английски, стараясь говорить медленно и внятно.

— А этот человек? — Полицейский, к счастью, был вполне способен поддержать беседу. — Почему он кричал?

— Не знаю, — честно сказал я. — Он мой знакомый из Праги. Я увидел его и хотел поздороваться. А он испугался. Наверное, он сумасшедший.

— А как насчет вас? — неожиданно спросил полицейский. — Вы не сумасшедший?

В голосе его звучало неподдельное сочувствие. Наверное, поэтому я честно сказал:

— Не знаю. Я уже ни в чем не уверен.

— Это очень хорошо, — одобрительно сказал полицейский. — Все правильно. Вы сейчас не должны быть уверены ни в чем.

И, тяжело ступая, удалился, так и не проявив интереса ни к документам, удостоверяющим мою личность, ни к благополучно сбежавшему Грочеку. А я остался на платформе, окончательно сбитый с толку, почти ослепленный по-летнему яростным солнцем и жаждущий кофе — ну хоть одно внятное и, чего уж там, вполне осуществимое желание.

С платформы я вышел на вокзальную площадь и огляделся по сторонам в поисках киоска, где можно было бы получить карту Кракова. Киоска не нашел, но и без карты сразу понял, куда надо идти. Шпили и купола Старого города — вот же они, рукой подать, заблудиться невозможно.

У всякого города, известное дело, свой характер и собственные представления о гостеприимстве. Есть города, отличающиеся в этом смысле постоянством, — они со всеми приезжими ведут себя примерно одинаково; другие же чутко реагируют на всякого

гостя и вступают с ним в очень личный диалог — далеко не всегда приятный, зато внятный и полностью соответствующий настроению текущего момента. Мне доводилось налаживать отношения с самыми разными городами, почти всегда это более-менее удавалось, и все-таки никогда прежде мне не приходилось иметь дела с городом настолько дружелюбным, как Краков.

Город мгновенно вошел в мое положение. Ага, сказал он, у нас тут мрачный, невыспавшийся, сбитый с толку гость, какие будут предложения? Ясно какие: немедленно напоить кофе, накормить и отвлечь от бесплодных размышлений, а остальное как-нибудь само уладится.

И тут же начал действовать.

Чашку отличного эспрессо и порцию свежайшего апельсинового сока я получил сразу. Совершенно не рассчитывал обнаружить мало-мальски приличное кафе в двух шагах от вокзала, однако оно определенно не было галлюцинацией. Кофеин, по крайней мере, самый настоящий — судя по его благотворному воздействию на мой организм, скорбящий, как Матерь Божья на одноименной иконе. После первого же глотка я обнаружил, что по-прежнему жив. После второго неуверенно улыбнулся. После третьего отсчитал щедрые чаевые. А после четвертого встал и пошел, явственно ощущая, что город аккуратно придерживает меня за плечи и ведет — возможно, не самым коротким, но самым приятным путем.

Старуха с лукошком, полным выпечки, продала мне горячий зажаристый крендель, перекрученный, как лента Мёбиуса. Барышня в соломенной шляпке, украшенной живыми анютиными глазками, проехала мимо на допотопном трехколесном велосипеде

с тележкой, заставленной горшками цветочной рассады, поравнявшись со мной, затренькала звонком и рассмеялась — кажется, просто так, от полноты чувств. На углу стояла монашка в элегантном сером облачении, говорила по телефону, спрашивала взволнованно, очень по-девичьи: «А Он что? А Ты?» На пороге закрытого на переучет секс-шопа клевал носом старик в полосатых пижамных штанах, у его ног несла караульную службу серая болонка, облаченная в стеганый жилет из красно-зеленой шотландки. Из замызганного окна мне улыбался пыльный белокурый ангел, укутанный в ошметки рождественской мишуры. Плечистый двухметровый панк, увенчанный изумрудно-зеленым ирокезом, нес на закорках девочку, одетую как принцесса, с обильно украшенной цветными стекляшками диадемой на рыжей голове. Мужчина в деловом костюме с красным от натуги лицом тащил в охапке здоровенный телефонный аппарат — такие обычно висят в будках для общественного пользования. За ним следовала невозмутимая пожилая леди в тельняшке, с венком из искусственных цветов на седеющих кудрях. Когда мимо меня неспешно проехал белый микроавтобус с надписью «СЫтега» на борту и изображениями жизнерадостных упитанных химер на кузове, я окончательно убедился, что город Краков создали специально для моего удовольствия бесконечно добродушные демиурги, не обремененные избытком дел и потому чрезвычайно внимательные к деталям. Я мысленно воздал им хвалу и свернул в первую же подворотню, увенчанную вывеской «Hotel», — как бы ни пошли мои дела, но грех не провести в таком дружелюбном городе хотя бы одну ночь. Или две. Или три.

Мне досталась великолепная комната треугольной формы, с видом на разноцветные мусорные контейнеры и несимметричные башни Мариацкого костела. К жилью прилагались вполне сносный кофе и разлитый в воздухе интернет — и то, и другое в неограниченном количестве, совершенно бесплатно.

Устроившись на подоконнике своего нового жилища с пол-литровой чашкой кофе и сигаретой, я вдруг понял, чего мне сейчас по-настоящему хочется. Выбросить из головы всю эту сюрреалистическую мутотень, достать из кармана пивную картонку, на которой записан телефонный номер, позвонить симпатичной рыжей немке Хайди, сказать: привет, у меня хорошая новость. Оказывается, на этой прекрасной земле существует вольный город Краков. Какие-то добрые люди построили его много лет назад, но, похоже, специально для нас с тобой. А поэтому бросай все дела, садись в поезд, самолет или за руль, как тебе больше нравится, и дуй сюда так быстро, как получится. С меня — оплата всех мыслимых дорожных расходов, с тебя — один-единственный умеренно безумный поступок, всего-то. Соглашайся.

Я был почти уверен, что Хайди согласится. Чувствовал, что именно чего-то в таком роде она от меня ждет с того самого момента, как я вошел в кафетерий при автозаправке. Затем, собственно, и номер телефона записала — чтобы не упустить возможность влипнуть в какую-нибудь историю, дурацкую, слегка сентиментальную, но очаровательную, как в кино про Амели. Дело за малым — найти картонку. Черт, Да где же она?!

Я обыскал собственные карманы. И еще раз. И еще — тщательно, как ретивый таможенник, принимающий пассажиров с амстердамского рейса. Так

вошел в образ, что даже швы зачем-то прощупал. Потом обыскал оба рюкзака — действующий и пустой, купленный в Хагене. Конечно, бормотал я, конечно, я в него все переложил, и картонку тоже, а потом не достал, точно, значит, она где-то тут, в кармане.

Однако картонки не было. Да и не перекладывал я ее ни в какой рюкзак, зачем врать себе. Сунул во внутренний карман куртки и больше не доставал. Куртка — вот она, все ценное содержимое кармана на месте: документы, кредитные карты, тщательно упакованный ключ. А картонки с номером Хайди нет, и все тут, что хочешь, то и делай, нет ее в кармане, и вообще нигде. Какой я все-таки идиот, что не отправил Хайди sms из Хагена, был бы сейчас ее номер в исходящих. И ведь собирался написать, можно сказать, страстно этого хотел, просто не придумал ничего оригинального, а потому решил подождать до завтра, дубина стоеросовая. Какое, в жопу, оригинальное, на хрена выпендриваться, «айэмокей» надо было писать, и «сенкыоверимач» заодно, этого требовала элементарная вежливость, смотреть на тебя противно, болван несчастный, тьфу.

Исчезновение картонки совершенно выбило меня из колеи. До сих пор я не подозревал, что настолько дорожу возможностью еще раз встретиться с Хайди. Честно говоря, я вообще почти не думал о ней — не до того было. Слишком много всего случилось за полтора дня, прошедшие с тех пор, как она помогла мне найти попутку. И только теперь, обнаружив, что потерял ее телефонный номер, я принялся кусать локти. Такая девушка. Такая. Рыженькая. Хорошая. Эх.

Успокойся, сказал я себе. Число книжных магазинов в городе Эрфурте, вероятно, велико. Но оно конечно. А значит, ничего не пропало.

Ты имеешь в виду?.. — изумленно переспросил я своего внутреннего советчика.

Совершенно верно. Ты поедешь в Эрфурт и обойдешь там все книжные магазины, предварительно узнав их адреса из какого-нибудь специализированного справочника. А если тебе кажется, что дело не стоит таких хлопот, тогда и сопли по морде мазать не имеет смысла. Соберись.

Потрясенный собственной безжалостностью, я пошел в душ. Пока мылся, окончательно понял, что пробежка по книжным магазинам города Эрфурта — отличное развлечение, совершенно в моем духе. И Хайди будет приятно узнать, как я ее искал. Любой девушке такое понравится, спорю на что угодно. А в Краков можно съездить еще раз, вернее, еще не раз. И не только в Краков, вообще куда угодно. Вместе. Цузамен. Тугезер форезер, ага.

Так что из душа я вышел в приподнятом настроении. Вдохновленный романтическими планами на ближайшее будущее, я включил компьютер, убил полчаса, разыскивая список книжных магазинов Эрфурта, и ведь нашел-таки, вожжа под хвостом — великая сила. Вдохновленный успехом, я закурил и принялся сочинять письмо Карлу. Решил — пора, наконец, суммировать все нелепости, которые успели произойти за мной за последние дни. И вкратце рассказать о них человеку, в равной степени заинтересованному и в исходе дела, и в моем благополучии. Глядишь, выйдет Карлу развлечение, а мне польза. Записать — значит выбросить из головы, это правило работает для меня не всегда, но очень часто. Будем надеяться, на этот раз мне повезет.

Однако чем дольше я корпел над отчетом, тем меньше понимал, что, собственно, происходит. Все

эти мои сумбурные переезды с места на место, удивительные встречи, многообещающие знакомства, загадочные события, глубокомысленные разговоры не складывались в мало-мальски связную единую картину. Не жизнь, а роман, состоящий исключительно из интригующих завязок, не имеющих развития. Вполне возможно, в какой-то момент я просто проснусь дома и обнаружу, что мне приснился самый длинный сон в истории человечества. Или уже никогда нигде не проснусь, после нынешней ночи ни в чем нельзя быть уверенным — то есть, по уму, вообще никогда нельзя, просто сегодня в поезде мне продемонстрировали это с сокрушительной, сминающей разум наглядностью. И единственное, что я могу сделать в такой нелепой ситуации, — написать Карлу и подождать, пока мне приснится его ответ.

Карл позвонил четверть часа спустя, как будто все утро дежурил у почтового ящика в ожидании моего письма.

— Слушай, Фил, что это было? — не здороваясь спросил он. — Документальная повесть о суровых буднях или вдохновенный полет твоего гения?

— Мой гений в такие дебри не залетает, куда ему. Так что да, вполне себе документальная повесть. Надеюсь, все-таки не история болезни. Не хотелось бы вот так сразу ставить на себе крест.

— Без креста, пожалуй, обойдемся, — решил Карл. — Кстати, Рената рассказала мне про сантехника-самозванца. Еще одна нелепая история. И на игру твоего воображения его визит уж точно не спишешь. Я, конечно, с самого начала подозревал, что пан Черногук хочет раздобыть мой адрес. Но не думал, что до такой степени. И, честно говоря, если уж ему так приспичило, есть гораздо более эффективные способы, вполне доступные любому человеку с деньгами.

— Митя — ну, который устроил за мной слежку — говорит, у него такое ощущение, что Черногук хочет не столько найти твой дом, сколько продемонстрировать нам, что он его ищет.

— Зачем, интересно?

— Хороший вопрос. Ответа на него у меня, сам понимаешь, нет. Может, он просто псих. А может, развлекается. И нам предлагает присоединиться. В одном он, по крайней мере, преуспел: мы теперь постоянно о нем думаем. И уже, пожалуй, до конца своих дней не забудем, что есть на свете такой великий человек, пан Болеслев Черногук, загадочный, как улыбка Джоконды.

— Слушай, — внезапно сказал Карл, — а может быть, имеет смысл все бросить? Я хочу сказать — может, ты просто приедешь домой? А краковскую даму потом будем искать. Или не будем. Ключ семнадцатого века меня вполне устроит. Я уже, честно говоря, сам не рад, что так тебя загрузил.

— Зато я, кажется, рад.

— Ты это серьезно?

— Сам не знаю, — честно сказал я. — Но Краков мне пока очень нравится, вот это совершенно точно. Так что, если ты не возражаешь, я все-таки поищу эту даму. Искать буду неторопливо и бестолково, чтобы задержаться здесь подольше. Такой прекрасный предлог.

— А без предлога ты задержаться не можешь? — удивился Карл.

— Могу. Но так интереснее. Мне понравилось быть при деле. Освежающее ощущение. И какая игра на контрастах! Все вокруг ведут себя как помешанные, реальность похожа на похмельный сон, и посреди этого хаоса такой прекрасный, деловитый я. Весь в белом. Озабоченный исключительно пополнением твоей коллекции. По-моему, просто отлично.

— Тогда ладно, — сказал Карл. — Я как-то не сообразил, что тебе все это нравится.

— Я сам не сообразил. Но сейчас представил себе, как иду на вокзал за билетом, и понял, что еще не наигрался.

— Это совсем другое дело, — согласился Карл. Тогда скажу тебе правду: сейчас я хочу заполучить этот проктятый ключ гораздо сильнее, чем раньше. Всю коллекцию за него отдал бы, не задумываясь. Не знаю почему. Совершенно иррациональное чувство.

— Я, будешь смеяться, тоже хочу, — сказал я. — Как будто я сам коллекционер. Как будто это моя дверь в подвале. Как будто это моя причуда — найти подходящий к ней ключ. Как будто это главное дело всей моей жизни, черт побери. Совершенно иррациональное чувство, ты прав.

— Да уж, — вздохнул Карл. — Спятили мы с тобой, похоже, вот что.

— Если оба сразу, это еще ничего, — сказал я. — Значит, сможем найти общий язык.

— Договоримся как-нибудь. — Я почувствовал, что он улыбается. — До сих пор вроде получалось.

Краковский Главный Рынок — самая большая средневековая площадь, сохранившаяся на территории Европы. По крайней мере, я где-то, когда-то это

читал. Или слышал. Но все равно удивился: площадь оказалась гораздо больше, чем я был способен вообразить. Бесчисленные улицы тонкими кривыми лучами разбегались от нее в разные стороны. Похоже, найти кафе «У Гражины», расположенное «где-то совсем рядом», будет не так просто, как я думал. С другой стороны, сам виноват. Тебе нужен был повод задержаться в Кракове? Ну вот, получай. В подарочной, черт бы ее побрал, упаковке — с башенками на фоне безоблачного неба, лакированными каретами, застывшими на мостовой в ожидании седоков, стаями толстых, холеных голубей, а вместо ленточки будет у нас негромкий, но объемный, весь окрестный космос заполнивший звук трубы. Я долго озирался в поисках трубача, но обнаружил только шарманщика, скрипача и квартет баянистов — все они сейчас отложили в стороны свои инструменты и, воздев очи горе, благоговейно внимали невидимой глазу трубе.

Я и сам сдвинулся с места только после того, как труба умолкла. Обуреваемый противоречивыми желаниями — осмотреть площадь, подойти поближе к Мариацкому костелу, сесть покурить, немедленно приступить к исследованию окрестных улиц, найти приличный ресторан и наконец-то позавтракать, — я побрел наугад, пересекая площадь по траектории столь причудливой, будто хотел сбить со следа собственного ангела-хранителя. Но, видимо, не преуспел, по крайней мере, чья-то милосердная рука опустилась мне на плечо в тот самый миг, когда я, не то чтобы погруженный в размышления, а скорее опьяненный блаженством полного отсутствия мыслей, уже занес ногу над мостовой, по которой стремительно неслась прогулочная карета, запряженная парой белоснежных жеребцов. Рука, однако, обладала

достаточной силой, чтобы пресечь мою невольную попытку стать звездой рубрики «Происшествия» в местной вечерней газете.

Я не сразу понял, сколь сомнительного удовольствия только что лишился. Несколько секунд тупо пялился вслед роковому экипажу и только потом обернулся к своему спасителю. Как жив остался, до сих пор не понимаю.

Ангел-хранитель мой оказался трехметровым великаном с серебристыми волосами и уродливым серебряным лицом. Он был облачен в свисающую до земли просторную серебряную хламиду, подпоясанную тяжеленной цепью с посеребренным амбарным замком вместо пряжки, рука в серебряной перчатке сжимала серебряный посох, увенчанный задумчивой серебряной головой, вторая рука по-прежнему лежала на моем плече; под тяжестью этой десницы впору было бы уйти в землю как минимум по колено, но я как-то устоял.

Только тут стало ясно, до чего довели меня события последних дней, — обнаружив у себя за спиной трехметрового серебряного монстра, я порядком перепугался, но совершенно не удивился. Это событие совершенно органично вписывалось в мою новую картину мира. На следующем этапе я, надо понимать, буду потрясен, обнаружив, что некоторые прохожие по-прежнему выглядят как вполне обычные люди. Если, конечно, они будут так выглядеть. В чем я очень сомне...

— Вы очень неосторожны, — строго сказал мой серебряный спаситель, старательно выговаривая английские слова.

Стоило ему заговорить, и наваждение рассеялось. Я наконец понял, что уродливое серебряное лицо —

просто эффектная маска с раскосыми прорезями для глаз. А сверкающие на солнце жесткие стальные патлы — парик. А высокий рост объясняется тем, что под длинной серебристой туникой скрываются обычные ходули. А рука его столь тяжела потому, что бедняга потерял равновесие, вытаскивая мое бестолковое тело из-под кареты, и теперь опирается на меня, чтобы не упасть. Еще одна живая скульптура, как мои пражские приятели. Но хорош, конечно. Феерически хорош.

— Спасибо, — вежливо сказал я. И добавил: — Вы можете говорить по-польски, я все понимаю.

Серебряный тут же затараторил как пулемет. Бойкая, дружелюбная речь совершенно не вязалась с его внушительным обликом. Смысл выступления сводился к тому, что Краков, конечно, красивый город. И Рыночная площадь хороша, кто бы спорил. Сам он тут уже пять лет живет, а все не может привыкнуть. Но все-таки надо быть осторожнее, потому что вокруг лошади. И велосипедисты. И еще неизвестно, кто хуже.

Некоторое время я слушал его с видом почтительного ученика — иного способа отблагодарить за спасение от конских копыт я не видел. Не деньги же ему совать. Хотя человеку, который выходит на площадь в виде живой скульптуры, деньги явно не помешают. А все равно неловко.

В конце концов мой ангел-хранитель выговорился. Похлопал меня по плечу, пожелал хорошего дня и потопал на своих ходулях через площадь, а я, оглядевшись по сторонам, перешел дорогу, купил очередной крендель, чтобы не терять время на завтрак, и отправился на поиски. Чего откладывать.

Я решил, что последовательно обойду все улицы, лучами расходящиеся от площади. Много-то их много, но все как одна узкие и довольно короткие. Глаза боятся, а руки делают. Вернее, ноги. За полдня вполне можно управиться.

На самом деле времени понадобилось даже меньше. Трех часов за глаза хватило, чтобы исследовать все окрестные улицы и убедиться, что ни одного заведения, хотя бы отдаленно похожего на кафе «У Гражины», возле Главного Рынка нет. Возможно, таинственная пани давным-давно придумала для своей забегаловки более завлекательное название и сменила вывеску. Или закрылась на ремонт. Или вовсе свернула бизнес, не осилив арендную плату. Или ее немецкий приятель с самого начала отправил меня по ложному следу, стариковская память дело ненадежное. Ну или я сам виноват — спешил и не заметил вывеску. С меня станется.

Последняя версия нравилась мне гораздо больше прочих. Потому что остаться с носом на данном этапе поисков было бы чертовски обидно. А что я растяпа — так это давно не новость.

Ладно, решил я, пообедаю и начну сначала. Обойду еще раз все улицы — медленно, не торопясь. Изучу все надписи, включая таблички над дверными замками. Загляну во все дворы. Расспрошу местных жителей, в конце концов. Если еще три года назад такое кафе было, люди должны его помнить. А завтра продолжу. И буду искать до тех пор, пока чертово кафе не найдется. Если его нет, пусть возникает из небытия, знать ничего не знаю, отмазки не принимаются. Но пасаран.

Рассуждая столь похвальным образом, я пересекал Рыночную площадь и озирался в поисках места,

где мне захотелось бы пообедать. Вообще-то, главное правило опытного путешественника гласит: никогда не обедайте на главной площади туристического центра — это будет очень дорого, почти наверняка невкусно и скорее всего неописуемо долго. С другой стороны, Краков совершенно не похож на известные мне города. И вполне может статься, что...

— Ой, — сказал я, уткнувшись взглядом в посеребренный амбарный замок. — Это опять я.

Еще шаг, и я бы, пожалуй, сбил его с ног. Вернее, с ходулей. Черная неблагодарность, вот как это называется.

— Вижу, — невозмутимо ответил мой серебряный спаситель. — Вы по-прежнему очень неосторожны.

— Да, — согласился я. И, повинуясь внезапному импульсу, предложил: — Надо бы успеть отблагодарить вас за спасение, пока я еще цел. Вы случайно не собираетесь обедать? Я бы с удовольствием вас угостил.

Серебряный некоторое время раздумывал.

— Обед — это слишком долго, — сказал он. — Через полчаса приедет очередная партия автобусов с туристами, не могу позволить себе их пропустить. Я бы чаю с ромом выпил, если вы не возражаете.

— Чаю с ромом я бы и сам выпил. А где?

— Здесь рядом есть отличное место, — заверил меня Серебряный. — Пошли.

И зашагал через площадь на своих ходулях, провожаемый визгом детворы и изумленными взглядами взрослых. Выглядело это как неторопливое, почти торжественное шествие, а на деле я едва поспевал следом.

Мы зашли в тот самый переулок, с которого я начал свои поиски, — я опознал его по вывеске «Szara» на углу.

— В этом баре, — сказат Серебряный, — посменно работают два баристы. Если увидите за стойкой тощего блондина, бегите от него на край земли: он варит натуральные помои. А если там дежурит брюнет, оставайтесь. У него отличный эспрессо. Один из лучших, что мне доводилось пробовать. Причем машина одна и та же — мистика какая-то. Такое впечатление, что каждый ходит на работу со своими зернами.

— А сегодня там кто? — спросил я.

— Это вам предстоит выяснить самостоятельно. Сейчас мы идем в другое место. Прекрасное маленькое кафе, здесь рядом. Я уже много лет дружу с хозяйкой. Там все очень вкусно. И вдвое дешевле, чем на площади.

— Очень хорошо, — отозвался я, ныряя вслед за ним в подворотню, вид которой не сулил ни плотских, ни даже визуальных радостей. Сложенные у стены доски и кирпичи выглядели так, словно капитальный ремонт дома был прерван из-за Первой мировой войны и с тех пор не возобновлялся.

Мы пересекли большой унылый двор, украшенный чахлыми деревьями и живописными кучками строительного мусора. Наградой нам стала еще одна подворотня, вернее, очень узкий, темный проход между домами. Мне бы в голову не пришло, что он сквозной, но мой серебряный приятель прибавил шагу, и я припустил за ним, удивляясь столь причудливому расположению кафе — без проводника хрен отыщешь, как, интересно, они вербуют новых клиентов? Ну, поглядим.

Проход, как выяснилось, изгибался причудливым зигзагом; только за вторым поворотом я наконец увидел обетованный свет в конце тоннеля. Одновременно ноздри мои затрепетали, учуяв ароматы кофе, ванили и перца; миг спустя к этому букету прибавились запахи мокрой зелени, свежей выпечки и горячего масла. Мы вышли в крошечный сад, со всех сторон окруженный глухими стенами старых домов. Здесь буйно отцветали форзиции, пенились кусты луизиании, алела японская айва, а из свежей, словно бы всего пару часов назад выросшей травы тянулись к солнцу белые, желтые и лиловые тюльпаны. Посреди этого великолепия стояла женщина в черно-белом платье, сшитом по моде пятидесятых: затянутая талия, пышная юбка, глубокое декольте, шелковая шаль на голых плечах. Только вместо микроскопической вечерней сумочки в руках у нее был садовый шланг. Мощная струя воды с ревом низвергалась на траву. Кусты явственно стонали от наслаждения.

— А в лавке кго остался? — спросил мой спутник. Чувствовалось, что он сейчас широко улыбается под своей серебряной маской.

Женщина положила шланг на землю, придавила ногой в лакированной туфельке и только после этого обернулась к нам. Ей было лет шестьдесят, никак не меньше. Но ее лицо вовсе не «хранило следы былой красоты», как принято говорить в таких случаях. Красота по-прежнему оставалась актуальной и злободневной, не знаю уж, как ей это удалось.

— Ага, клиента привел! — обрадовалась она. — Молодец. Идите. Я сейчас.

Серебряный кивнул и бодро зашагал на своих ходулях по узкой дорожке, в конце которой нас ожидала настежь распахнутая дверь, а над дверью — потемневшая от времени вывеска «У Гражины».

Я не удивился, только подумал, что, теоретически, надо бы сейчас удивиться. И обрадоваться, конечно. Но радости тоже не испытал. Принял это чудесное совпадение как должное. Будто иначе и быть не могло. Отметил с некоторой досадой: да уж, долго я бы искал это чертово кафе. До лета, пожалуй, мог бы вокруг Главного Рынка круги нарезать, практически без шансов на успех.

И все-таки я бы предпочел найти это место сам. Ну или ладно, пусть с чужой помощью, но не сразу, а, скажем, на третий день поисков. Тогда я решил бы, что милосердные офисные крысы из Небесной Канцелярии получили мое прошение и, рассмотрев его со всех сторон, постановили удовлетворить просьбу. Был бы счастлив и горд, полагал бы себя главным героем этой истории, настоящим молодцом, великим охотником: боролся, искал, не сдавался — и, ура, нашел! А сейчас я чувствовал себя не действующим лицом, а элементом какой-то сложной мозаики, насильственно водворенным на положенное место чьей-то нетерпеливой, могущественной и равнодушной рукой. Оставленным без малейшего шанса увидеть со стороны сложившийся рисунок, узнать: какого я был цвета и формы, что изображал — колесо часового механизма, лепесток цветка, язычок пламени или брошенное в него полено? Какую прореху закрыл? И что было бы, если... Если. Если, если, черт побери, ладно, проехали.

В небольшом, всего на дюжину столиков, зале кафе было почти пусто, только возле окна сидел, уткнувшись в толстую книгу, человек в джинсовой куртке и жокейской кепке с наушниками, надвинутой практически на нос. На появление серебряного чудища он не отреагировал. То ли вовсе не заметил,

то ли был здесь завсегдатаем и давно привык к виду моего спутника, который поспешно слез с ходулей, прислонил их к стене, подобрал свой серебряный балахон, вскарабкался на высокий табурет у стойки и снял наконец свою устрашающую маску. Под маской скрывалась ее полная противоположность — конопатое, курносое, очень подвижное лицо, оснащенное обаятельной детской улыбкой и усталыми глазами взрослого человека, свинцово-синими, как море в пасмурный день.

— Ну как? — заговорщически спросил он. — Правда, отличное место?

— О да, — согласился я, одобрительно оглядывая стены, увешанные театральными афишами начала века. — Только найти его непросто.

Хозяйка тем временем вошла в кафе. Услышала, что я говорю по-английски, и обратилась к моему серебряному приятелю:

— Откуда приехал твой гость? Спроси, чего он хочет.

— Из Вильны, — сказал я, не дожидаясь перевода.

Она удивленно покачала головой, улыбнулась и, неуверенно, но очень правильно выговаривая слова, сказала по-русски:

— Похоже, мы сможем найти общий язык.

— Еще бы, — подтвердил я, донельзя обрадованный такой удачей.

— Я родилась в Вильно, — сказала хозяйка. — И ты, получается, мой земляк. Очень хорошо. Меня зовут Гражина, на вывеске святая правда написана. А как зовут тебя, лучше не говори, я не люблю помнить чужие имена.

— Ладно, не скажу.

Ее подход к знакомству меня удивил, но я старался не подавать виду. Я уважаю уставы чужих монастырей, по крайней мере, в тех случаях, когда мне нравятся их стены.

— Сделай мне чаю с ромом, и я побегу, — попросил хозяйку мой проводник. — На площади сейчас самое веселье начнется.

— Вот и я удивилась, когда тебя в такое время увидела, — согласилась пани Гражина.

Она переместилась за стойку и принялась возиться с посудой.

— Устал, не выспался сегодня. Решил, надо немного выпить. Заодно привел тебе нового клиента.

— Это ты молодец. За это тебе будет награда, две ложки рома вместо одной. — Пани Гражина поставила перед ним дымящуюся толстостенную кружку. — Три куска сахара и лимон, правильно?

— У тебя неправильно не бывает.

Он взял кружку обеими руками и сделал несколько больших, торопливых глотков.

— Ты тоже попробуй, — сказала пани Гражина, протягивая мне такую же кружку. — Лимон я уже положила, сахар, если захочешь, бери сам.

Я послушно сделал глоток. Потом еще один и еще. Вроде бы ничего из ряда вон выходящего, чай с ромом я сам себе дома регулярно готовлю. Но пани Гражина, вероятно, знала какой-то хитрый секрет, смешивала напитки в единственно правильной, идеальной пропорции. Ну или просто ром у нее был какой-то особый. Или чай. Или вода. Во всяком случае, результат получился сногсшибательный. Неописуемый. Невоспроизводимый.

— Так не бывает, — твердо сказал я.

— Иногда бывает. — Мой серебряный благодетель улыбнулся, отдал пани Гражине пустую кружку, погасил сигарету, надел свою ужасающую маску, неуклюже сполз с табурета, придерживая балахон, взял ходули и поспешно вышел не оборачиваясь, бросив с порога: «Спасибо, увидимся».

— Еще? — спросила хозяйка, заговорщически глядя мне в глаза и постукивая пальцем по опустевшей кружке. — Или кофе мой попробуешь?

— Попробую, — сказал я. — Все попробую, что дадите. Теперь я целиком в вашей власти.

— Это хорошо, — рассеянно кивнула пани Гражина, водружая на маленькую электрическую плитку самую настоящую медную джезву. — Это мне нравится. Но придется подождать. Хороший кофе варится долго; собственно, чем дольше варишь, тем лучше результат... А где ты в Вильно живешь?

— На Савицкё.

— Не знаю такой улицы. Небось какой-нибудь новый район?

— Нет-нет, в центре. Если от проспекта Гедиминаса по Тумо-Важганто вниз к реке спускаться...

— Не понимаю, — вздохнула она. — При мне все улицы назывались иначе.

Я вспомнил, как Рената щеголяла знанием старых русских, дореволюционных еще названий улиц, и неуверенно сказал:

— От Георгиевского проспекта. Вниз по... э-э-э... Арзамасской, кажется. Если не путаю. Так вот от этой самой Арзамасской первый поворот налево.

Пани Гражина оживилась.

— По Арзамасской от Георгиевского, вниз и налево? Вознесенская, что ли? Ну точно, Вознесенская. Так вы, выходит, в Лукишках живете. То-то у тебя глаза татарские*.

*** Одно время в Лукишках (район Вильнюса, ныне — часть центра города) действительно селились татары.**

— Вообще-то, мы всего несколько лет назад там поселились.

— Значит, хорошо угадали. А я первые пятнадцать лет своей жизни жила в конце Погулянки. Потом отец умер, и мы с мамой перебрались во Львов, к ее родне. А в Краков я уже сама переехала, когда подросла. Давно это было. Ты даже представить не можешь, как давно. А если скажу, не поверишь.

— Я сейчас, пожалуй, всему поверю, — улыбнулся я.

— После моего чая? — кокетливо уточнила пани Гражина.

— И после чая тоже.

— «Тоже»? — удивилась она. — Вроде ты больше ничего пока не попробовал.

— Достаточно того, что я сюда попал, — сказал я. — Это само по себе удивительно.

— Ты имеешь в виду, что кафе почти невозможно найти? Да, мне все так говорят. Считается, это очень плохо для бизнеса. Но на деле совсем не так плохо, как кажется. Это сейчас тут пусто, а с утра и по вечерам полно народу. Мест порой не хватает. А во время оккупации это меня спасло.

— Какой оккупации? — Я сперва ушам своим не поверил, а потом понял, что она имеет в виду. — В смысле, при социализме?

— Ну, тогда было совсем нетрудно выкрутиться. А вот что при немцах закрываться не пришлось — этим я до сих пор горжусь. Они мое кафе так и не заметили. Только один офицер заходил время от времени, но он был хороший человек. Приносил мне кофе в зернах, просил: «Свари». Пил, а потом плакал, как будто это не кофе, а водка. Платил всегда шоколадом. Я его жалела, у бедняги на лбу было написано, что долго не проживет. Так и вышло...

Господи, это сколько же ей лет, если не врет, содрогнулся я. Еще одна долгожительница на мою голову. Как сговорились они все. На всякий случай переспросил:

— Хотите сказать, во время Второй мировой войны ваше кафе уже существовало?

— Я открыла его в двадцать шестом году, — усмехнулась пани Гражина. — Не трудись говорить, что не веришь. Никто не верит. Я родилась сто восемнадцать лет назад. Но прожила всего шестьдесят пять.

— То есть на пятьдесят три года меньше? Интересная арифметика, - растерянно пробормотал я, не зная, куда прятать глаза, чтобы не обидеть добрую хозяйку.

— Я пропускала трудные времена, — невозмутимо объяснила она. — Сама не знаю, как это у меня выходит. Первый раз это случилось, когда я влюбилась. По уши, как мне тогда казалось, на всю жизнь. В женатого человека — католика, конечно же. Не безответно, но от этого нам обоим было только хуже. Мы два года мучили друг друга, а потом я поняла — это конец, больше не могу. Не могу, и все тут. О самоубийстве — повеситься или, там, с моста прыгнуть — и не помышляла, это же смертный грех, а я была хорошая девочка, добрая католичка. Поэтому просто бродила весь вечер по городу, молилась, как умела, а о чем прошу — сама толком не понимала: то ли разлюбить хочу, то ли умереть, то ли просто исчезнуть, как будто не рождалась никогда. Все молодые барышни дурочки, но я, думаю, даже на общем фоне была тогда невообразимой идиоткой. Зато очень

страстной. Так истово молилась неведомо о чем, небо раньше времени потемнело. Я решила, что начинается гроза, спряталась в чужой парадной, поплакала там немного, а когда выглянула наружу, светило солнце и люди были как-то странно одеты, особенно меня поразили женщины: такие короткие платья и почти все без шляп, я была так шокирована, что мигом позабыла о своих бедах. А потом увидела тумбу с театральными афишами, и там, понимаете, были даты спектаклей. Я чуть с ума не сошла, когда прочитала, — что за глупый розыгрыш? Почему везде написано «1925»? Когда на дворе тысяча девятьсот одиннадцатый, это любому младенцу известно. Что за' нелепый розыгрыш? Но потом я остановила мальчишку-газетчика, попросила газету, и там была дата: девятое сентября тысяча девятьсот двадцать пятого года И деньги мои больше не годились, так что я даже газету купить не могла. Что хочешь, то и делай.

— И что же вы сделали?

Представив себя на ее месте, я понял, что не знаю, как поступил бы в подобных обстоятельствах. Растерялся бы, это точно. Возможно даже, спятил бы с перепугу, и тогда всеми моими проблемами занималось бы уже соответствующее медицинское учреждение. Тоже выход, а что ж.

— Ну как что, — улыбнулась пани Гражина. — Я пошла домой. К маме. Мне был двадцать один год, и я привыкла идти к маме со всеми своими проблемами, кроме любовных, конечно. Но о любовных проблемах я, честно говоря, в тот момент начисто забыла. Не до того. Мама, слава богу, была еще жива и здорова. Даже жила по нашему прежнему адресу, мне повезло. Постарела она, конечно, так, что я испугалась еще больше, села на пороге и заплакала, остановиться не могла. А что с домашними творилось — описать не могу. Потому что для них-то я пропала без вести четырнадцать лет назад. Меня уже оплакали и отмолили как могли, и похоронили — мысленно, конечно, тела-то не нашли. И вдруг это тело живое, здоровое и по-прежнему молодое, одетое по довоенной моде, возвращается в полной уверенности, что покинуло дом всего несколько часов назад. Бедные мои... Но они как-то справились с потрясением — и мама, и брат, и мои младшие сестры, которые теперь стали старшими, по крайней мере, выглядели старше меня на несколько лет. Они, конечно, были рады, что я жива, но, сам можешь догадаться, чувствовали себя рядом со мной не очень уютно. Я их хорошо понимала. Поэтому уехала при первой же возможности. В Кракове жила дальняя отцовская родня, очень зажиточные бездетные люди, они давно зазывали нас к себе, обещали помочь устроиться. А чтобы они не удивлялись, почему я так непозволительно молодо выгляжу, я назвалась именем самой младшей сестры. Была Тереза, а стала Гражина, новое имя для новой жизни — чем плохо?.. В общем, в итоге все уладилось как нельзя лучше.

Я хотел спросить — а как же большая любовь? Неужели прошла сама собой? Но постеснялся, конечно.

— А на коханого своего я сходила, поглядела. — Пани Гражина как будто мысли мои читала. — Издалека, чтобы не пугать беднягу. Он-то давным-давно меня в мыслях похоронил.

— И что? — бестактно спросил я.

— А ничего. Сам подумай, что я могла увидеть четырнадцать лет спустя? Для него-то время не останавливалось. Он и прежде был старше меня лет на

десять, но такой красавец — сердце обмирало. А перь передо мной предстал стареющий выпиво Рожа красная, щеки обвисли, живот вырос, взг погас. Мое глупое девичье сердце не могло простить ему этих перемен. По всему выходит, придурь **это** у меня была, а не любовь всей жизни. Любила бы, приняла бы его и таким. Живой — и хорошо, остальное поправимо, теперь-то я знаю, как бывает, когдщ любишь... А тут все закончилось — для меня в **тот?** миг, когда я его увидела, а для него, надо думать, ничего и не начиналось толком. Хотел бы, нашел бы выход. Выкрал бы меня из дома, увез куда-нибудь ***-4*** да хоть в Америку, где никто нас не знал. Мало ли что грех, люди, когда любят, еще и не такое творят^ В общем, я поблагодарила Господа, что уберег меня столь причудливым способом, и уехала в Краков. А тут у меня началась совсем новая жизнь.

— Пятьдесят три минус четырнадцать — это тридцать девять, — сказал я. — Значит, вы еще так..* прыгали?

— И не раз, — кивнула она. — До сих пор не знаю, как это у меня получалось. Но всякий раз, когда моя жизнь оказывалась в тупике, я просила Бога: пусти станет как-нибудь иначе, все что угодно, лишь бы не как сейчас! И становилось иначе. По крайней мере, выйдя на улицу, я всякий раз обнаруживала, что мода изменилась до неузнаваемости, а это уже что-**тш** Об одном только жалею до сих пор: мне поначалу так не понравилось жить при социализме, что я пропустила пятидесятые. А таких красивых платьев, как в те годы, больше никогда не носили. Я долго ждала, но теперь потеряла терпение и ношу их без оглядки на моду. В моем возрасте уже можно быть эксцентричной.

Она поглядела на мою ошеломленную физиономию и снисходительно сказала:

— Ты вовсе не обязан мне верить. Можешь считать, что я сочиняю. Безобидная стариковская причуда. Так тебе будет проще. А мне все равно.

— Ладно, — вздохнул я. — Попробую.

— Я помогу тебе отвлечься. У меня в духовке горячие пирожки — с яйцом и луком, с курицей, с яблоками, с творогом и с джемом, — тоном коварной соблазнительницы прошептала пани Гражина, наклонившись к самому моему уху. — Какой ты хочешь?

— Думаю, имеет смысл попробовать все.

— Мудрое решение.

Она вышла на кухню и минуту спустя вернулась с полной тарелкой маленьких, на один укус, пирожков. Я молитвенно сложил руки, и тарелка оказалась в моем полном распоряжении.

— Теперь точно перееду в Краков, — простонал я с набитым ртом. — Хвала Ибрагиму ибн Йакубу и пану Шнипсу!

— Вообще-то, пирожки пекла я, — с неподражаемым достоинством заметила пани Гражина. — А ты благодаришь каких-то посторонних господ.

— Они не посторонние, — улыбнулся я. — Арабский купец Ибрагим ибн Йакуб* — автор первого письменного упоминания о Кракове, а я свято верю

*** Филиппа сбило с толку арабское имя. На самом деле Ибрагим ибн Йакуб ал-Исраили ат-Туруши — еврей из Тортосы, города в мусульманской Испании, совершивший в X веке путешествие по странам Западной и Центральной Европы. Его записи не сохранились и известны только в пересказах других авторов — в частности, испанцев ал-Бакри (ум. 1094) и ал'Узри (1003—1085), а также космографа Закарийа ал-Казвини (1203-1283).**

в силу текста. Не написал бы он, что есть такой горо Краков, глядишь, и не было бы ничего до сих по

— Интересное мировоззрение, — одобрительн кивнула пани Гражина. — А каким образом заслу жил вашу благодарность второй упомянутый госп дин?

— Ну как же. Если бы не он, я бы не стал вас ис кать.

— А вы меня искали? — изумилась она.

— Совершенно верно, — кивнул я, отправляя в очередной пирожок. — Искал. Именно вас. Поэто и в Краков приехал. Как я теперь понимаю, практич ски без шансов на успех. Однако мне повезло.

— Этот... пан Шнипс, да? — рассказывал вам п мое кафе? Советовал зайти и все попробовать?

Было видно, что пани Гражина чрезвычайно по щена такой рекламой. Но я был вынужден ее разо ровать.

— Пан Шнипс не знает о вашем кафе. Могу е только посочувствовать. Вы его не помните? Он Пражского технического музея. Три года назад в с ним консультировались. Насчет ключа. Пример вот такого, — и я торжественно достал из карм свое приобретение. — Этот ключ, по словам п Шнипса, сделан в семнадцатом веке и представля собой копию того ключа, который вы приносили с на экспертизу. Ваш был гораздо старше. Пятнад тый век.

— Матерь божья! — Пани Гражина всплеснула ками. — Так вот оно что! А я и забыла об этом клю Как только деньги потратила, тут же и забыла.

— Вы его все-таки продали?

— Ну да. Тогда же и продала. Ваш знакомый, Шнипс, был чрезвычайно любезен — оценил кл

и честно сказал, что музей не сможет купить его даже за четверть настоящей цены. И помог найти покупателя...

— Он помог вам найти покупателя? — изумился я. — Что ж он мне голову морочил?

— Не знаю, — пожала плечами пани Гражина. — А в чем, собственно, дело? Вы захотели купить тот ключ и мой любезный музейный эксперт послал вас ко мне?

— Совершенно верно.

— Очень странно. Может быть, этот пан просто забыл, что помог мне продать этот ключ? Он уже немолодой человек, а старики бывают чрезвычайно рассеянны. Не все, конечно, — поспешно добавила она, явно вспомнив о собственном почтенном возрасте. — Некоторые. Но бывают.

— Тем не менее ключ он вспомнил сразу. И вас тоже. И даже ваш немецкий адрес.

— Мой немецкий адрес?! — Ее изумлению не было предела.

— Ну да. Город Хаген. По указанному адресу обнаружился музей современного искусства, но тамошний директор сообразил, что надо позвонить бывшему сторожу, который раньше жил в служебной квартире.

— А, — улыбнулась пани Гражина. — Ну конечно. Франк мой старинный друг. Несколько раз я у него гостила. Собственно, именно он подсказал мне, кому следует показать ключ. И я написала письмо в Прагу. Да, теперь все сходится.

— А у меня что-то не очень, — вздохнул я.

— Расскажи все по порядку, с самого начала, ладно? А я тебе кофе за это налью. Уже сварился.

— А излишек мне, пожалуйста, — неожиданно подал голос посетитель в жокейской кепке.

— Конечно, Макс, — мягко сказала пани Гражина. — Не волнуйся, о тебе не забуду, я покорный данник.

Она сняла джезву с плиты, плеснула туда ложку холодной воды, налила кофе в керамический стаканчик, который поставила передо мной, а остатки аккуратно сцедила в обычную чашку и отнесла ее обладателю кепки, который уже снова уткнулся в свою книгу и, кажется, не обращал на нас никакого внимания.

Попробовав кофе, я впервые в жизни понял, что он действительно может быть вкусным. То есть не горьким пойлом, чей аромат веселит дух, а химический состав бодрит тело, но просто чертовски вкусным напитком, который я с наслаждением пил бы просто так, для удовольствия, а не ради приятных и полезных побочных эффектов.

— Рассказывай, — напомнила пани Гражина. — По порядку, как договаривались. Мне очень интересно.

И я рассказал ей все по порядку. Про Карла, его коллекцию и про нашу таинственную Дверь-в-Подвале, которая, согласно мнению экспертов, на несколько веков старше дома. Об украшающих дверь трех женских фигурах, которых Карл считает изображением богини Гекаты, владычицы *мест, где смыкается наше и иное.* О том, как Карл втайне лелеял надежду отыскать когда-нибудь ключ от этой двери и в один прекрасный день действительно нашел через интернет-форум. О том, как я отвез ключ эксперту, узнал о существовании оригинала и получил адрес его — как оказалось, теперь уже бывшей — хозяйки. Как отправился в Хаген, допросил директора музея, а тот — бывшего сторожа. И вот я в Кракове»

сижу в кафе «У Гражины», спасибо доброму серебряному монстру, обитающему на Главном Рынке, без него я бы ни за что не нашел это благословенное место, где всякий пирожок служит напоминанием об утраченном райском блаженстве, а вкус кофе помогает примириться с этой утратой.

Но на сей раз пани Гражина не обратила внимания на мои комплименты.

— Дверь — это и правда очень интересно, — возбужденно сказала она, когда я умолк. — У нас была своего рода семейная легенда: дескать, однажды мой прадед приволок домой старую железную дверь. Тяжеленная была, прадед уж на что богатырь, а пополам сложился, пока нес. То ли он ее в карты выиграл, то ли выменял, то ли просто на улице подобрал, теперь уже не разберешь. На двери, согласно преданию, была «намалевана срамная баба». Видимо, недостаточно скромно одетая. Или вовсе голая. А тетя Беата — та самая богатая краковская родственница, которая меня тут поначалу приютила, — рассказывала, что там была не одна, а сразу несколько раздетых красоток, и посмотрели бы вы, как очаровательно она при этом краснела! В общем, разные были версии, сами-то рассказчики дверь в глаза не видели, в доме она не задержалась. Прабабка заявила, что не потерпит такой срам, и велела выкинуть трофей. Прадед пошумел, конечно, но в итоге послушался — не то действительно выбросил, не то старьевщику продал. Потом до конца жизни жену попрекал — дескать, такую красоту из дома убрать велела... Это я все к чему — может быть, у вас в подвале нашлась та самая дверь и мой ключ действительно от нее? На ключе-то никаких «срамных баб» нет, и прадед вполне мог оставить его себе на память. Тем более он

с виду как золотой, такой рука не поднялась бы выбросить. Я, понятно, не знаю, как было дело, и спросить уже давно некого. Но, теоретически, все сходится.

Она взяла ключ и принялась внимательно его разглядывать.

— Выглядит в точности как мой, — сказала она, когда я наконец умолк. — Я бы, пожалуй, решила что это он и есть, а тебе просто морочат голову. Но одно отличие все-таки имеется. Видишь, небольшая царапина, вот здесь? — Она постучала ногтем по головке ключа. — На моем никаких царапин не было. Такой древний — пятнадцатый век, да? — а выглядел как новенький. С другой стороны, поцарапать ключ — дело нехитрое. Ломать не строить, как говорится. Так что, может статься, пан Шнипс совершенно напрасно гоняет тебя по всей Европе.

— А смысл? — мрачно спросил я. — Какой смысл выдавать оригинал за более позднюю копию? Если бы наоборот, я бы понял...

— Не все гонятся за выгодой, — отмахнулась пани Гражина. — Некоторые люди больше всего на свете любят дурачить остальных. Просто так, ради удовольствия выставлять ближних дураками.

— Все может быть, — вздохнул я. — Но для начала все-таки надо выяснить, кому вы продали ключ. Или вы не знакомились с покупателем?

— Почему же, познакомилась. Этот любезный господин из музея устроил нам встречу в каком-то дорогом ресторане, где удручающе скверно кормили. Более того, мне там подали грязную вилку. — Пани Гражина брезгливо поджала губы, но тут же снова улыбнулась. — Это был очень забавный господин. Такой элегантный, в дорогом пальто и шикарных ботинках, а деньги принес завернутыми в платок, за пазухой, как крестьянин. Впрочем, он представился врачом, а они часто с причудами...

— А как его звали, вы помните?

— Сейчас, погодите. Фамилия у него тоже была забавная. Доктор, доктор... Грошик? Нет, как-то иначе, «Грошик» — это уже я его так про себя назвала.

— А может быть, Грочек? — с замирающим сердцем спросил я. — Пан Станислав Грочек? Нет?

— Похоже, так, — пани Гражина нахмурилась. — Вы его знаете? Это тот, кто продал вам копию?

— Не он. Его приятель. У вашего было круглое лицо? И сросшиеся брови? Тощий как скелет, да?

— Скорее как вешалка, — кивнула пани Гражина. — У скелета хоть кости есть, а на этом одежда болталась, как будто под ней пустота. А лицо при этом круглое, как у толстяка. Точно он. Очень смешной человек, правда?

— Да уж, обхохочешься, — вздохнул я.

— Такое совпадение вас не радует? Почему? По крайней мере, вы знакомы с этим человеком, я правильно понимаю? И можете расспросить его про ключ, а вам того и надо. Или нет?

— Я уже сам толком не понимаю, чего мне надо, — вздохнул я. — Ладно, разберусь. В любом случае огромное вам спасибо. Я, честно говорящие особо рассчитывал, что вы сообщите мне имя покупателя. Думал, в лучшем случае узнаю, в каком городе осел наш ключ. А он, оказывается, у Чумы...

— У Чумы? — настороженно переспросила пани Гражина.

— Его так иногда называют — Доктор Чума, — пояснил я. — С легкой руки благодарных пациентов.

— Ну и ну, — пани Гражина озадаченно покачала головой, но лицо ее тут же прояснилось, и она спросила заговорщическим шепотом: — Еще пирожков?

— Обязательно, — кивнул я. — И еще кофе. И кружку чая с ромом. Вы уже поняли, что я ваш навеки?

— Поняла, — невозмутимо подтвердила пани Гражина. И пошла на кухню.

А я остался сидеть на высоком барном табурете. В моей внезапно опустевшей голове, как птичка в клетке, билась одна-единственная мысль: «Ни хрена себе. Ни хрена себе. Ни хрена себе». Но даже ее я как-то ухитрился выпустить наружу. Пирожки пани Гражины весьма тому способствовали.

Пока я сидел в кафе, мир изменился. То есть, строго говоря, изменилась только погода. Солнце спряталось за тучи, и сумерки наступили раньше положенного срока. Город стал черно-белым, как кадры из старого кинофильма, а редкие цветные пятна: синяя афиша, красная занавеска на окне, желтый воздушный шарик в руке ребенка — выглядели так, словно их только что наспех раскрасили фломастером. Гулявший весь день по городу при ярком солнечном свете, я сперва ничего не узнавал, и только когда вышел на Главный Рынок, кое-как сориентировался и — не сразу, но всего со второй попытки — нашел переулок, где находилась моя гостиница. Пришел, упал на постель, отправил Карлу sms: «Позвони, когда сможешь, есть новости» — и мгновенно уснул, кажется, не столько от усталости, сколько от нежелания обрабатывать информацию, счастливым обладателем которой стал. Со спящего какой спрос.

Проснулся я не от телефонного звонка, а от стука в дверь. Сумерки за окном к этому времени успели окраситься в сливово-синий цвет, а комнату уже заполнила самая настоящая ночная тьма. Спросонок я удивился — неужели здешние горничные затевают уборку по вечерам? — но все-таки встал, рассудив, что открыть дверь и скорчить недовольную рожу гораздо проще, чем вступать в переговоры.

Однако никакой горничной за дверью не было. И вообще никого. Кто-то, надо понимать, перепутал номер. И уже исправился. А я, дурак, подскочил. И что мы с этого имеем? Правильно, ватные ноги и голову, которая не то чтобы болит, но подозрительно много весит, как и положено после короткого вечернего сна. Единственный выход — немедленно выпить кофе. Благо на кухне стоит прекрасный агрегат, предназначенный для его приготовления, и приветливые сотрудники гостиницы не далее как нынче утром хором уговаривали меня разнузданно использовать его в любое удобное время.

В коридоре было пусто, в соседних номерах — тихо и темно, на кухне тоже ни души. Правильно, подумал я, конечно, восемь вечера, все нормальные приезжие в это время как раз начинают прожигать жизнь, и только ты, как хороший мальчик, в смысле, как последний придурок, смирно лежишь в постельке, объевшись пирожков.

Я твердо пообещал себе наверстать упущенное. Вот сейчас выпью кофе, приободрюсь и пойду на улицу. Кабаки — бог с ними, но хоть погляжу, как выглядит Краков ночью. Прельстительное, должно быть, зрелище.

Я наполнил кружку, удивляясь, насколько беззвучно льется тонкая струйка кофе, добавил сливки,

размешал ложкой, поставил кружку на стол и вздрогнул, не услышав стука при соприкосновении ее толстого дна со столешницей.

Совсем нервы ни к черту стали, с досадой подумал я. Сделал глоток и тут же отшвырнул кружку в сторону — кофе оказался совершенно безвкусным. Не дрянным, а именно безвкусным, как дистиллированная вода. Кружка беззвучно упала на пол, но не разбилась, и кофе не расплескался, как следовало бы ожидать, а тонкой струйкой вылился на пол. Устыдившись, я взял с полки прорезиненную тряпку, вытер лужу, поставил кружку в раковину, налил себе новую порцию кофе, попробовал и снова не ощутил — не только его вкуса, но даже влажности и температуры. Вообще ничего.

Это, получается, я опять из сна в другой сон проснулся, мрачно подумал я. Интересно, теперь так каждую ночь будет? Хоть бы Карл поскорее позвонил. Уж телефонный-то звонок меня точно разбудит по-настоящему... Или нет? И что теперь делать, интересно?

Как — что? — ответил я сам себе. Ты же собирался гулять? Ну вот, иди. Сон о прогулке по ночному Кракову — это гораздо более увлекательно, чем сон о безвкусном кофе в гостиничной кухне. Скажешь, нет?

Поставив кружку в раковину, я пошел к выходу. О куртке, бумажнике и телефоне можно было не беспокоиться, какая, к черту, разница, приснятся они мне или нет, если рано или поздно я снова проснусь в треугольной комнате, окруженный своим скудным скарбом. Знаем, плавали.

Я спустился по лестнице, совершенно не чувствуя прикосновения ног к ступеням, шел, как по воздуху,

но не падал, даже равновесия не терял, — и на том спасибо. Но холод дверной ручки все-таки ощутил. Это меня приободрило и одновременно испугало. Вдруг все-таки не сон, а.. Что именно — об этом я даже думать не хотел.

А выйдя на улицу, я понял, что запланированное сновидение о прогулке по ночному Кракову мне пока не светит. Потому что никакой улицы, строго говоря, не было. Зато под ногами наконец появилась земля. Сколько угодно прекрасной твердой почвы, поросшей густой, свежей травой. И звездное небо над головой имелось, в неограниченном количестве. И величественные деревья, опознать которые в такой темноте я не смог бы, даже вооружившись определителем растений. И больше ничего. В смысле, никакого города. Ни людей, ни мостовых, ни автомобилей, ни единого жилого дома. Даже здание гостиницы, из которого я только что вышел, уже благополучно растворилось в ежевичной черноте ночи. Правда, где-то далеко на холме горели огни костров. Но я вовсе не был уверен, что хочу встретиться с теми, кто их разжег. Чур меня, чур.

— Это Карродунум, — негромко, но очень четко произнес за моей спиной мужской голос.

Я вздрогнул и обернулся, готовый ко всему. Однако представшее моему взору зрелище вовсе не требовало какой-то специальной подготовки. Передо мной был человек примерно моего роста в надвинутой на глаза жокейской кепке — то ли тот, который требовал у Гражины остатки сваренного для меня кофе, то ли просто обладатель аналогичного головного убора. Сон-то, конечно, мой, а все равно поди разбери, кто тебе снится, когда лица почти не видно.

— Карродунум? — эхом откликнулся я. — Что за Карродунум?

— Поселение, которое было здесь задолго до начала строительства Кракова. Это его огни на Вавельском холме, видишь? О Карродунуме писал во втором веке Клавдий Птолемей из Александрии, а больше, кажется, никто. Но это неважно. Важно, что город помнит, чем был когда-то. И иногда любезно показывает избранным гостям. Он не понимает, что мы можем испугаться. Вообще не ставит вопрос таким образом. Многие города хорошо знают, что такое человеческий страх, некоторые на нем жиреют, но Краков не из их числа. Он правда не понимает. Не сердитесь на него.

— Я и не сержусь. Но проснулся бы с удовольствием, честно говоря. Прямо сейчас.

— Просыпаться, когда сочтешь нужным, — полезное умение. Плохо, что вы им до сих пор не овладели. Но сейчас оно вам не пригодилось бы. Вы совсем не похожи на спящего. Я в этих вещах более-менее разбираюсь.

— То есть все это безобразие — наяву?

— С моей точки зрения — да. Но не стану ее вам навязывать. Решайте сами.

— Но все это, — я развел руки в стороны, — настоящее?

— Даже не знаю, что вам сказать. Доверьтесь своим ощущениям. Потрогайте дерево, например.

Я послушно положил ладонь на ближайший древесный ствол. Он был холодный, влажный и шершавый. Впрочем, оконное стекло в тамбуре поезда, к которому я вчера то и дело прислонялся лбом, тоже было холодное, и что с того? Это совершенно не помешало мне несколько минут спустя проснуться в купе, а потом еще раз, и еще.

— На самом деле, конечно, один черт, — вздохнул я. — Сон, явь, как ни назови, а пережить это все равно придется.

— Разумный подход.

— А вы кто? — спросил я. — Часть всего этого? То есть к чудесному видению полагается экскурсовод?

— Хорошая идея, — обрадовался обладатель жокейской кепки. — Будь моя воля, я бы, пожалуй, именно так все и устроил. При каждом чудесном видении — по экскурсоводу. Насколько стало бы проще. Но на мой счет вы заблуждаетесь. Я — не «часть всего этого». И тем более не экскурсовод. Такой же залетный гость, как вы. Правда, вы попали сюда, можно сказать, нечаянно, а я — осознанно. Более того, мне пришлось приложить определенные усилия. Например, допить ваш кофе — верный способ взять след, не терять добычу из виду и оказаться рядом в самый что ни на есть подходящий момент.

— Так это все-таки вы были в кафе у Гражины, — почему-то обрадовался я.

— Конечно. Я и кепку специально оставил, чтобы вы меня сразу опознали.

— Но зачем? — спросил я.

Не то чтобы меня сейчас действительно всерьез волновала причина поведения человека, который, что бы он сам ни говорил по этому поводу, скорее всего, мне снится. Но надо же как-то поддерживать разговор.

— Пришло время кое-что обсудить. А днем, в кафе, была неподходящая обстановка. Вас полностью захватили байки Гражины, ее пирожки, суета вокруг ключа и неразбериха в вашей собственной голове. Немудрено, на вашем месте я бы чувствовал себя

примерно так же. А вот Карродунум — самое подходящее место для деловой беседы. Я имею в виду, здесь вы будете более внимательным слушателем, чем в любом другом месте. И более доверчивым.

— Это еще почему?

— Обстановка обязывает. Находиться здесь весьма познавательно, но довольно опасно, и вы это чувствуете. А для человека, наделенного скептическим умом, существует только один способ принять чудесную природу мира в качестве новой системы координат: оказаться в ситуации, когда чудо — единственный способ выжить. Шансы и в этом случае невелики, но они все же есть.

Он немного помолчал и, внезапно сменив серьезный тон на беспечный, добавил:

— К тому же где и говорить о ключах, замках, дверях и порогах, если не в *месте, где смыкается нагие и иное...* Вы из-за цитаты так на меня уставились? Меж тем я просто повторяю ваши слова. Сегодня в кафе вы рассказывали Гражине про Гекату, которую, предположительно, изображает рисунок на двери в подвале вашего дома. Должен сказать, круг интересов этой достойной дамы мне чрезвычайно близок. Конечно, Геката занимается порогами, перекрестками и пределами профессионально. А я скромный любитель. Но абонемент на посещение *мест, где смыкается наше и иное, у* меня, можно сказать, в кармане. У вас уже тоже, кстати. Но вы еще не оценили преимущество такого положения. Это нормально, поначалу никому не нравится. Еще успеете войти во вкус.

— Погодите, — остановил его я. — Вы хотите сказать, теперь так, — я выразительно махнул рукой в сторону огней на холме, — будет *всегда?* В смысле, изо дня в день? За каждой дверью вместо полезного

и понятного города Кракова меня будет поджидать очередной Карродунум? А вместо Праги какой-нибудь мифический Пелег*? А вместо Вильны — попоходному прикорнувший на холме князь Гедиминас? Или еще какая-нибудь доисторическая дрянь?

— Я не знаю, что такое «всегда», — мягко сказал человек в кепке. — И вы забудьте. Сейчас — так. А завтра наступит какое-нибудь другое «сейчас». Возможно, оно будет похоже на сегодняшний день, возможно, на позавчерашний. Но скорее всего вообще ни на что не будет похоже. Это все, что я могу вам сказать по данному вопросу.

— И на том спасибо, — вздохнул я. — Ни хрена не понятно, конечно. Это меня совсем не радует. Но, по крайней мере, вы хоть выглядите как человек. И говорите нормальным человеческим языком, да еще и по-русски. И матерные стихи при этом не орете. В моем нынешнем положении это, надо понимать, огромная удача.

— Вовсе нет. Закономерное следствие вашего выбора. Некоторые люди в подобных случаях выбирают услышать во тьме рык хтонического чудища, наделать в штаны и пропасть пропадом, а потом проснуться в холодном поту и как можно скорее забыть все, что привиделось, включая ценную информацию. Ее, собственно, в первую очередь. Но у вас хватило здравого смысла устроить себе встречу со мной. Ну и с Краковом нам обоим повезло. Покладистый, добродушный город. Такой не станет навязывать гостям собственный сценарий. А теперь, если не возра-

*** Существует версия, будто на месте современной Праги несколько тысячелетий назад существовало поселение Пелег, основанное еврейскими переселенцами.**

жаете, давайте прогуляемся к Висле. Берег реки — прекрасное место для серьезных разговоров. Что бы ни было сказано, вода все унесет. А в лесу любое слово может упасть в землю и прорасти спустя годы. Не знаю, как вы, а я пока не готов принять на себя ответственность за грядущие всходы. Поэтому осторожность не помешает.

Я подивился столь причудливой теории, но возражать не стал. К реке так к реке. Почему нет.

Какое-то время — полчаса, никак не меньше — мы шли через лес. Я совершенно не чувствовал направления и уж точно не смог бы найти обратную дорогу, но спутник мой, похоже, прекрасно ориентировался в этой чаще, куда почти не проникал скудный свет лунной четвертушки, кривой, как отрезанный тупым ножом ломоть сыра.

Наконец и я почуял резкий запах речной воды, а чуть погодя услышал ее шум и резкий крик напуганной нашим появлением птицы. Похоже, пришли.

Холм с горящими кострами теперь был гораздо ближе, чем раньше, но все же оставался на приличном расстоянии. Меня это успокаивало: встречаться с обитателями древнего Карродунума я не хотел ни во сне, ни наяву. Никогда не мечтал о путешествиях на машине времени. Во всяком случае, не в прошл< Упаси боже.

На берегу, у самой воды, росла ива с двумя стволами. Один, как положено, поднимался к небу, другой причудливо изогнулся у самого основания и дальше уже рос параллельно земле, всего в полуметре от нее. На него и уселся мой спутник, похлопал ладонью по стволу — дескать, присоединяй

Я устроился рядом и адресовал ему требовательный взгляд - ну, что дальше?

— Вы взяли с собой сигареты? — неожиданно спросил он.

Я растерянно помотал головой. Сигареты остались в кармане куртки, а куртка — в гостинице, хоть бери и просыпайся прямо сейчас, такая досада!

— Не спешите. Подумайте. Все в ваших руках. Если постараетесь, вы вполне можете *вспомнить,* что все-таки взяли сигареты. В комнату за ними вы, положим, действительно не заходили. Вам было не до того. Но вы могли сунуть портсигар в карман штанов гораздо раньше. Например, когда уходили от Гражины. А джинсы по-прежнему на вас. Похоже, те же самые.

Он очень убедительно говорил. По крайней мере, я тут же вспомнил, что действительно сунул портсигар в карман джинсов и потом, когда, не раздеваясь, рухнул на гостиничную кровать, он мне немного мешал. И сейчас, совершенно верно, тоже мешает усесться поудобнее...

Я извлек портсигар из кармана и поспешно его открыл — только бы не пустой! У Гражины я дымил как паровоз, но вряд ли скурил весь свой дневной запас. Или все-таки?.. Однако мне повезло, в портсигаре были еще две сигареты.

— Будете курить? — спросил я.

— Одна из них моя, это справедливо, — кивнул мой таинственный незнакомец. Взял сигарету, достал из кармана зажигалку, протянул ее мне, а потом забрал и прикурил сам, прикрывшись ладонью, так что я опять не смог его разглядеть. А ведь как рассчитывал на этот огонек, все-таки ужасно интересно, что за лицо скрывается под козырьком жокейской кепки. Вдруг я его знаю? После Митиного маскарада я бы уже ничему не удивился.

— Нет-нет, мы не знакомы, — сказал он, словно бы прочитав мои мысли. — Уже виделись, это да. Сегодня у Гражины и еще пару раз, мельком. Но это нельзя считать полноценным знакомством. Меня, как вы уже могли слышать, зовут Макс. Но это не имеет значения. Я и сам не имею никакого значения — в том смысле, что на моем месте мог бы оказаться кто угодно, я просто вовремя под руку подвернулся. Считайте, я просто голос в вашей голове. И говорю разные любопытные вещи, которые вы, в общем, и без меня знаете, но сформулировать пока не готовы. Поскольку у вас нет времени, я вам помогаю — вот как сейчас с портсигаром.

— Да уж, — я невольно улыбнулся. — С портсигаром смешно получилось. Если бы вы не напомнили, что он у меня в кармане штанов, я бы так и маялся...

— Я не напомнил. А предложил *вспомнить.* Это разные вещи, — безмятежно ответствовал Макс. — Фишка в том, что портсигар вы, скорее всего, благополучно оставили в куртке. Но мне удалось убедить вас, что это не так. И как только вы *вспомнили,* что сунули его в карман джинсов, он тут же там обнаружился. Самый настоящий портсигар, не галлюцинация какая-нибудь. И сигареты в нем самые настоящие. С вишневым табаком. Целиком разделяю ваше к нему пристрастие. Мне с вами очень повезло. А ведь мог бы нарваться на типа, у которого в кармане пачка «Парламента», — и как после этого жить?

— Погодите, — попросил я, изрядно ошалев от его трескотни. — Вы хотите сказать, что сначала портсигара у меня в кармане не было?

— Хочу. Но не могу. Потому что реальность уже изменилась. Человека, который оставил портсигар в куртке, больше нет — при том, что вы, конечно же,

есть. Просто теперь у вас немного другое прошлое. И конечно же, совсем иное настоящее. Которое, как я понимаю, устраивает вас — и меня тоже — гораздо больше, чем предыдущий вариант. Прошлое ничуть не менее пластично, чем будущее. Просто свое будущее мы создаем желаниями и поступками, а основной инструмент воздействия на прошлое — память. Но управлять памятью ничуть не сложней, чем взять под контроль собственные желания; на мой взгляд, даже проще. Понимаете?

— Наверное, — вздохнул я.

У меня было двойственное чувство. С одной стороны, я очень хорошо понимал, что он имеет в виду. А с другой — предпочел бы не понимать. Оставить все как есть. Ну его к черту, это тайное знание о пластичности прошлого. Я вовсе не был уверен, что смогу — и захочу — с ним ужиться.

— Эта история с портсигаром очень ко времени, — заметил Макс. — Теперь у вас есть ключ к пониманию того, как все устроено. *Вообще все,* я имею в виду. А понимание в данном случае — не гарантия, конечно, но хороший шанс взять управление в свои руки. Вам давно пора это сделать.

— В каком смысле? — растерянно спросил я.

Желание мое, можно сказать, исполнилось — я наконец-то перестал его понимать. Но легче мне от этого не стало. Скорее наоборот.

— У истории, в которую вы оказались вовлечены, слишком много авторов, — мягко сказал Макс. — И, как вы сами могли заметить, каждый тянет одеяло на себя. Я хочу сказать, у каждого из них своя версия событий, свои пожелания, надежды и планы насчет их развития, свои представления о реальности. И о вас, конечно же, как о малой, но все же сущест-

венной ее части. А вы ведете себя так, как будто вы и есть это самое одеяло. Позволяете всем желающим тянуть вас в разные стороны. Добром это не кончится. Они просто порвут вас на куски.

— Кто — «они»?

— Ну как — кто. Все вольные и невольные участники суеты вокруг ключа из желтого металла. Который лично вам, строго говоря, даром не нужен.

— Уже, кажется, нужен, — вздохнул я. — Азартное оказалось дело. Сам удивляюсь. Если по уму, самое время выходить из игры. Карл заканчивает дела, может сам заняться своим ключом. Но я почему-то совсем не хочу бросать охоту.

— Очень хорошо, что не хотите. Потому что выйти из игры на этом этапе все равно не получится. Поздно, вы слишком глубоко увязли. Но когда желания совпадают с необходимостью — это уже, можно сказать, могущество.

— Прекрасно, — язвительно сказал я. — Значит, могущество я уЖе обрел. Дело за малым — получить власть над миром.

— Совершенно верно. — Макс был убийственно серьезен. — Прекрасная формулировка. Власть над миром — именно то, что вам сейчас совершенно необходимо. Я, разумеется, имею в виду ваш персональный мир. Пространство, которое вас окружает. События, которые с вами происходят. Людей, с которыми вам приходится иметь дело. Все это должно быть в вашей власти и целиком к вашим услугам — как портсигар.

— Как портсигар, — эхом повторил я.

Удивительно, но мне было ясно, что он имеет в виду.

— До сих пор вы были просто участником событий. Ехали куда пошлют, делали что требуется, слушали что скажут, иногда верили, иногда — нет. Наблюдали, делали выводы, гадали, что происходит, пытались что-то понять — без особого успеха. И это к лучшему. Потому что в вашей ситуации нужно не *понять,* а *решить,* что происходит.

— Решить?

— Именно так. Решить и во всеуслышание объявить свою высочайшую волю. Твердо знать: как я скажу, так и будет. В смысле, как вы скажете. Это же ваша история. Вот и продумайте ее в деталях. Для начала решите хотя бы, зачем вам нужен ключ? И зачем он нужен вашему отцу. Что он собирается с ним сделать?

— Ну, тут и решать ничего не надо, — невольно улыбнулся я. — Он собирается открыть Дверь-в-Подвале. А я — посмотреть, что из этого выйдет.

— Так вот. — Для пущей убедительности Макс воздел к небу указательный палец. — Прежде чем посмотреть, что из этого выйдет, вы должны ответить на вопрос: а чего бы вам — вот лично вам — хотелось? Чего вы ждете от этой двери и от этого ключа? Только очень хорошо подумайте. Потому что, напоминаю, как скажете, так и будет.

— В любом случае для начала мне придется придумать, как добраться до оригинала, — вздохнул я. — Пока у меня в кармане только копия.

— Формулируйте иначе, — настойчиво сказал Макс. — На вашем месте я бы ничего не придумывал, а просто решил: хозяин ключа должен его мне отдать. И пусть бедняга сам изыскивает способ уговорить вас совершить эту сделку.

— Даже так? — изумился я.

— Только так. Только так второстепенный персонаж может стать автором собственной истории.

Диктатором и тираном, который единолично решает, как будут разворачиваться события. Подобная рокировка мало кому удается, и в большинстве случаев это к лучшему. Но с вами разговор особый.

— Почему?

— Потому что вы умеете водить автобусы, — усмехнулся Макс. — Этого достаточно.

Сказав это, он спрыгнул с дерева и мгновенно растворился в темноте — только что был рядом, и нате, исчез. Я хотел было его окликнуть, но в последний момент передумал. Если уж я теперь сам должен решать, как все будет, вот мое первое решение: хватит с меня болтовни. Хочу назад, в Краков. В гостиницу. У меня там кофе, табак, прекрасная мягкая кровать и телефон. Pi вполне возможно, Карл уже набирает мой номер. Самое время нам поговорить, а я сижу, как дурак, на берегу реки Вислы, и вокруг сплошной карродунум — прекрасное определение, звучит гораздо лучше, чем универсальное «черт знает что».

Я спрыгнул, на землю и решительно пошел по освещенной редкими фонарями набережной к лестнице, ведущей наверх, в город, где призывно сияли окна домов, фары автомобилей, витрины и гигантская сине-зеленая неоновая надпись «Тяжелый свет Куртейна» над магазином осветительной техники.

Найти отель оказалось проще простого — я сраз; же увидел башни Мариацкого костела, ориентируясь на них, вышел к Главному Рынку, обойдя площадь по периметру, обнаружил знакомую улицу — и voila, никаких проблем.

Прихватив с собой кружку кофе со сливками, который снова благополучно обрел влажность, темп<

ратуру и вполне сносный вкус, я отправился в свой номер. Зловеще хохоча, как Мефистофель в постановке любительского театра, извлек из кармана куртки портсигар. Теперь их у меня, надо понимать, два, спасибо доброму дяденьке Борхесу за идею хрёнира* — если бы я не знал, как это называется, вполне мог бы рехнуться, а так ничего, выдержал, устоял на ногах и даже не отказал себе в удовольствии поразмыслить о выгодах, которые можно извлечь из такой ситуации. Пока я наварил только две сигареты. Но что будет, если в один прекрасный день я *вспомню,* как прятал под кроватью чемодан с десятью миллионами евро?

Да-да, ехидно подхватил мой внутренний голос. А в кровати — девушку месяца из «Playboy». И еще парочку в ванной, чего мелочиться. По крайней мере, они помогут тебе потратить десять миллионов. Потому что ты, мой бедный друг, вряд ли способен придумать что-нибудь по-настоящему интересное.

Плевать, огрызнулся я. К черту интересное. Когда есть хоть малейший риск, что все твои фантазии немедленно овеществятся, придумывать надо что-нибудь простое и приятное. И полезное, конечно же. Десять миллионов, ладно, потом как-нибудь, под настроение. А сейчас мне просто позвонит Карл. Потому что нам есть о чем поговорить. У меня такие новости — он, бедняга, на ногах не устоит.

*** «В самых древних областях Тлена нередки случаи удвоения потерянных предметов. Два человека ищут карандаш; первый находит и ничего не говорит; второй находит другой карандаш, не менее реальный, но более соответствующий его ожиданиям. Эти вторичные предметы называются „хрёнир", и хотя они несколько менее изящны, зато более удобны» *(Хорхе Луис Борхес.* Тлён, Укбар, Orbis tertius).**

Я настежь распахнул окно, уселся на подоконнике с кофе, сигаретой и телефоном, который тут же послушно затренькал. Хорошо быть диктатором. И как я раньше справлялся?

— Привет, — сказал я трубке. — Ужасно рад тебя слышать. Ты даже не представляешь насколько.

— Лопаешься от новостей? — Я почти увидел, как Карл улыбается.

— И это тоже. К тому же я только что вернулся с прогулки по Карродунуму. То еще приключение.

— Откуда ты вернулся?

— Из Карродунума, — вздохнул я. — Так называлось поселение, существовавшее здесь задолго до начала строительства Кракова. Во втором веке или что-то вроде того. Фуфловое, прямо скажем, поселение, ни тебе памятников архитектуры, ни приятного досуга, только дремучий лес да огни на холме... Ладно, все это совершенно неважно. Важно, что теперь я снова в нормальном человеческом Кракове. И ты был мне нужен позарез — как мост. Как напоминание о том, кто я такой и откуда родом. Как единственный человек в мире, которому я могу рассказать про Карродунум.

— Спасибо за доверие, — серьезно сказал Карл. И помолчав, добавил: — Однако я не ожидал, что у тебя там настолько серьезная культурная программа.

— И не говори. Однако дело прежде всего. Я уже нашел бывшую хозяйку ключа. Она прекрасна, как наша Рената, только одевается по моде пятидесятых годов, как дамочки в хичкоковских фильмах, и это, скажу я тебе, нереально круто! Говорит, что родилась сто с лишним лет назад, но прожила гораздо меньше. Потому что когда у нее начинались трудные времена, она их *проскакивала*... Нет, я плохо объясняю. Жалко, ты не слышал, как Гражина сама рассказывает. В корце, правда, она любезно позволила мне считать эту историю ее фантазией. И принесла такие пирожки, что мне тут же стало все равно.

— Ты меня заинтриговал. Начинаю жалеть, что сам не поехал в Краков.

— Дело поправимое. Но сейчас я тебя еще больше заинтригую. Оказывается, твой старый друг — я имею в виду йиглавского затворника — совершенно напрасно морочил мне голову, когда посоветовал отыскать пани Гражину. Потому что он сам помог ей найти покупателя. И, как ты понимаешь, прекрасно знал его имя. Но мне почему-то не сказал. Правда, интересно?

— Очень интересно, — согласился Карл. — Ладно, я ему позвоню.

— Позвони, конечно. Но учти, имя покупателя я уже выяснил. Это был, только не падай, приятель Черногука. Доктор Чума. Тот самый, который сегодня утром от меня на вокзале убегал. Не удивлюсь, если он купил ключ по просьбе пана Болеслева. Впрочем, я уже вообще ничему не удивлюсь. И в любом случае они — одна шайка. Круг замкнулся, с чем тебя и поздравляю. У меня от этого открытия волосы дыбом. Надеюсь, у тебя тоже.

— Ну, теперь все более-менее сходится, — неожиданно сказал Карл. — Понятно, почему пан Черногук так страстно стремился выяснить мой адрес. Конечно, ключ у него. Конечно, ему нужен наш подвал. Конечно, он хочет того же, чего хочу я сам: открыть дверь.

— За которой глухая стена, — напомнил я.

— Это, конечно, так, — согласился Карл. — Но никогда заранее не знаешь, чего ждать от древних тайников.

— Может, имеет смысл попробовать договориться? — спросил я. — У этих красавцев ключ, у нас дверь. Откроем ее вместе, вместе посмотрим, что будет. Странно, кстати, что Черногук сам это не предложил. Я бы на его месте...

— Мне кажется, — мягко сказал Карл, — тут есть ряд нюансов. Например, кто именно будет открывать дверь. Возможно, от этого многое зависит. А возможно, это не имеет значения, но пан Черногук по каким-то причинам думает, что имеет. Я, конечно, не знаю, Фил. Но чувствую, что дело именно в этом.

— Наверное, — согласился я. — Но теперь в любом случае придется начинать все сначала. Давай так. Для начала напиши Черногуку. Дескать, по нашим сведениям, оригинал ключа приобрел его знакомый, доктор Станислав Грочек. И мы, такие все из себя наивные зайчики, просим пана Болеслева посодействовать в переговорах. Посмотрим, что он тебе ответит. Напишешь?

— Так точно, сэр. Будет сделано, сэр. — Карл дразнился, но чувствовалось, что ему по душе мой напор.

— А я завтра же вернусь в Прагу, — решил я.

— Почему именно в Прагу? Какой в этом смысл? Если сам Черногук еще вчера был в Вильнюсе, а его приятель, по твоим же словам, сегодня утром приехал в Краков?..

— Смысла, возможно, никакого, — согласился я. — Но мне почему-то кажется, что следующий этап переговоров пройдет именно в Праге.

Я не стал говорить: «Я так решил», — услышав от меня подобную формулировку, Карл наверняка начал бы опасаться, что я не просто слегка повредился

умом от избытка дорожных впечатлений, а качественно слетел с катушек. Но на деле все обстояло именно так: я *решил* застать Льва в Праге и не сомневался, что он будет там как миленький. Стать самоуверенным придурком оказалось гораздо легче, чем я предполагал.

Дело за мачым — осталось вообразить себе такое развитие событий, при котором ключ попадет в мои руки. И этот вариант развития событий должен выглядеть чертовски убедительно. Потому что мне предстоит иметь дело не только с паном Болеславом и его очаровательным дружком, но и с собственным скептическим умом, который в любой момент может оправиться от нокаута и заняться анализом — вот это действительно грозный противник. Но я как-нибудь справлюсь. У меня все получится.

— У меня все получится, — сказал я вслух. — Вот увидишь.

Карл одобрительно хмыкнул.

Я едва удерживался от искушения написать: *All work and no play makes Jack a dull boy**. Ситуация была самая что ни на есть подходящая: я уже часа два сидел перед включенным компьютером и тупо пялился на пустой, как моя бедная голова, экран. Останавливало меня только то соображение, что рядом нет никого, способного оценить мое ловкое обращение с цитатами.

*** «Сплошная работа и отсутствие развлечений сделали из Джека скучного парня». Джек Торранс, герой романа Стивена Кинга «Сияние», день за днем многократно пишет эту фразу вместо книги, над которой планировал работать.**

Правда, в отличие от Джека Торранса, я не собирался писать книгу. Моя задача была много проще. Этот тип в кепке, Макс или как его там, дежурный Вергилий, явившийся мне в сумрачном лесу, сказал, что в сложившейся ситуации следует выяснить, чего хочу я сам. И тогда, дескать, все будет по-моему. Сомнительная философия, чего уж там, но терять мне было нечего. Почему бы и не решить, чего я хочу? Вреда от этого уж точно не будет, а польза несомненна, пусть даже сугубо психотерапевтического свойства. Это тоже не помешает.

Зная собственное переменчивое настроение, дырявую память и умение искренне полагать любое свое мимолетное решение окончательным и бесповоротным — целых полчаса кряду, пока ему на смену не придет новое, — я заключил, что определяться с собственными желаниями следует в письменной форме. Тщательно их запротоколировать, чтобы не было потом искушения всякий раз заново метаться в потемках собственного сознания, вопрошая себя: так чего же я все-таки хочу? Нет уж, записано, значит, записано, не вырубишь топором. Придется прекратить духовные метания и продолжать хотеть, чего решил. Я всегда высоко ценил силу текста, особенно печатного, и если существует способ в кои-то веки поверить себе на слово, то вот он.

Но это оказалось вовсе не так просто, как я себе представлял. Хотя, по идее, тоже мне проблема — понять, чего хочешь. Желание — до сих пор я был в этом совершенно уверен — весьма агрессивное ощущение. Игнорировать его трудней, чем сформулировать, по крайней мере, так мне казалось всего два часа и полдюжины сигарет назад, когда я включил компьютер, легкомысленно решив: сейчас все быстренько запишу и лягу спать. Ага, как же.

Я встал, распахнул окно пошире, по пояс высунулся наружу, в прохладную, душистую весеннюю ночь. Вдохнул, улыбнулся, выдохнул, улыбнулся еще шире, снова вдохнул. И понял: вот чего-то в таком роде я и хочу. Чтобы так было всегда. Чтобы любое мое действие было простым, радостным, естественным и в то же время совершенно необходимым — как дыхание. И не только мое. Всякое действие. Жизнь. Вообще. Любая. Везде. А все остальное несущественно.

Мне показалось, что я понял что-то очень важное. Бросился к компьютеру и поспешно, не задумываясь, записал: *Я хочу, чтобы все исполнилось смысла.*

Оказывается, надо было просто начать, неважно, с чего и как. Меня прорвало, я писал торопливо, пропуская буквы и пробелы, все, что приходило на ум, не стыдясь убожества собственных формулировок: «Я хочу чтобы... и пусть тогда... и она... а он... и еще вот...»

Остановился, только когда захотел курить. Перечитал написанное, пожал плечами — а что, все правильно. Ужасно коряво написано, выглядит чертовски наивно, даже глупо, но по сути — правильно. Пусть все так и будет, я только «за». Но если кто-нибудь когда-нибудь это прочитает, я со стыда сгорю. Поэтому немедленно — выделить, удалить, сохранить. Вот так. Очень хорошо.

Передо мной снова был почти пустой экран, почти чистый лист, сохранилась только первая строчка: *Я хочу, чтобы все исполнилось смысла.* Потому что я действительно хотел этого больше всего на свете. Так сильно хотел, что рука не поднялась удалить это предложение — шесть слов, тридцать букв, пять пробелов, два знака препинания, господи, тоже мне

великая ценность. Некоторое время я сердито смотрел на экран, а потом закрыл документ, выключил компьютер, лег в постель, укрылся с головой одеялом и уснул, крепко и сладко, как человек, весь день занимавшийся тяжелым физическим трудом.

Утром я почти не мог вспомнить, что написал в приступе вдохновения. Но особых сожалении не испытывал. Что сделано, то сделано. Ну и потом, если вдруг, чем черт не шутит, жизнь действительно исполнится смысла — на таких условиях я согласен на все. Играю. Сдавайте.

Движения мои были стремительны, как никогда прежде. Душ, бритье, завтрак, сборы, оплата номера — все это каким-то чудом уместилось в несчастные сорок пять минут, один школьный урок, обычно я за это время только и успеваю, что выпить кофе, сетуя на необходимость выполнять еще какие-то действия. И только пулей вылетев на улицу, я немного замедлил шаг, пошел почему-то не в сторону вокзача, а к Главному Рынку, где и остановился как вкопанный, завороженный вкрадчивым звуком трубы.

И чего дальше? — растерянно спросил я себя. Куда теперь? И как?

Честный ответ на этот вопрос звучал примерно так: «А я думал, оно как-нибудь само...» Только теперь я смог по достоинству оценить масштабы разразившейся в моем сознании катастрофы. Мне даже в голову не пришло, что поездку в Прагу следует предварительно продумать, а потом последовательно осуществить. Кажется, я почти всерьез полагал, что окажусь в Праге, как только выйду из гостиницы. Сам или вездесущая и загадочная Мирра Жуковская за ручку отведет, я, так и быть, согласен. На худой конец наткнусь у входа на Митю, который покается: *Марфинька нынче опять это делала,* грешен, выследил тебя зачем-то, прости засранца — и распахнет передо мной дверцу своего роскошного автомобиля. И отвезет, куда требуется, еще и спасибо скажет за то, что *не очень* сержусь.

Словом, я был уверен, что перемещение из пункта Ка в пункт Пэ свершится само собой, от пешехода требуется только быть ко всему готовым и не возмущаться потом, что опять крыша едет, — пусть ее.

Господи, изумленно подумал я, как же можно быть настолько феерическим идиотом. Так и быть, выпей здесь кофе напоследок, а потом — марш на вокзал.

Кофе я, конечно, собирался пить у пани Гражины, в одноименном кафе. Моего серебряного ангела-хранителя на площади пока не было, но я решил — пустяки, сам найду, я вчера хорошо запомнил дорогу.

Но не тут-то было. Вроде бы свернул в нужный переулок, бар «Szara» на углу, перепутать невозможно. И уставленная винтажными стройматериалами подворотня — вот она. И гулкий унылый двор — тот самый, я даже яркую упаковку от конструктора Lego в куче мусора опознал. Все на месте, только никакого прохода между домами нет и в помине. На всякий случай я добросовестно исследовал все подъезды, но ни одного сквозного среди них не обнаружилось. Такие, значит, дела.

— А как же пирожков на дорожку? — обиженно сказал я вслух. И, внезапно развеселившись от звука собственного голоса, махнул на все рукой и пошел исследовать масть дежурного бариста в баре «Szara». Мне выпал брюнет, и эспрессо в его исполнении

действительно оказался выше всяких похвал — хоть тут мне повезло.

Удача не оставила меня и на вокзале. Сунувшись в первую же кассу, я стал счастливым обладателем билета на скоростной поезд до Вроцлава, и еще одного — от Вроцлава до Праги. Посмотрев на часы, схватился за голову и побежал на платформу — до отправления оставалось всего пять минут, а краковский вокзал зело велик, так что я едва успел найти свой вагон. Он был почти пуст, но я все-таки честно отыскал указанное в билете место и почти не удивился, обнаружив в своем кресле аккуратный сверток, к которому была приколота старомодная визитная карточка цвета небеленого льна, буквы с завитушками: кафе «У Гражины», внизу адрес и даже телефон мелким шрифтом — надо же, все как у людей. На обороте было написано от руки, зелеными чернилами: «Филиппу, с любовью и тысячью извинений». В свертке, разумеется, были еще теплые пирожки. На дорожку, как заказывал. Ну-ну.

В Праге я оказался в половине девятого вечера, в полном соответствии с пророчеством железнодорожного расписания. Вышел на перрон, потрясенный тем, что доехал без приключений, как нормальный человеческий человек, разве только пирожки от Гражины несколько выбивались за рамки моих представлений об обыденности, но они были давным-давно съедены и, честно говоря, почти забыты.

Лишь покинув вокзал и пройдя несколько кварталов в сторону центра, я вдруг понял, что не позаботился о ночлеге. А ведь не факт, что я вот так сразу найду что-нибудь вечером воскресенья. Хорош, конечно, нечего сказать.

В крайнем случае попрошусь в подвал к Черногуку, ехидно подумал я. Он же говорил, что любит мучить людей. А тут такая удача — добровольная жертва, сама в руки идет.

Но этому экстремальному плану не суждено было осуществиться. Мне позвонил Карл. Спросил деловито:

— Ты, как я понимаю, едешь в Прагу? Уже приехал? Очень хорошо. Потому что после нашего вчерашнего разговора я на всякий случай забронировал тебе номер. В отеле на Нерудовой, где ты уже жил. От добра добра не ищут.

Мне оставалось только зажать телефон между плечом и ухом и благоговейно воздеть руки к небу.

— Я уже дома, — продолжал Карл. — Рената в полном порядке, передает тебе привет. Говорит, ты ей подал отличную идею насчет девичника, давно так не веселились. Между прочим, сломали стол в гостиной, и я не уверен, что хочу знать подробности... Зато инфернальный сантехник ее больше не тревожил. Соседей вроде тоже оставил в покое. Так что вполне возможно, пан Черногук действительно в Праге, и ты правильно сделал, что туда поехал. Но на мое письмо он пока не ответил. Если до завтра ответа не будет, я ему позвоню. А там по обстоятельствам. Что скажешь?

— Ты же знаешь, «по обстоятельствам» — это моя любимая формулировка.

— Очень хорошо. Дело за малым: доберись до отеля, а потом как следует поужинай. Справишься с таким поручением?

— Постараюсь. Если опять какой-нибудь карро-Дунум не приключится.

— Вот-вот, постарайся, — серьезно сказал Карл.

Вообще-то «карродунум» я ввернул для красного словца. Чтобы поскорее ввести в активное употребление столь удачное выражение. Однако же, оказалось, как в воду глядел. Пророк хренов.

До отеля я, впрочем, все-таки добрался. Получил ключ от номера и отправился туда, предвкушая, как сейчас залезу в ванну и, видимо, не вылезу оттуда уже никогда, стану скромным гостиничным водяным, а что ж, прекрасная участь. Открыл дверь и застыл на пороге как вкопанный, уставившись на черного пса, который деловито обнюхивал мои ботинки. В кресле у окна сидела Мирра Жукотовская. Задумчиво накручивала на палец разноцветную челку. Увидев меня, улыбнулась с облегчением. «Где тебя черти носили?» — вслух не сказала, но такая постановка вопроса явно подразумевалась.

— Но сейчас-то я не сплю! — искренне возмутился я.

Конечно, это было невежливо. Но никто не должен становиться между мной и горячей ванной, если уж я в кои-то веки пожелал ее принять.

— Зато я сплю, — усмехнулась она. — Отдыхаю перед вечеринкой. Ну как, не то чтобы это была настоящая вечеринка. Придут несколько моих галеристов из разных стран, давно собиралась свести их вместе и поглядеть, как они будут себя держать. А чтобы не разорваться пополам от любезных улыбок, позвала кое-кого из близких друзей, чьи физиономии успешно заменяют мне неспелую хурму. Заодно решила тебя пригласить. Ты не такой противный, как мои самые любимые люди, но тоже вполне ничего. Придешь?

— А это обязательно?

— Нет, конечно. Но лично я бы на твоем месте пришла, если бы меня вот так пригласили. Просто из любопытства.

— Ну разве что.

У меня не было ни малейшего желания идти на вечеринку и вообще куда бы то ни было. Но я понимал, что если не пойду, буду потом кусать локти. Вконец изведусь. Любопытство — страшная сила, чего уж там.

— Как же я не люблю выбирать из двух зол, — вздохнул я. И сердито уставился на Мирру. Вот устроила бы она свою дурацкую вечеринку завтра, как было бы хорошо!

— Эй, с каких это пор ты смотришь на меня как на врага народа? — удивилась Мирра.

— Ну что ты. Не как на врага. Просто, знаешь, мне рядом с тобой становится не по себе. Наверное, я просто тебя побаиваюсь. А я не люблю бояться. Поэтому, наверное, сержусь.

— Это нормально, — заверила меня Мирра. — Всем рядом со мной не по себе, но никто не признается, ты первый. Молодец, что сказал. Ну что, придешь?

— В котором часу? И самое главное, куда? Я от тебя в то утро на такси уехал, теперь не найду.

— Захочешь — найдешь, — отмахнулась она. — Считай это усилие платой за вход. Приходи ближе к полуночи, раньше не имеет смысла. До скорого.

Мирра покинула кресло и неторопливо, как бы нехотя пошла к выходу. Черная собака следовала рядом, прижимаясь к ее ноге. Сказать, что я посторонился, пропуская эту парочку, будет изрядным преуменьшением, потому что я шарахнулся от них, как от зачумленных, метра на два в сторону отскочил.

Мирра обернулась, укоризненно покачала головой, и они вышли в гостиничный коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я, конечно, тут же выглянул следом. В коридоре, как я и предполагал, не было ни души.

— Напоминаю: я хочу, чтобы все исполнилось смысла. А не лишилось его жалких остатков, — возмущенно сказал я, вперив взор в потолок.

Отправив, таким образом, кляузу в Небесную Канцелярию, я пошел в ванную. После получаса в горячей воде можно пережить даже шабаш у Мирры Жукотовской. И вообще все что угодно.

С адресом Мирры я поступил, как с давешним портсигаром. Если бы я был честен с собой, пришлось бы признать, что я совершенно не помню, как возвращался от нее в отель. Ладно бы пешком шел, а то ведь в такси ехал. Сонный, злой и совершенно сбитый с толку.

Но я, разумеется, не был честен с собой. Еще в ванной начал *вспоминать,* как мы ехали. За ужином продолжил. И так преуспел, что, оказавшись потом на Нерудовой, не задумываясь пошел вниз. А потом свернул налево. И еще раз налево, и сразу направо. И вверх. Потом в какой-то момент еще раз направо. Не задумываясь, разумеется. И оказался на том самом углу, где садился в такси, когда сбежал от Мирры. Два автомобиля и сейчас здесь дежурили. Ай да я.

Пройти сотню метров, внимательно разглядывая таблички с именами жильцов у дверей подъездов, и обнаружить среди них надпись «М. Жукотовская» оказалось делом нескольких минут. Только нажав

кнопку звонка, я позволил себе вспомнить, как, вернувшись из Карродунума в Краков, нашел в кармане куртки второй, вернее, первый, *изначальный* портсигар, и содрогнуться — это сколько же теперь квартир у Мирры Жукотовской? Впрочем, дополнительная жилплощадь бедной художнице не повредит, а с ее мистической природой Мирра, не сомневаюсь, как-нибудь справится. Кто, если не она.

Механизм замка наконец многообещающе заскрежетал, я толкнул дверь, вошел в подъезд, поднялся на последний этаж — что Мирра живет на самом верху, это я *действительно* помнил. У входа в квартиру меня уже поджидал Арсений, невозмутимый и бесстрастный, как гвардеец у Букингемского дворца. Кивнул небрежно, как старому знакомому, зачем-то приложил палец к губам, отвел в цитрусовую гостиную и тут же куда-то исчез. А я понял, почему он просил меня хранить молчание: Мирра опять читала свои ужасные стихи.

— Возгордился дед Акимыч и опробовал пурген. Оголился, опростался, чем тебе не тилигент! Повозил говно по дому, присмотрелся — хорошо! В мир скользнул по колидору и в пространство дверь нашел. Задрыстал весь двор по крышу, ввысь взметнулись труханы. Проходил Амброзии мимо — тут и стренулись они. Посидели, попердели, вспомянули старину: ране всем-де хуй на рыло, а теперь еби муму. После речь зашла за жизню, разобрались, кто мудак. Лобызнулись и взупрели, и полезли на чердак.

Она сидела в углу, пристроив на коленях планшет, и рисовала портрет немолодой дамы с приятным лошадиным лицом, расположившейся в кресле напротив. Как я понял, декламация матерных стихов была неотъемлемой частью художественного процесса.

Еще несколько человек, присутствовавших в гостиной, все как один хранили благоговейное молчание, до белизны сомкнув пальцы на тонких ножках бокалов. На их лицах не было и тени улыбки.

— После вылезли на крышу, чтоб посрать на дымоход, а оттель пошли на речку, чтоб пропернуть бездну вод. Срали, бздели, киш кишмилась, жизня плещет без конца! И с лихвой говна осталось, чтоб порадовать мальца.

На этой оптимистической ноте Мирра наконец заткнулась, сунула за ухо карандаш и отдала планшет длиннолицей даме. Та ахнула. Остальные гости подошли к ней и тоже принялись кудахтать — всяк на своем наречии. Тут уж и я захотел посмотреть, что получилось, сунулся под чей-то локоть и, честно говоря, остолбенел. Вот уж не думал, что беглый карандашный набросок может произвести на меня столь сокрушительное впечатление.

Рисунок, как и положено портрету, обладал несомненным сходством с оригиналом, хоть в паспорт его вклеивай вместо фотографии. Мирра не стала льстить своей натурщице - в смысле, не убавила ей лет и морщин, не изменила овал лица, не увеличила глаза, ничего в таком роде. И в то же время вместо милой пожилой дамы Мирра нарисовала прекрасное, таинственное, явно *нездешнее* существо, которое я, питомец католички Ренаты, в детстве сразу назвал бы ангелом, а сейчас никак не называл, просто смотрел не отрываясь, глаз не мог отвести. В этом лице была сдержанная, почти не проявленная в мимике радость бытия и безмятежная готовность принять жизнь, какой бы она ни оказалась, — не ставя условий и не торгуясь. И одновременно в нем было спокойное осознание собственной силы и власти, так

что я на миг поверил, что все во Вселенной вершится исключительно по воле женщины, изображенной на портрете, а мы, дураки, не знаем, кому следует молиться, — наше счастье, что ей все равно.

Люди такими не бывают, подумал я, но вслух почему-то сказал:

— Вот такими и должны быть люди.

— Конечно. Такими мы были задуманы, — небрежно, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся, подтвердила Мирра. — Я рада, что ты пришел. Расслабься, стихов больше не будет. Просто я давно обещала Алисе нарисовать ее портрет, и вот она поймала меня на слове. Но на сегодня с работой — все.

Натурщица тем временем кое-как оправилась от потрясения, спрятала рисунок в сумку, пробормотала что-то неразборчиво-вежливое и нетвердой походкой пошла к столу с напитками.

— Ты нереально крута, — сказал я Мирре. — Но я лопну, если не задам тебе бестактный вопрос.

— Про стишки? — усмехнулась она. — Я заметила, как тебя перекосило. Обычно я всем говорю, что это у меня получается непроизвольно. Дескать, когда рисую, себя не контролирую, так что знать ничего не знаю, отстаньте. Но тебе, так и быть, скажу правду. Я могу рисовать и без стишков. Запросто. Но с ними веселее. Они внушают трепет перед моим экстатическим состоянием всем, кто не понимает по-русски. И приводят в ужас тех, кто понимает, — кроме разве что Арсения, ему стишки действительно нравятся; думаю, именно поэтому он — мой лучший друг. Короче, я так издеваюсь над людьми. Ты доволен?

— Счастлив, — улыбнулся я. — Такое объяснение вполне помещается в моей голове.

— Конечно помещается, — кивнула Мирра. — Я же его специально для тебя придумала. Хочешь кактусового чаю? Обычно он заканчивается гораздо раньше, чем мартини. Пошли на кухню.

И, не давая мне опомниться, потащила меня в соседнюю комнату, где в углу за перегородкой посиротски ютились плита, холодильник, мойка и прочие кухонные обитатели.

Арсений хлопотал с заварочным чайником и кружками. Напротив него на разрисованном черепами алом табурете восседал пан Болеслев Черногук собственной персоной. Нас с Миррой он, кажется, не заметил, потому что вдохновенно вещал.

— Я мог бы быть очень религиозным человеком, — говорил он Арсению, который, по правде сказать, вовсе не производил впечатление внимательного слушателя. — Скажу больше, я бы этого хотел. Жизнь религиозного человека во всех отношениях приятней, чем существование мало-мальски неглупого агностика. Но до сих пор никто не позаботился создать религию, которая мне бы подошла.

— А буддизм чем не угодил? — флегматично поинтересовался Арсений.

Было видно, что отношение собеседника к буддизму ему до одного места и спрашивает он только из вежливости, но Лев ужасно обрадовался и принялся обстоятельно отвечать.

— Буддизм как раз вполне ничего. Но мне решительно не нравится история, с которой все началось. Царевич выходит из дворца, видит Страшное — с большой буквы «эс» — и понимает: жизнь не удалась, надо что-то делать. Нет уж, мне подавай избалованного принца, который выходит из дворца и видит на улице все, что положено видеть в таких случаях. Но поскольку перед нами не кто попало, а именно избалованный принц, то есть человек, обладающий специфическим жизненным опытом, он твердо знает, что все всегда заканчивается хорошо. Поэтому наш принц сразу сообразит, что больного следует как можно скорее вылечить — не обязательно мистическим наложением царственных рук, можно просто позвать квалифицированного придворного лекаря. И он зовет, и лекарь, куда деваться, лечит. Потом принц заговаривает с дряхлым старцем и обнаруживает в нем прекрасного собеседника и, скажем, умелого игрока в шахматы. Меж ними завязывается счастливая дружба, какая порой случается между стариками и юношами. И, беседуя со старцем, принц узнает о преимуществах, которые дает старость человеку, должным образом к ней подготовленному. Наконец, наш принц наблюдает за похоронной процессией и сперва, конечно, огорчается, но какой-нибудь ловкий придворный шаман дает ему возможность увидеть, как дух покойника отправляется в новое увлекательное путешествие. Причем совершенно неважно, будет это видение подлинным знанием или наркотической иллюзией, тем более что разница между тем и другим — только в голове воспринимающего... Спасибо, Арсений.

Лев взял протянутую ему чашку и продолжил:

— И вот после всех этих поучительных событий наш принц идет ужинать, а потом кладет жизнь на создание стройной системы убеждений, обрядов, ритуалов, магических техник и гимнастических упражнений, которые приведут людей к непоколебимой уверенности, что больной исцелится, старость может быть радостной, и смерть — не финал, а начало новой увлекательной игры. Непоколебимой, повторяю,

уверенности. То есть к фундаментальному знанию. Потому что страдать, бояться и хорошо себя вести, чтобы избежать наказания, люди умеют и без посторонней помощи. А радоваться и ни черта не бояться труднее всего. И значит, именно этому и следует учиться человеку на земле. Если уж в таких условиях выучится, его потом ничем не проймешь.

Он умолк, торжествующе огляделся, словно бы желая приободрить свою невидимую аудиторию, и наконец заметил нас с Миррой. Но разочарования не выказал. Напротив, адресовал мне приветливую улыбку.

— Здравствуйте, Филипп Карлович. Как поживаете? Меня тут немного занесло, не берите в голову.

— Поздно, уже взял, — откликнулся я. — Считайте, один прозелит у вас есть. Или простой прихожанин, как пожелаете.

— Спасибо за высокую оценку моей кухонной проповеди. — Лев даже привстал с табурета и отвесил мне смиренный поклон. — Одна кружка чая и один прозелит — неплохой результат, когда имеешь дело с аудиторией из трех человек.

— Я не в счет, — быстро сказала Мирра. — Я тебя не слушала. Ты же знаешь, у меня иммунитет. Как только ты говоришь больше десяти слов кряду, я отключаюсь и начинаю думать о чем-нибудь приятном.

Лев не обиделся, а, кажется, даже обрадовался.

— Здоровая реакция молодого организма, — одобрительно сказал он. — Берите с нее пример, Филипп. И не позволяйте первому встречному очаровывать вас своей болтовней.

— Вот еще, — усмехнулся я. — Быть очарованным — по нашим временам редкое удовольствие. Уж будьте уверены, я своего не упущу.

— Тоже разумный подход, — согласился Лев. — Арсений, налей ребятам чаю. Строго говоря, они за этим сюда и пришли. А вовсе не за моей вековой мудростью.

Он был чрезвычайно мягок и любезен, но при этом вел себя так, будто это его собственная кухня и мы с Миррой пришли к нему в гости. А Арсений и вовсе нанят обслуживать вечеринку. Как-то так все это выглядело.

Мирра с Арсением не обратили на его хозяйский тон никакого внимания, зато я сразу вспомнил, с кем имею дело, снял с углей лапшу, а с переносицы розовые очки — словом, собрался. И Лев это почувствовал. Дождался, пока я получу свою порцию чая, и сказал:

— По сложившейся традиции отвечаю на ваши невысказанные вопросы, Филипп Карлович. Конечно, я уже прочитал письмо вашего отца. Надеюсь, он не будет в обиде, если я отвечу не ему, а вам. И не письменно, а устно. Коротко суть проблемы не объяснишь и секретарю не поручишь, а сам я пишу по-русски много хуже, чем говорю. С ужасающими, как утверждают заслуживающие доверия эксперты, ошибками.

— Это правда, — невольно улыбнулась Мирра. — Если вам надо поговорить наедине, можете остаться тут. А мы с Арсением пойдем развлекать гостей. В конце концов, сами же их пригласили. Добровольно и без принуждения. А теперь бросили без присмотра.

— Мы ответственны за тех, кого подпоили, — без тени улыбки сказал Арсений, и они ушли в гостиную.

А мы остались.

— Конечно, я сам попросил Мариночку, чтобы она вас сегодня пригласила, — сразу сказал Лев. — И засел на кухне, как паук в норе. Но только не вздумайте сердиться на Марину за такой сюрприз. Я попросил ее об одолжении впервые со дня нашего знакомства. В таких случаях, сами понимаете, непросто отвечать отказом. Хотя ребятам сегодня не до нас, у них, сами видели, серьезный народ собрался. Но я, прочитав письмо вашего отца, вбил себе в голову, что нам нужно встретиться сегодня же, и не где попало, а именно здесь.

Я отметил, что он называет Мирру Мариной, как Арсений. Привилегия старинного друга или больше чем друга? Впрочем, какое мне дело. Поэтому я просто спросил:

— Почему здесь?

— Потому что именно в этом доме вы недавно пережили несколько, скажем так, непростых, но интересных минут. Когда в мгновение ока переместились сюда из какой-то убогой забегаловки в Мариночкином вкусе. И долго потом не могли ни поверить в предложенное вам объяснение, ни даже придумать собственную мало-мальски удовлетворительную гипотезу. Вы из тех редких скептиков, которые решительно отвергают не только завиральные, но и вполне реалистические объяснения, когда видите, что они не увязываются с фактами. Очень разумный подход.

Выходит, Мирра ему все рассказала. Мне это очень не понравилось, хотя я, пожалуй, даже самому себе не смог бы объяснить почему. Впрочем, ладно. Что теперь сделаешь.

— Я знаю, что у меня много достоинств, — сухо сказал я. — Место встречи меня вполне устраивает —

как любое другое, почему нет. Давайте сразу перейдем к делу. Насколько я знаю, Карл уже более-менее подробно написал вам обо всем, что мне удалось выяснить. Я был в Кракове, нашел там пани Гражину, бывшую хозяйку ключа-оригинала, который датируется пятнадцатым веком. Пани Гражина сказала, что продала ключ три года назад в Праге. И не кому-нибудь, а вашему приятелю, доктору Грочеку, с которым я тоже имел счастье познакомиться. Мы с Карлом намерены попросить вас посодействовать нам в переговорах о покупке ключа; разумеется, мы высоко ценим ваше посредничество и готовы обсуждать его условия. Хотя, честно говоря, лично я почти уверен, что пан Грочек приобрел ключ для вас. Или по вашему совету.

— По моему поручению, совершенно верно, — кивнул Лев. — Сразу вынужден сказать, что я, к сожалению, пока не заинтересован ни в продаже, ни в обмене этого экземпляра.

Я ожидал продолжения, но он умолк.

— На мой взгляд, написать эту фразу вполне мог бы и секретарь, — заметил я. — Даже если его обязанности у вас исполняет китаянка Луша.

— Вы плохо знаете Лушу, — серьезно сказал Лев. — Уверяю вас, для нее это совершенно непосильное задание. Но вы правы, с таким письмом я бы легко справился. Проблема в том, что, отказываясь от предложения вашего отца, я одновременно собираюсь просить его — и вас, конечно же — об одолжении. Непростая ситуация.

— Говорите прямо. Вы хотите сами открыть этим ключом нашу дверь?

— О, да вы уже все поняли, — обрадовался он.

— Не понять было бы довольно затруднительно. Особенно после того, как вы появились в Вильнюсе

и стали обходить нашу улицу под видом сантехника, желающего осмотреть подвальные помещения.

— Ну а что мне еще оставалось, если вы не помните номер собственного дома? — невинно улыбнулся Лев.

— Все-таки не собственного. Отцовского. Я большую часть времени живу в Москве.

— И совершенно напрасно, если мне будет позволено высказать свое мнение. Вильно — прекрасное место для жизни.

— Я и сам так думаю, — согласился я. — А название улицы вы из меня, как я понимаю, под музыку вынули? Скажите хоть, кто это был такой прекрасный. И где это можно достать.

— Сестры Пешиковы, как я и сказал вам с самого начала. Купить эту уникальную запись негде, но - сделаю для вас копию, как и обещал.

— Спасибо. Но отец сомневается, что это были сестры Пешиковы, он их слушал, говорит, у них скрипка и голос, никакого барабана...

— В данном случае Карл Оттович ошибается. Янка и Бета записали одну вещь без голоса и с барабаном. По моей личной просьбе. Писали в несколы приемов: звукооператор то и дело впадал в транс а сами исполнительницы из него, можно сказа не выходили. Ну что я рассказываю, вы сами испы тали воздействие этой музыки... Да, вы совершенн правы, Станислав тогда немного порылся в ваш" памяти. Мне показалось, так будет проще всего, но вас недооценил. Мое поведение, конечно, соверше но непростительно. Но я искренне надеюсь, что получили удовольствие от музыки.

— Получил, — согласился я. — Но сон мне тог приснился совершенно отвратительный. Впроч

грех жаловаться, в краковском поезде было гораздо хуже.

— В краковском поезде? — переспросил Лев.

Мне показалось, он не столько удивлен, сколько недоволен.

— Хотите сказать, ваш приятель Грочек развлекал меня там по собственной инициативе? А с вами даже не посоветовался?

— Посоветовался, конечно, — вздохнул Лев. — Внимательно выслушал и сделал все по-своему. Никакого сладу с ним нет. Я вовсе не планировал мучить вас кошмарами. В этом не было никакого смысла.

— Не знаю, что вы там планировали, но кошмар получился знатный, — сердито сказал я. — То, что я больше всего на свете ненавижу: когда снится, что ты наконец-то проснулся, встал, умылся, выпил воды, а потом все начинается сначала, как бы наяву. И это хуже всего — отсюда, как известно, нет спасения.

— Почему же, есть. — Лев внезапно оживился, даже глаза заблестели, как лужи в темноте. — Существует великое множество выходов. Собственно, именно для того, чтобы использовать один из них, мне понадобилась дверь, которую вы нашли в отцовском подвале. Проблема в том, что она для меня по-прежнему недоступна.

— Хотите сказать, вы так и не выяснили наш адрес?

— Да нет, думаю, выяснил. Мне не удалось обследовать всего три квартиры на первых этажах. Последовательно заглянув в окна, я обнаружил, что в одной слишком ветхая мебель и занавески из крашеной марли. А в другой неописуемо грязно; уверен, там даже оконные стекла не мыли с середины прошлого века. Не думаю, что всемирно известный музыкант

живет в столь прискорбных условиях. Так что особых сомнений у меня не осталось. Но по ходу дела **я** столкнулся с неожиданной проблемой. Похоже, дом вашего отца — не то место, куда я могу войти без приглашения. Его очень хорошо охраняют. Этого я не учел.

Мне оставалось только гадать — то ли Лев все-таки перепутал нашу квартиру с обиталищем какого-нибудь большого начальника, то ли Карл и Рената втайне от меня вступили в сговор с древними литовскими божествами. Честно говоря, я бы совершенно не удивился, с них станется. Небось Рената печет им жертвенные коржики, а Карл устраивает концерты по заявкам — идиллические отношения.

— Поначалу я планировал просто выяснить ваш адрес и оказаться там в подходящий момент, не причинив обитателям дома никакого беспокойства, — говорил Лев. — Но уже ясно, что так не получится. Поэтому я хочу договориться. Получить разрешение зайти в ваш подвал и открыть дверь своим ключом. Я довольно много могу предложить взамен, но пока не представляю, что может заинтересовать вашего отца. Возможно, вы мне подскажете?

— Его многое может заинтересовать, — неопределенно сказал я. — Однако думаю, договориться будет непросто. Проблема в том, что, насколько я знаю, Карл хочет сделать с ключом ровно то же самое: открыть дверь.

— Ему-то зачем? — опешил Лев.

— Он так развлекается в последние годы. Ищет дома, двери которых когда-то отпирались ключами из его коллекции, ездит туда. Все свободное время на это тратит.

— И что? — нетерпеливо спросил Лев.

Я пожал плечами.

— Замки, разумеется, давным-давно сменили. Но для Карла и просто точный адрес отыскать — большая удача. И когда мы нашли дверь в своем подвале, он, естественно, загорелся идеей найти подходящий к ней ключ и наконец-то отпереть замок — хотя и так ясно, что за дверью глухая стена. Естественно, он хочет сделать это сам. Этого требует его азарт коллекционера.

— Матерь божья, — прошептал Лев. — «Азарт коллекционера». Надо же. Поверить не могу.

Я хотел было резко ответить, что рассказываю все как есть, а верить или не верить — это уж как пожелаете. Но увидел, что он бледен, как филе палтуса, ноздри дрожат, а руки непроизвольно сжались в кулаки, и благоразумно решил промолчать.

— Дверь и ключ — неотъемлемая живая часть гекатейских мистерий, о которых вы с отцом, как я понимаю, не имеете ни малейшего представления, — наконец сказал Лев. — Открывать вашу дверь моим ключом, не имея соответствующей подготовки, — все равно что совать шпильки в электрическую розетку. Когда вас ударит током, вы, конечно, получите некоторое представление о том, что такое электричество. Но вряд ли это полезное знание будет совместимо с жизнью.

Лев старался казаться спокойным и сохранять прежний любезный тон, но было заметно, что это стоит ему колоссальных усилий и взрыв может последовать в любой момент. Интересно, подумал я, в драку он, что ли, полезет? Ну хоть Миррины гости развлекутся.

— Вам и Карлу Оттовичу очень повезло, что ключ уже у меня, а не у Гражины, которая с радостью про-

дала бы его всякому, кто готов хорошо заплатить, — заключил Лев. — Врата Гекаты — не какая-нибудь дверь из еврейского квартала в Толедо, историями о которой там развлекают туристов. И уж конечно не игрушка для любопытствующих коллекционеров.

Я попытался остудить его пыл.

— Собственно, а почему вы так уверены, что наша дверь в подвале — это именно Врата Гекаты? Карл тоже сразу сказал, что изображенные на ней три тетки — это одна-единственная Геката. Ну и что? Изобразить можно все что угодно, дурное дело нехитрое. Если завтра я скопирую эту картинку на дверь своего подъезда, вряд ли...

— Я понял ход ваших рассуждений, — отмахнулся Лев. — Изобразить можно что угодно и где угодно, не спорю. Хотя лично я поостерегся бы рисовать где попало суровую владычицу порогов. И вам не советую — если, конечно, вы хотите быть уверены, что, открыв дверь, непременно попадете в свой подъезд, а не в чужое, враждебное пространство.

— Я в этом и так больше никогда не буду уверен, — мрачно сказал я. — Как показывает практика, Гекату рисовать не обязательно. И без нее в последнее время развлечений хватает. И все же, почему вы думаете, что наша дверь?..

— Это я раньше «думал», — перебил меня Лев. — Предполагал, рассчитывал, надеялся. А теперь знаю. Я там был. Совсем рядом. Присутствие Врат ощущается — не только на вашей улице, во всем городе. Многие это чувствуют, просто не умеют правильно истолковать свои ощущения, говорят потом об удивительной, непередаваемой атмосфере Вильнюса и досадуют на себя, потому что не могут найти нужных слов. Конечно не могут, подходящих слов нет ни

в одном человеческом языке. Но мне слова подбирать не нужно. Я просто знаю, что это и почему так. Когда видишь, что за окном темно, нет смысла сверяться с часами, уточнять, наступила ли ночь: всякому, кто знает, что такое ночь, и так ясно, что она наступила. То же и с Вратами Гекаты. У меня есть соответствующий опыт. Я уже не раз оказывался рядом с ними. Когда у меня не было ключа, эта дверь любила мне показываться. Я по недомыслию радовался, запоминал место и удалялся в уверенности, что когда-нибудь смогу туда вернуться. Не тут-то было. С тех пор как у меня появился — даже не сам ключ, а совершенно бесполезная в данном случае копия, которую я раздобыл сначала, — Врата перестали мне являться. В тех местах, где я когда-то видел дверь, не осталось ни следов, ни указаний, ни даже смутного намека. Геката любит дразниться. Вопреки своей устрашающей репутации, она бывает чрезвычайно легкомысленна.

— Вам виднее, — сдержанно согласился я.

— Да уж, — вздохнул Лев. — И сложившаяся ситуация совершенно в ее вкусе. У меня наконец-то есть ключ, и я знаю, где дверь. Но не могу к ней подобраться. Потому что между мной и дверью стоит, помоги мне боже, коллекционер. У которого при этом достаточно не то могущества, не то просто удачи, чтобы не позволить мне без приглашения войти в его дом. Узнаю шутницу Гекату. *Очень легко на охоте дает она много добычи, очень легко, коль захочет, покажет ее — и отнимет*.*

Он искоса поглядел на меня, явно ожидая, что я отдам должное его эрудиции. Но мне было плевать.

*** *Гесиод.* Теогония. Перевод В. В. Вересаева.**

Я и прежде встречал людей, способных при случае обильно цитировать всяческие литпамятники. И успел убедиться, что это чудесное умение свидетельствует исключительно о цепкости памяти — и больше ни о чем.

— Пожалуй, я должен объяснить вам, почему мне так нужна эта дверь, — вздохнул Лев. — То есть я с самого начала полагал, что придется, но не знаю, с какой стороны к вам подъехать.

— Не надо ко мне подъезжать. Просто расскажите все как есть.

— Я, как вы, думаю, уже поняли, не коллекционер, не кладоискатель и тем более не историк. При этом мне бы не хотелось, чтобы вы считали меня блаженным, начитавшимся оккультной литературы и возомнившим себя жрецом Гекаты. Такие персонажи обычно вполне безобидны, даже забавны, но не вызывают сочувствия.

— Вы не похожи на человека, которому требуется сочувствие.

— Знаю, — согласился Лев. — Тем не менее именно ваше сочувствие мне бы сейчас не помешало. Слишком много поставлено на карту. Вышло так, что я наполовину мертв от рождения. И пора бы мне наконец воскреснуть. Врата Гекаты — мой единственный шанс. Других способов, насколько мне известно, нет.

Я молча смотрел на него. Несколько дней назад я бы не стал слушать дальше, даже скуки ради. В гробу я видел такие развлечения. Чего-чего, а психов я на своем веку выслушал предостаточно.

Но мало ли что было несколько дней назад. С тех пор многое переменилось.

— Вы сказали или слишком много, или слишком мало, — наконец откликнулся я. — Выспрашивать

у вас подробности — это, конечно, бестактно. С другой стороны, вы сами меня спровоцировали. Сказали нечто совершенно непонятное, но интригующее. Расшифруйте.

— Ну, если вы настаиваете, — без особого энтузиазма согласился Лев. — Чем плохи истории вроде моей — звучат они, как бред сумасшедшего, и доказательств не предполагается — никаких.

— Ничего, — сказал я. — У меня самого найдется пара-тройка подобных историй.

— Ладно, — кивнул он. — Попробую.

Лев встал, прошел за перегородку, включил электрический чайник, принялся мыть заварочный. И негромко, как бы предоставляя мне шанс в случае чего сделать вид, что я не услышал его из-за шума водопроводной воды, начал рассказывать.

— Мою связь с Гекатой, повышенный интерес к ее Вратам и, следовательно, нашу с вами встречу целиком предопределили обстоятельства моего рождения. Сто семьдесят с небольшим лет назад одна немолодая, но шустрая словацкая крестьянка позволила смазливому незнакомцу — не то слуге проезжего мадьярского купца, не то просто беглому каторжнику — несколько больше, чем дружеский поцелуй в тени ветвей ракиты. Беременность она скрыла без особого труда — во-первых, жила бобылкой на выселках, вдалеке от любопытных глаз, а во-вторых, и без того была на диво толста. Детишки ей в хозяйстве были без надобности, да и дурной славы не хотелось, поэтому, родив сына, счастливая мамаша тут же закопала его на огороде и, отлежавшись пару часов, пошла в церковь. Потому что одно дело — новорожденного байстрюка удавить, когда никто не видит, и совсем другое — не явиться на Пасхальную

службу. Как потом людям в глаза смотреть? Ну а в самый разгар молебна случилась неприятная неожиданность — родился я. И тут уж ей некуда было деваться. Говорят, бедняжка не перенесла позора, бросила меня в церкви, а сама сбежала и в деревне больше не показывалась. То ли волки ее в лесу задрали, то ли до города добралась и нашла там работу — этого никто не знает. А меня взяла к себе сердобольная деревенская старуха. Выкормила коровьим молоком, как щенка, с рук меня не спускала, ночью к себе в постель брала, и ничего, выходила. Жаль, отблагодарить я ее толком не успел, бабка Люция умерла, когда мне было лет шесть или около того — самое время сироте наниматься в люди, и я, как видите, не пропал.

— Да уж, — вздохнул я. — Сто семьдесят лет назад, говорите? Значит, вы моложе, чем я думал.

— У вас прекрасное чувство комического, — сдержанно сказал Лев.

— Возможно. Но оно тут ни при чем. После всего, что мне о вас рассказывали, я думал, вам никак не меньше тысячи.

— И совершенно напрасно. Человеческий организм рассчитан примерно на триста лет нормальной работы. Существуют довольно простые практики, позволяющие поддерживать себя в хорошей форме на протяжении этого периода. Я, конечно, слышал о людях, проживших гораздо дольше. Но что они для этого делали, я пока точно не знаю.

— Ничего, триста лет — тоже неплохо, — сказал я.

— Совершенно с вами согласен. Хотя моя жизнь — это очень тяжелый труд.

— В смысле, практики, ее продлевающие?

— Нет, что вы. Я совсем не о том.

Лев наконец закончил возиться с чайником, сел напротив и посмотрел прямо в глаза.

— Связь между близнецами не обрывается после смерти одного из них, — сказал он. — Мой брат-близнец умер, сделав всего два вдоха. Вдохнуть третий раз ему уже не дали. Он ничего не успел — только получить этот ужасающий опыт и передать его мне. Он всегда со мной — весь, целиком, два его вдоха, крик на выдохе, неведение, слабость и тьма, а больше ничего у него для меня нет. Где бы я ни был, что бы я ни делал, как бы ни ублажал, как бы ни развлекал себя, я — не только тот, кто я есть, но и бессловесный мертвый младенец, который хочет сделать свой третий вдох. Я так живу, и это гораздо лучше, чем не жить вовсе, — я знаю, мне есть с чем сравнивать. Я не жалуюсь, но хорош бы я был, если бы не стал искать выход... Дайте-ка мне, пожалуй, сигарету. Лет сорок не курил, но помню, меня это всегда успокаивало и примиряло — с действительностью, и даже с собой.

Я дал ему сигарету, Лев быстро прикурил, на лице его появилось напряженное и заинтересованное выражение человека, чутко прислушивающегося к своим ощущениям.

— Неплохо, — наконец кивнул он. — Именно то, что требовалось. Ну что, поехали дальше. Душещипательную сагу о том, как я батрачил на соседей, я с вашего позволения пропущу. Жалобная сиротская песнь — не мое амплуа. В конце концов, устав от деревенской скуки и тяжелой крестьянской работы, я отправился бродяжничать и сам не заметил, как добрался до Праги. И почти сразу встретил Мастера Николу. Вернее, он встретил меня. Мастер Никола был еще довольно молод, но уже очень опытен, он с первого взгляда умел отличать полумертвых ребят вроде

меня от других людей. Приметил в толпе, поймал за шиворот, без лишних разговоров увел к себе. Накормил, дал отоспаться, а потом принялся понемногу расспрашивать — кто я, откуда, живы ли родители, есть ли братья и сестры. Я мало что мог сказать: «фота, из такой-то деревни, родителей не помню — и все. Но Мастер Никола не поленился навести справки. Отправился в мои края, расспросил местных, выслушал все сплетни, кое-как отделил правду от вымысла. Собственно, начало своей биографии я знаю только с его слов. Но это все — ладно бы. Мастер Никола сделал гораздо больше. Он разыскал заброшенный развалившийся дом, где когда-то жила моя мать, перерыл там весь сад и огород, откопал скелет моего мертвого брата, истолок в порошок, привез в Прагу и скормил мне понемногу, подсыпая в еду.

— А это еще зачем?

— Ну как — зачем. Чтобы связь между нами окрепла. Чтобы я заглянул за черту, отделяющую живое от мертвого, заступил за нее одной ногой и утвердился в этой позиции. Чтобы в итоге воспитать из меня достойного члена Братства Гекаты.

На этом месте я приуныл. Тайные общества, можно сказать, моя слабость. В том смысле, что, услышав об очередном оккультном братстве, я мгновенно теряю интерес к разговору. Это своего рода условный рефлекс, ничего не могу с собой поделать.

Лев заметил произошедшие во мне перемены и ухмыльнулся:

— Да-да, Филипп Карлович, я даже не масон, я гораздо хуже. Те уже давно стали в глазах просвещенного человечества комическими персонажами, а у нас все по старинке: звериная серьезность, сводящие с ума мистерии, гибельные тайны и все в таком роде.

— Что ж вы мне свои «гибельные тайны» выдаете? — Я не стал экономить, вложил в этот вопрос все запасы оставшегося у меня сарказма. — Предполагается, что я не выйду из этой кухни живым?

— Выйдете, разумеется. От неживого вас мне мало толку, а живой, возможно, будет великодушен и поможет мне договориться с Карлом Оттовичем. А что касается тайн — неужто сами не знаете, что любая мало-мальски стоящая тайна сама себя бережет? Можно часами разглагольствовать о Братстве Гекаты, но наши секреты на словах не выдашь, как ни старайся. Узнать их можно, только получив соответствующий опыт. А вам наш опыт не подойдет: у вас нет близнеца, ни мертвого, ни даже живого. Так что считайте, просто волшебную сказку выслушали — в пересказе участника событий.

— Выходит, к вам только разлученных близнецов принимают?

Мне уже самому было неловко за собственный легкомысленный тон, но я ничего не мог с собой поделать. Однако Лев не обратил на это никакого внимания, ответил сухо и деловито, как будто речь шла о вступлении в какой-нибудь престижный гольф-клуб.

— Не просто разлученных. Только тех, чей близнец родился мертвым или умер сразу после рождения. Другие люди Гекате не нужны. Она — владычица мостов между жизнью и смертью, а мы и есть такие мосты. Наша служба ей восхитительна, а досуг, когда мы остаемся наедине с собой, почти невыносим. Но у каждого из нас есть шанс воскреснуть: Врата Гекаты. Свои Врата Гекаты всяк ищет сам, в этом деле мы друг другу не помощники. В дверь может войти только один. Строго говоря, никто не

знает, что происходит с тем, кто войдет. Но Мастер Никола говорил, это лучшее, что может случиться с человеком. И я склонен ему верить. По крайней мере, в других вопросах он меня никогда не обманывал.

— То есть мы с Карлом можем выдать вам пропуск в рай? — недоверчиво спросил я.

— Я не верю в рай. И не знаю, что это такое. Скажем так, вы можете поспособствовать превращению гусеницы в бабочку. Вы знаете, что гусеница гибнет, если ей по какой-то причине не удается вовремя свить кокон? Не думаю, что я вот так сразу погибну, но чувствую себя сейчас именно как гусеница, чье время пришло. Мне очень нужна ваша дверь. Очень. Очень. Очень.

Он говорил очень спокойно и глядел при этом не на меня, а куда-то в сторону. В воздухе вдруг резко запахло жженой пластмассой. Я еще не сообразил, что случилось, а Лев неразборчиво выругался сквозь зубы, схватил электрический чайник, метнул его в мойку и включил воду. Раздалось шипение, вонь стала совершенно невыносимой, я встал и распахнул пошире окно.

— Что за черт. Какой же я дурень. Спалил Мариночкин чайник, — растерянно сказал Лев.

Он, похоже, искренне огорчился, но одновременно расслабился и чувствовал себя теперь явно гораздо лучше, чем прежде.

До меня вдруг дошло, что чайник в момент возгорания был отключен от розетки. И, теоретически, не имел ни мапейшего шанса расплавиться. Однако искореженная, смердящая, почерневшая с одного боку пластиковая тушка в мойке наглядно свидетельствовала, что он это все-таки сделал.

— Это вы на него *так посмотрели?* — осторожно спросил я.

Лев пожал плечами — дескать, какая разница.

— Все, о чем я вас прошу, — сказал он, не поднимая на меня глаз, — это озвучить мое предложение Карлу Оттовичу. Если он любезно согласится впустить меня в свой подвал, скажем, на четверть часа, я готов сделать все, что он пожелает, и, кроме этого, отдать ему ключ по окончании эксперимента. Пусть пополнит свою коллекцию, ничего не имею против. Буду честен, нет никаких гарантий, что от ключа и от меня самого хоть что-то останется. Я просто не знаю, что будет. Но какие-то шансы получить ключ у вашего отца есть.

— Ясно, — кивнул я. — Сами понимаете, я ничего не обещаю. Карл из тех мягких, приятных во всех отношениях людей, которые никогда ни с кем не спорят, потому что все вокруг и так пляшут под их дудку. Но я, разумеется, расскажу ему все, что услышал. И передам ваше предложение.

— Большего и не требуется. Спасибо вам. — Лев выбросил остывший чайник в мусорное ведро и неожиданно подмигнул мне с видом заговорщика: — Вам я голову уже заморочил, теперь, пожалуй, пойду морочить ее остальным гостям. Составите мне компанию?

— Нет, я, пожалуй, пойду спать. Устал как собака.

— Тогда доброй ночи, — усмехнулся Лев. И, как мне показалось, язвительно добавил: — Приятных сновидений.

Я-то, конечно, устал. Но, благополучно добравшись до отеля, обнаружил, что глаз не могу сомкнуть. Слишком много неудобоваримой информации вывалил на меня Лев. И поставил меня перед идиотским выбором — или принять его слова на веру и

чувствовать себя наивным дураком, или решить, что он меня разыграл, — но и в этом случае никем, кроме как дураком, чувствовать себя не получится. А тут еще это его ехидное пожелание «приятных сновидений» на прощание. На фоне последних событий оно выглядело почти угрожающе — так мне сейчас казалось.

Устав ворочаться с боку на бок, я достал компьютер, обошел комнату, отыскал стыдливо забившийся в угол интернет, вбил в поисковую систему божественное имя Гекаты и принялся изучать информацию.

Выяснив, что эта достойная дочь титанов Перса и Астерии, владычица порогов, перекрестков и пределов, *всех тех мест, где смыкается наше и иное,* обладает тремя обличьями, имеет три головы, чтобы видеть во всех направлениях, блуждает во тьме по ночам, освещая себе путь чадящими факелами, властвует над привидениями и чудовищами, ночными кошмарами и чародейством, я, как и следовало ожидать, заскучал и наконец-то начал клевать носом. Но проявил стойкость, перелопатил еще гору информации — о *трех кнутах власти,* при помощи которых Геката управляет человечеством, временем и пространством, о том, что сам Зевс никогда не оспаривал ее исконного права исполнять самые сокровенные желания смертных, о черных щенках, приносимых ей в жертву на перекрестках дорог, о магах и волшебниках, просивших ее покровительства, о поиске душ умерших *в пустоши между мирами.* Выяснив, что Геката, кроме всего, отвечает за выбор Пути и помогает в разрешении запутанных ситуаций, я решил, что сейчас ее покровительство явно не помешало бы мне самому, и заснул с ее именем — не на устах, но, можно сказать, в гортани.

За окном визгливо, на одной ноте орал младенец. Я еще в полусне проклял всех чадолюбивых обитателей нашей улицы, а заодно их замученных скверным питанием и дурной наследственностью отпрысков и только после этого окончательно проснулся от привычной боли в коленях. Повернулся на другой бок. Лучше бы я этого не делал. От неосторожного движения заболела шея, поясница тоже была недовольна — пока она только ныла, но я примерно представлял, что она устроит, когда я попытаюсь встать. А вставать, как ни крути, придется. И даже оттянуть этот момент не получится, мочевой пузырь — не будильник, который можно выключить.

Очень осторожно, словно тело мое было стеклянным, я спустил ноги на пол. Приподнялся, опираясь на локоть, а свободной рукой инстинктивно ухватился за воздух, как будто он мог послужить опорой. Но, в общем, все прошло гораздо лучше, чем я рассчитывал. Ежеутренняя плата за роскошь прямохождения была не так высока, как обычно. Ошалев от открывшихся мне дивных возможностей, я сунул ноги в шлепанцы и отправился в уборную, а оттуда на кухню. Врачи, разумеется, давно запретили мне пить кофе, но я не такой дурак, чтобы следовать рекомендациям, которые они дают всем подряд. Они бы мне еще и курить запретили, если бы я поинтересовался их мнением, но у меня хватило ума не спрашивать. И ничего, дожил как-то до восьмидесяти шести лет. И еще сколько-нибудь протяну, бог даст.

Сварив кофе, я взял кружку и пошел наверх, в гостиную. Чего греха таить, квартира, доставшаяся мне после смерти Карла, всегда была слишком велика для меня одного. Я так и не смог толком ее обжить. А в последние годы мне даже обойти все ком-

наты не удается. На третий этаж я не поднимался уже лет пять, все собираюсь вызвать уборщицу, чтобы вытерла там пыль и вымыла окна, да откладываю. Не так-то это просто в мои годы — пустить в дом незнакомого чужого человека. Но в гостиную на втором этаже я поднимаюсь регулярно, это, можно сказать, дело чести и своего рода доказательство, что я еще полон сил. Засесть на первом этаже — все равно что сдаться. Нет уж, я непременно...

Кружка выскользнула из моих неловких пальцев и с грохотом покатилась вниз по ступенькам. Кофе залил всю лестницу. А я стоял, схватившись за перила, теперь уже двумя руками, и смотрел. И ничего не мог сделать. Думал: ладно, ничего не попишешь, человеческая жизнь, как известно, это череда неприятностей, и пока они мелкие, можно считать себя счастливчиком. Сейчас спущусь вниз, возьму тряпку, как-нибудь все вытру. Потом сварю еще кофе. Зерна в доме пока есть, хотя надо бы позвонить в лавку, пополнить запас. И кстати, о запасах, надо будет собраться с силами и поглядеть, что у меня осталось на продажу. Потому что денег на моем счету уже почти нет.

Я всегда знал, что мои вложения в российскую недвижимость — дело хорошее, но ненадежное. Впрочем, мои московские квартиры кормили меня гораздо дольше, чем я рассчитывал; закон, лишающий частных лиц права владеть недвижимостью в России, был издан всего лет двадцать назад, теперь там все граждане проживают строго по месту прописки, никакой аренды, и обойти закон не получается, им, я слышал, электронные чипы с адресом вживляют, как домашним животным. Вовремя я все-таки отказался от российского гражданства, молодец, не свалял дурака. А квартиры жалко, конечно, но сделать ничего нельзя. Ладно, пусть, бляди, подавятся.

Лишившись своей ренты и подъев запасы, я стал понемногу распродавать антиквариат Карла, не уставая благословлять его страсть к коллекционированию: с годами мое наследство стремительно росло в цене. Надолго хватило. Теперь запасы понемногу подходят к концу, но у меня не так уж много шансов дожить до того дня, когда продавать станет нечего. То есть обычно я хорохорюсь, твердо обещаю себе дотянуть как минимум до сотни лет, но в такие моменты, когда выясняется, что ты уже даже кружку в руках удержать не способен, лгать себе становится довольно затруднительно.

Сейчас, говорил я себе, сейчас пойду вниз. Сварю кофе. Но сначала вытру пол. Или нет, потом, когда попью. Ну, сейчас.

Но вместо того чтобы идти вниз, я сел на ступеньку, закрыл лицо руками и ощутил, что щеки стали мокрыми — неужели я плачу? Ай как стыдно. Но все это совершенно невыносимо: визг за окном, сырая, нечистая постель, привычная боль, шлепанцы, ежеутренний поход в уборную, грязная кухня, кастрюлька, в которой я варю кофе, я сам, ослабший, обиженный на весь мир, никому не нужный, но зачем-то живой старик, и вот теперь еще кружка разбилась, и лужа... И лужа.

Я полез в карман пижамной куртки за носовым платком — куда дотя1гусь, там подотру прямо сейчас, а там, глядишь, появятся силы прибрать и внизу. Но платка не было, только какая-то картонка, скользкая на ощупь. Я достал ее и удивился: откуда это у меня? Игральная карта из старой бумажной колоды, такие давным-давно перестали продавать, зачем они нужны, когда можно играть на компьютерах, которых в каждом самом бедном доме больше, чем

жильцов, даже у меня штук пять скопилось, а что делать, выбрасывать старую технику — дорогое удовольствие по нынешним временам, вот и лежат в кладовой... На карте была изображена дама пик с огромными глазами, ярко-зелеными волосами и оранжевой розой в зубах — фантастическая безвкусица, хорошо, что их больше не делают, великая вещь — прогресс.

Входная дверь хлопнула. Я испугался — не столько чужого вторжения, сколько того, что забыл запереть дверь. Думал — был совершенно уверен! — что запер. На ключ, на щеколду и еще на крючок. А на самом деле оставил нараспашку, старый дурак. Плохо, когда человеку не на кого положиться, кроме себя, но когда и на себя нельзя — все, пиши пропало. На свалку.

— Эй, — раздался снизу звонкий женский голос. — Ты где? Наверху?

По деревянному полу зацокали коготки какого-то зверя; несколько секунд спустя у лестницы появился черный кудлатый пес, похожий на нестриженого пуделя. Принюхался к разлитому кофе, лизнул его и сердито фыркнул, обманутый в лучших ожиданиях.

— Тихо, тихо, — сказала ему долговязая тощая девица в черном бесформенном балахоне. Волосы **ее** были выкрашены во все цвета радуга, а лица я не мог разглядеть. Вот если бы она поближе подошла... Хотя какое мне дело до ее лица? Не знаю, зачем она пришла, но явно не для того, чтобы со мной целоваться.

И откуда она взялась на мою голову? — обреченно подумал я. Какая-то чужая девица; впрочем, мне все чужие... Хотя такую разноцветную прическу я уже однажды видел. Где, когда? Не могу вспомнить. Наверное, очень давно. Теперь молодежь так не красится. Или уже снова красится? За чем, за чем, а за модой я уже давным-давно не слежу.

— Хочешь сказать, ты меня не узнал? — возмутилась крашеная. — Ну, знаешь, это уже слишком. Просрать свою единственную и неповторимую жизнь — дело житейское, почти все так делают. Но забыть ее — это перебор. Зачем тогда было жить, если даже памяти не осталось?

Я понимал, что сейчас самое время рассердиться, — ишь какая, вошла в чужой дом без спроса, «тычет» старому человеку, оскорбляет, я сейчас полицию... Но почему-то стал отвечать — торопливо, взахлеб, словно это был мой единственный шанс выговориться:

— Не знаю зачем. Сколько себя помню, всегда спрашивал: зачем? И не нашел ответа... Помню, однажды, давно, я тогда был еще очень молодой, мне сказали, что все будет, как я захочу. Один человек сказал, а я поверил. Не помню почему, но поверил, как дурак. И стал думать, чего же я на самом деле хочу. Даже решил записать. И записал: «Я хочу, чтобы все исполнилось смысла». Но оно все равно не исполнилось. Наверное, тот человек просто надо мной посмеялся. Или я что-то сделал не так...

— Совершенно верно, — мрачно сказала девица. — Что-то ты точно сделал не так. Угадай что.

И тут я ее наконец узнал. Наверное, потому, что видел ее в те самые дни, которые только что вспоминал. Художница из Праги. Марина, что ли. Или не Марина? Она еще такие дурацкие матерные стихи сочиняла, когда рисовала... Но почему она такая молодая, когда я старый? Так не должно быть. Это... это нечестно.

— Ма... Нет, Мирра, — сказал я. И сразу успокоился — и насчет ее возраста, и по поводу якобы незапертой двери, и разбитой кружки заодно. Ясно же: я

еще сплю, и мне снится, что я разбил кружку и не запер дверь, и в дом вошла девушка, которую я знал много лет назад. А когда я проснусь, все будет в порядке, даже младенец, чьи вопли я слышал сквозь сон, к тому времени благополучно заткнется. И шея не заболит, и поясница, и даже колени. Я встану, проверю дверь, и она будет заперта. А потом я сварю кофе, понесу его наверх и не уроню кружку, и сам не упаду. У меня будет очень хорошее утро, когда я наконец проснусь.

— Ага, меня ты все-таки вспомнил, — усмехнулась крашеная девица. — Осталось вспомнить все остальное. Зачем ты тогда ездил в Прагу? Что с тобой там происходило? Чем все закончилось? Давай, давай, вспоминай. А я, так и быть, наведу порядок. И сварю тебе кофе.

— Лучше принеси мне сигареты, — попросил я. — Они на кухне, на столе.

Даже теперь, когда стало ясно, что все это — просто сон, курить хотелось, как наяву. И я решил воспользоваться тем обстоятельством, что мне приснилась помощница. Можно самому лишний раз не ходить по лестнице. Почему-то в этом сне двигаться даже трудней, чем в бодрствующем состоянии. А ведь обычно мне снится, что я молодой и все опять легко и просто... Ладно, ничего, будут и другие сны.

Она кивнула, убежала и через несколько секунд вернулась с сигаретой, зажигалкой и тряпкой. Протянула мне сигарету, помогла прикурить, быстро вытерла пол и снова ушла на кухню, приказав собаке: «Охраняй!» Как будто я мог сбежать. Смешно. Но собака поднялась ко мне, дружески ткнулась головой в плечо, лизнула руку, а потом улеглась, пристроив мне на колени косматую башку. Я почти машинально опустил руку на черную шерсть, погладил пса. И вдруг во всех подробностях вспомнил свою давнюю поездку в Прагу за ключом от двери в нашем подвале. С ним в итоге такая свистопляска вышла — мама не горюй! Столько всего случилось, что я потом, когда все закончилось, никак не мог понять, что мне приснилось, а что случилось наяву, поэтому в конце концов махнул рукой на попытки разобраться. Забыть проще. И я действительно успешно выкинул эту историю из головы. А теперь вспомнил, да так ясно, как будто вчера все было. Надо же.

— Кофе готов, — сказала Мирра. — Давай-ка поднимайся на ноги, дедушка Фил. Пошли в кухню. Я тебе помогу.

Я благоразумно не стал отказываться от помощи, позволил ей меня поднять и потом шел, опираясь на нее. Это, чего греха таить, было очень приятно. Девица оказалась на диво сильная, управлялась со мной, как с младенцем; впрочем, нетрудно быть сильным, когда кому-то снится, что тебе двадцать с небольшим лет, я бы на ее месте и сам...

— Ты вспомнил, — не спросила, а утвердительно сказала Мирра, наливая мне кофе. — Очень хорошо. А теперь все-таки попробуй угадать, где ты слажал. В чем была ошибка?

— Ошибка? — переспросил я. — А разве была ошибка?

— Тебе виднее, — сердито отрезала Мирра. И уже более благожелательно добавила: — Подумай хорошо. Не расслабляйся. Я тебе кофе не для баловства варила, а чтобы соображал лучше.

— А по-моему, я тогда все сделал правильно, — сказал я, прикуривая новую сигарету. — Ключ в итоге достался Карлу, как он и хотел. И Лев был доволен, он еще потом...

— «Лев был доволен»! — кривляясь, повторила Мирра. Лев, видите ли, был доволен. Еще бы он не был доволен! Любой на его месте был бы доволен. Наврал с три короба, заговорил тебе зубы, хапнул чужой шанс и живет теперь припеваючи, пока ты... и вообще все... Ай, ладно.

Она в сердцах швырнула на пол чайную ложку, которую держала в руках, и отвернулась к окну. Было видно, что она совершенно вне себя от досады.

— А что, не надо было? — растерянно спросил я. — В смысле, Льва к двери подпускать? Но это был его ключ. И его дела с богиней Гекатой, в которых я ничего не понимаю. А я был просто посредником между ним и Карлом. И вроде так все хорошо уладил: и Лев свое получил, и Карлу ключ в конце концов достался... Нет?

— Ты дурак, — резко сказала Мирра. — Это был *твой* ключ. И твоя дверь. И наши с тобой дела. Надо было брать, пока я давала. А теперь — посмотри, во что ты превратился. Злой, скучный, никому не нужный старый пердун. И за окном у тебя черт знает что происходит. И по правде сказать, не только у тебя за окном. Ты новости читаешь, смотришь, слушаешь? И как тебе?.. Нет, не обольщайся, все так хреново вовсе не потому, что вокруг враги и уроды. Это лично ты все профукал. Ладно бы только свою жизнь — вообще всё.

— Подожди, — остановил ее я. — Как это? Я один — вообще всё? И почему ты говоришь: «пока я давала», «наши с тобой дела»? При чем тут ты?

И тогда она начала смеяться. Хохотала так, что оконные стекла ходили ходуном, а с плиты слетела кастрюля, кофейная гуща рассыпалась по полу и сложилась в причудливую кляксу в форме собачьей

головы. Подняв глаза на Мирру, я увидел, что теперь в моей кухне хохочут сразу три женщины, похожие друг на друга, как сестры, но одна из них ослепительно прекрасна, вторая страшна как смерть, а при взгляде на третью я вдруг обнаружил, что окружающий мир наконец-то исполнился смысла — все еще непостижимого, но явственного, ослепительного, животворящего, как я и просил когда-то, жаль только, что слишком поздно, потому что я умираю — уже умер, и

Я проснулся, содрогаясь от рыданий. Плакал взахлеб, неудержимо, как в раннем детстве, когда еще не понимаешь, что все когда-нибудь пройдет, не знаешь, что есть это самое «когда-нибудь», что вообще есть будущее, которое приносит перемены, поэтому любая беда — навсегда, и любая боль — навсегда, и успокоиться совершенно невозможно.

Кто-то был рядом, этот кто-то обнимал меня, гладил по голове, по спине, шептал:

— Ну что ты, миленький, что ты, мой хороший, не надо так, это был просто сон, а теперь ты проснулся, честное слово, проснулся, я точно знаю, верь мне, я в таких вопросах эксперт.

Я наконец понял, что обнимает меня Мирра Жукотовская. Откуда она взялась в моем гостиничном номере — отдельный вопрос, но искать ответ у меня не было ни сил, ни желания, я просто радовался, что она рядом, следовательно, я не один, и как же хорошо, что рядом именно Мирра, потому что... Я не знаю почему. Но все равно хорошо.

— Успокойся, пожалуйста, — говорила она. Это был просто дурацкий сон. Все хорошо, тебе тридцать лет и три года, и при этом, заметь, ты вовсе не

сидишь на печи, а напротив, лежишь в кровати в одном из лучших пражских отелей, вот такой ты у нас крутой, а все, что приснилось, — это будет очень нескоро, можно пока не париться...

И вот тут я испугался — так сильно, что мгновенно успокоился. И спросил:

— Погоди. Нескоро, но будет? Все будет именно ***так?***

— Не знаю, — беззаботно сказала Мирра. — Видишь ли, это зависит не от меня, а от тебя. Только от тебя, миленький. Как скажешь, так и будет. Но сперва надо успокоиться. И умыться. А еще лучше — принять душ. И выпить кофе. А я пойду. Ты теперь без меня справишься. Или не справишься. Но тоже без меня.

Она провела рукой по моим волосам и пошла к двери. Черный пес, все это время лежавший под моей кроватью, последовал было за хозяйкой, но на полдороге передумал, вернулся ко мне, лизнул в нос холодным, шершавым языком и только после этого выскочил в коридор вслед за Миррой.

Я хотел было закрыть за ними дверь, но она захлопнулась сама. Немного поколебавшись, я последовал доброму совету — отправился в душ. Некоторое время разглядывал в зеркале свое отражение. Оказывается, зареванное небритое лицо взрослого мужика — вовсе не паскудное, а в высшей степени трогательное зрелище. Даже когда это твое собственное лицо. Или только когда оно твое собственное, черт его знает.

— Вот как оно все повернулось, — сказал я, глядя в покрасневшие от слез глаза своего зазеркального двойника. — Или может повернуться. Или не может. Но перед сном один мой знакомый думал, что сейчас самое время обратиться за советом к Гекате, которая,

если верить нескольким десяткам интернет-ресурсов, время от времени отвлекается от полезного мониона во тьме при свете чадящих факелов, чтобы помочь болванам вроде него в разрешении запутанных ситуаций. Это, конечно, была не самая остроумная шутка в твоей жизни, друг мой. Но если ты сейчас откажешься признавать, что получил эту помощь, я отрекусь от тебя, так и знай.

Отражение мое испуганно моргнуло. А внутренний умник, уже заготовивший не одну сотню язвительных контраргументов, так удивился, что умолк. И правильно сделал. В его отсутствие я, по правде сказать, соображаю куда лучше.

Открывая кран, я уже знал, что буду делать. Осталось продумать детали. Так что и за завтраком было чем себя занять. Заодно я написал Карлу — короткое, больше похожее на sms, письмо: «Я в порядке, тут много интересного происходит, подробности потом; если пропаду до ночи или вообще до завтра, не волнуйся и Ренате не давай, рано или поздно объявлюсь».

А потом я позвонил Мите.

— О, ты в Праге! — обрадовался он. — С меня обед, я помню.

— Бог с ним, с обедом. Есть серьезный разговор.

— Про дела? Как у взрослых? — восхитился он.

— Именно. Кажется, я хочу тебя нанять.

— Ну ничего себе, — сказал Митя и надолго умолк. Наконец спросил: - - Твое дело ждет еще часа три-четыре?

— Ну разве что три-четыре, — неохотно согласился я.

— Просто я сейчас очень занят, но относительно скоро освобожусь. Можно совместить разговор с обедом у албанцев, ты как? Найдешь их?

— Пожалуй. В два?

— Давай в два. Максимум — в половине третьего. Но я постараюсь не...

— Постарайся, — твердо сказал я. И пошел одеваться. Не то чтобы мне сейчас хотелось осматривать достопримечательности, но сидеть на месте было совершенно невмоготу.

Оказавшись на улице, я некоторое время растерянно глазел по сторонам, пытаясь сообразить, в какую сторону пойти. Чертовски трудно сделать выбор, когда тебе абсолютно все равно. И тут я вспомнил прекрасное кафе неподалеку от Староместской площади. С белыми стенами, оранжевым потолком и отличным эспрессо. И понял, что это прекрасное решение проблемы. Во-первых, даже такая скромная цель — гораздо лучше, чем ее отсутствие. Во-вторых, кофе там был просто гениальный. В-третьих, пока **я** дотопаю до Староместской, пока найду кафе, пока буду ждать заказ, а потом сдачу, пока вернусь на этот берег и отыщу албанский ресторан, пройдет куча времени, а я и не замечу. Можно было придумать еще дюжину аргументов, но они не требовались, **я** уже и так вприпрыжку мчался вниз по Нерудовой, только пятки сверкали.

Некоторое время я беспомощно топтался вокруг Тынского храма, но наконец обнаружил узкий, почти незаметный проход между домами, сунулся туда и вышел прямо к вожделенному кафе. Сел за тот же столик, где в прошлый раз болтал с Рыцарем, Кьяларом Датчанином. Только теперь вспомнил, что он оставил мне номер своего телефона и разрешение звонить в любое время суток, если понадобится, —

в точности как рыжая немка Хайди. Надо думать, его салфетку постигла та же участь, что и Хайдину картонку, где-то я их посеял, не то в недоброй памяти краковском поезде, не то еще раньше. Кажется, за эту поездку я ухитрился профукать не только великую любовь, но и прекрасную дружбу — что за дурацкий итог.

Цыц! — рявкнул я на внутреннего драматурга. Надоел. Сказано тебе, покончу с делами, поеду в Эрфурт, обойду там все книжные магазины, найду Хайди и погляжу, как ей это понравится. Чем черт не шутит, вдруг действительно... А что касается Кьялара, так вот же он, только что вошел в кафе, давай поздоровайся с дядей Рыцарем, нытик несчастный!

Я приподнялся и приветливо помахал рукой. Кьялар, похоже, обрадовался и тут же подошел.

— Вы, как я погляжу, стали здесь завсегдатаем, — одобрительно сказал он.

— Вообще-то, я тут всего второй раз. Меня все это время не было в Праге. Вчера вечером вернулся. Поэтому и вам не звонил.

— Все в порядке, — улыбнулся Кьялар, — я же сам сказал, звонить не обязательно, а просто можно. Когда угодно, хоть бы и через год.

— Я бы хотел воспользоваться этой возможностью, но, кажется, уже потерял салфетку с номером, — признался я.

— Не проблема, вот вам еще одна. — Он стремительно начертил огромные цифры на очередной салфетке и протянул ее мне. — Если опять потеряете, имейте в виду, я сюда по будням почти каждый день захожу. Примерно в одно и то же время, иногда еще и вечером. А сейчас моя компания вас устроит?

Я с энтузиазмом закивал, и Кьялар сел напротив. Он, как и в прошлый раз, заказал какой-то сложно-

сочиненный чай, а я потребовал эспрессо. Я спросил, как дела у Короля с Королевой, прекрасной Утопленницы и меланхоличной Коломбины, а он — куда я ездил и как мне это понравилось. Мы даже что-то друг другу ответили, позитивное, необязательное и невнятное; честно говоря, я не только его, но даже собственные слова пропустил мимо ушей. Не до того было, воздух звенел от напряжения, и мне, помню, все казалось, сейчас кафе и маленькая площадь за окном исчезнут, а мы, как есть, тепленькие, с чашками в руках и светскими улыбками на устах, загремим в какой-нибудь местный Карродунум, или что там за поселение было когда-то на месте Праги? — вроде Пелег; впрочем, неважно. Что-нибудь непременно случится, я не сомневался и, по правде сказать, досадовал — мне бы сейчас кофе спокойно выпить, поболтать с приятным человеком о человеческих каких-нибудь пустяках, вспомнить, как это бывает, взять тайм-аут, дух перевести, ну!

Но ничего из ряда вон выходящего так и не случилось, просто Кьялар вдруг сказал:

— Я в прошлый раз как-то не решился вам рассказать, но если уж мы снова случайно встретились, надо попробовать.

Обрадованный тем, что нам предстоит всего лишь разговор, а не очередное познавательное эзотерическое приключение, я не устоял перед искушением и вопросительно приподнял бровь. Если время от времени не позволять себе эффектные жесты, жизнь мгновенно лишится доброй половины удовольствий.

— Когда мы с вами познакомились в «Вше Light*-, мне показалось, я вас уже где-то видел. Но вы меня не узнали, так что я решил, ерунда, просто похож человек на какого-нибудь актера, и не стал приставать

к вам с расспросами. А потом, уже когда вернулся домой, вспомнил: вы мне снились накануне. Это был довольно необычный сон.

О господи, подумал я, еще бы, конечно же необычный, кто бы сомневался. Но вслух, разумеется, ничего не сказал.

— В моем сне вы были водителем большого автобуса, а я — просто пассажиром. Сидел на очень хорошем месте, впереди, так что мог смотреть на дорогу через лобовое стекло. Снаружи была ночь, темень непроглядная, есть такое хорошее русское выражение — глазам... больно? Нет, это о другом.

— Хоть глаз выколи, — подсказал я.

Хотя, конечно, от такой сводки новостей с невидимого фронта мне следовало бы утратить дар речи — если не от ужаса, то из уважения к чудесной изнанке мира, на которую мне в последнее время все чаще удается заглянуть. Так часто, что еще немного, и я окончательно забуду, как выглядит лицевая сторона.

— Точно! — обрадовался Кьялар. — Выколи глаз. В общем, ничего не было видно, даже меньше, чем ничего, потому что обычно ночью на трассе все-таки можно кое-что разглядеть. Разделительную полосу в свете фар, деревья или ноля по сторонам от дороги, бензоколонки, дома. А тут — ничего. Но вы очень уверенно ехали. И я совершенно не беспокоился, знал, что доедем в срок, куда положено, и все будет в порядке.

— И как? Доехали? — деревянным голосом спросил я.

— Не знаю, — безмятежно ответствовал Кьялар. — Меня довольно бесцеремонно разбудили, как это часто случается по утрам. Но думаю, все остальные отлично доехали. Вы производили впечатление

надежного водителя. И человека, который знает, что делает.

Я немного подумал и решил — какого черта, надо ему все рассказать. Пусть хорошему человеку станет немного страшнее и интереснее жить. А то что я один мучаюсь.

— Значит, так, — сказал я. — Не знаю, понравится вам это или нет, но в ту ночь, когда вы видели сон, я действительно вел автобус. Впервые в жизни. И был, честно говоря, не самым лучшим водителем. И уж точно не человеком, который знает, что делает. Но все-таки ехал помаленьку, никого не угробил.

Поначалу я собирался ограничиться этой частью истории, сухой констатацией факта: да, я действительно вел автобус в ту ночь, бывают и такие совпадения. Но Кьялар требовательно уставился на меня — дескать, не тяни жилы, давай дальше. Его реакция меня воодушевила — ни недоверия, ни насмешки, одно только нетерпеливое любопытство. Ладно, почему, собственно, нет.

— Перед этим мы остановились на польской границе, я проснулся, вышел покурить и обнаружил, что все спят беспробудным сном — и водитель, и пассажиры. Вернее, тогда я подумал, что они умерли, потому что выглядело все это как-то... нехорошо. И никто не просыпался, как я их ни тряс. И телефон не работал, как нарочно. Пришлось садиться за руль и ехать, оставаться навек на польской границе с полным автобусом мертвецов совершенно не хотелось. Но в итоге все, как ни странно, закончилось хорошо. Какое-то время спустя настоящий водитель проснулся. И пассажиры проснулись. Мне дали коньяку и строго-настрого велели выкинуть все из головы. И наутро мы благополучно приехали в Прагу, а вечером я уже сидел с вами в «Blue Light*. Такие дела.

— Дела, — эхом повторил Кьялар. — Интересные, прямо скажем, дела. То-то мне тогда показалось, что вам совершенно необходимо напиться... Спасибо, что рассказали.

Он умолк, зачарованно уставился на мой портсигар, некоторое время колебался, в конце концов спросил: «Можно?» Я кивнул, он взял сигарету и принялся крутить ее в руках, не прикуривая. Очевидно, никотина, поступающего в организм через кожу пальцев, было вполне достаточно.

— Мне всегда казалось, — наконец сказал он, — что у всякого человека есть две параллельные линии жизни. Одна — «обычная», «человеческая», на ней расположены все наши мелкие победы, ошибки, слабости, томления и воспарения духа, тут накапливается опыт, происходят крушения, совершаются подвиги, формируются идеи и мнения, тут и только тут ведется любой разговор. Вторая не имеет никакого отношения к человеческому, это линия жизни совсем другого существа, временно обездвиженного и почти беспомощного, которое по большей части довольствуется ролью наблюдателя. Видит и понимает оно даже в этом прискорбном состоянии много больше, чем положено человеку, а иногда вырывается наружу, творит всякое — грандиозное, с точки зрения человека, сущие пустяки по собственным меркам...

Кьялар осекся и адресовал мне беспомощный взгляд человека, не уверенного, что его понимают.

— Мне кажется, вы сейчас говорите о вещах, которые находятся вовсе за пределами языка, — сказал я. — Тем не менее я скорее понимаю, чем нет.

— Я очень на это рассчитывал, — кивнул он. — Так вот. Обычно между этими двумя линиями, конечно же, нет никакой связи. Или почти никакой.

Но несколько раз в жизни на меня накатывало... находило... — а, вот! — обрушивалось удивительное ощущение, как будто эти параллельные линии сейчас пересекутся. Или нет, не пересекутся, но сблизятся, станут своего рода рельсами, по которым я понесусь, как счастливый одушевленный пражский трамвай, и что потом будет, не знаю. Но готов попробовать.

Он замолчал. Я тоже помалкивал — а что тут скажешь?

— Сейчас оно снова обрушилось, — наконец сказал Кьялар. — Или все-таки накатило? Я даже на родном языке не знаю, как правильно выразиться. В общем, мне кажется, что линии начали сближаться. Это драгоценное для меня ощущение. Я довольно долго думал, что оно уже никогда не вернется. И мне это очень не нравилось, но я не знал, что тут можно изменить. Я вам благодарен, хотя понимаю, что вы не старались специально для меня. А возможно, вообще ничего не сделали. Но это неважно.

— Понимаю, — кивнул я. — Кажется, на меня самого это происшествие подействовало сходным образом. Хотя поначалу я очень рассердился.

— «Рассердился»? — озадаченно переспросил Кьялар.

— Ну да.

— Но почему?

— Потом}' что испугался и ничего толком pie понял. А я не люблю бояться и не понимать. Впрочем, позже я обнаружил, что сержусь еще и потому, что все так быстро закончилось. Однако за последние несколько дней мне стало ясно, что ничего не закончилось. А наоборот, только-только начинается.

— Это правда, — согласился Кьялар. — Все только начинается. Я тоже это чувствую. Что-то такое в воздухе... — Он внезапно осекся, смущенно рассмеялся и поспешно сказал: — Впрочем, с апрельским воздухом всегда так. Он насыщен невысказанным обещанием неведомо чего. Обычно уже в конце мая становится понятно, что это был обычный сезонный гормональный сбой в организме. Но до конца мая я, пожалуй, побуду доверчивым дураком. Глупо отказывать себе в таком удовольствии.

— В последнее время мне кажется, что лучше всегда быть доверчивым дураком, — улыбнулся я. — Это, как ни странно, гораздо более выгодная позиция.

Тут взгляд мой упал на часы, и я понял, что до встречи с Митей осталось всего сорок минут. Самое время платить и идти — пока я еще отыщу этих албанцев.

— Только один вопрос, напоследок, — сказал я, отодвигая в сторону пустую чашку, чтобы не задеть ее рукавом, когда буду одеваться. — Хани Йохансен...

— Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить, — Кьялар смущенно потупился. — Нет-нет, я не Хани Йохансен. И вообще никто не Хани Йохансен. Его или ее — это я так и не решил — не существует. Никто не переписывает «Гамлета». Сам не знаю, что на меня тогда нашло, кто за язык тянул?.. Думаю, это была моя лучшая импровизация. Меня несло. Я был в ударе. Можете считать, я выдумал Хани Иохансена специально, чтобы вы меня запомнили. И не забыли — ни при каких обстоятельствах.

Он меня совершенно сбил с толку. Но и тронул, конечно. До сих пор, насколько мне известно, еще никто не предпринимал специальных усилий, чтобы остаться в моей памяти.

— Не знаю, зачем это вам было нужно, — сказал я. — Но думаю, у вас все получилось. Забыть вас будет, прямо скажем, непросто.

— Вот и хорошо. — Кьялар, похоже, был очень доволен собой.

Я высыпал на блюдце мелочь и вышел на залитую солнцем площадь, а Кьялар остался в кафе. Обернувшись, я увидел, как он жестом подозвал официанта, что-то коротко сказал — видимо, просто повторил заказ. Зеркальное отражение финала нашей прошлой встречи, красиво отыгранная партия; смею думать, мы — хорошие фишки и нам еще не раз предстоит ощутить на своих макушках невидимые персты непостижимого Игрока, изготовившегося к очередному ходу.

Пусть играет, пусть, думал я, ускоряя шаг. Пусть пугает, пусть сбивает с толку, пусть не разъясняет правил, шептал я, прислонившись спиной к теплым от солнца камням Тынского храма. Только бы продолжал шрать, лишь бы Ему не надоело, хоть бы не передумал, не отвлекся на что-нибудь другое, потому что я уже не хочу жить как-то иначе. И, кажется, не смогу.

Мы с Митей, который, несмотря на теплую погоду, снова обмотал шею длиннющим полосатым, как оса, шарфом, подошли к албанскому ресторану одновременно с разных сторон. Хороший знак, подумал я.

— Хороший знак!

Он сказал это вслух и выглядел чрезвычайно довольным — собой, мною и обстоятельствами.

— Ты не шутил, когда сказал, что собираешься меня нанять? — спросил Митя после того, как заказ

был сделан и очаровательная официантка удалилась на кухню.

— Нет, что ты. Какие шутки. Ты мне нужен как крупный специалист по Черногуку.

— Вот как, — озадаченно сказал он. — Что, пан Болеслев крепко напроказничал в Вильнюсе?

— Что? — удивился я. — А, нет, не особенно. Просто теперь моя очередь «проказничать». Хочу забраться к нему в дом. Нет, не так Не «хочу». Мне надо. Позарез.

— Именно «забраться»? Не в гости зайти?

— Именно забраться. Без ведома хозяина и этих галлюцинаций, карлика и великанши, которые находятся у него в услужении.

— Вообще-то, это не совсем законно, — осторожно заметил Митя.

— Вернее, совсем незаконно, — согласился я. — Но это, не поверишь, волнует меня сейчас меньше всего на свете.

— Возможно. Но я бы хотел еще какое-то время жить и работать в этом городе...

— Ох, нет, — рассмеялся я. — Ты не так понял. Я не прошу тебя лезть в его дом. Мне нужна только информация: как туда можно попасть, когда там ложатся спать; может быть, есть такие моменты, когда прислуга уходит. Я подумал, если ты уже несколько лет за ним следишь, ты это все знаешь.

Мите явно полегчало. Он деловито кивнул.

— Да, наверное, я смогу тебе помочь. Сейчас, дай сообразить.

— Соображай, — великодушно сказал я. — Не буду тебя отвлекать.

Демонстративно отвернулся, закурил, достал из кармана книгу Цаплина, уже порядком потрепанную. Открыл, как всегда, наугад. И прочитал:

Примерно раз в несколько лет Крис (Юл Бриннер) узнает, что в спасенной им со товарищи деревне опять приключилась ужасная херня. Собирает новую команду, отправляется на выручку, три-четыре ковбоя, как положено, гибнут, Крис (Юл Бриннер), как положено, остается жив, деревня, как положено, спасена, все танцуют.*

Крис (Юл Бриннер) переезжает с места на место, пробует разные занятия, богатеет и разоряется — это ничего не меняет. Регулярные сообщения о неприятностях в роковой деревне находят его везде; однажды новость настигает его в глубине Африканского континента, в другой раз — в разгар избирательной кампании, когда Крис (Юл Бриннер) баллотируется на пост губернатора Айовы. Покорный судьбе, Крис (Юл Бриннер) всякий раз бросает свои начинания и отправляется спасать проклятую деревню.

Состарившись и почуяв приближение смерти, Крис (Юл Бриннер) задается вопросом: кто будет спасать деревню, когда его не станет? Не в силах смириться с очевидным ответом на этот вопрос, Крис (Юл Бриннер) собирает своих старых соратников, чудом уцелевших в предыдущих сериях. Под покровом ночи старики приезжают в роковую деревню, сжигают ее дотла, убивают все население, включая грудных младенцев, режут скот, бьют птицу, на всякий случай истребляют мышей и выводят тараканов. По окончании кровавой бойни Крис (Юл Бриннер) умирает от старости на пепелище, впервые в жизни ощущая подлинное умиротворение.

*** *Крис* — персонаж Юла Бриннера в фильме *Великолепная семерка». Здесь и далее автор эксплуатирует сюжет фильма, поэтому данный рассказ Цаплина понятен только тем, кто смотрел этот знаменитый вестерн.**

Я подумал, что эта чертова книжка смеется надо мной, как старый друг, который знает меня как облупленного, с которым у нас много общих воспоминаний — в частности, о том, как мы вместе снова, и снова, и снова, десять раз подряд, смотрели «Великолепную семерку», — и общих, только нам понятных шуток, которые у других не вызовут и тени улыбки. У меня нет таких друзей, но я примерно представляю, как это бывает.

— Значит, так, — вдруг сказал Митя. — Проще всего через ресторан.

— Это как? — опешил я.

— Между рестораном «Золотой лев» и домом пана Болеслева есть подземный ход, ровесник его знаменитого подвала, а то и постарше. Насколько мне известно, Черногук только поэтому и купил этот ресторан при первой же возможности — чтобы соединенное с его домом подземелье чужим людям не досталось. Этот ход не ахти какая тайна, пан Болеслев его расчистил, привел в порядок и теперь то и дело через него в свой кабак наведывается, чтобы работники не расслаблялись; он вообще любит всех вокруг на уши ставить, чтобы шерсть дыбом и глаза навыкате... Ладно, неважно. Главное, что проход есть, и попасть в него из ресторана несложно, я сам несколько раз туда лазал, искал вход в какие-нибудь средневековые катакомбы — безрезультатно, увы. Нужно улучить момент, когда официантов нет в зале, и пройти в сторону кухни. Немного не доходя до нее, увидишь дверь в кладовую. Там хранятся швабры, ведра, тряпки и стоит шкаф с халатами уборщиц. Так вот, надо залезть в шкаф и отодвинуть фанеру, которая у него вместо задней стенки, проход там. Если по пути тебя застукают, всегда можно сделать вид, что ищешь туа-

лет. Но лучше бы не застукали, потому что второй раз соваться в ту же кладовку — это уже как-то чересчур. Разве что пойти переодеться...

— Ладно, — кивнул я, — понял. Подземный ход — это грандиозный сюрприз, просто отлично, я-то думал, придется в окно лезть или на крышу... Но что с той стороны? На месте Льва я бы запер этот проход как следует.

— Тут тебе повезло. Пан Черногук, как известно, большой оригинал, все делает с подвывертом. Поэтому подземный ход из ресторана ведет прямиком в комнату Йозефа.

— Карлика?

— Ага. Его секретаря, дворецкого и по совместительству охранника. Как я понимаю, пан Болеслев в своем репертуаре — позаботился не столько о безопасности, сколько о развлечениях. Представил себе, наверное, что почувствует гипотетический взломщик, который, выбравшись из подземелья, сразу увидит такую несказанную красоту — натурального злобного гнома. И заодно получит взбучку: говорят, этот малыш круто дерется; впрочем, лично я не проверял. Случая не было.

— Но, как я понимаю, Йозеф не сидит в своей комнате круглые сутки?

— Совершенно верно. Он весь день чем-то занят по дому. И это тебе на руку. Конечно, он запирает комнату, когда выходит. Но дверь там самая обычная. Я имею в виду — не стальная, не дубовая. С этим ты как-нибудь справишься.

— Справлюсь, — кивнул я. — По идее, я могу открыть почти любой замок, если он без каких-то особых наворотов.

— Какой там замок, я не знаю, — сказал Митя. — На месте разберешься. В любом случае это самый

простой вариант. Возможно, в твоем случае вообще единственный. Ты же не скалолаз?

Я удрученно помотал головой.

— И надо думать, не актер. И чешского не знаешь. Я, конечно, мог бы тебя загримировать и переодеть в какого-нибудь трубочиста, но выглядеть ты при этом будешь таким же дураком, как виленский сантехник, который по-литовски ни бум-бум. Ну и потом, пан Болеслев тебя сразу узнает, как ни гримируйся. Я подозреваю, он и меня-то всегда узнаёт, но делает вид, что все в порядке. Видимо, это его забавляет.

— Еще как, — согласился я. — Могу себе представить. Слушай, с подземным ходом очень круто получается. Мне бы еще на грозного Йозефа не нарваться, но это уже мои проблемы...

— Тебе фантастически повезло, — сказал Митя. — Сегодня понедельник. А по понедельникам Йозеф обычно ездит в гипермаркет за продуктами. Вечером, часов в восемь-девять, когда уже ни автомобильных пробок, ни очередей в кассу.

— Боже, — я молитвенно сложил руки. — Как классно совпало. Все как в сказке. Слушай, а расположение комнат в доме ты знаешь?

— Более-менее. А куда ты хочешь попасть?

— В кабинет на первом этаже. Там деревянные панели, еще картина с котом на стене...

— Знаю, — кивнул Митя. — Это совсем рядом. Выходишь из комнаты Йозефа, проходишь мимо казематов для гостей, поднимаешься по лестнице, попадаешь в коридор, там три двери, крайняя слева — твоя. Только не перепутай.

— И еще раз мне повезло. Даже ходить далеко не надо. Идеально складывается.

— Ну, ты не забывай, что в доме скорее всего останется сам Черногук, — заметил Митя. — Теоретически, он даже может сидеть в этом самом кабинете. И убрать его оттуда я не смогу, разве только по доброй воле уйдет. Вообще, он довольно часто уходит по вечерам - то в гости, то просто гулять, но это совершенно непредсказуемо. Плюс его прислуга, эта дылда Луша. Она, по-моему, вообще никогда на улицу не выходит. Так что...

— Ничего. Мне бы только в дом пробраться, а там как-нибудь... — я осекся и упрямо повторил: — Как-нибудь.

— Тебе виднее, — кивнул Митя. — В любом случае, я рад, что меня там с тобой не будет.

— Кстати, давай я прямо сейчас оплачу твою консультацию, — сказал я. — А то вдруг этот злой колдун меня поймает, в подвале запрет, и плакали твои денежки.

— Предпочитаю рискнуть, — сказал Митя. — Я хочу, чтобы ты расплатился информацией. Рассказал, что успело случиться за эти пару дней. Что толкнуло тебя на стезю порока? Как-то это все... неожиданно.

— Это я прямо сейчас могу рассказать. Ключ. Все тот же ключ. Лев наотрез отказывается с ним расставаться. А я наотрез отказываюсь жить без него дальше. Вопрос жизни и смерти, как видишь.

— Ключ?! — изумился Митя. — Так он же у тебя, нет?..

— Я тебе уже говорил, пан Черногук уступил нам копию, изготовленную в семнадцатом веке. Теперь выяснилось, что оригинал тоже у него.

— Я, конечно, слышал, что коллекционеры очень азартные люди, — недоверчиво сказал Митя. — Но

не подозревал, что настолько. Когда я *по молодости, глупости и излишнему усердию** мечтал стать великим бандитом, мой папенька меня отговорил. А твой, выходит...

— Мой не в курсе, — улыбнулся я. — Но, кстати, не факт, что он стал бы меня отговаривать. До сих пор Карлу нравилось все, что я делаю. Даже когда оно не шибко нравилось мне самому. Ну и потом, дело, конечно, не в коллекции.

— А в чем?

— Давай так. Я расскажу тебе эту историю во всех подробностях — сразу после того, как она закончится/ Заодно узнаешь много нового и интересного о возлюбленном своем объекте наблюдения. Правда, я не представляю, что ты будешь делать с такой информацией. Но это уже твоя забота.

— Договорились, — кивнул Митя. — Я бы, конечно, предпочел прямо сейчас, ну да ладно, потерплю. А вот что нам надо сделать не отходя от кассы, так это изменить твой облик до полной неузнаваемости. Ты же в ресторан пойдешь, как обычный посетитель. И пан Болеслев тоже может туда зайти, как обычный владелец бизнеса. Я правильно понимаю, что в такой ситуации ты бы предпочел остаться неузнанным?

— Еще бы. Но ты сам говоришь, Лев даже тебя узнает...

— Во-первых, это только мое предположение. Во-вторых, он увидит тебя мельком — если вообще увидит, — и это облегчает нам задачу. А в-третьих, я из тебя такую финскую туристку сделаю...

— Финскую туристку? — я ушам своим не поверил. — Но...

*** Цитата из кинофильма Б. Рыцарева * Волшебная лампа Аладдина» (1966).**

— Никаких «но». Прислушайся к мнению специалиста. Финская туристка — это самое то. Я тебе такие сиськи по знакомству устрою, что носа никто не заметит. А это в твоем случае самое главное.

— Каким образом сиськи могут прикрыть нос? Я не знаю чего-то важного о женской физиологии?

— Ты не знаешь чего-то важного о человеческом внимании. Лицо у тебя приметное, еще хуже моего, — не только нос, но и скулы, и разрез глаз. Такое ничем не прикроешь. Но можно отвлечь от него внимание окружающих, как это делаю я. Ты же сам несколько часов ехал со мной в машине и не узнал. Ничего удивительного, в сером костюме, без полосатого шарфа, цветных ботинок и клоунских бровей меня никто не узнает. Когда есть такие яркие отличительные приметы, лицо уже никто не разглядывает. А для тебя мы подберем самые лучшие аксессуары: льняные кудри, огромные сиськи, жопу я тебе тоже обеспечу — мама не горюй. А если окажется, что у тебя еще и ноги не кривые...

— Они не кривые, — сухо сказал я.

— Тогда вообще супер. Такой секс-бомбой станешь, что на нос никто внимания не обратит. Это будет час твоего триумфа. Даже если к Болеславу в кабинет не проберешься, все равно впечатление получишь на всю жизнь.

— Ладно, — покорно сказал я. — Но почему туристка именно финская?

— У финнов иногда бывают такие скулы. И такой разрез глаз. И потом, фиг ты вот так сразу найдешь в Праге человека, который понимает по-фински. Так что риск провала стремится к нулю. Вот за немку я бы тебя выдать не рискнул, первый же официант раскусит, их немецкий, уж извини, гораздо лучше,

чем твой... Собственно, ты никому не должен рассказывать, что приехал из Финляндии. Достаточно, что ты будешь так думать. Знание своей легенды — неотъемлемая часть хорошей маскировки. Ну и в случае чего, если спросят, будет что ответить... Хотя говорить тебе, конечно, надо поменьше. С твоим голосом я за один вечер ничего сделать не смогу. В сочетании с сиськами он будет звучать ужасно. Так что лучше просто улыбайся и тычь пальцем в меню. Авось обойдется.

— Хорошо, — согласился я. — Но все-таки почему именно туристка, а не турист?

— Да потому что у мужиков не бывает сисек, балда, — добродушно ухмыльнулся Митя. — А другого способа отвлечь внимание от твоего носа не существует.

Я был совершенно уверен, что Митя сотворит из меня настоящее чудище. Однако следует признать, финская туристка в моем исполнении оказалась довольно комичным, но тем не менее привлекательным созданием, несмотря на морковно-рыжую шевелюру, которая досталась ей вместо обещанных льняных локонов. Митя безапелляционно заявил: «Так лучше», а я не стал спорить. После того как я добровольно согласился нацепить на себя накладной бюст, ярко-синие колготки и довольно рискованную мини-юбку со встроенной имитацией аппетитной задницы, мелочиться не стоило. Рыжая так рыжая, подумаешь.

Митя был счастлив, горд и даже отчасти подавлен результатом своих усилий, как художник, нечаянно создавший шедевр вместо запланированной этюдной зарисовки. Он посадил меня в такси и глядел нам вслед, пока машина не свернула за-угол. Я, впро-

чем, не сомневался, что немного погодя он тоже отправится на Нерудову, еще и попкорном запасется, — небось удобных наблюдательных пунктов у него в том районе навалом.

Митя, конечно, был прав — в том смысле, что внезапно образовавшаяся у меня под одеждой роскошная девичья фигура отвлекала внимание мужского населения не только от моего ненормативного носа, но и от более важных вещей. Таксист, бедняга, так загляделся, что чуть было не остался без бокового зеркала, а выскакивая из машины с намерением любезно распахнуть передо мной дверцу, споткнулся о бордюр и растянулся на тротуаре; к Счастью, у меня хватило ума его не поднимать.

В «Золотом льве» ко мне метнулись сразу три официанта — а ведь когда я заходил сюда в первозданном, так сказать, виде, мне пришлось ждать меню чуть ли не полчаса. В другое время я, пожалуй, был бы шокирован таким повышенным мужским интересом, но теперь только с досадой подумал, что внимание персонала может помешать мне незамеченным добраться до кладовой. Оставалось надеяться, что в какой-то момент привычка возьмет свое, и ребята отправятся на затяжной перекур — все вместе, чтобы не было страшно на темном заднем дворе. Во всяком случае, в прошлый раз они именно так и поступали.

Впрочем, «надеяться» — это в корне неправильная формулировка. Я ни на что не надеялся, а просто *знал,* что официанты как миленькие уйдут в тот момент, когда мне это понадобится. И в коридоре никого не будет, и в кладовой, и грозный карлик Йозеф благополучно отправится за продуктами в назначенный час, и китаянка Луша запрется на кухне, и Лев

будет сидеть где-нибудь наверху или вовсе уйдет на прогулку, короче, он не встанет на моем пути, потому что *я так хочу.* И точка.

В противном случае мне бы и в голову не пришло ввязываться в такую авантюру — хотя бы потому, что я мог целый год слоняться по огромному дому Льва без малейшей надежды найти ключ. Но я сразу решил, что не буду его искать, а просто *вспомню,* где я его видел. И конечно же, *вспомнил* — еще утром, когда разглядывал свое зареванное отражение в зеркале душевой. И с тех пор ни на миг не сомневался, что у меня все получится.

Я сидел у окна, конспирации ради ковырял вилкой остывшие кнедлики, смотрел на улицу. Видел, как покорный моим желаниям Лев вышел из дома и. неторопливо зашагал куда-то вверх по Нерудовой. Видел, как Йозеф, облаченный на сей раз в обычный джинсовый костюм, купленный, вероятно, в магазине детской одежды, разместил свое компактное тело за рулем припаркованного у входа красного «фольксвагена», аккуратно, за шесть, что ли, приемов, выбрался на проезжую часть и укатил. Судя по всему, в доме осталась только гигантская китаянка Луша, но я заранее договорился с собой, что ее можно не принимать в расчет. Я хочу, чтобы она не болталась у меня под ногами, значит, она не будет — и точка. Вопрос закрыт.

Я огляделся. Ресторан был почти пуст, какая-то пожилая пара сидела за дальним столиком, и еще одна пара помоложе только что вошла и теперь устраивалась у соседнего окна. Официанты, шокированные таким наплывом клиентов, немедленно удали-

лись на перекур. Путь к кладовой был свободен. Рыжая дылда в мини-юбке вздохнула, мысленно перекрестилась и с замирающим от волнения сердцем поднялась из-за стола. В отличие от нее я был совершенно спокоен — даже когда эта дурища чуть не опрокинула шкаф, запутавшись в развешанных там халатах. Впрочем, обошлось.

Подземный ход оказался очень широким, но настолько низким, что мне пришлось согнуться чуть ли не вдвое. Здесь царила абсолютно непроглядная темень — а я-то втайне рассчитывал на какие-нибудь *чадящие факелы*. Но, увы, Лев не позаботился о создании колоритной атмосферы в этой части своих владений. Пришлось идти прямо, время от времени освещая путь Митиным фонариком, — я, конечно, заранее *твердо решил,* что этот коридор не окажется каким-нибудь лабиринтом, оснащенным хитроумными ловушками, где можно плутать до скончания века, но лишний раз убедиться, что под ногами у меня твердый каменный пол и никаких дурацких сюрпризов, было чертовски приятно и полезно для нервной системы бедной финской туристки, от лица которой теперь с энтузиазмом выступал мой внутренний паникер. Во всяком случае, когда мы все наконец практически на ощупь добрались до выхода, ведущего, по словам Мити, в комнату Йозефа, я спокойно приступил к возне с замком, а эти двое только что не вопили от восторга: спасены! От чего, интересно? Тоже мне герои.

Открыть дверь при помощи армейского складного ножа словно бы специально созданного милосердными конструкторами на радость взломщикам-любителям, и благоразумно позаимствованного у Мити куска проволоки оказалось проще простого; как ни

странно, с дверью, ведущей из комнаты Йозефа в коридор, я возился гораздо дольше и в конце концов не открыл, а сломал горемычный замок. Ну и черт с ним, в любом случае мой визит вряд ли пройдет незамеченным. Ничего, пусть потом становятся на уши. Мне всего-то и нужно пару минут, чтобы подняться по лестнице и зайти в обитый деревянными панелями кабинет, где на одной из полок среди безделушек и ветхих книг лежит ключ из желтого металла. Я *видел* его там, *заметил,* когда Лев ставил на полку мой бердичевский букварь, просто не придал этому никакого значения, мало ли на свете ключей, в том числе желтых, из кипрской меди, сверкающей ярче, чем настоящее золото.

Конечно же, ключ лежал на полке, я увидел его практически с порога, даже свет включать не потребовалось, хватило уличных фонарей, уже загоревшихся за окном. Только и оставалось — подойти, протянуть руку, взять ключ и удивиться: какой он, оказывается, тяжелый и почему-то теплый, как будто хранился не на полке, а за чьей-нибудь пазухой. Ключ так удобно лежал в моей руке, словно был сделан специально для меня, по моей мерке, с учетом длины каждого пальца, ширины ладони и еще каких-то неведомых, но чрезвычайно важных параметров. Выходит, Мирра была права, это *мой* ключ, и больше ничей. А бедняге Льву придется вскрывать Врата Гекаты отмычкой — да вот хоть моим армейским ножом, потому что ключ я теперь ему не отдам, даже если он вот прямо сейчас появится на пороге, и...

— Господи, — сказал Лев, — у вас все-таки получилось.

Он действительно стоял на пороге кабинета. И — не улыбался, нет, но сиял. Натурально светился от

радости, как дополнительный фонарь, даже в комнате сразу стало гораздо светлее.

Это была, прямо скажем, не совсем та реакция, которую ждет от хозяина квартиры пойманный на горячем домушник. Но я все равно приготовился к борьбе не на жизнь, а на смерть. И шагнул к окну, прикидывая, удастся ли мне разбить его одним ударом и выскочить на улицу. Это, конечно, не стекло, а пластик, хрен его вот так сразу разобьешь. Зато, кажется, можно просто открыть, или?..

— Все в порядке, — поспешно сказал Лев. — Это ваш ключ. Не мой. Не нужно убегать. Я не собираюсь...

Он внезапно умолк и неудержимо расхохотался, сгибаясь от смеха, как от ураганного ветра.

— Ну и вид у вас, Филипп Карлович! — простонал он.

Лев ржал так заразительно, что я и сам невольно улыбнулся, невзирая на свое, мягко говоря, неопределенное положение. Если по уму, надо было открывать окно и, если получится, драпать отсюда, пока хозяин дома беспомощен, глух и почти слеп, как всякий хохочущий человек. Но я почему-то топтался на месте, обездвиженный то ли звучанием его смеха, то ли собственной дурацкой уверенностью, что все будет хорошо, потому что я так, видите ли, *решил*.

— Простите, — сказал Лев, немного успокоившись. — Я... вы... ох, нет! — и снова расхохотался, но на этот раз довольно быстро совладал с собой. — Садитесь, пожалуйста. Ни о чем не беспокойтесь. Я не заберу у вас ключ. Он ваш. У меня его никогда не было. Садитесь же. Хотите кофе? Луша сварит. Может быть, сегодня у нее наконец получится. Сейчас мы ее попросим.

Он вытащил из-под письменного стола матерчатый рулон, что-то вроде свернутого узкого матраса,

и разложил его на полу. «Матрас» оказался огромной тряпичной куклой в красном шелковом платье. Лев коснулся пальцами ее лба, что-то прошептал, и китайская горничная, бывшая баскетболистка Лю Ши поднялась с пола. Сохраняя полную невозмутимость, она вышла из кабинета, а я распахнул рот, как дошкольник, впервые попавший на выступление иллюзиониста.

— Глупо было бы жить в Праге и не обзавестись собственным Големом. — Лев обезоруживающе улыбнулся. — К тому же при всей ее тупости Луша гораздо лучше самой квалифицированной живой горничной. Хотя бы потому, что ее в любой момент можно засунуть под стол. И хоть год не доставать, если надоела.

— Мне бы такая тоже не помешала, — я наконец обрел дар речи.

— Если надумаете когда-нибудь поселиться в Праге, буду знать, что дарить вам на новоселье, — пообещал Лев. — В других городах они почему-то не оживают. И даже на пражской окраине уже ничего не получится, только в центре — имейте в виду, если станете подыскивать тут недвижимость.

— Спасибо, я непременно учту это немаловажное обстоятельство, — тоном бывалого посетителя великосветских раутов сказал я.

Лев поднял на Меня глаза и снова рассмеялся.

— Слушайте, — сказал он, — встречал я на своем веку разных жриц Гекаты. И вы, определенно, самая эффектная из них. Но теперь, когда ваш прекрасный образ навсегда запечатлелся в моей памяти, давайте я принесу вам какую-нибудь нормальную одежду. Пока вы в таком виде, я больше ни о чем ни думать, ни говорить не могу. А надо.

— Это было бы здорово, — согласился я, не веря в свою удачу. Пока он будет ходить за одеждой, я наверняка успею опомниться, стряхнуть оцепенение и удрать отсюда в каком-нибудь непредсказуемом направлении.

— Только не уходите, пожалуйста. — Лев, разумеется, видел меня как на ладони. — Во-первых, я вас все равно найду, просто не хочется тратить силы и время на беготню. А во-вторых, как я уже сказал, ключ ваш, можете не сомневаться. Честно говоря, не думаю, что кто-нибудь кроме вас вообще сможет взять его в руки. И проверять пока не готов.

— Даже так? — ошеломленно спросил я.

Он серьезно кивнул, поглядел на меня и, заходясь в новом приступе хохота, отступил в коридор. Уже оттуда он крикнул:

— Единственное, что вам угрожает в моем доме, это скверный кофе. Но его всегда можно разбавить сливками. Поэтому, пожалуйста, не уходите.

Он скрылся в какой-то комнате. Путь был свободен. Я, не веря своим глазам, выглянул в коридор, потоптался на пороге, немного подумал, махнул на все рукой и остался. Уйти отсюда, так ничего и не поняв? Нет уж. Пока Лев меня снова поймает, я, чего доброго, окончательно рехнусь от любопытства. Ну и вообще, какого черта бегать, если сердце настойчиво говорит: «Оставайся, дурак, не прогадаешь». Слышать его подсказки мне всегда более-менее удавалось, пора бы уже научиться их слушаться.

Десять минут спустя, когда я смыл макияж, переоделся и даже сменил розовые кеды со стразами на разношенные хозяйские мокасины, в кабинете появилась тряпичная китаянка Луша с подносом. За ней следовал Лев, тактично выжидавший на кухне, пока я приведу себя в порядок.

— Ну вот, другое дело, — одобрительно сказал он. — Ваш маскарад был настолько ослепителен, что я совершенно не мог сосредоточиться ни на чем другом.

— А теперь можете?

— Теперь могу.

— Тогда ответьте, пожалуйста, на все мои невысказанные вопросы, — попросил я. — Потому что я их пока даже сформулировать не могу. Вчера вы говорили...

— Для начала просто забудьте все, что я говорил и делал, — улыбнулся он. — И не только вчера. И не только я, а еще куча народу. Простите, пожалуйста. Мы все водили вас за нос. Но исключительно для пользы дела, а не ради собственного удовольствия. Хотя удовольствие тоже получили, по крайней мере я. Вы уж не сердитесь.

— Ага, — глубокомысленно сказал я.

Но эта реплика вовсе не означала, будто я хоть что-нибудь понимал.

— Давайте начнем с самого начала, — предложил Лев.

Я с энтузиазмом кивнул и наконец попробовал Лушин кофе. Если бы его приготовил живой человек, я бы, конечно, нашел к чему придраться. Но от тряпичной куклы обычно ожидаешь гораздо меньшего. Поэтому я остался доволен.

— Прежде всего, ключ. Он, конечно же, был всего один, — сказал Лев.

Я вздрогнул и невольно посмотрел на свою левую руку, в которой по-прежнему сжимал ключ. Положить его в карман *чужих* штанов было выше моих сил.

— Теперь их два, не беспокойтесь, пожалуйста, — Лев говорил со мной спокойно и ласково, как с ребенком. — Но еще четверть часа назад существовал только один ключ. Тот, который вы получили от меня несколько дней назад.

— Который Карл выменял у вас на букварь?

— Совершенно верно. А мой старинный друг Иржи Шнипс был столь любезен, что рискнул своей безупречной репутацией эксперта и датировал его семнадцатым веком. И рассказал вам о существовании оригинала, который он якобы держал в руках три года назад. То есть почему «якобы». Разумеется, он уже держал в руках оригинал — тот самый, который вы ему привезли.

— Ничего не понимаю, — флегматично сказал я и отхлебнул еще кофе.

— Конечно вы не понимаете. После того как мы совместными усилиями несколько дней морочили вам голову. И заморочили на славу.

Лев ослепительно улыбался, он явно был чрезвычайно горд этим достижением.

— Смотрите, как все было, — для наглядности он принялся загибать пальцы. — Я дал вам ключ. Иржи, чей авторитет в ваших глазах непререкаем, объявил его копией. Он же сообщил о существовании оригинала и отправил вас на поиски, дав при этом заведомо устаревший адрес бывшей владелицы. Поиски — это очень важный момент. Чем дольше ищешь вещь, тем крепче веришь в ее существование.

— То есть я должен был *поверить* в существование второго ключа?

— Скажем так, вы должны были просто *знать* о нем так твердо, как будто видели его собственными глазами. Знать и не сомневаться — не сомневаетесь

же вы в существовании собственного носа. Вот примерно такая степень уверенности от вас требовалась. И одновременно вы должны были заподозрить что-то неладное. Почувствовать, что вокруг ключа и двери в вашем подвале происходит какая-то нехорошая возня. Именно поэтому я так назойливо выпытывал ваш адрес, даже показательный сеанс гипноза устроил при участии коллеги Станислава, который, мягко говоря, умеет произвести нужное впечатление. Поэтому я отправился в Вильнюс и вел себя там как последний дурак, топтался на вашей улице, как слон в посудной лавке, с шумом и грохотом — чтобы меня заметили и насторожились, чтобы не осталось сомнений: я подбираюсь к вашему дому, мне там что-то нужно. И вы понемногу начали подозревать, что меня интересует вовсе не антиквариат вашего отца, а дверь, ключ от которой вы сейчас ищете. Чтобы сгустить атмосферу, мой добрый друг Станислав любезно согласился сопровождать вас в Краков и изводить по дороге кошмарами...

— Вот, кстати, интересно зачем.

— Это было совершенно необходимо для создания у вас, скажем так, *рабочего настроения*. Вы, Филипп Карлович, по природе своей скептик. К человеку вроде вас без пары-тройки хороших кошмаров, которые на время выводят ум из привычного режима работы, лучше вообще не соваться.

— А почему этот ваш «добрый друг» с воплями убежал от меня в Кракове? Мог бы и поздороваться с собственной жертвой, если уж я его заметил. Корона, чай, не свалилась бы.

— Станислав говорит, сам не знает, что на него нашло, — пожал плечами Лев. — Видимо, в вас есть что-то ужасающее, просто оно редко выглядывает

наружу. А он у нас зоркий. Но испугался Станислав в самый последний момент. А сначала ему просто было стыдно.

Я ушам своим не поверил.

— Стыдно?!

— Понимаю, звучит не слишком-то убедительно. Но я говорю правду. Вы просто совсем не знаете Станислава. Впечатление он производит то еще. А на самом деле очень добрый, ранимый и совестливый человек, справедливо полагающий свой дар проклятием.

— Но вы сами дали ему прозвище Доктор Чума. Мне рассказывали.

— Дал. И до сих пор горжусь точностью попадания, хотя внешне Станислав похож на любое чудище, только не на Medico della Peste*. Но по сути своей он и есть Доктор Чума.

— «Очень добрый, ранимый и совестливый человек», — подхватил я.

— В некоторых случаях одно другому не мешает. Целительский дар бедняги Станислава проявляет себя более чем причудливым образом. Когда Станислав преисполнен любви и сострадания, он может только мучить пациента. Чем больше симпатии он испытывает к человеку, тем хуже тому приходится. Ваше счастье, что вы не красивая дама средних лет, к ним Станислав питает особую слабость, поэтому кошмары, которые терзают бедняжек в его присут-

*** *Medico della Peste* - Доктор Чума (буквально Доктор чумы). Традиционная венецианская маска, оставшаяся в наследство от времен эпидемий чумы, косивших Европу. Такие маски носили доктора, посещая пациентов о время эпидемии. В длинный клювообразный нос мае Kir помещали различные ароматические масла — считалось, что* ни предохраняют от заражения.**

ствии, во сне ли, наяву ли, превосходят самые смелые представления о возможном. А для того чтобы успешно исцелить человека, Станислав должен искренне его возненавидеть. Захотеть причинить ему непереносимые страдания. И тогда все у него получится. Паралитик встанет и пойдет, умирающий отправится на танцы, все как положено, когда имеешь дело с истинным чудотворцем... Будучи от природы очень добрым человеком, наделенным к тому же даром сопереживания, большую часть своей жизни Станислав доставлял окружающим много горя. Но со временем научился искусственно вызывать у себя состояние ненависти ко всему живому. И с тех пор дела пошли как нельзя лучше — если не принимать во внимание душевные муки бедняги. Но тут уже ничего не попишешь, дар есть дар, его надо использовать, и в некоторых случаях это вопрос не нравственного выбора, но жизни и смерти.

Я к этому моменту уже практически на коленях умолял внутреннего скептика: заткнись, пожалуйста. Ты потом скажешь все, что об этом думаешь. А сейчас дай послушать.

— Все это действительно интересно, — улыбнулся Лев, — но в данном случае совершенно не важно. А важно вот что: когда вы встретились с пани Гражиной, которая, в отличие от всех нас, рассказала вам чистую правду — было дело, продала ключ господину Грочеку из Праги, — вам оставалось только сложить один и один. Вы наконец поняли, зачем я подбираюсь к вашему подвалу. Ну как же, у вас там дверь, у меня — ключ. Настоящий, не какая-нибудь копия. И тут состоялся мой финальный выход, с душераздирающей историей про Врата Гекаты и слезными мольбами подпустить меня к двери. Не знаю,

насколько убедительно прозвучала моя история и проснулось ли в вашем сердце сострадание к бедному сироте. Подозреваю, что да, но это не имеет значения. Главное, теперь вы могли сомневаться в чем угодно, но только не в существовании ключа. Вы точно *знали,* что он у меня есть. Дело было сделано, оставалось только ждать.

— Чего ждать? Что я полезу к вам в дом через подземный ход?

— Честно говоря, я вовсе не был уверен, что вы так поступите. Я вообще понятия не имел, что вы собираетесь делать. И это меня не слишком заботило. Я ждал появления ключа. Не знал, когда и как это случится; честно говоря, вообще не слишком верил в успех, но ждал. В любом случае больше ничего мне не оставалось. И тут вы делаете ход конем — хлоп! — вламываетесь в мой кабинет и у меня на глазах берете с полки ключ, которого еще секунду назад не было. И вообще никогда. Я, кажется, еще не до конца осознал, что это действительно случилось. У меня, скажу вам по секрету, тоже скептический ум. По сей день.

— Очень хорошо, — вежливо сказал я. — Но я так и не понял главного: зачем был нужен этот взявшийся из ниоткуда ключ? Если существует оригинал, который вы с самого начала преспокойно могли оставить у себя.

— Так называемый оригинал представляет собой ценность только для любителей редкостей вроде вашего отца, — снисходительно улыбнулся Лев. — Это просто старинный ключ из желтого металла. Точнее, из кипрской меди, как утверждает мой друг Иржи Шнипс. Если сунетесь с таким к Вратам Гекаты, обнаружите, что это просто очень старая дверь, зачем-

то вделанная в глухую стену. Вполне возможно, вам даже удастся открыть замок — приятное событие в жизни коллекционера. Но и только.

— Погодите. То есть Врата Гекаты все-таки существуют? И вы вчера говорили правду?

— До известной степени. Я не сказал вам самое важное. Открыть Врата Гекаты может только тот, кто их нашел. И только ключом-близнецом, возникшим по его воле из ниоткуда, как и произошло в нашем с вами случае... Дверь в отцовском подвале обнаружили именно вы, верно?

Я кивнул.

— Ну вот. А мы просто помогли вам довести дело до конца. Без нашего вмешательства вам бы и в голову не пришло искать этот ключ. И уж тем более овеществлять его своей верой.

— Я и слов-то таких не употребляю, — вздохнул я. — Но вам-то все это зачем? Вчерашняя история про гусеницу, которой пришло время стать бабочкой, была мутная, но по-человечески понятная. А тут...

— Если история про гусеницу вас устраивает, считайте, что она остается в силе. Только гусеница не я, а... — Лев умолк, задумался, развел руки в стороны и дрогнувшим голосом закончил: — Весь мир.

Я очень хорошо понимал, что он хочет сказать. При том что все мое существо противилось этому пониманию. Во многой мудрости, как известно, много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь. А я не хочу скорбь, верещало *мое существо,* не хочу, не хочу!

Но я не собирался идти у него на поводу. При всем уважении к Екклесиасту.

— А что будет, когда?.. — заикнулся было я, но осекся на полуслове. Зачем спрашивать, когда

надо просто пойти и сделать. В любом случае. Если уж так все сложилось.

— Я тоже не знаю, — сказал Лев. — Никто не знает. Известно только, что время от времени Врата Гекаты должны открываться. Как окна в доме. Реальность тоже надо проветривать, Филипп Карлович. Если по уму, это следует делать хотя бы раз в несколько веков, а последний раз Врата Гекаты открывались тысячи две, что ли, лет назад. Поэтому здесь уже практически нечем дышать. Совершенно невыносимо, вы и сами это наверняка чувствуете. Вышло так, что никто кроме вас не может это исправить. А я могу только просить о милости: разрешите рядом постоять.

— Рядом? — переспросил я. — Когда я буду открывать дверь?

Мне показалось, это неплохая идея. Если я в последний момент испугаюсь — а я наверняка испугаюсь, и не только в последний момент, мне, чего уж там, *уже* страшно, - так вот, если я испугаюсь, а Лев будет рядом, он не даст мне затормозить. Такой на краю пропасти, пожалуй, любезно подтолкнет, не поинтересовавшись, отросли ли у тебя крылья, — пока будешь лететь, сам разберешься, — и привет. Именно то, что мне сейчас требуется.

— Почему бы и нет, — сказал я. И с удовольствием повторил: — Действительно, почему бы и нет.

Я достал телефон, набрал номер Карла и, дождавшись, когда он возьмет трубку, сказал:

— Я возвращаюсь. С ключом. И с гостем. Видимо, завтра.

Лев отчаянно замотал головой.

— Сегодня есть самолет на Вильнюс, который улетает около полуночи. Мы еще успеваем! — горячо зашептал он.

— Мне тут подсказывают, что даже не завтра, а сегодня ночью, если успеем на самолет.

— Хорошо, что ты предупредил насчет гостя, — невозмутимо сказал Карл. — Попрошу Ренату испечь по такому случаю два яблочных пирога. Потому что одного нам обычно на троих еле хватает.

Лев не стал благодарить меня вслух. Но посмотрел так, что я понял — мое согласие значит для него гораздо больше, чем я способен вообразить.

— Пойду одеваться, — сказал он. — Заодно позвоню насчет билетов. И вызову такси. Если хотите, можете пока забрать свои вещи из гостиницы. За полчаса управитесь?

Я, конечно же, управился. Успел не только собрать рюкзак и расплатиться, но и отправить sms Мите: «Самолет до Вильны, номера рейса не знаю, вылет около полуночи, улица Савицкё, дом с башенкой», а потом, на бегу, еще: «Если нарядишься боливийской крестьянкой, с меня яблочный пирог».

Я, в общем-то, не сомневался, что он следит за домом Льва и в случае чего рванет за нами в аэропорт, и место в самолете, будьте покойны, добудет, но эти записки были своего рода жестом доброй воли, сигналом: «Если хочешь, давай с нами, я не против». Уж такую малость я был просто обязан для него сделать.

Лев уже поджидал меня на пороге в элегантном черном плаще до пят, сразу видно, не хрен с горы, а злой пражский колдун собрался к нам с официальным дружеским визитом.

— Слушайте, а зачем нам самолет? — спросил я, вдохновленный его романтическим обликом. — Если можно просто заснуть в одном месте и проснуться

в другом? Мирра со мной это проделала, видимо, тоже в рамках создания *рабочего настроения*. Не сомневаюсь, что и вы можете.

Он покачал головой.

— Ни в коем случае. Не сейчас. Я не знаю, чего можно ждать от ключа, который у вас в руках. И не хочу рисковать. Давайте спокойно, без фокусов, по-человечески доставим его на место. Тише едешь — дальше будешь. В юности я очень не любил эту поговорку. Но постепенно понял, что в подавляющем большинстве случаев это весьма полезная инструкция.

В такси мы ехали молча. Каждый был занят своим делом: Лев таинственно улыбался каким-то своим масонским мыслям, а я разглядывал ключ и все никак не мог решиться переложить его в карман. Впрочем, мыслительному процессу это, увы, не мешало. Мой деятельный разум оправился от шока и теперь приставай ко мне с вопросами, озвучить которые в присутствии таксиста я бы не решился даже накануне конца света. А вдруг он в школе русский учил? Будет потом в чистилище рассказывать, что вез напоследок двух психов, каких свет не видывал, — нет уж, благодарю покорно.

Но когда мы наконец заняли места в салоне самолета, меня прорвало.

— У меня по-прежнему многое не укладывается в голове. Наверное, все это не очень важно, потому что дело, если верить вам, сделано, и ключ у меня. Но...

— Полностью разделяю вашу позицию, — улыбнулся Лев. — Я и сам дотошный. Очень не люблю чего-то не понимать. Что именно у вас не укладывается?

— Да почти все. Например, откуда вы вообще узнали про дверь в нашем подвале?

— От вашего отца, разумеется. То есть не от него лично, а от старика Шнипса. Они уже давно знакомы и состоят в переписке. И когда вы нашли дверь, Карл Оттович ему, конечно же, подробно об этом написал. И фотографию прислал — похвастаться, ну и как эксперту, чтобы помог в поисках ключа. А через несколько дней у Иржи в руках оказался ключ. И такая непростая пани принесла его на продажу, что сомнений не оставалось: начинается крупная игра.

— Но если так, почему вы ждали целых три года?

— Я уже говорил вам, что с возрастом оценил мудрость поговорки «тише едешь — дальше будешь». Это тот самый случай. Если бы ключ нашелся слишком быстро, это не произвело бы должного впечатления. Люди не ценят то, что легко достается, — даже такие незаурядные люди, как ваш отец. А за три года он успел очень сильно захотеть найти ключ от двери в подвале. Решил, что для него это чрезвычайно важно. И вольно или невольно, но передал эту информацию вам. Разумеется, лично вам ключ и даром не был нужен, но вы знали, как много усилий потратил на его поиски ваш отец, и относились к этому предмету с уважением. К тому же, если бы за ключом приехал сам Карл Оттович или любой другой человек, игра не состоялась бы. Нам нужны были именно вы.

— Потому что я первым увидел эту дверь?

— Совершенно верно. Потому что вы ее нашли, о чем ваш отец, конечно же, рассказал своему приятелю Иржи Шнипсу. Поэтому я сразу попросил моего юного друга Дмитрия навести о вас справки...

Я был так потрясен, что даже не заметил, как мы взлетели. А ведь обычно этот роковой момент вселяет в меня трепет.

— И надо сказать, ему удалось сделать очень немного. — Лев развел руками. — Если бы я не знал его так хорошо, решил бы, что парень халтурит. Однако это не тот случай. Вы словно бы поставили перед собой задачу потихоньку стереть данные о себе из всеобщего информационного поля. А себя, надо думать, с лица земли. И не то чтобы преуспели, но сделали в этом направлении немало. И тогда я понял, что иметь с вами дело будет очень непросто. Но к счастью, все оказалось не так страшно, как я думал.

— Вот как? — холодно переспросил я.

Мне было ужасно стыдно. Это же надо быть таким доверчивым лохом, довольствоваться лапшой, которую чудо-сыщик Dmitry Shuttikhin вешал мне на уши, и даже не заподозрить, что на самом деле он следит не за таинственным пражским колдуном Черногуком, а за мной. Исполняя очередное задание своего постоянного заказчика. И заодно впаривает мне тенденциозную информацию об этом самом заказчике — тщательно отмеренными, заранее согласованными дозами. Хотя, вообще-то, можно было догадаться. Не самая сложная интрига, честно говоря.

— На самом деле Дмитрий следит за нами обоими, — улыбнулся Лев, явно угадавший ход моих мыслей. — С меня он уже много лет глаз не спускает, совершенно бесплатно, очень мило с его стороны. Не удивлюсь, если и сейчас тоже...

Я ничего не сказал, но подумал, что тоже не удивлюсь. Хотя ни одной боливийской крестьянки в салоне самолета не было — вопиющее пренебрежение моими пожеланиями. Ну да чего еще от него ждать.

— Я, разумеется, внимательно следил за расписанием гастролей вашего отца, — как ни в чем не бывало продолжил Лев. — И появился на форуме каго-

филов незадолго до его отъезда в Швейцарию. Когда Карл Оттович возжелал мой ключ, я сказал, что готов совершить сделку в начале следующей недели. А потом скорее всего надолго уеду в Южную Америку, так что лучше не затягивать. И тогда он послал в Прагу вас, а я перевел дух: сдача состоялась, игра пошла. Сейчас, когда дело почти сделано, я поражаюсь своему тогдашнему оптимизму. Мы с вами, Филипп Карлович, совместными усилиями совершили нечто невозможное.

— Вообще-то, мое «невозможное» все еще впереди.

— Нет-нет. Впереди у вас не невозможное, а неизбежное. Этот ключ все сделает сам. Вот увидите. И я увижу. Своими глазами увижу, как открываются Врата Гекаты. Надо же. До сих пор не могу поверить.

— Может быть, вы хоть что-нибудь знаете о том, как это бывает? — Мой голос предательски дрогнул, но я взял себя в руки и продолжил: — Что случается с тем, кто... Ну, у кого ключ.

— Могу сказать вам только одно: это *хорошее событие*. Вас не принесут в жертву злые жрецы, не растерзают черные псы, перед вами не разверзнется ад — хотя бы потому, что его не существует. Но ничего более конкретного я сказать не могу, потому что просто не знаю. Хотя посвятил этому вопросу почти всю свою жизнь. И мои учителя знали не больше. Зато я совершенно точно знаю, почему это так. В смысле, почему никто ничего не знает.

— Потому что дао, выраженное словами, плохо себя ведет? — усмехнулся я.

— Дело не только в словах, Филипп Карлович. Когда отворяются Врата Гекаты, мир меняется. Я отнюдь не восторженный сторонник грубой классификации вещей и событий как «хороших» и «плохих»,

однако в данном случае вполне можно пойти против собственных правил и сказать: мир меняется *к лучшему*. При этом, когда дело сделано, всем кажется, будто так было всегда. Даже тем, чьими совместными усилиями отворились Врата Гекаты. Понимаете?

— Это как во сне, когда, казалось бы, остаешься самим собой, но при этом *знаешь,* что родился в Южной Африке, в семье охотника на бегемотов? А потом просыпаешься — вроде бы все тот же человек, но с другими воспоминаниями, вернее, с другим знанием о себе?

— Да, очень похоже.

Я невольно содрогнулся.

— Боюсь, вы пропустили мимо ушей самое главное, — сочувственно улыбнулся Лев. — Это действительно *очень хорошее* событие. Считайте, что все это время вам снился кошмар, хуже, чем в краковском поезде. До сих пор, собственно, снится. Но скоро вы проснетесь у себя дома.

— «У себя дома», — вслух повторил я, пробуя на вкус это словосочетание.

В тот же миг наши бортовые небеса разверзлись, и с них раздался усиленный динамиками глас, сулящий дамам и господам скорую посадку в городе Вильнюсе и приятную температуру ночного воздуха — целых четырнадцать градусов выше нуля. Судя по всему, нетерпеливый мир *уже* начал меняться к лучшему, не дожидаясь, пока я доберусь до подвала и затею там возню с древним дверным замком.

— Слушайте, а кто был этот Макс? — спросил я, пока самолет неспешно, по мере сил щадя наши уши и головы, шел на снижение. — Небось какой-нибудь ваш великий магистр?

Лев нахмурился.

— Господь с вами, Филипп Карлович, в Братстве Гекаты нет никаких «великих магистров». А о ком вы сейчас говорите?

— Ну как. Человек в жокейской кепке, который сидел в кафе у пани Гражины, а потом вдруг объявился в Карродунуме.

— Где? Что такое Карродунум?

— Ну как же. Древний Краков, вернее, поселение, которое было на том месте задолго до... Погодите. Вы хотите сказать, что это — не часть вашего хитроумного плана? А Макс не ваш... коллега?

Лев помотал головой.

— Мне самому теперь ужасно интересно. Что за Макс? И как вы оказались в этом кара... карро... поселении?

— В Карродунуме? Проще простого. Вышел вечером из гостиницы, собирался погулять по городу, но вместо этого *очутился в сумрачном лесу*. А в сумрачных лесах, как известно, водится хищный зверь Вергилий. И мне был явлен отборный экземпляр, в кепке с таким длинным козырьком, что лица я толком не разглядел, поэтому до сих пор не знаю, были у него окровавленные клыки или обошлось. Вел он себя вполне традиционно: вышел из-за ближайшей елки и любезно вызвался быть мои проводником. Однако в ад мы не пошли, ограничились прогулкой к реке Висле. Там властелин кепки рассказал мне нечто настолько мудрое, что у меня в голове оно не задержалось. А заодно научил одному чрезвычайно полезному фокусу.

— Какому фокусу?

Лев, похоже, растерялся — впервые за все время нашего знакомства. То ли его сбил с толку мой шутов-

ской тон, то ли информация действительно оказалась для него сюрпризом.

— Ну как же. Я захотел курить, а сигарет не было, и тогда он предложил *вспомнить,* что я взял с собой портсигар. Вернее, просто не выложил его из кармана. И я тут же вспомнил. И мы отлично покурили. А потом Макс ушел, Карродунум кончился, и началась настоящая человеческая жизнь. Я вернулся в гостиницу, и все было хорошо. Только с тех пор у меня два одинаковых портсигара. Понимаете?

— Очень хорошо понимаю.

Лев по-прежнему был растерян, но теперь еще и чрезвычайно доволен.

— Я не знаю, кто такой этот ваш Макс, — сказал он. — И название «Карродунум» впервые слышу. Никогда не интересовался польской историей. И как вы туда попали, тоже совершенно не представляю. Со мной никогда ничего подобного не случалось. Однако вы имейте в виду вот что. Все это время, все три года, с тех пор как вы нашли дверь, а в мои руки попал ключ, я и все остальные не уставали молиться о помощи — всяк на свой лад, своим богам, по своей вере. И теперь я вижу, что молитвы наши были услышаны.

— А как это — всяк своим богам? — изумился я. — Если уж у вас Братство Гекаты?

— Но это же не религия, — пожал плечами Лев. — Это... ну, просто работа.

— Общественная нагрузка, — подсказал я.

— Совершенно верно. Вы даже не подозреваете, насколько правы. А вера тут ни при чем. Вот, скажем, Мариночка Жукотовская, единственное известное мне живое существо, чьими устами Геката соглашается говорить с людьми, вообще уверена, что

мы — компания романтических зануд, помешавшихся на античной мифологии. Она — самый яркий пример, но нечто подобное происходит со многими людьми: их дела не только не связаны с их верой, но зачастую ей противоречат. Я сам, пожалуй что, агностик — до сих пор. Соглашаюсь принять тот факт, что мироустройство выше моего скромного разумения, но и только. Ну или на себя посмотрите. Вы вообще ни во что не верите, так уж вы устроены. И это совершенно не мешает вам сидеть с ключом от Врат Гекаты в кулаке и трепетать от близости рокового момента. Кстати, если бы вы поговорили по душам с другими пассажирами, вы бы обнаружили, что добрая половина присутствующих втайне не верит, что самолеты могут летать. Однако все они регулярно пользуются этим транспортом.

— Я и сам не очень-то верю в летающие самолеты, — улыбнулся я. — По крайней мере, не понимаю, как они это делают. У меня три незаконченных образования, и все гуманитарные.

Оскорбленный моим недоверием самолет устроил нам такую жесткую посадку, что я язык прикусил. И поделом.

— Вот здесь, пожалуйста, — попросил я таксиста, и он, исполняя мою просьбу, остановился метров за двести до нашего дома.

Лев, кажется, удивился, но вопросов задавать не стал и вместе со мной вышел из машины.

Только после того, как таксист развернулся и уехал, до меня дошло, что я напрасно выполнил этот маневр. Совершенно ни к чему пытаться скрыть свой адрес от человека, которого сам ведешь в гости.

— Извините, — смущенно сказал я. — Это как-то само собой получилось. Наш дом немного дальше.

— Ну вот и по моим расчетам он дальше, — улыбнулся Лев.

— Просто я уже привык шифроваться.

— Ничего, так даже лучше. Пройдемся немного. У вас тут райский уголок.

— И вишни уже начинают цвести, — гордо, как будто это было мое персональное достижение, добавил я.

— Да. А всего два дня назад были голые деревья. Но какой аромат! Кажется, наши пражские вишни пахнут немного иначе.

— Это не вишни, — улыбнулся я. — Вернее, не только вишни. Это Ренатин яблочный пирог. Когда она его печет, вся окрестная растительность нервно курит в коридоре.

— Подлизываешься, — одобрительно сказала Рената, выглянув из распахнутого настежь кухонного окна.

Несколько секунд спустя она открыла нам дверь и, пока Лев галантно лобызал ее руку, сказала:

— А ваша подружка уже давно тут. Не понимаю, как она вас опередила? Они с Карлом на втором этаже, в гостиной. Поднимайтесь, я тоже скоро приду.

— Подружка? — изумился я.

— Чему вы удивляетесь? — пожал плечами Лев. И, подождав, пока Рената скроется на кухне, добавил: — Просто Мариночке приснилось, что она пришла к вам в гости. Обычное дело.

Словно бы в подтверждение его слов, сверху донесся энергичный речитатив:

— Выходил Амвросий-дядька из тяжелой борозды. На него смотрели тупо лихозадые смерды. Пробегит цыцкастый заяц, мужики возьмут кайла. А на речке дрыщет барин и ствербит на балала!

— Рисует, — одобрительно сказал Лев.

О да. Мирра уже успела расписать причудливыми узорами одну из стен гостиной и теперь вдохновенно трудилась над второй, попутно сообщая миру лихо срифмованные новости о нелегкой судьбе дядьки Амвросия. Карл сидел в кресле и внимал ее речам, десница покоилась на загривке прильнувшего к его ногам черного пса. Судя по блаженному и одновременно заинтересованному выражению лица, Карл был чрезвычайно доволен происходящим, что, безусловно, лишний раз доказывает: мой отец — ангел, сверженный на землю за избыток совершенства, чтобы не служил живым упреком менее продвинутым коллегам.

— То есть в итоге вы подружились, — сказал Карл, обернувшись к нам. — Я почему-то так и думал, что этим кончится. Рад вас видеть, пан Болеслев.

— А меня? — возмутился я.

— Чувства, которые я испытываю при виде тебя, находятся по ту сторону слов. Поэтому даже не знаю, что тут можно сказать.

— Ловко выкрутился, — признал я.

— Я правильно понимаю, что у тебя в кулаке...?

— Ты все правильно понимаешь. Но твой ключ — вот он, — и я достал сверток из кармана куртки.

— Это который семнадцатого века? — спросил Карл, торопливо разворачивая упаковку.

— Это который пятнадцатого. Поздней копии вообще не существует, потому что... В общем, ее нет и никогда не было. Все это время я гулял с оригиналом в кармане. Так получилось.

— Очень хорошо, — невозмутимо кивнул Карл. — Если ты так говоришь, значит... Да, безусловно, это пятнадцатый век. Я уже вижу. Странно, что пан Шнипс...

— Иржи был вынужден дать неверное экспертное заключение. Если хотите, я могу подробно все рассказать, — предложил Лев.

— Ну, если вас это не затруднит, буду очень рад выслушать объяснения. — Карл лучезарно улыбнулся, не отрывая глаз от ключа.

В их обмен любезностями решительно вторглась Мирра:

— Ходит барин с голым задом по некошеным лугам! И грозит чудесной штукой в небеса своим врагам. Там вселенско чудотворство, в нем велико бытие. Токмо вздесь крутом масонство, одолело жидовье!

— На этой оптимистической ноте предлагаю вам перевести дух, — ласково сказал ей Карл. — Тем более Рената уже приближается. Слышите ее тяжелую поступь?

— С каких это пор у меня тяжелая поступь? — возмутилась Рената, водружая на стол блюдо с туманным от ароматного пара пирогом.

— С тех пор как я назначил тебя временно исполняющей обязанности персонификации неотвратимого рока, — торжественно объявил Карл. Он сегодня явно был в ударе.

И тут загремел колокол, исполняющий в нашем доме обязанность дверного звонка.

— Это, подозреваю, еще один гость, — вздохнул я. — И даже догадываюсь, кто именно.

И отправился вниз, чувствуя себя профессором Мориарти, на чьи именины явился Шерлок Холмс. С одной стороны, сам пирогом заманил, а с другой, в пропасть его швырнуть хочется — мочи нет. Я все еще сердился на Митю — очень трудно вот так сразу возлюбить ближнего, который выставил тебя идиотом. Сколько ни тверди себе, что сам свалял дурака,

а объединенный хор внутренних голосов будет гнуть свое: «Вот именно поэтому!» — поди тут возрази.

Я открыл дверь и застыл как вкопанный. На пороге стояла дама, облаченная в цветную многослойную юбку, пышную, как у участницы танцевального ансамбля. Плечи ее были элегантно укутаны в шерстяное одеяло, на голове красовалась шляпа-котелок — самая знаменитая деталь традиционного костюма боливийских крестьянок.

— Я хочу яблочного пирога, — визгливым фальцетом сказала моя прекрасная гостья. И уже нормальным человеческим голосом спросила: — Я помилован? Настоящая чола*, как ты заказывал.

— Что с тобой делать, — вздохнул я. — Заходи. Но в самолете тебя вроде не было.

— Это ее, — Митя выразительно постучал указательным пальцем по котелку, — не было. А я был, сидел как раз впереди вас, заодно, как ты понимаешь, узнал много интересного. Чуть не рехнулся, слушая, что вы несете. Спасался надеждой, что вы меня узнали и теперь нарочно всякой ахинеей изводите. Но потом пришел в себя, переоделся в туалете, пока народ багаж получал, и отправился по указанному тобой адресу, в надежде, что название улицы ты написал правильно, все же такими вещами, как яблочный пирог, не шутят. Таксист, который меня сюда вез, был совершенно счастлив. Хоть и опасался, что я не смогу расплатиться.

— Его легко понять, — согласился я, галантно пропуская боливийскую даму вперед.

Митино появление в гостиной произвело настоящий фурор.

* ***Чола*** **— крестьянка индейского происхождения.**

— Считайте, это что-то вроде Интерпола, — сказал я Карлу и Ренате. — Должен же был кто-то меня преследовать, для остроты сюжета. Ну вот, каков объект, таков и преследователь...

Они были совершенно удовлетворены этим объяснением. Мите выдали тарелку, отрезали кусок пирога, налили чаю.

Я взял свою чашку и присел на подоконник. Поймал себя на том, что оглядываю присутствующих с гордостью, как свои охотничьи трофеи. Пожалуй, еще никогда у нас не собиралась столь прекрасная компания. Митя в одеяле и котелке, безусловно, стал главным украшением вечера, но и бледный, облаченный в черные одежды Лев, и перепачканная краской Мирра с радужными волосами, и белокурая бестия Карл с черным пуделем, умостившим башку и передние лапы на его колени, и Рената с ее цыганскими серьгами и небрежно связанным на затылке узлом седых волос — все были хороши. И им было хорошо вместе за столом, и мне — от их присутствия. И выражение лица у моего отражения в оконном стекле сейчас было в точности как у гитаристки Филомены Моретти, которая, как совсем недавно уверял меня Карл, знает о счастье гораздо больше, чем весь остальной род человеческий, — выходит, и я теперь тоже знаю.

Сейчас, сказал я себе. Вот прямо сейчас, пока тебе кажется, что ты наконец-то *знаешь*... Давай.

Я бесшумно поставил чашку на подоконник и, стараясь не привлекать к себе внимание, вышел из гостиной. На цыпочках спустился по лестнице, зашел в кухню, а оттуда — в подвал. Протянул руку, чтобы повернуть выключатель, но это не понадобилось, в подвале и без того было светло как днем, что; впрочем, не помешало мне тут же наткнуться на велосипед, а потом споткнуться об Ренатин плетеный короб с пустыми банками — мой ключ хотел оказаться в замке, а дверь хотела открыться, и эти двое вынудили меня переть напролом, не глядя под ноги, только вперед. Поразительно, как я мог думать, что в последний момент испугаюсь? Не может быть страшно человеку, который делает то, для чего родился, страх верный спутник неприкаянных; думаю, тому же Карлу вообще никогда в жизни не было по-настоящему страшно, и я теперь понимаю почему.

Я не оборачивался — пожалуй, и не смог бы, даже если бы захотел, — но когда вставлял ключ в замок, совершенно точно знал, что пестрая компания, которую я оставил в гостиной, теперь в полном составе стоит на пороге и, затаив дыхание, глядит на меня. Вот и молодцы, подумал я, хорошо, что пришли, хорошо, что вы рядом, это очень правильно, потому что... Неважно почему. Главное, что всё — так.

Ключ трижды повернулся в замке, и дверь приоткрылась с нетерпеливым скрипом, похожим на лай щенка, которого наконец-то взяли на прогулку. За дверью не было ничего *невозможного, невыносимого, нечеловеческого* — ни адской бездны, населенной прожорливыми демонами с зеркалами вместо лиц, ни ослепительно белого божественного света, обещанного человечеству в конце всякого персонального тоннеля, оттуда просто дул теплый южный ветер, доносился аромат речной воды и дыма, а под ноги мне стелился ласковый, совсем ручной туман. Я распахнул дверь настежь, переступил порог и

* * *

Я бы спал еще и спал, но сквозь щель между занавесками в дом пробрался солнечный зайчик, вернее, целый солнечный заяц, увесистое пятно ярчайшего апрельского утреннего света. Этот злодей тут же принялся отплясывать на моей физиономии свою заячью джигу, так что пришлось просыпаться задолго — за целых десять минут! — до звонка будильника. Однако по наглой морде моего зеркального отражения все равно блуждала блаженная улыбка. И это, конечно, было совершенно возмутительно. Приличные люди в такую рань не улыбаются, разве только во сне.

Впрочем, сегодня я имел полное право улыбаться и наяву, даже в девять утра. Причин тому было великое множество.

Во-первых, вчера я добил книжку, и это само по себе круто. Я их уже шесть штук написал, а все равно каждый раз удивляюсь, что мне удалось закончить работу, свести концы с концами, поставить точку и вынырнуть на поверхность, жизнерадостно озираясь по сторонам: что тут без меня творилось?

Во-вторых, сегодня — вот прямо сейчас! — я выметаюсь с Пашкиной дачи. Я очень люблю этот дом и соседей, и весь дачный поселок, и окружающий нас подмосковный лес, но после того, как безвылазно просидел где-то пять месяцев кряду, увязнув носом в тусклом сиянии монитора, выбраться на волю — великое событие и настоящий праздник.

В-третьих, сегодня же вечером я еду в Вильнюс. И, честно говоря, одного этого события достаточно, чтобы улыбаться не просто до ушей, а гораздо шире, опрокидывая краями улыбки стулья и другие полезные предметы быта. Я люблю Москву, но так заработался, что за всю зиму выбирался туда всего раз пять, и в других обстоятельствах, пожалуй, с удовольствием задержался бы еще на недельку-другую, но я не могу пропустить начало виленского апреля; к тому же там Карл и Рената, которых я не видел почти полгода, моя мансарда на задворках Старого города и победно распахнувший пасть чемодан Хайди в самом центре комнаты, знаю я ее манеру неспешно разбирать вещи, так чтобы завершить процесс ровно за день до отъезда. А еще там телефон с разбухшим от сообщений автоответчиком, изношенные почти до дыр туфли для сна и любимое кафе на берегу, с веранды которого маленькая речка Вильня выглядит как море; строго говоря, *она и есть море* — но только для тех, кто еще не допил свой чай. К тому же завтра последний день лунного месяца, а в новолуние на Вильну всегда спускается туман, плутать в котором я люблю больше всего на свете. А теперь, выходит, я прямо в этот туман приеду и пойду от вокзала к дому через почти невидимый город, практически на ощупь, надо же, и ведь не нарочно подстроил, само так сложилось, а я люблю, когда оно *само*.

А в-четвертых... О-о-о, в-четвертых! От этого «в-четвертых» я сейчас, чего доброго, взорвусь, если не расскажу немедленно будущему подельнику, но сейчас всего девять утра, а в Праге, соответственно, семь, и что, спрашивается, делать в таких обстоятельствах человеку, который никогда никому не звонит раньше полудня?

Правильно, писать sms.

Пока варится кофе, я старательно пишу, то и дело спотыкаясь о мелкие кнопки телефонной клавиатуры: «Когда проснешься, позвони, у меня тут практи-

чески сон Колриджа*, ты упадешь», и нажимаю кнопку «Отправить» в надежде, что мой адресат проснется от любопытства.

Кьялар превзошел мои ожидания, позвонил практически сразу.

— Ты уже не спишь? — изумился я.

— Я *еще* не сплю. Какой, ради всего святого, Колридж? Ты в порядке?

Мой друг и всегда-то говорит по-русски с ужасающим акцентом, а после бессонной ночи его речь становится настолько неразборчивой, что телефонный разговор превращается в телепатический сеанс. Но я обычно справляюсь.

— Колридж — потому что я видел вещий сон. То есть мне приснился гениальный проект. Причем в моем сне это была твоя идея. А наяву, получается, будет моя. Короче. Мы с тобой перепишем «Гамлета». От имени всех действующих лиц, по очереди.

— Может получиться забавно, — согласился он. — А почему мы с тобой? Я не писатель. До сих пор ты вроде один справлялся.

— Зато ты датчанин. Главная фишка, что первое издание должно быть именно в Дании. Желательно в Эльсиноре, но, ладно, можно просто в Дании. На датском языке. Ты переведешь. И пристроишь, у тебя же там вся родня по издательствам.

— Угу, — без особого энтузиазма сказал Кьялар. И поспешно добавил: — По-моему, круто, просто у меня сейчас сил нет радоваться. Но я хочу участвовать.

*** В одноименном эссе Хорхе Луиса Борхеса рассказывается, что английский поэт Сэмюэл Тейлор Колридж увидел во сне фрагмент поэмы «Кубла Хан».**

— Ложись спать, — милосердно сказал я. — Самое главное я уже выболтал. Теперь меня не разорвет.

— Это очень хорошо, что не разорвет, — обрадовался он. И положил трубку.

А я допил кофе, вымыл чашку и пошел грузить в машину вещи - небольшой саквояж с моим барахлом и три огромных тюка с подарками. Одних только сочинений модного беллетриста Цаплина дюжина томов — а что делать, если вероломный Карл на него только что не молится. Впрочем, правильно делает.

— Лабас, Филипп Карлович! — приветствовал меня на выезде из поселка охранник Петр.

— Ола! — откликнулся я, высунувшись из окна чуть ли не по пояс. — Чешьч! Ахой!

И тогда Петр сделал ход конем:

— Бахталэс!

— Ох, Петр Семенович, а это по-каковски?

— По-цыгански, — гордо ответствовал он. — Внучка научила.

Здешний охранник не полиглот — может при случае худо-бедно объясниться по-английски и по-испански, как большинство людей, окончивших среднюю школу много лет назад, — и это все. Но Петра снедает благородная страсть коллекционера. Он собирает, записывает и заучивает наизусть формулы приветствий на разных языках.

Разудалому литовскому «лабасу» я его сам научил, блеснул эрудицией, порадовал старика, а это было непросто, всякие там «бонжур», «хелло», «добар дан» «гутен таг», «гамарджоба», «бон джорно», «шалом», «намаете» и даже китайское «ни хао» Петр

узнал задолго до моего появления. Я оказался очень полезным знакомством: здешних старожилов и их гостей любознательный охранник давным-давно выпотрошил, а в его черном линованном блокноте осталось еще много чистых страниц. Я вошел в положение и взялся с энтузиазмом пополнять коллекцию. Благодаря мне в арсенале Петра появились татарское «исян мэ сез», эстонское «тере», ирландское «дя гуть», бретонское «дэмат» и армянское «барев дзес»; за зиму его коллекция украсилась португальским «боа тбрды», латышским «эиет свэицинааты», турецким «гюнайдын», «нга-ку-менекена нгана» на языке кимбунду, «джамбо» на суахили и одиозным голландским «хуй таг», а я все никак не мог успокоиться, продолжал расспрашивать знакомых и открывать словари в книжных магазинах — в те редкие дни, когда выбирался в Москву.

— О, вспомнил, — сказал я. — На западе Германии часто здороваются: «Мальцайт». Хотя в дословном переводе это означает «время еды».

— Немцы пожрать не дураки, — рассмеялся Петр. — Хорошее словечко, спасибо, Филипп Карлович. Саба эль хер*!

Это традиционное арабское приветствие я самолично вывез несколько лет назад из Египта. И поэтому знаю правильный ответ:

— Саба эль фолль**!

И Петр распахнул передо мной ворота.

*** Дословно — «солнце высоко».**

**** Традиционный ответ на прозвучавшее приветствие, дословно — «солнце как цветок».**